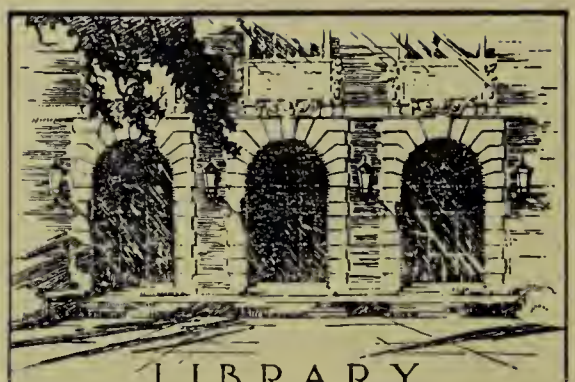


LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS

935
N58d

Н. М. НИКОЛЬСКІЙ.

ДРЕВНІЙ

ВАВИЛОНЪ

ИЗД. Т-ВА „МІРЪ" МОСКВА

Изданія Т-ва „МІРЪ“ въ Москвѣ.

«Исторія русской литературы XIX в.», 5 томовъ, цѣной . . . . . **35** р. — к.
Карусъ Штерне. «Эволюція міра», 3 тома, цѣной . . . . . **18** » — »
«Современная скульптура», 40 гравюръ въ папкѣ . . . . . **18** » — »
«Русская исторія съ древнѣйшихъ временъ», 5 том., цѣной . . . . . **25** » — »
Дж. Боккаччіо. Декамеронъ, 2 тома цѣной . . . . . **11** » — »
Педагогическая библіотека, 11 книгъ въ переплетѣ ц. . . . . **20** » **10** »

Педагогическая библіотека.

Проф. Мейманъ. Лекціи по экспериментальной педагогикѣ:
Ч. I. Умственное и физическое развитіе дѣтей . . . . . 1 » 80 »
Ч. II. Индивидуальныя особенности дѣтей . . . . . 1 » 80 »
Ч. III. Обуч. чтенію, письму, ариѳметикѣ и рисованію . . . . . 1 » 45 »
Проф. Г. Мюнстербергъ. Психологія и учитель . . . . . 1 » 70 »
Проф. Монро. Исторія педагогики:
Ч. I. Древность и эпоха Возрожденія . . . . . 1 » 50
Ч. II. Новое время . . . . . 1 » 70 »
Проф. В. Ерузалемъ. Учебникъ психологіи . . . . . 1 » 40 »
Проф. У. Джемсъ. Бесѣды съ учителемъ о психологіи. . . . . — » 65 »
Проф. Д. Сёлли. Педагогическая психологія. . . . . 3 » 30 »
Дж. Уипплъ. Руководство къ изслѣдованію физ. и псих. особенностей дѣтей . . . . . 3 » 30 »
Васильева и Кащенко. Руководство къ преподаванію начальнаго природовѣдѣнія. . . . . 1 » 50 »

Научно-популярная библіотека, 9 книгъ въ переплетѣ, цѣной . . . . . **5** » **60** »

Научно-попул. библ.

В. Мейеръ. Происхожденіе міра. . . . . — » 60 »
Его-же. Гибель міра . . . . . — » 60 »
В. Бельше. Происхожденіе человѣка . . . . . — » 60 »
Э. Тейхманъ. Наслѣдственность. . . . . — » 65 »
Его-же. Половое и безполое размноженіе . . . . . — » 65 »
Проф. Д. Грегори. Начатки геологіи. . . . . — » 65 »
Проф. В. Тилденъ. Начатки химіи . . . . . — » 50 »
Проф. Гринъ. Начатки ботаники. . . . . — » 75 »
Проф. Р. Гибсонъ. Начатки біологіи . . . . . — » 60 »

Рабесъ и Левенгардтъ. Учебникъ біологіи. . . . . 1 » **70** »
Лансонъ. Методъ въ исторіи литературы . . . . . — » **60** »
Э. Мейеръ. Эконом. развитіе древняго міра . . . . . — » **70** »
Н. М. Никольскій. Древній Израиль . . . . . **1** » **75** »
А. Г. Горнфельдъ. На западѣ. Литературныя бесѣды. . . . . **1** » **50** »
Tales by Ruskin, Wilde a. Kipling (безъ переплета). . . . . **1** » **20** »
The Cricket on the Hearth ly Dickens (безъ переплета) . . . . . — » **70** »
Ю. Айхенвальдъ. Силуэты русскихъ писателей. Вып. II. . . . . **1** » **60** »
Д. Жариновъ и Н. Никольскій. Былое вокругъ насъ. . . . . **1** » **50** »

Разсрочка допускается только на сумму свыше 10 руб. При выпискѣ изданій на сумму до 50 руб. допускается разсрочка не ниже 2 руб. въ мѣсяцъ, на сумму отъ 50 до 100 руб.—3 руб. въ мѣсяцъ, на сумму выше 100 руб.—4 руб. въ мѣсяцъ.

Н. М. НИКОЛЬСКІЙ.

ДРЕВНІЙ

ВАВИЛОНЪ

ИЗД. Т-ВА „МІРЪ" МОСКВА

Н. Никольскій.

ДРЕВНІЙ ВАВИЛОНЪ.

ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЕ ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ КУЛЬТУРЫ СУМЕРА, ВАВИЛОНА И АССУРА.

Съ 93 рисунками, планомъ древняго Вавилона и историческою картою.

Цѣна 2 руб.

Изданіе Т-ва „МІРЪ“.
МОСКВА, Знаменка, 9.
1913.

Поставщикъ Двора Его Величества
Товарищество Скорпегатчик
А. А. Леонсонъ и Москва.

935
N58d

I.

Древній Вавилонъ и современная культура.

Человѣческая жизнь и человѣческая культура на землѣ насчитываютъ не одно тысячелѣтіе своего существованія. Появленіе первыхъ начатковъ культуры отдѣлено отъ нашего времени промежуткомъ не менѣе, чѣмъ въ 7—8 тысячъ лѣтъ, а, можетъ быть, и болѣе, начало же вообще человѣческой жизни на землѣ восходитъ въ такую сѣдую древность, заглянуть въ которую можетъ только поэтъ, не знающій предѣловъ для своей фантазіи. За это время «лицо земли» видѣло множество народовъ, смѣнявшихъ другъ друга; народы создавались, жили, работали надъ завоеваніемъ себѣ существованія, боролись съ природой, боролись съ другими народами, побѣждали и были покоряемы, переселялись, сливались съ сосѣдями, совсѣмъ исчезали съ лица земли, уступая свое мѣсто другимъ, болѣе молодымъ и болѣе свѣжимъ. Какъ смѣняются люди и поколѣнія, такъ смѣнялись и народы; какъ люди растутъ, достигаютъ зрѣлости, затѣмъ ослабѣваютъ и исчезаютъ, такъ являются, крѣпнутъ и распадаются народы. Жизнь всякаго отдѣльнаго народа есть его исторія; исторія каждаго народа интересна для ученаго историка, такъ какъ онъ можетъ найти въ ней полезный для себя матеріалъ, который поможетъ ему разобраться и лучше понять ходъ исторической жизни, уяснить себѣ, какъ и почему

въ жизни народовъ происходятъ измѣненія, какъ и почему создается государство, какъ и почему одни народы выживаютъ, а другіе исчезаютъ подъ напоромъ болѣе сильныхъ собратьевъ. Ученый историкъ съ одинаковымъ интересомъ будетъ изучать исторію всякаго народа; для историка нѣтъ такихъ народовъ, исторія которыхъ для него была бы неинтересна и ненужна; для него всѣ народы, всѣ государства, какія только были когда-либо на землѣ, одинаково дороги, какъ дорого ботанику всякое растеніе, начиная отъ ничтожной былинки и кончая столѣтнимъ дубомъ. Если мы видимъ, что одинъ историкъ изучаетъ больше жизнь древнихъ народовъ, другой—жизнь новыхъ народовъ, то это происходитъ только потому, что нѣтъ возможности одному человѣку изучить подробно всю неизмѣримую область исторической науки. Есть латинская поговорка: ars longa, vita brevis—искусство длинно, жизнь коротка; если бы каждый ученый могъ надѣяться прожить не одну, а нѣсколько человѣческихъ жизней, тогда, вѣроятно, не было бы раздѣленія ученыхъ по спеціальностямъ, и наука шла бы впередъ гораздо быстрѣе, чѣмъ она двигается теперь.

Но для людей, не занимающихся спеціально наукой, а лишь желающихъ быть вообще образованными людьми, исторія всѣхъ народовъ не можетъ быть одинаково интересна. Имъ нѣтъ никакой нужды идти вслѣдъ за ученымъ историкомъ, такъ сказать, по всѣмъ уголкамъ его науки и самолично убѣждаться, что̀ именно онъ тамъ нашелъ. Для нихъ достаточно, если ученый историкъ прямо скажетъ имъ, что̀ удалось ему узнать послѣ изслѣдованія даже самыхъ темныхъ, самыхъ заброшенныхъ уголковъ его науки, если историкъ опредѣленно от-

зѣтитъ имъ, какъ и почему историческая жизнь идетъ из-
вѣстнымъ порядкомъ, и приведетъ достаточно убѣди-
тельные примѣры. Люди, которые просто хотятъ быть
образованными, не нуждаются въ изученіи жизни вся-
каго народа; однако, были такіе народы, исторію кото-
рыхъ надо знать всякому образованному человѣку. Бы-
вають люди, оставляющіе послѣ себя глубокій слѣдъ;
ихъ память долго не исчезаетъ, сохраняется вѣками и
благоговѣйно почитается. Таковы великіе художники,
поэты и ученые; они оставляютъ послѣ себя наслѣдіе,
которое хранится и изучается послѣдующими поко-
леніями. Были и такіе народы, которые не просто яви-
лись, жили и исчезли, но оставили послѣ себя наслѣ-
діе. Наслѣдіе было воспринято смѣнившими ихъ пле-
менами, хранилось, развивалось, вошло въ плоть и
кровь послѣдующихъ поколѣній. Или, какъ говорятъ
историки, были такіе народы, которые создали высокую
культуру, пережившую своихъ создателей; народъ,
создавшій культуру, исчезъ, а культура осталась, была
передана либо сосѣдямъ, либо завоевателямъ,
истребившимъ съ лица земли создателей культуры. Та-
кая передача культуры не разъ происходила
въ теченіе исторической жизни; наша современная
культура также вовсе не создана цѣликомъ современ-
ными европейскими народами, но содержитъ въ себѣ
множество элементовъ, переданныхъ предкамъ
современныхъ европейцевъ исчезнувшими теперь на-
родами. Понятно, что образованный человѣкъ не можетъ
не интересоваться исторіей тѣхъ народовъ, которые
передали его предкамъ свое наслѣдіе; понятно, что
для насъ мало знать, какое именно и отъ кого именно
получено нами наслѣдіе, но также необходимо знать,

какъ создавалось полученное нами наслѣдіе. А для этого у насъ только одинъ путь: изучить исторію того народа, отъ котораго мы то или иное получили. Ибо нельзя понять культуры народа, не зная его исторіи.

Передача культуры происходитъ иногда мирнымъ путемъ, когда менѣе культурные сосѣди учатся, заимствуютъ культуру у болѣе культурнаго народа, вступая съ нимъ въ торговыя сношенія или признавая надъ собою его власть; иногда же передача культуры происходитъ при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, послѣ гибельной катастрофы, которая постигаетъ какое-либо культурное государство. Современные европейскіе народы— не первые жители Европы; они—потомки славянскихъ и германскихъ племенъ, которые тысячи двѣ лѣтъ тому назадъ явились въ Европу искать себѣ новыхъ мѣстъ для поселенія и залили своимъ потокомъ, какъ бурными волнами моря, культурное государство, Римскую имперію, занимавшую весь югъ и западъ Европы, Переднюю Азію и сѣверный берегъ Африки. Германцы и славяне были дикарями въ сравненіи съ жителями Римской имперіи, образованными греками и римлянами; у нихъ не было ни осѣдлой жизни, ни правильнаго государства, ни письменности; это были грубые кочевники, жившіе родовымъ бытомъ и занимавшіеся охотой и скотоводствомъ. Когда ихъ лавина затопила Римскую имперію, казалось, что вся культура погибла: города выжигались и разрушались, населеніе мѣстами истреблялось поголовно, все рушилось, и суевѣрные люди въ трепетѣ считали всѣ эти бѣдствія началомъ конца міра, ждали съ часу на часъ второго пришествія. Но несмотря на полное по внѣшности разрушеніе, греко-римская куль-

тура не погибла. Сначала дикіе завоеватели переняли у побѣжденныхъ письменность: всѣ народы западной Европы пишутъ латинской, т.-е. римской азбукой, а наша русская азбука есть видоизмѣненіе церковно-славянской азбуки, которую балканскіе славяне переняли у грековъ; затѣмъ, переняли христіанскую религію и календарь. Далѣе, культурныя пріобрѣтенія, созданныя греками и римлянами въ видѣ литературныхъ и художественныхъ произведеній, сборниковъ законовъ, научныхъ сочиненій, не погибли цѣликомъ. Часть ихъ уцѣлѣла, лежала, заброшенная и забытая, въ кладовыхъ, въ грудахъ мусора, на чердакахъ, даже въ землѣ, куда во время переселенія народовъ богатые люди закапывали свои драгоцѣнности. Пришло время, когда дикіе завоеватели окончательно осѣлись, когда у нихъ появились города и торговля; тогда имъ понадобилось заводить строгій порядокъ въ управленіи, установить правила для торговли, для ремесла, стали нужны для всего этого грамотные и образованные люди. Тогда пригодились остатки греко-римской культуры; о нихъ вспомнили, вспомнили что всѣ затрудненія и вопросы, какіе стоятъ теперь передъ потомками завоевателей, были прекрасно разрѣшены завоеванными. Стали искать и нашли, и сокровища греко-римской культуры снова увидѣли свѣтъ божій. Прежде всего воспользовались римскими законами для организаціи правильнаго суда и управленія; потомъ пригодились и произведенія греческихъ и римскихъ поэтовъ и ученыхъ: у нихъ учились краснорѣчію и умѣнію складно и убѣдительно излагать дѣла и мысли; у нихъ старались узнать, каковы предѣлы и форма земли, и куда можно направить европейцамъ излишки своихъ силъ и населенія. Такъ произошло

усвоеніе греко-римской культуры; усвоена была, конечно, не вся культура въ цѣломъ, она не возродилась цѣликомъ, но были восприняты всѣ тѣ ея элементы, которые подходили къ практическимъ нуждамъ того времени; они смѣшались съ культурой завоевателей, приспособились къ ней и продолжали развиваться вмѣстѣ вплоть до нашего времени. Такимъ образомъ, наша современная культура содержитъ въ себѣ немало элементовъ культуры греко-римской.

Въ свою очередь, греко-римская культура также не была созданіемъ только однихъ грековъ и римлянъ. Римская имперія создавалась вѣками; ея зародышемъ было маленькое латинское поселеніе Римъ, разросшійся постепенно въ міровой городъ и подчинившій себѣ, силою своего меча, всѣ тогдашніе культурные народы по берегамъ Средиземнаго моря. Среди этихъ народовъ было нѣсколько такихъ народовъ, которые были много старше и много культурнѣе своихъ завоевателей. Самыми старыми изъ культурныхъ народовъ средиземноморской области были такъ называемые народы древняго Востока, жившіе въ Передней Азіи и въ Нильской долинѣ Африки. У этихъ народовъ существовала осѣдлая жизнь, было государство, была письменность за нѣсколько тысячъ лѣтъ до основанія города Рима. Самые старые и самые могучіе изъ этихъ народовъ—древніе египтяне, жившіе въ Нильской долинѣ, и древніе вавилоняне. Ихъ культура распространилась по всей Передней Азіи: въ Сиріи, въ Палестинѣ, въ Финикіи, въ Малой Азіи, на островахъ Эгейскаго моря; а вслѣдъ за азіатами ихъ культуру стали перенимать предки позднѣйшихъ грековъ и римлянъ и другіе народы, жившіе на югѣ Европы. Передача культуры тутъ происходила другимъ

способомъ, не такъ какъ отъ римлянъ къ потомкамъ германцевъ и славянъ. Жители южной Европы тогда были дикарями сравнительно съ восточными народами; въ страны южной Европы ѣздили восточные купцы для мѣновой торговли, устраивали свои конторы и распространяли среди южноевропейскихъ дикарей начатки египетской и вавилонской культуры. Съ востока перешли къ народамъ южной Европы письменность, мѣры и вѣсъ, счетъ времени, перешли многія преданія и культы; въ изобразительномъ искусствѣ южные европейцы долгое время также подражали восточнымъ образцамъ, въ особенности египетскимъ, прежде чѣмъ выработали свой собственный стиль. Но передача культуры съ востока на западъ не ограничилась только этою эпохою незапамятной старины. Когда греческій міръ окрѣпъ и создалъ свою самостоятельную культуру, когда римскій орелъ распростеръ свои крылья надъ всѣмъ Средиземьемъ, тогда произошла вторая встрѣча, второе взаимодѣйствіе южноевропейской и восточной культуръ. Европейцы во многихъ отношеніяхъ перегнали своихъ прежнихъ восточныхъ учителей, и востокъ заимствовалъ на этотъ разъ немало элементовъ европейской культуры: распространялся греческій языкъ, греческій стиль въ искусствѣ, римская техника, римское право. Но обаяніе старой восточной культуры продолжало дѣйствовать на европейцевъ. Греческіе ученые не только учили восточныхъ людей, но нашли сами, чему научиться у Востока. Они нашли въ Вавилонѣ астрономическую науку и астрологическое искусство, искусство гадать по звѣздамъ; у египтянъ они нашли немало полезныхъ свѣдѣній по анатоміи и физіологіи человѣческаго организма. Больше же всего тянуло къ востоку религіоз-

ныхъ людей тогдашней Европы. Римская имперія переживала тогда глубокій религіозный кризисъ. Люди разочаровались въ старыхъ вѣрованіяхъ, извѣрились въ старыхъ богахъ; а тяжкая жизнь заставляла искать религіознаго утѣшенія. Зло, казалось, воцарилось тогда на землѣ; старые боги оказывались безсильными помочь людямъ, угнетеннымъ злой судьбой; напрасны были всѣ жертвы, безплодны были всѣ старые способы угожденія божеству. Знакомство съ востокомъ открывало для вѣрующихъ людей новые пути для религіозныхъ исканій. Казалось, что въ восточныхъ религіяхъ, среди ихъ своеобразныхъ, странныхъ боговъ въ получеловѣческомъ-полузвѣриномъ образѣ, можно найти истину и утѣшеніе, можно найти новое откровеніе, которое разъяснитъ загадку торжества зла въ мірѣ и дастъ исходъ томленію трудящихся и обремененныхъ. И среди обездоленной массы населенія Римской имперіи, среди рабовъ, крѣпостныхъ крестьянъ, ремесленниковъ, пролетаріевъ, проповѣдники восточныхъ религій нашли себѣ множество послѣдователей. Культы восточныхъ боговъ распространялись повсюду; нерѣдко отъ своихъ подчиненныхъ новыми религіями заражались и господа, и постепенно въ кругъ религіозныхъ представленій и обычаевъ людей запада проникли и прочно укоренились религіозныя представленія и обычаи востока. Правда, новые культы не всегда оказывались жизненными, иногда также быстро исчезали, какъ и появлялись; но порожденныя ими идеи оставались и давали ростки новыхъ религій. Однако, одна восточная религія прочно удержалась и даже болѣе того, заставила отступить передъ собою всѣ прочія восточныя и западныя религіи. Это было христіанство, ставшее впослѣдствіи міровою религіей. Оно укрѣпилось

именно потому, что среди тогдашняго общества была уже подготовлена для него самая тучная почва, благодаря религіознымъ исканіямъ и заимствованіямъ восточныхъ культовъ. Распространившись въ Римской имперіи, христіанство, правда, подчинилось очень сильному вліянію греко-римской культуры, но все-таки вмѣстѣ съ нимъ въ кругъ понятій и представленій европейскаго общества вошло множество восточныхъ идей, обычаевъ и обрядовъ. И когда произошла передача греко-римской культуры новымъ народамъ, составившимся изъ германцевъ и славянъ, вмѣстѣ съ нею современные европейскіе народы восприняли христіанство и множество восточныхъ элементовъ культуры.

Изъ восточныхъ народовъ наиболѣе высокую культуру выработали такъ называемые вавилоняне; ихъ культура оказала наибольшее вліяніе на ихъ сосѣдей и на греко-римскую культуру; другая культура Востока, египетская, была не менѣе своеобразна, чѣмъ вавилонская, но оказала гораздо меньшее вліяніе на культуру другихъ народовъ. И среди восточныхъ элементовъ современной и восточной культуры преобладаютъ именно вавилонскіе элементы. Мы теперь не замѣчаемъ ихъ, они вошли въ нашу плоть и кровь, измѣнились и переработались иногда до неузнаваемости; долгое время мы даже и не подозрѣвали объ ихъ происхожденіи. Но они весьма многочисленны и напоминаютъ намъ о себѣ, можно сказать, ежедневно. Мы такъ привыкли, напримѣръ, къ семи днямъ недѣли, что намъ и въ голову не приходитъ спросить себя, откуда этотъ счетъ дней недѣли; такъ же мы относимся къ двѣнадцати мѣсяцамъ въ году, или къ 60 минутамъ въ часѣ или 60 секундамъ въ минутѣ. Между тѣмъ, эти неотъемлемыя, вошедшія въ нашу

плоть и кровь подраздѣленія вовсе не составляютъ оригинальнаго достоянія нашей культуры, но ведутъ свое происхожденіе изъ незапамятной старины, изъ древняго Вавилона. Французъ, нѣмецъ, англичанинъ повторяютъ машинально свои названія дней недѣли, нисколько не подозрѣвая о томъ, что эти названія—простой переводъ старинныхъ вавилонскихъ названій. Сотни тысячъ учениковъ и ученицъ въ школѣ учатъ дѣленіе круга на 360 градусовъ, измѣряютъ градусами дуги и углы, и никому изъ нихъ не приходитъ въ голову спросить, отчего вмѣсто такого страннаго дѣленія не раздѣлить окружность круга на 100 или 1000 градусовъ по десятичной системѣ; ни одинъ ученый математикъ не задумывается надъ необходимостью такой реформы, ибо вся геометрія построена на этомъ дѣленіи, оно вошло въ плоть и кровь математиковъ, и отъ него такъ же трудно отказаться, какъ отъ дѣленія сутокъ на 24 часа, и часа на 60 минутъ. Оно имѣетъ за собою такую же почтенную давность и идетъ изъ того же Вавилона. Мы до сихъ поръ говоримъ про счастливаго человѣка, что онъ «родился подъ счастливой звѣздой»; среди насъ есть до сихъ поръ немало людей, которые искренно вѣрятъ, что судьбу человѣка можно опредѣлить заранѣе по звѣздамъ, а какихъ-нибудь 100—200 лѣтъ назадъ даже серьезные ученые считали астрологію точной наукой. Родина астрологіи—тотъ же Вавилонъ, и основныя правила астрологіи были составлены вавилонскими астрологами. Есть слова, употребляемыя нами ежеминутно, и заимствованныя все оттуда же. Таково слово «талантъ»—названіе вавилонской мѣры вѣса и высшей единицы вавилонской денежной системы; оно давно утратило свой прямой первоначальный смыслъ и стало

употребляться для обозначенія извѣстнаго человѣческаго качества, но идетъ все изъ того же Вавилона; слово «херувимъ», столь часто употребляемое въ Библіи и въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ, также вавилонскаго происхожденія. Мы часто говоримъ въ шутку, что семь число священное, совершенно не сознавая, что безсознательно повторяемъ то вѣрованіе, которое твердо хранилось у вавилонянъ. Множество слѣдовъ вавилонскаго вліянія можно найти также въ Библіи и въ нѣкоторыхъ религіозныхъ обрядахъ. Извѣстныя всѣмъ намъ съ дѣтства сказанія о сотвореніи міра, о древѣ жизни, о потопѣ, о вавилонскомъ столпотвореніи впервые появились въ Вавилонѣ, и авторъ библейскихъ книгъ ихъ только передѣлалъ по-своему и приспособилъ къ вѣрѣ въ единаго Бога. Во многихъ другихъ мѣстахъ Библіи, даже въ Новомъ Завѣтѣ, мы можемъ найти множество мелкихъ и крупныхъ слѣдовъ вавилонскаго вліянія. И когда мы учимъ въ школѣ священную исторію, мы невольно запоминаемъ имена Вавилона, его царей, его боговъ, запоминаемъ вавилонскія священныя числа, и потомъ всю жизнь хранимъ все это въ памяти, часто не отдавая себѣ яснаго отчета, для чего это нужно. Таково до сихъ поръ вліяніе стариннаго города, «чуда свѣта». Очевидно, стóитъ потратить время и трудъ, чтобы познакомиться съ его исторіей и узнать, какъ были положены основанія тѣмъ элементамъ нашей культуры, которые, именно вслѣдствіе своей древности и обычности, кажутся намъ теперь самыми привычными явленіями. Мы узнáемъ, что ихъ создателямъ пришлось потратить на созданіе ихъ немало труда и времени, и то, что кажется намъ совершенно простымъ, потребовало огромныхъ усилій и измѣненій.

Итакъ, древній Вавилонъ заслуживаетъ съ нашей стороны всяческаго вниманія, какъ участникъ въ созданіи нашей культуры. Ни одинъ образованный человѣкъ не можетъ пройти мимо него равнодушно, ибо онъ многимъ обязанъ великому древнему царству. Однако, даже если бы Вавилонъ имѣлъ меньше значенія для нашей современной культуры, если бы половина того, чѣмъ мы ему обязаны, была нами добыта самостоятельно, все-таки мы не могли бы пренебрегать знакомствомъ съ нимъ. Слишкомъ много нитей связываютъ Вавилонъ съ его сосѣдями, восточными народами, и съ греко-римскимъ міромъ. Вавилонъ занималъ въ средѣ своихъ сосѣдей такое же мѣсто, какое впослѣдствіи занималъ на Средиземномъ морѣ Римъ, или теперь Парижъ. Вавилонъ былъ міровымъ городомъ, даже тогда, когда его цари занимали второстепенное положеніе и принуждены были подчиняться сосѣднимъ ассирійскимъ или персидскимъ царямъ. Какъ Москва, переставъ быть политической столицей, осталась сердцемъ Россіи, безъ котораго не можетъ существовать худосочный, хотя и огромный, Петербургъ, такъ и Вавилонъ, подчиняясь ассирійцамъ или персамъ, не только не терялъ своего значенія, но даже еще больше возвышался надъ своими коронованными собратьями. Вавилонъ— одинъ изъ младшихъ городовъ въ своей странѣ—затмилъ болѣе древніе центры, и по его имени, какъ впослѣдствіи по имени древняго Рима, стали называться и народъ, и страна, и языкъ, и культура. Знакомясь съ исторіей Вавилона и вавилонскаго народа, мы знакомимся съ сердцемъ древняго востока, мы лучше поймемъ и оцѣнимъ исторію и культуру и другихъ восточныхъ народовъ.

Наконецъ, исторія всякаго народа интересна болѣе или менѣе сама по себѣ. Исторія вавилонскаго народа особенно интересна и сама по себѣ и по своимъ судьбамъ. Мы увидимъ, что въ исторіи вавилонянъ имѣли мѣсто чрезвычайно интересныя явленія, происходили событія, не разъ измѣнявшія въ корень всю судьбу страны, приводившія къ страннымъ и неожиданнымъ послѣдствіямъ. Не менѣе интересно и то обстоятельство, что память о великомъ городѣ какъ будто совершенно было исчезла съ лица земли, вмѣстѣ съ самимъ городомъ, похороненнымъ подъ грудами мусора послѣ его разрушенія, и остались только отрывочныя полубаснословныя преданія. Великій городъ и не менѣе великій народъ исчезли, казалось, безслѣдно, какъ вдругъ вновь отыскались, воскресли къ новой жизни изъ своихъ могильныхъ кургановъ. Прежде всего мы и обратимся къ разсказу о неожиданномъ открытіи сокровищъ вавилонской культуры.

II.

Курганы Месопотаміи.

Лѣтъ пятьдесятъ-шестьдесятъ тому назадъ объ исторіи древняго Вавилона было очень мало свѣдѣній. Библія упоминала этотъ великій городъ, упоминала Ассирію, разсказывая о гибели израильскаго и іудейскаго царствъ и о пребываніи сыновъ Іуды въ плѣну вавилонскомъ. Для составлявшихъ библейскія книги благочестивыхъ іудеевъ Вавилонъ и Ассирія казались чудовищными царствами. Національное самолюбіе авторовъ

библейскихъ книгъ не позволяло имъ отнестись къ своимъ побѣдителямъ спокойно и безпристрастно. Напротивъ, они ненавидѣли поработителей самымъ пламеннымъ образомъ и не находили достаточно сильныхъ выраженій для изображенія жестокости и кровожадности побѣдителей. Ассиріяне въ ихъ глазахъ были жестокими грабителями, рыкающими львами, не знающими пощады; Вавилонъ они звали великой блудницей, царя Навуходоносора, разорившаго Іерусалимъ и плѣнившаго іудеевъ, авторъ книги Даніила изобразилъ потерявшимъ разсудокъ; когда царь персидскій, Киръ, завоевалъ Вавилонію, іудеи злорадно привѣтствовали персидскаго царя, надѣясь на возвращеніе имъ свободы. Отрывочныя и пристрастныя свѣдѣнія о Вавилонѣ, какія можно было заимствовать изъ Библіи, были почти единственными. Греческіе историки сообщали о Вавилонѣ очень немного. Лѣтъ за 500 до Р. Х. въ Вавилоніи, принадлежавшей тогда персамъ, побывалъ греческій ученый Геродотъ; во время своего путешествія онъ вступалъ въ бесѣды съ мѣстными жителями и записалъ всѣ обычаи, преданія и легенды, которыя ему были разсказаны. Но записи были очень немногочисленны и касались не столько вавилонской исторіи, сколько того, что видѣлъ и слышалъ Геродотъ во время своей поѣздки. Онъ подробно описалъ, каковъ былъ городъ Вавилонъ въ его время, какіе въ немъ были храмы, дворцы и каналы, и кстати разсказывалъ легенды, которыя слышалъ отъ жрецовъ о зданіяхъ Вавилона, и описалъ нѣкоторые религіозные обычаи. Вообще, Вавилонъ заинтересовалъ Геродота гораздо меньше, чѣмъ Египетъ, которому онъ посвятилъ цѣлую книгу своего сочиненія. Лѣтъ 100—150 спустя послѣ Геродота жилъ одинъ вавилонскій

жрецъ, Берозъ. Онъ написалъ по-гречески большое сочиненіе о Вавилонѣ. Въ своей книгѣ онъ разсказалъ исторію Вавилона и Ассиріи и изложилъ много легендъ о царяхъ и главные миѳы о богахъ; пользовался онъ для составленія своего сочиненія подлинными записями вавилонскихъ ученыхъ и жрецовъ, сдѣланными клинообразными письменами на глиняныхъ дощечкахъ и на стѣнахъ дворцовъ и храмовъ. Геродотъ также видѣлъ эти клинообразныя записи, но не могъ ими воспользоваться, такъ какъ не зналъ ни вавилонскаго языка, ни клинообразныхъ знаковъ. Поэтому, сочиненіе Бероза было несравненно болѣе содержательно и важно, чѣмъ краткія замѣтки Геродота; но, къ сожалѣнію, оно почти цѣликомъ погибло, и до насъ дошли только нѣсколько отрывковъ изъ него, которые приводитъ въ своихъ сочиненіяхъ церковный писатель Евсевій Кесарійскій. Такъ печально обстояло дѣло. Казалось, что вмѣстѣ съ Вавилономъ и съ другими городами Вавилоніи, разрушенными во время упадка Римской имперіи, погибли навѣки и всѣ письменные памятники, изъ которыхъ мы могли бы узнать судьбу этого древняго государства. И о Вавилонѣ и о вавилонскихъ царяхъ, объ Ассиріи и ассирійскихъ царяхъ у европейцевъ составилось понятіе почти исключительно на основаніи библейскихъ разсказовъ. Ассиріяне казались жестокими, кровожадными завоевателями, пьющими человѣческую кровь, чуть ли не людоѣдами; вавилонскіе цари и вавилоняне рисовались порочными, изнѣженными людьми, привыкшими къ роскоши и къ чувственнымъ удовольствіямъ. Не было и мысли о томъ, чтобы эти бичи древняго Израиля и Іуды могли быть высококультурными народами и даже учителями грековъ и римлянъ. Египетъ, о которомъ знали го-

раздо больше и изъ разсказовъ Геродота, и изъ египетскихъ надписей, разгаданныхъ въ началѣ XIX вѣка французскимъ ученымъ Шамполіономъ, казался дѣйствительно культурной страной; о культурѣ его свидѣтельствовали и огромныя каменныя сооруженія, пирамиды, сфинксы и гигантскія развалины храмовъ и дворцовъ, между тѣмъ какъ все то величіе Вавилона, о которомъ разсказывалъ Геродотъ, какъ будто совершенно исчезло съ лица земли, и даже не вѣрилось, чтобы когда-либо существовали храмы и дворцы, описанные Геродотомъ. Такъ было вплоть до сороковыхъ годовъ XIX вѣка, когда въ странѣ древняго Вавилона и Ассиріи, въ такъ называемой Месопотаміи, европейскіе ученые начали производить раскопки на мѣстахъ древнихъ вавилонскихъ и ассирійскихъ городовъ, развалины которыхъ были погребены подъ грудами мусора.

Какъ же могла произойти такая разница въ судьбѣ памятниковъ Египта и памятниковъ Вавилона и Ассиріи? Отчего первые уцѣлѣли или подверглись только частичному разрушенію, въ то время какъ послѣдніе превратились прямо въ груды мусора? Дѣло въ томъ, что прочность сооруженія зависитъ прежде всего отъ свойствъ того матеріала, который употребленъ на постройку. Конечно, всякое зданіе, даже построенное изъ самаго крѣпкаго камня, разрушится, если его не поддерживать въ порядкѣ, или если оно будетъ повреждено какой-либо катастрофой. Но если сооруженія, какъ въ Египтѣ, сдѣланы изъ огромныхъ гранитныхъ глыбъ, и притомъ представляютъ изъ себя такія массивныя, плотныя сооруженія, какъ пирамиды, то такимъ сооруженіямъ время наноситъ неизмѣримо меньше вреда, чѣмъ сооруженіямъ изъ другого матеріала. Въ нашемъ При-

балтійскомъ краѣ лѣтъ 700—600 тому назадъ употребляли для построекъ почти исключительно известковый плитнякъ; пласты такого известняка очень часто попадаются въ Прибалтійскомъ краѣ. Сооруженія изъ такого извѣстняка уже далеко не такъ долговѣчны, какъ изъ гранита. Извѣстнякъ легко ломается, отъ дождей быстро крошится и превращается въ мусоръ. И когда-то огромныя каменныя сооруженія изъ такого известняка, старинные замки,

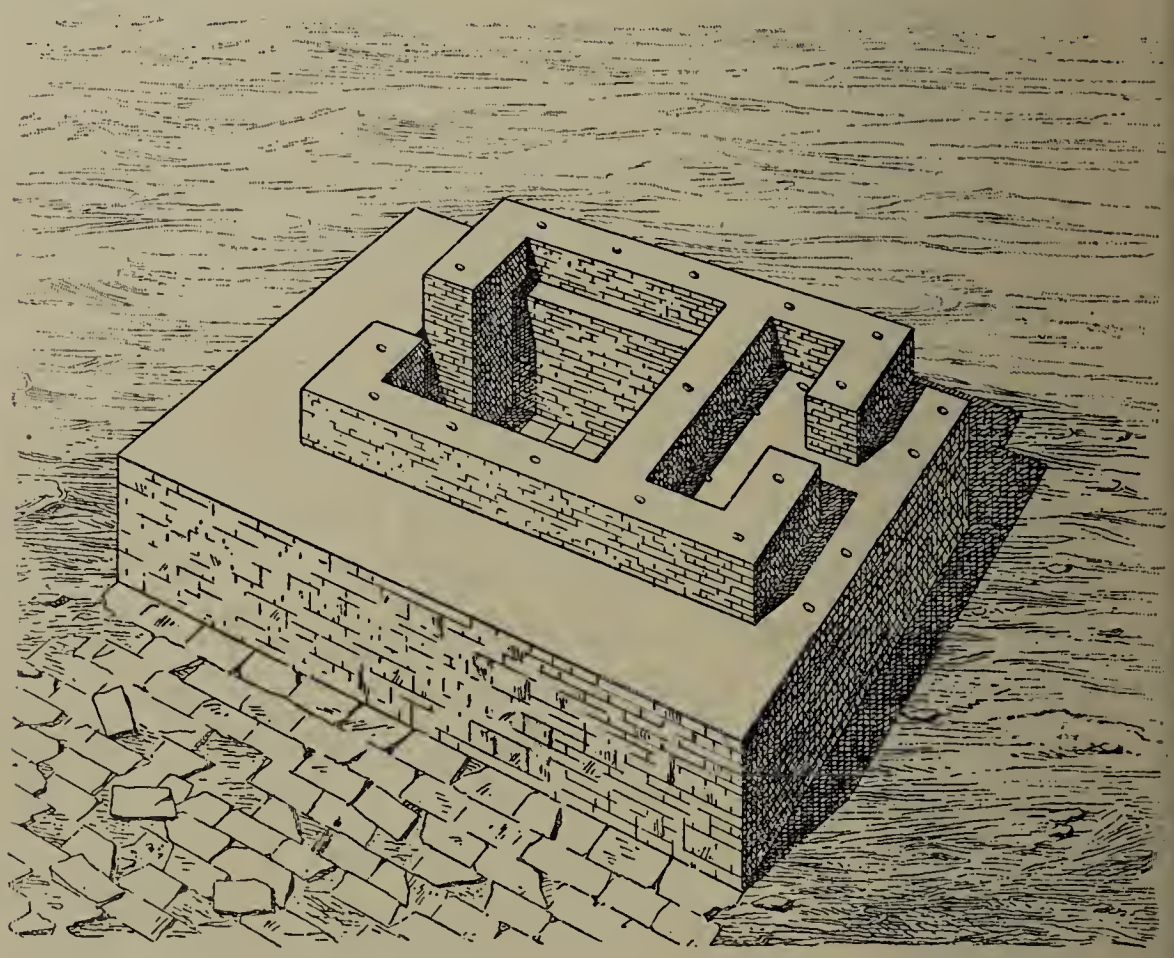
Арабская хижина въ Месопотаміи.

стѣны, башни, превратились теперь или въ развалины, или требуютъ постояннаго ремонта, стоящаго очень дорого. Столь же непрочны постройки изъ кирпича, если ихъ не предохранять отъ сырости и отъ вліянія дождей хорошей крышей. Въ Вавилоніи какъ разъ не было крѣпкаго матеріала для построекъ. Это—низменная глинистая равнина между двумя рѣками, Тигромъ

и Евфратомъ; правда, на сѣверо-востокѣ и на востокѣ къ ней примыкаютъ горы, въ которыхъ сколько угодно камня, но въ горахъ сидѣли дикія и воинственныя племена, которыя подчинить себѣ вавилонянамъ было очень трудно, такъ что камень изъ горъ можно было доставать лишь съ большимъ трудомъ, и онъ обходился очень дорого. Климатъ въ Месопотаміи чрезвычайно теплый, такъ что для спасенія отъ проливного дождя или отъ палящаго солнца и для ночного сна достаточно легкой глинобитной хижины или просто шалаша изъ тростника; большее время дня населеніе Месопотаміи всѣхъ вѣковъ и народовъ проводило всегда подъ открытымъ небомъ. Понятно, что отъ маленькихъ глинобитныхъ хижинъ старинныхъ вавилонянъ не осталось никакого слѣда, никакихъ развалинъ. Но и цари принуждены были строить дворцы и храмы изъ матеріала не особенно прочнаго, такъ какъ не имѣли возможности достать въ нужномъ количествѣ камень для своихъ огромныхъ сооруженій. Глинистая почва Месопотаміи дала имъ строительный матеріалъ, годный для большихъ сооруженій, но далеко не такой прочный, какъ камень. Нѣкоторыя свойства глины, напримѣръ, способность ея твердѣть, подобно камню, въ жаркую и сухую погоду, подсказали жителямъ Месопотаміи мысль, нельзя ли дѣлать изъ нея искусственные камни. Первые опыты въ этомъ направленіи дали не вполнѣ удачные результаты. Первоначально кирпичъ лѣпили руками и просто сушили на солнцѣ; но такой кирпичъ очень быстро разрушался отъ сырости и былъ очень ломокъ, легко распадался на части. Тогда стали прибавлять къ глинѣ, изъ которой дѣлали кирпичи, мелко нарѣзанную солому и смѣшивали ее съ глиной въ одну тѣсто-

бразную массу; изъ этой массы лѣпили кирпичи и опять-таки только высушивали ихъ на солнцѣ. Кирпичи новаго сорта оказались, однако, немного прочнѣе прежнихъ, и необходимость заставила искать новаго способа приготовленія кирпичей. Стали обжигать формованные кирпичи въ печи; обожженные кирпичи оказались очень прочными, въ сравненіи съ кирпичами прежнихъ сортовъ. Они, правда, отъ паденія или отъ удара разбивались на куски гораздо легче, чѣмъ простой камень, но сложенные вмѣстѣ и скрѣпленные смолою или известью, они были такъ же крѣпки, какъ камень, и стѣна, сложенная изъ обожженныхъ кирпичей, не уступала въ прочности каменной стѣнѣ; кромѣ того, они почти не поддавались дѣйствію сырости. Однако, изобрѣвъ способъ приготовленія обожженныхъ кирпичей, жители Месопотаміи не бросили прежняго способа приготовленія необожженныхъ кирпичей изъ смѣси глины и соломы, такъ какъ этотъ послѣдній способъ былъ очень быстръ простъ, и дешевъ, а изготовленіе обожженныхъ кирпичей требовало устройства дорого стоящихъ обжигательныхъ печей и затягивалось на болѣе длинный промежутокъ времени. Поэтому, вавилонскіе цари для своихъ построекъ употребляли обожженный кирпичъ въ ограниченномъ количествѣ. Толстыя стѣны огромныхъ дворцовъ и храмовъ обыкновенно выкладывались изъ необожженнаго кирпича, изъ глины пополамъ съ соломой, и только наружныя и внутреннія стороны стѣнъ облицовывались хорошимъ обожженнымъ кирпичомъ. Ясно, что такія постройки не могли быть прочны. Снизу постройку можно еще было предохранить отъ сырости: уже въ незапамятную старину постройки возводили не прямо на

землѣ, а на высокой площадкѣ, сложенной изъ кирпичей. Внутренняя толща стѣны, состоявшая изъ необожженнаго кирпича, быстро разрушалась отъ просачивавшейся внутрь стѣны сырости во время тропическихъ ливней и превращалась въ труху; тонкія стѣнки изъ обожженнаго кирпича не могли послѣ этого выдер-



Остатки древнѣйшей постройки въ Телло (реконструкція).

живать тяжесть потолковъ и крыши, давали трещины, осѣдали и также разрушались. Построенное такимъ способомъ зданіе иногда становилось небезопасно уже для того царя, который его построилъ; тогда его разрушали, и на насыпи, образовавшейся изъ мусора отъ

обсыпавшейся внутренности стѣнъ, строили новое зданіе, при чемъ обожженные кирпичи и каменныя плиты, если такія были въ разрушенномъ зданіи, шли опять въ дѣло. Каждый новый дворецъ или храмъ, построенный на мѣстѣ стараго, возвышался все выше и выше, и когда, вслѣдствіе какой-либо катастрофы, тотъ или иной городъ подвергался окончательному разрушенію, отъ него оставалась только огромная груда мусора; вѣтеръ засыпалъ такую груду пылью и пескомъ, и постепенно образовались тѣ курганы, которые такъ часто попадаются въ современной Месопотаміи. Эти курганы оказались могильными холмами великой вавилонской цивилизаціи.

Месопотамія—плоская низменность, протянувшаяся между двухъ рѣкъ, Тигра и Евфрата; на востокѣ она примыкаетъ къ горнымъ цѣпямъ, отдѣляющимъ ее отъ Иранскаго и Армянскаго плоскогорій, а на западѣ къ ней примыкаетъ огромная Аравійская пустыня. Однообразный видъ ровной поверхности Месопотаміи только и оживляется курганами, подъ которыми погребены остатки старинныхъ вавилонскихъ и ассирійскихъ городовъ. Курганы эти тянутся вдоль обѣихъ рѣкъ и между ними, почти вплоть до того самаго мѣста, гдѣ Тигръ и Евфратъ сливаются теперь въ одну рѣку (ранѣе каждая рѣка имѣла свое особое устье). Европейскіе ученые долгое время не интересовались этими курганами и, быть можетъ, даже мало знали о ихъ существованіи. Въ этомъ не было ничего удивительнаго. Сношенія съ Месопотаміей были самыя незначительныя; европейскія торговыя фирмы мало интересовались этою бѣдною страной, населенною полунищими арабами, такъ какъ изъ запустѣвшей и засохшей Месопотаміи не могло быть никакого вывоза, и нельзя было также разсчитывать,

чтобы европейскія издѣлія нашли себѣ большой сбытъ среди бѣднаго и немногочисленнаго населенія Месопотаміи. Торговля Европы съ Индіей шла морскимъ путемъ; старая сухопутная караванная дорога, проходившая изъ Малой Азіи въ Индію черезъ Месопотамію, когда-то, лѣтъ 500—600 тому назадъ, бойкая и оживленная, въ XIX вѣкѣ была совершенно заброшена. Европейцы очень рѣдко появлялись въ Месопотаміи; ихъ болѣе привлекало сирійское и малоазіатское побережье Средиземнаго моря и Палестины. И къ изслѣдованію кургановъ первыми приступили не ученые путешественники изъ Европы, а лица, находившіяся въ Месопотаміи въ силу своихъ служебныхъ обязанностей. Первые, кто обратилъ вниманіе на курганы, были католическіе монахи. Католическая церковь всегда чрезвычайно энергично старалась и старается распространить свою религію; ея проповѣдники проникаютъ во всѣ страны земного шара и повсюду основываютъ ея учрежденія, церкви и монастыри; католическіе миссіонеры первые начали распространять христіанство и среди месопотамскихъ арабовъ-мусульманъ. Въ 1765 году генеральный викарій вавилонскій (должность въ родѣ нашего епископа), Бошанъ, помѣстилъ въ одномъ парижскомъ ученомъ журналѣ описаніе своей поѣздки по Евфрату отъ Багдада до Бассоры и обращалъ вниманіе ученыхъ на курганы Месопотаміи, а затѣмъ прислалъ въ Парижъ нѣсколько предметовъ (контрактовъ, написанныхъ клинообразными письменами на глиняныхъ дощечкахъ), которые ему удалось достать изъ одного кургана. Вслѣдъ за Бошаномъ о необходимости произвести раскопки кургановъ писали два другихъ католическихъ монаха, Эммануэль де Сентъ-Альберъ изъ Багдада, и д'Анвилль. Статьи католическихъ

монаховъ заинтересовали директоровъ англійской Остъ-Индской Компаніи. Эта старинная торговая компанія, владѣвшая огромными владѣніями въ Индіи, вела торговыя сношенія съ сосѣдней Месопотаміей; все, въ чемъ Месопотамія нуждалась, привозили туда не изъ далекой Европы, а изъ сосѣдней Индіи. Остъ-Индская Компанія имѣла во всѣхъ главныхъ городахъ Месопотаміи своихъ консуловъ, и одному изъ ея консуловъ, жившему въ Бассорѣ, было дано распоряженіе собрать возможно больше глиняныхъ плитокъ съ надписями изъ кургана около дереревни Гилла (на мѣстѣ древняго Вавилона) и прислать въ Лондонъ. Консулъ исполнилъ порученіе, и въ 1801 году въ Лондонъ была прислана первая коллекція клинообразныхъ памятниковъ. Съ содержаніемъ этой коллекціи, однако, не удалось сейчасъ же познакомиться, такъ какъ только еще начинались попытки разгадать клинообразное письмо. Глиняныя таблетки долго лежали непрочитанными, и потому долго еще не возбуждалось вопроса о томъ, не слѣдуетъ ли раскопать курганы, чтобы достать изъ нихъ всѣ памятники, какіе только сохранились. И курганы попрежнему стояли въ своемъ могильномъ безмолвіи. Ихъ тревожили иногда только сосѣдніе арабы, таскавшіе изъ нихъ сохранившіеся получше кирпичи для своихъ строительныхъ надобностей: одинъ выкладывалъ изъ этихъ кирпичей очагъ, другой подпиралъ ими стѣну.

Настоящія раскопки начались только лѣтъ пятнадцать спустя послѣ того, какъ Остъ-Индская Компанія собрала черезъ своего консула первую коллекцію клинообразныхъ памятниковъ. Предпринялъ раскопки англичанинъ Джемсъ Ричъ, который служилъ также консуломъ Остъ-Индской Компаніи въ Багдадѣ. Какъ разъ

къ этому времени европейскимъ ученымъ удалось найти ключъ къ чтенію клинообразныхъ письменъ (объ этомъ мы скажемъ въ гл. III), и находки Рича были вполнѣ ко времени. Ричъ объѣхалъ почти всю Месопотамію, описалъ всѣ курганы, какіе ему пришлось видѣть, а въ 1820 году попробовалъ приняться за раскопки. Онъ нанялъ рабочихъ и сталъ сначала раскапывать тотъ же самый курганъ у Гилла, изъ котораго уже ранѣе доставали вавилонскіе памятники, а потомъ около Мосула. Но онъ скоро бросилъ свое предпріятіе. У него не хватило ни силъ, ни средствъ, ни умѣнья; кромѣ того, мѣстное населеніе смотрѣло на него очень недоброжелательно. Все, что онъ успѣлъ достать, было отправлено имъ въ Лондонъ и помѣщено въ Британскомъ музеѣ. Послѣ Рича вплоть до сороковыхъ годовъ XIX вѣка курганы опять стояли спокойно, подобно недвижнымъ могильнымъ памятникамъ старинной культуры.

Къ сороковымъ годамъ дѣло измѣнилось. Турція, которой принадлежала Месопотамія, втянулась въ оживленныя сношенія съ Англіей и Франціей. Эти двѣ страны были тогда, въ сущности, единственными странами Европы, въ которыхъ развилась крупная фабричная промышленность. Онѣ уже искали себѣ заграничныхъ рынковъ, имъ было уже мало своихъ собственныхъ европейскихъ владѣній и другихъ европейскихъ государствъ для сбыта своихъ товаровъ. Поэтому, Англія и Франція обратили свое вниманіе на Турцію. Отъ слабаго турецкаго правительства имъ нетрудно было добиться торговыхъ льготъ и привилегій. Онѣ обѣщали Турціи поддержку противъ ея исконнаго врага, Россіи, и за это стали пользоваться широкими льготами и привилегіями; ихъ послы и консулы пользовались

величайшимъ почетомъ и огромнымъ вліяніемъ; всѣ мѣстныя власти съ полной готовностью должны были оказывать имъ всяческое содѣйствіе. Эти обстоятельства были очень благопріятны для производства раскопокъ. И вотъ въ теченіе сороковыхъ годовъ передъ изумленными учеными Европы какъ-то сразу приподнялась завѣса надъ невѣдомымъ дотолѣ міромъ. Курганы раскрыли свои тайны, и съ тѣхъ поръ началось усердное ихъ изслѣдованіе, не прекращающееся до нашего времени.

Въ 1842 году въ Мосулъ былъ назначенъ французскимъ консуломъ Ботта. Онъ по своей спеціальности былъ натуралистомъ, но еще до назначенія въ Мосулъ былъ очень заинтересованъ курганами Месопотаміи, о которыхъ онъ слышалъ отъ парижскихъ оріенталистовъ (т. е. ученыхъ, изучающихъ востокъ). Ботта былъ богатый человѣкъ и принялся сейчасъ же по пріѣздѣ въ Мосулъ за раскопки. Около Мосула было два огромныхъ кургана; селеніе около нихъ называлось Куюнджикъ, а въ старину оно звалось Меспилой. Греческій писатель Ксенофонтъ, побывавшій за 300 съ небольшимъ лѣтъ до Р. Х. около Меспилы, разсказываетъ, что онъ видѣлъ здѣсь развалины огромнаго города; развалины остались отъ старинной столицы ассирійскаго царства, Ниневіи. Ботта порѣшилъ начать здѣсь раскопки, надѣясь отрыть знаменитый городъ, извѣстный еще изъ Библіи. Но его раскопки оказались неудачны; какъ потомъ оказалось, Ботта началъ рыть не на надлежащемъ мѣстѣ и слишкомъ неглубоко. Тогда онъ оставилъ Куюнджикъ и перешелъ къ сѣверу, недалеко отъ Куюнджика, въ деревню Хорсабадъ; ему совѣтовали перейти туда мѣстные арабы, которые говорили, что при постройкѣ своихъ домовъ и при приготовленіи

могилъ они постоянно находили тамъ и глиняныя таблички куски камня съ рельефными изображеніями. Ботта поспѣшилъ перенести свои раскопки въ Хорсабадъ

Куюнджикъ.

и былъ вознагражденъ за свои труды необыкновенной удачей. Какъ оказалось впослѣдствіи, онъ отрылъ развалины дворца ассирійскаго царя Саргона. Когда была сдѣлана расчистка мусора, то ясно обнаружились стѣны дворца, уцѣлѣвшія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ очень хорошо; легко можно было установить расположеніе комнатъ дворца, а въ главной залѣ, въ которой царь производилъ свои торжественные пріемы, сохранились всѣ рельефныя украшенія на каменныхъ плитахъ, представлявшія сцены изъ царской охоты и военныя сцены, и всѣ клинообразныя надписи около изображеній.

Ботта не оставилъ Хорсабада, пока не раскопалъ холмы до самаго конца; всѣ ассирійскія древности, найденныя имъ, были отправлены въ Парижъ и помѣщены въ Луврѣ (музей, находящійся въ зданіи прежняго королевскаго дворца). Это открытіе произвело ошеломляющее впечатлѣніе на европейскій ученый міръ. То, о чемъ ранѣе слышали только изъ Библіи, являлось теперь, такъ сказать, живьемъ; ассирійскіе цари, про которыхъ раньше думали, что это были дикіе варвары, пьющіе человѣческую кровь, оказывались людьми, любившими искусство и письменность. Рельефныя украшенія хорсабадскаго дворца были сдѣланы съ большимъ искусствомъ, и приходилось теперь перемѣнить прежнее мнѣніе объ ассирійскихъ завоевателяхъ.

Ботта былъ увѣренъ, что онъ напрасно искалъ Ниневію въ Куюнджикѣ, и думалъ, что дворецъ, откопанный имъ въ Хорсабадѣ, былъ царскимъ дворцомъ въ Ниневіи. Когда надписи, найденныя въ хорсабадскомъ дворцѣ, были прочитаны, ошибка Ботты обнаружилась. Настоящую же Ниневію и другую столицу ассирійскихъ царей, Калахъ, открылъ вскорѣ послѣ Ботты англичанинъ Лейардъ. Лейардъ былъ англійскимъ дипломатическимъ агентомъ въ Турціи. Онъ познакомился съ Боттой и очень заинтересовался его раскопками. Ему страстно хотѣлось также заняться этимъ дѣломъ, но ему мѣшалъ недостатокъ средствъ. На помощь ему пришелъ англійскій посолъ въ Константинополѣ, сэръ Страффордъ Каннингъ, очень богатый человѣкъ. Онъ далъ Лейарду средства, и Лейардъ въ 1845 году могъ приняться за раскопки въ Куюнджикѣ, гдѣ онъ откопалъ, наконецъ, развалины Ниневіи, а потомъ въ Нимрудѣ, гдѣ оказались развалины Калаха. О своихъ ра-

скопкахъ Лейардъ написалъ цѣлую книгу, которая читается, какъ самый интересный романъ: до того любопытны были всѣ приключенія Лейарда и его находки.*) Лейардъ былъ прекрасно образованнымъ человѣкомъ и сумѣлъ доступно для всѣхъ и увлекательно изложить исторію своихъ раскопокъ. Мы узнаемъ изъ его книги, сколько страданій ему пришлось вытерпѣть вслѣдствіе непривычнаго ему климата, всякихъ препятствій со стороны турецкихъ властей и враждебнаго отношенія арабскаго населенія. Въ особенности трудно ему было побороть суевѣрный страхъ мѣстныхъ жителей. Когда во время своихъ раскопокъ въ Нимрудѣ (на мѣстѣ Калаха), Лейардъ откопалъ огромную голову крылатаго быка, вышиною больше человѣческаго роста, его рабочіе въ ужасѣ разбѣжались, а окрестные жители хотѣли уничтожить этого «злого духа», внезапно явившагося изъ-подъ земли. Жилище Лейарда не разъ заносило тучами песку, зимой онъ не зналъ, куда дѣваться отъ проливныхъ дождей, и самъ онъ чуть было не погибъ отъ укусовъ ядовитыхъ скорпіоновъ. Зато его шестилѣтніе труды увѣнчались неслыханнымъ успѣхомъ, затмившимъ успѣхи Ботта; послѣ раскопокъ Лейарда европейскіе ученые имѣли въ своихъ рукахъ уже почти все то, что осталось отъ Ассиріи.

Ботта отрылъ развалины только одного дворца; Лейардъ откопалъ остатки цѣлыхъ городовъ. Какъ мы знаемъ, бо̀льшая часть домовъ въ Месопотаміи была построена изъ тростника, при чемъ тростниковыя стѣны обмазывались глиной. Отъ такихъ домовъ, конечно,

---

*) Обложка этой книжки взята съ виньетки обложки книги Лейарда „Nineveh and its remains“.

ничего не осталось; но отъ дворцовъ, которые строили себѣ цари и вельможи, отъ храмовъ и отъ могильныхъ гробницъ сохранилось много остатковъ. Въ Нимрудѣ Лейардъ откопалъ остатки трехъ дворцовъ, нѣсколькихъ зданій неизвѣстнаго рода и остатки могилъ ассирійскихъ владыкъ. Мѣсто, гдѣ производились раскопки, было покрыто цѣлымъ рядомъ кургановъ; надъ каждымъ изъ большихъ зданій образовался особый курганъ. Такое же огромное пространство было занято холмами въ Куюнджикѣ, на мѣстѣ древней Ниневіи. Лейардъ отрылъ тамъ одинъ огромный дворецъ, а Лофтусъ и Рассамъ, продолжавшіе раскопки въ Куюнджикѣ послѣ Лейарда, нашли тамъ еще дворецъ и остатки огромныхъ обелисковъ (остроконечныхъ шестиугольныхъ каменныхъ столбовъ), поставленныхъ ассирійскими царями въ память своихъ походовъ. Раскопки Лейарда дали возможность судить о величинѣ и расположеніи древнихъ ассирійскихъ городовъ, объ архитектурѣ зданій, объ укрѣпленіяхъ городовъ. Но все это было не такъ важно въ сравненіи съ тѣми предметами, которые были найдены въ развалинахъ дворцовъ Лейардомъ, Боттой и Рассамомъ. Во дворцахъ и въ храмахъ, какъ въ наиболѣе прочныхъ и надежныхъ мѣстахъ, сохранялись всѣ цѣнные предметы и всѣ цѣнные документы. Золото и серебро, хранившееся въ кладовыхъ дворцовъ и храмовъ, конечно, не уцѣлѣло: его захватывали враги передъ тѣмъ, какъ разрушить взятый городъ, или брали съ собой владѣльцы, спасаясь отъ погрома. Но документы бросались на произволъ судьбы, а такъ какъ они были написаны не на бумагѣ и не на пергаментѣ, которые боятся огня, а на таблеткахъ и цилиндрахъ изъ обожженной глины, то они не погибли и пролежали подъ грудами развалинъ

и мусора до нашего времени. Многіе, конечно, оказались разбитыми и попорченными, но многіе сохранились такъ хорошо, какъ будто лишь вчера были сдѣланы. Во дворцахъ Ниневіи Лейардъ и Рассамъ нашли цѣлыя библіотеки изъ такихъ глиняныхъ документовъ. Какъ оказалось, бо̀льшая ихъ часть была собрана царемъ Ассурбанипаломъ для библіотеки своего дворца. Всѣ таблетки библіотеки Ассурбанипала были снабжены надписью: «Серія таблицъ такая-то, такая-то по счету таблица; дворецъ Ассурбанипала, царя вселенной, царя Ассиріи». Когда ученые прочитали эти таблетки, оказалось, что онѣ самаго разнообразнаго содержанія. Тутъ были таблетки, содержавшія въ себѣ гимны богамъ, заклинанія злыхъ духовъ, миѳы о богахъ; были былины и легенды о старинныхъ царяхъ и герояхъ; были лѣтописи ассирійскихъ царей; были таблетки научнаго содержанія: математическія, астрономическія, словари и грамматическіе примѣры и множество дѣловыхъ документовъ: контрактовъ о куплѣ и продажѣ, завѣщаній, печатей и т. д. Оказалось, что царь Ассурбанипалъ постарался собрать все, что только было сдѣлано вавилонянами съ самыхъ давнихъ временъ; такъ какъ многія старинныя произведенія были написаны на другомъ языкѣ, не на томъ, на которомъ говорили ассиріяне и позднѣйшіе вавилоняне, а на языкѣ первоначальныхъ жителей южной Месопотаміи, сумеровъ, то царь велѣлъ сдѣлать съ нѣкоторыхъ таблицъ переводы, а для пользованія другими велѣлъ составить упомянутые словари и грамматическія таблицы. Для науки это былъ цѣлый кладъ. Не только обогатились музеи новыми коллекціями; пользуясь найденными таблетками, ассиріологи могли легче читать

клинообразныя надписи и лучше понимать ихъ. А на исторію Ассиріи и Вавилона открытія Лейарда впервые пролили яркій свѣтъ. Теперь можно было знакомиться съ жизнью и исторіей Вавилона уже по подлиннымъ документамъ, узнавать исторію великаго народа, такъ сказать, изъ его собственныхъ устъ, не полагаясь на разсказы чужеземцевъ. И когда разсказы Геродота и другихъ греческихъ писателей, а также свѣдѣнія Библіи свѣрили съ тѣмъ, что удалось узнать изъ библіотеки Ассурбанипала, то оказалось, что ранѣе о Ассиріи и Вавилонѣ были самыя неправильныя представленія. Но библіотека Ассурбанипала была только началомъ. Раскопки продолжались, и въ цѣломъ рядѣ кургановъ нашли остатки другихъ городовъ, дворцовъ и храмовъ, и въ нихъ новые глиняные архивы, при чемъ нѣкоторые оказались необыкновенно древними, болѣе, чѣмъ за 3000 лѣтъ до Р. Х.

Послѣ раскопокъ Лейарда и Ботты было уже гораздо легче производить новыя раскопки. Лейардъ и Ботта выработали лучшій способъ производить раскопки; слѣдуя ихъ примѣру, изслѣдователь уже не боялся ошибиться и бросить напрасно работу, какъ сдѣлалъ Ботта въ Куюнджикѣ, гдѣ Лейардъ впослѣдствіи нашелъ, дѣйствительно, развалины Ниневіи. Теперь умѣли браться за дѣло, были уже и опытные рабочіе, участвовавшіе въ раскопкахъ Ботты и Лейарда. Населеніе Месопотаміи привыкло къ раскопкамъ и стало даже сочувствовать имъ: на раскопкахъ арабы находили себѣ лишній заработокъ, и даже сами начали копаться въ курганахъ, чтобы потомъ продать найденныя вещи европейцамъ. Наконецъ, европейскія ученыя общества также поняли всю важность раскопокъ и стали снаря-

жать спеціальныя экспедиціи въ Месопотамію. Изслѣдователямъ уже не приходилось самимъ тратиться на производство раскопокъ: средства отпускали европейскія правительства и ученыя общества. Благодаря всему этому, раскопки успѣшно и безпрерывно продолжались, и, кромѣ англичанъ и французовъ, въ нихъ приняли участіе нѣмцы и американцы. Раскопки идутъ до сихъ поръ; еще до сихъ поръ курганы Месопотаміи не отдали всѣхъ сокровищъ, погребенныхъ въ ихъ курганахъ.

Понятно, что послѣ раскопокъ на мѣстѣ старинныхъ ассирійскихъ городовъ, ученыхъ болѣе всего привлекала южная Месопотамія, та страна, гдѣ раньше лежалъ Вавилонъ и вавилонское царство. И прежде всего, конечно, интересовались самимъ городомъ Вавилономъ. Ассиріяне были временными господами Вавилона; вавилоняне разрушили Ниневію, свергли владычество ассиріанъ при помощи своихъ сосѣдей мидянъ и возстановили міровое вавилонское царство послѣ недолгаго господства Ассиріи. Далѣе, ученые видѣли, что у ассиріянъ своей культуры не было, ибо все, что собралъ у себя въ библіотекѣ царь Ассурбанипалъ, было продуктомъ вавилонской культуры: вавилонскіе гимны, преданія, былины, вавилонская наука, вавилонское искусство. Все это возбуждало интересъ къ Вавилону. Мечтали о томъ, что, быть можетъ, найдутся болѣе древніе оригиналы тѣхъ копій, какія оказались во дворцѣ Ассурбанипала; надѣялись, что найдутся многія другія произведенія и документы, которые погибли при разгромѣ Ниневіи или почему-нибудь не попали въ коллекцію Ассурбанипала. Наконецъ, всѣхъ ученыхъ интересовало, что̀ это за народъ сумеры, на языкѣ которыхъ оказались написанными многія

таблетки библіотеки Ассурбанипала, и хотѣлось найти что-нибудь оставшееся отъ этого народа. Загорѣлся даже споръ о томъ, былъ ли такой народъ. Нѣкоторые ученые стали утверждать, что сумерійскія таблетки написаны тѣмъ же языкомъ, что и остальныя, только особымъ шифромъ, тайнописью. Таблетки эти были по большей части религіознаго содержанія, и на этомъ основывались ученые, сомнѣвавшіеся въ существованіи сумеровъ. Они говорили, что жрецы считали свою науку тайной и не хотѣли открывать ее всякому, поэтому и писали не такъ, какъ писали тогда всѣ, а изобрѣли особую тайнопись, нарочно измѣнивъ значеніе знаковъ: при чтеніи получается одно слово, а надо разумѣть совсѣмъ другое. Всѣ эти вопросы могли быть разрѣшены только новыми раскопками въ Вавилоніи.

Естественно, что всего интереснѣе было бы раскопать развалины самого знаменитаго Вавилона. Древняя міровая столица въ концѣ перваго вѣка по Р. Х. уже не существовала; на мѣстѣ ея остались только небольшія бѣдныя деревушки. Но память о Вавилонѣ держалась прочнѣе, чѣмъ о Ниневіи. Одна изъ деревушекъ, образовавшаяся на мѣстѣ древняго Вавилона, долго носила названіе этого великаго города; и за однимъ изъ кургановъ на мѣстѣ древняго Вавилона также вплоть до начала раскопокъ сохранилось названіе Б а б и л ь. Арабы, поселившіеся въ Месопотаміи лѣтъ 700 спустя послѣ Р. Х., по привычкѣ повторяли это названіе, но, конечно, постепенно его смыслъ забылся: назывался курганъ Бабиль, а почему—никто не могъ объяснить. Рѣдкіе европейскіе путешественники, посѣщавшіе Месопотамію до начала XIX вѣка, уже не могли добиться отъ тамошнихъ жителей точныхъ указаній относительно

мѣстонахожденія развалинъ древняго Вавилона. Чаще всего за развалины Вавилона или знаменитой Вавилонской башни, извѣстной изъ библейскаго разсказа о столпотвореніи, принимали огромный узкій и высокій курганъ Акаркуфъ, верстахъ въ 15 отъ города Багдада, между Тигромъ и Евфратомъ. Что Акаркуфъ стоялъ не на рѣкѣ Евфратѣ, какъ долженъ былъ стоять древній Вавилонъ, это мало смущало старинныхъ путешественниковъ. О величинѣ Вавилона тогда были самыя фантастическія представленія: думали, что этотъ городъ тянулся не на одинъ десятокъ верстъ, и считали Акаркуфъ остатками одного изъ окраинныхъ кварталовъ Вавилона. Но благодаря тому, что по счастью за однимъ изъ холмовъ на мѣстѣ дѣйствительнаго Вавилона сохранилось названіе Бабиль, скоро настоящія развалины Вавилона были найдены. Это было въ началѣ XVII вѣка; первый, кто привезъ въ Европу обломки кирпичей изъ развалинъ древняго Вавилона, былъ итальянскій путешественникъ Піетро-делла-Валле. Онъ издалъ описаніе своего путешествія, въ которомъ описалъ внѣшній видъ холма Бабиль; судя по его описанію, тогда этотъ холмъ былъ много выше, чѣмъ теперь, и сохранялъ еще очертанія четырехугольной башни, обращенной четырьмя своими сторонами къ четыремъ странамъ свѣта.

Послѣ Піетро-делла-Валле развалины Вавилона посѣщали изрѣдка другіе европейскіе путешественники; посѣтилъ ихъ и извѣстный уже намъ аббатъ Бошанъ, который въ числѣ другихъ вещей изъ месопотамскихъ кургановъ привезъ въ Европу нѣсколько глиняныхъ и эмалевыхъ пластинокъ изъ вавилонскихъ кургановъ. Но первый ученый, который попробовалъ подробно осмотрѣть и описать развалины древняго Вавилона,

лъ англичанинъ Ричъ. Конечно, размѣры Вавилона азались вовсе не такими огромными, какъ представляли себѣ путешественники XVI и XVII вѣка, все-таки были очень большіе. Пространство, затое курганами Вавилона, въ ширину было около ½ верстъ, а въ длину около 5 верстъ; между курнами расположилось нѣсколько арабскихъ деревуекъ, изъ которыхъ самая большая называется Гилла. урганов здѣсь очень много; они образовались надъ звалинами различныхъ зданій Вавилона, преимущественно дворцовъ и храмовъ. Унылый имѣли они видъ, или покрыты осколками кирпичей и черепками разныхъ иняныхъ предметовъ. Одинъ изъ кургановъ, недалеко ъ холма Бабиль, оказался наполовину раскопаннымъ, гда Ричъ посѣтилъ развалины Вавилона. Раскопали о мѣстные арабы, заинтересовавшіеся развалинами слѣ того, какъ ихъ посѣтилъ аббатъ Бошанъ. Въ раскопанномъ курганѣ оказались какъ будто развалины орца; поэтому арабы такъ и прозвали этотъ курганъ ль-Касръ, т.-е. дворецъ. Кромѣ того, Ричъ гъ довольно точно опредѣлить направленіе внуенней городской стѣны, раздѣлявшей городъ на двѣ сти.

Раскопки развалинъ Вавилона европейскими учеными чались въ то время, когда Лейардъ раскапывалъ уюнджикскій холмъ. Но эти раскопки были малоспѣшны. Настоящимъ образомъ развалины великаго рода увидали свѣтъ божій послѣ долгаго могильнаго а нѣсколько позже. Для тщательныхъ раскопокъ на ѣстѣ древняго Вавилона была снаряжена цѣлая французская экспедиція подъ руководствомъ ученыхъ Фреля и Оппера и архитектора Тома. Два года слиш-

комъ работали Френель и Опперъ надъ раскопками (1852—1854). Имъ не удалось довести дѣло до конца, такъ какъ у нихъ не хватило средствъ; они изслѣдовали только выдающіеся холмы и раскопали нѣсколько сосѣднихъ; но все-таки послѣ ихъ трудовъ можно было уже составить приблизительный планъ расположенія древняго Вавилона и найти старое русло рѣки Евфрата (теперь эта рѣка течетъ по новому руслу). Въ 1892—1899 годахъ раскопки Вавилона возобновились; туда пріѣхала экспедиція нѣмецкихъ ученыхъ, снаряженная Обществомъ для изученія Востока. Послѣ раскопокъ этихъ нѣмецкихъ ученыхъ мы знаемъ уже болѣе или менѣе точный планъ древняго Вавилона, съ его каналами, стѣнами, и главными улицами и зданіями. Подъ курганами Бабиль и Касръ оказались развалины двухъ дворцовъ Навуходоносора, лѣтняго загороднаго (Бабиль), и городского (Касръ). Но важнѣе всего, что въ Вавилонѣ впервые

Эль-Касръ (до начала раскопокъ).

ли найдены остатки храмовъ. Лейардъ и Ботта Ассиріи нашли остатки только дворцовъ; вѣроятно, Ниневіи и Калахѣ были также и храмы, но отъ нихъ осталось никакихъ слѣдовъ. Между тѣмъ въ таблетхъ библіотеки Ассурбанипала часто упоминаются амы; храмовъ въ старинной Вавилоніи было много, нѣкоторые пользовались особымъ почетомъ. Среди угихъ храмовъ упоминался также храмъ Мардука Вавилонѣ, Э-сагила, старинный храмъ богу-покротелю этого города. Затѣмъ, Геродотъ упоминалъ о обыкновенномъ храмѣ Семи Свѣтилъ, находившемся кже въ Вавилонѣ. При раскопкахъ нашли развалины ама Э-сагила и остатки другихъ храмовъ, поменьше; ѣ храмы были расположены вокругъ царскаго дворца, ъ котораго, къ сожалѣнію, почти ничего не осталось. зъ храмовъ Вавилона, кромѣ Э-сагила, выдѣлялась еще упенчатая башня-храмъ Этеменанки; впослѣдствіи, и раскопкахъ въ южной Вавилоніи, нашли много кихъ ступенчатыхъ храмовъ (они назывались зиккуратами), преимущественно въ старинныхъ сумейскихъ городахъ. Но ничего подобнаго храму Семи вѣтилъ въ развалинахъ Вавилона не оказалось; нашли лько глиняную таблетку Навуходоносора, въ которой отъ царь разсказываетъ объ основаніи храма Небо Борсиппѣ, рядомъ съ Вавилономъ, на юго-западъ ъ него. Судя по описанію, этотъ храмъ Навохудоноора и былъ тѣмъ храмомъ, про который разсказываетъ еродотъ. На мѣстѣ прежней Борсиппы оказался огромый холмъ, называвшійся мѣстными арабами Бирсъимрудъ; при раскопкахъ тамъ, дѣйствительно, были айдены развалины огромнаго зиккурата, по своимъ змѣрамъ гораздо болѣе величественнаго, чѣмъ Этеме-

нанки въ Вавилонѣ. Такъ были открыты Вавилонъ и его старшая сестра, Борсиппа: этотъ послѣдній городъ оказался много древнѣе Вавилона, существовалъ тогда когда Вавилона еще не было.

Одновременно съ Френелемъ и Опперомъ, другая экспедиція, англійская, подъ руководствомъ Лофтуса и Тэйлора, отправилась раскапывать курганы южной Месопотаміи, туда, гдѣ жили таинственные сумеры. Они раскопали огромныя развалины городовъ Эреха и

Развалины храма въ Урѣ.

Ура (упоминаемыхъ въ библіи; Уръ называется тамъ родиной Авраама), Ларсы и Эриду. Послѣдній городъ, Эриду, оказался очень интереснымъ. Въ ту эпоху, когда онъ былъ основанъ, т.-е. за 3000—4000 лѣтъ до Р.Х., то мѣсто, гдѣ онъ стоялъ, было морскимъ берегомъ—Эриду стоялъ на берегу Персидскаго залива. Тогда, какъ мы уже говорили, Тигръ и Евфратъ впадали въ Персидскій

заливъ отдѣльно другъ отъ друга. Съ теченіемъ вѣковъ море своимъ прибоемъ образовывало постепенно на берегу наносы, вслѣдствіе которыхъ Эриду все дальше и дальше отодвигался отъ берега, а устья Тигра и Евфрата сближались, пока обѣ рѣки не слились вмѣстѣ. Такъ измѣняется «лицо земли» съ теченіемъ вѣковъ. Бываетъ и обратное: море размываетъ берегъ и захватываетъ себѣ больше владѣній, чѣмъ раньше, такъ что прибрежные жители должны сами отступать дальше отъ моря; такое явленіе замѣчается, напримѣръ, въ современной Англіи.

Въ развалинахъ всѣхъ этихъ городовъ было открыто множество глиняныхъ документовъ и разнаго рода предметовъ. Но сумеры остались таинственными и послѣ этихъ открытій. Свѣтскіе документы оказались по большей части написанными не на сумерійскомъ языкѣ, а на другомъ языкѣ, очень близкомъ къ позднѣйшему ассиро-вавилонскому. Было ясно, что языкъ свѣтскихъ документовъ Ура, Эреха и Ларсы представляетъ изъ себя только старинное нарѣчіе позднѣйшаго ассиро-вавилонскаго языка. Религіозные тексты были, однако, написаны на сумерійскомъ языкѣ. Загадка сумерійскаго языка такъ и осталась пока неразрѣшенной. Между тѣмъ въ Европѣ наступили важныя событія, которыя отвлекли вниманіе ученыхъ отъ Месопотаміи. Началась Крымская война, въ которой Франція и Англія вмѣстѣ съ Турціей выступили противъ Россіи; затѣмъ, начались войны за освобожденіе Италіи отъ австрійскаго владычества, образовалась германская имперія, произошла франко-прусская война, закончившаяся революціей въ Парижѣ и провозглашеніемъ французской республики. Всѣ эти событія конца пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ надолго отвлекли вни-

маніе европейцевъ отъ Востока. Раскопки вновь возобновились въ 1873 году. Англичане Смитъ и Рассамъ отправились для завершенія раскопокъ въ прежнихъ мѣстахъ, въ Нимрудъ и на мѣсто древняго Вавилона, гдѣ имъ удалось найти много новыхъ документовъ, между прочимъ, и изъ библіотеки Ассурбанипала. Но самыя важныя раскопки произвелъ французъ де-Сарзекъ, консулъ въ Бассорѣ; онъ сдѣлалъ такое открытіе, которое можно сравнить только съ открытіемъ Лейарда и Ботты. Его вниманіе привлекъ огромный холмъ, называвшійся мѣстными арабами Телло; онъ началъ раскопки этого кургана и сдѣлалъ поразительное открытіе. Подъ курганомъ оказались развалины города Ширпурлы, чисто сумерійскаго города. Это былъ совершенно новый міръ. Статуи владыкъ Ширпурлы, найденныя въ Телло, показывали, что сумеры были, дѣйствительно, особымъ народомъ: лица статуй совершенно иного типа, чѣмъ изображенія вавилонскихъ и ассирійскихъ царей. У этихъ послѣднихъ лица продолговатыя, носъ съ горбинкой, тонкій; у сумерійскихъ владыкъ лица круглыя, съ прямымъ мясистымъ носомъ. Всѣ документы, въ томъ числѣ масса документовъ свѣтскаго содержанія (записи приходовъ и расходовъ, царскія грамоты, печати и т. д.), оказались написанными на сумерійскомъ языкѣ, а когда стали подсчитывать возрастъ этихъ памятниковъ, то нашли, что нѣкоторые восходятъ, можетъ быть, даже за 4500 лѣтъ до Р. Х. (потомъ эта цифра оказалась преувеличенной, и ее пришлось уменьшить почти на тысячу лѣтъ). Значитъ, де-Сарзекъ нашелъ сумеровъ, ихъ самихъ, самолично говорящихъ о себѣ на своемъ языкѣ. Кромѣ документовъ, де-Сарзекъ нашелъ множество произведеній сумерійскаго искусства, столько,

что ими можно было бы наполнить цѣлый музей. Всѣ вещи, найденныя де-Сарзекомъ, были отправлены въ парижскій Лувръ. Когда ученые подробно ознакомились съ надписями государей Ширпурлы, оказалось, что это были сильные владыки, которымъ временами подчинялись другіе сумерійскіе князья. Это обстоятельство еще болѣе увеличило значеніе открытій де-Сарзека. Онъ открылъ не только старинный сумерійскій городъ, но одну изъ столицъ сумерійскаго царства.

Въ таблеткахъ, найденныхъ въ Ширпурлѣ и въ другихъ городахъ южной Вавилоніи, часто упоминается имя города Ниппура. Судя по этимъ упоминаніямъ, Ниппуръ былъ священнымъ городомъ сумеровъ: тамъ стоялъ храмъ главнаго бога сумеровъ, Энлиля (или Бэла), туда со всѣхъ сторонъ Двурѣчья стекались паломники, цари жертвовали большіе дары этому храму, и жрецы его пользовались особымъ почетомъ. Богъ Бэлъ считался настолько великимъ и важнымъ богомъ, что первые вавилонскіе цари не нашли лучшаго способа прославить своего бога Мардука, какъ отождествить его съ Бэломъ и приписать ему всѣ подвиги, совершенные, по преданіямъ, Бэломъ. Храмъ Бэла въ Ниппурѣ, Э-куръ («домъ на горѣ») былъ основанъ въ сѣдую старину, болѣе, чѣмъ за 4000 лѣтъ до Р. Х. Именно черезъ Ниппуръ проведенъ былъ тотъ каналъ Хебаръ (по-вавилонски Кабару), на берегахъ котораго жили іудейскіе изгнанники послѣ разгрома Іерусалима Навуходоносоромъ. Тамъ, на берегахъ Кабару, въ Ниппурѣ писалъ свою книгу и ветхозавѣтный пророкъ Іезекіиль. Въ первой главѣ своей книги онъ описываетъ, какъ на берегахъ этого канала явился ему богъ Ягве, окруженный херубами, т.-е. крылатами существами съ головою человѣка

и тѣломъ быка, подобными тѣмъ, которыя Іезекіиль могъ видѣть въ Э-курѣ—такое впечатлѣніе произвелъ на него этотъ храмъ.

Понятно, что изслѣдованіе развалинъ Ниппура было очень важнымъ дѣломъ. Развалины его оказались около арабской деревни, въ названіи которой до сихъ поръ сохранилось старое имя, хотя и въ искаженномъ видѣ. Деревушка называется Нуффаръ, а ранѣе это названіе выговаривалось еще ближе къ первоначальному,

Курганы въ Нуффарѣ.

Нифферъ. Около Нуффара и раскинулись курганы, подъ которыми должны были находиться развалины знаменитаго святилища. Поле, занятое курганами, имѣетъ площадь около 70 десятинъ; между курганами можно еще и теперь найти русло канала Кабару, который имѣлъ въ старину около 3-хъ саженъ въ глубину и около 30 саженъ въ ширину. Раскопки въ Нуффарѣ пробовалъ производить еще Лейардъ, который рылся въ ниппурскихъ курганахъ двѣ недѣли; ему не

удалось, однако, найти ничего интереснаго, и онъ думалъ, даже, что врядъ ли удастся вообще сдѣлать тамъ какія-либо важныя открытія. Но когда обнаружилось изъ найденныхъ въ разныхъ мѣстахъ таблетокъ, какое огромное значеніе имѣлъ въ старину Ниппуръ, то, пятьдесятъ лѣтъ спустя послѣ Лейарда, въ Нуффаръ были отправлены на средства американцевъ, гражданъ города Филадельфіи, одна за другой три экспедиціи (1889, 1893—1894 и 1900), подъ руководствомъ профессора филадельфійскаго университета, нѣмца Гильпрехта. Результаты раскопокъ Гильпрехта превзошли всѣ ожиданія. Кромѣ развалинъ храмовъ, экспедиція нашла множество произведеній вавилонскаго искусства и огромную библіотеку глиняныхъ таблетокъ, по своимъ размѣрамъ превосходившую библіотеку Ассурбанипала. Библіотека эта собиралась вѣками и занимала 80 большихъ комнатъ; въ ней было найдено болѣе 60.000 таблетокъ. По своему содержанію библіотека раздѣлялась на два отдѣленія: учебное, при жреческой школѣ, которая содержалась въ Ниппурѣ, и ученое, съ таблетками самаго разнообразнаго литературнаго содержанія. Таблетки оказались изъ самыхъ разнообразныхъ эпохъ, начиная съ древнѣйшей сумерійской эпохи, когда писали еще не позднѣйшей клинописью, а гіероглифическимъ письмомъ, въ родѣ египетскаго, и кончая эпохой Навуходоносора и персидскаго владычества. Поэтому, послѣ находки въ Ниппурѣ, ученые могли установить болѣе или менѣе точно всю исторію вавилонской литературы, науки и искусства. Изслѣдованіе развалинъ Э-кура дало возможность составить ясное понятіе объ устройствѣ и назначеніи зиккуратовъ, которые до тѣхъ поръ казались малопонятными и таинственными. Такіе богатые результаты добыты

были съ огромнымъ трудомъ и опасностями. До развалинъ древняго Ниппура оказалось нелегко докопаться, такъ какъ надъ ними образовалось множество наслоеній, оставшихся отъ позднѣйшихъ поселеній на мѣстѣ древняго Ниппура; потому-то и были безуспѣшны кратковременныя раскопки Лейарда. Гильпрехтъ насчиталъ въ нуф-

Развалины храма Бэла въ Ниппурѣ.

фарскихъ курганахъ 21 слой; верхніе слои образовались изъ развалинъ пареянскихъ и арабскихъ крѣпостей и населеній и относятся ко времени отъ 300 г. до Р. Х. вплоть до 1000 послѣ Р. Х.; средніе слои принадлежатъ къ персидскому, вавилонскому и ассирійскому періодамъ, а нижніе—къ древнѣйшему сумерійскому, и лежатъ

на глубинѣ 10—15 саженъ. Работа была долгая и трудная, а условія, въ которыхъ приходилось работать Гильпрехту и его товарищамъ, были самыя неблагопріятныя. Нуффаръ со всѣхъ сторонъ окруженъ болотами, изъ которыхъ поднимаются ядовитыя испаренія; вслѣдствіе вліянія этихъ испареній изслѣдователи на первыхъ порахъ, пока не привыкли къ климату, жестоко страдали отъ лихорадки. Съ тѣхъ же болотъ поднимались тучи насѣкомыхъ—москитовъ, песьихъ мухъ и другихъ; начиная съ апрѣля, отъ нихъ не было житья, и ничѣмъ отъ нихъ нельзя было защититься. Наконецъ, по сосѣдству съ Нуффаромъ засѣли разбойники курды, нападавшіе не только на купцовъ и путешественниковъ, но и на арабскихъ рабочихъ, раскапывавшихъ курганы. Не разъ Гильпрехтъ и его товарищи думали, что не удастся имъ вернуться назадъ, придется погибнуть въ этой негостепріимной пустынѣ.

Раскопки въ Месопотаміи продолжаются до сихъ поръ; ихъ производятъ теперь уже не только европейскіе ученые, но также и мѣстные жители, понявшіе, какія огромныя выгоды они могутъ извлекать изъ продажи найденныхъ древностей. Необыкновенныхъ открытій теперь уже не случается, но музеи и коллекціи частныхъ лицъ постоянно обогащаются все новыми и новыми документами изъ могильныхъ кургановъ Месопотаміи. Европейскіе ученые усердно изучаютъ ихъ и, благодаря ихъ трудамъ, передъ нами открылся теперь какъ бы совершенно новый міръ, совсѣмъ непохожій на прежнее представленіе о Вавилонѣ. Но прежде чѣмъ перейти къ описанію вавилонской исторіи, намъ надо познакомиться еще съ однимъ великимъ дѣломъ науки. Мало было найти документы, написанные сумерами и вавилонянами:

нужно было ихъ прочитать и перевести. Это дѣло было очень нелегкое, и не сразу оно увѣнчалось успѣхомъ. Но когда клинообразное письмо было разгадано, была разрѣшена одна изъ самыхъ трудныхъ задачъ, какія когда-либо приходилось рѣшать ученымъ.

III.

Клинообразныя надписи и ихъ прочтеніе.

Огромное количество письменныхъ документовъ, открытыхъ въ развалинахъ сумерійскихъ, вавилонскихъ и ассирійскихъ дворцовъ и городовъ, является въ настоящее время самымъ вѣрнымъ и богатымъ источникомъ, изъ котораго мы почерпаемъ наши свѣдѣнія о исторіи и бытѣ древнихъ обитателей долины Тигра и Евфрата. Они говорятъ намъ отъ имени самихъ вавилонянъ, являются, такъ сказать, ихъ голосомъ съ того свѣта. Когда ученые ихъ прочитали, то оказалось, что всѣ тѣ представленія о древнемъ Вавилонѣ и Ассиріи, которыя образовались ранѣе на основаніи свѣдѣній Библіи и греческихъ писателей, неправильны и недостаточны. Теперь всякій ученый, желающій изучить исторію Сумера, Вавилона и Ассиріи, уже почти совсѣмъ не обращается ни къ Библіи, ни къ Геродоту; прежде всего и больше всего онъ изучаетъ письменные документы, оставшіеся отъ самихъ вавилонянъ.

Но если мы посмотримъ на вавилонскій или ассирійскій письменный документъ, то намъ покажется, что прочитать его и понять, что въ немъ написано, прямо невозможно. Вотъ, напримѣръ, передъ нами документъ

изъ Ширпурлы. Небольшая глиняная таблетка, неправильной кругловатой формы, коричневатаго цвѣта, раздѣлена на два столбца, каждый столбецъ разлиневанъ на строчки, и каждая строчка написана значками, напоминающими по своей формѣ клинья; вслѣдствіе такой формы знаковъ вавилонское и ассирійское письмо и называютъ клинообразнымъ. Клинья различной величины и расположены въ различномъ порядкѣ по отношенію другъ къ другу: то стоятъ особнякомъ, то пересѣкаются по два, по три, по четыре, образуя или звѣздочки, или другія комбинаціи. Очевидно, что каждая комбинація имѣетъ свое собственное произношеніе и значеніе. Теперь есть таблицы всѣхъ клинообразныхъ знаковъ; тамъ мы можемъ найти любой клинообразный знакъ и узнать, какъ надо его произносить, и что онъ значитъ. Такимъ образомъ, въ настоящее время можно научиться читать клинообразные знаки. Это будетъ, конечно, не такъ легко, какъ научиться читать на какомъ-нибудь современномъ европейскомъ языкѣ, но все-таки вполнѣ доступно; нужны только терпѣніе и трудъ. Научившись читать, мы можемъ изучить и языкъ; теперь есть грамматики и словари вавилонско-ассирійскаго и сумерійскаго языковъ, и пользуясь ими, мы можемъ, въ концѣ концовъ, такъ же хорошо овладѣть клинообразною литературой, какъ нѣмецкою или французскою.

Таблетка изъ Ширпурлы.

Не въ такомъ положеніи, однако, были европейскіе

ученые, когда они впервые увидали клинообразные документы. Знаки казались чрезвычайно похожими одинъ на другой, разсыпанными какъ будто въ безпорядкѣ; какъ будто нельзя было подобрать къ нимъ никакого ключа. Въ то время, когда были привезены въ Европу первые клинообразные документы, европейскіе ученые занимались разгадкой египетскихъ гіероглифовъ; ихъ удалось разгадать, благодаря тому, что была найдена египетская надпись съ греческимъ переводомъ. Въ надписи оказались собственныя имена царей; подставляя подъ египетскіе гіероглифы, которыми были написаны царскія имена, звуки изъ греческаго текста, ученые открыли произношеніе первыхъ гіероглифовъ, а потомъ, постепенно, открыли произношеніе и всѣхъ прочихъ египетскихъ гіероглифовъ. Кромѣ греческаго перевода, тутъ чрезвычайно помогло то обстоятельство, что древній египетскій языкъ не исчезъ совершенно. Въ Египтѣ сохранились потомки прежнихъ египтянъ, такъ называемые копты; они, правда, говорятъ теперь на арабскомъ языкѣ, но всѣ ихъ богослужебныя книги написаны на ихъ древнемъ коптскомъ языкѣ. Ученые, занимавшіеся дешифрированіемъ (разгадкой) египетскихъ надписей, предположили, что коптскій языкъ есть значительно измѣнившійся древне-египетскій языкъ, и воспользовались звуками и словами коптскаго языка для прочтенія египетскихъ надписей. Догадка оказалась правильной, и съ помощью коптскаго языка дѣло дешифрированія египетскихъ гіероглифовъ пошло очень быстро. Ученые, занимавшіеся клинообразными надписями, все еще безуспѣшно ломали надъ ними голову, въ то время какъ египетскія надписи уже болѣе или менѣе свободно читались и переводились. Бѣда заключалась въ томъ,

что среди надписей, найденныхъ въ развалинахъ Месопотаміи, не было ни одной такой, которая сопровождалась бы переводомъ на извѣстный уже языкъ; кромѣ того, было неизвѣстно, похожъ ли тотъ языкъ, на которомъ говорили древніе вавилоняне, на какой-нибудь изъ живыхъ языковъ, какъ древне-египетскій на коптскій. Задача была бы совсѣмъ неразрѣшима, если бы на помощь ученымъ не пришли, такъ сказать, сами вавилоняне или, вѣрнѣе сказать, остатки ихъ великой культуры.

Въ настоящее время почти весь культурный міръ пишетъ одною и тою же азбукой, переданной европейцамъ отъ римлянъ. Въ свое время римляне завоевали весь тогдашній культурный міръ, который и перенялъ у нихъ письмо; отъ жителей Римской имперіи ихъ письмо перешло къ современнымъ европейскимъ народамъ, предки которыхъ разрушили Римскую имперію, но переняли многіе элементы ея культуры. Такимъ же огромнымъ вліяніемъ пользовалась въ свое время вавилонская культура. Объ этомъ придется намъ еще много говорить; но сейчасъ для насъ важнѣе всего то, что вавилонскую письменность переняли почти всѣ народы древняго востока. Документы, написанные клинообразными знаками, были найдены при раскопкахъ въ Сиріи, въ Палестинѣ и въ Египтѣ. Клинообразное письмо не погибло и тогда, когда вавилонская держава прекратила свое самостоятельное существованіе. Завоеватели, персы, переняли у вавилонянъ клинообразное письмо; можно думать даже, что до завоеванія персами Вавилоніи у нихъ вообще не было письменности. Персидскіе цари переняли у вавилонскихъ царей и многіе ихъ обычаи, въ томъ числѣ обычай оставлять о своихъ побѣдахъ

длинныя надписи, высѣченныя на скалахъ клинообразными знаками. Клинообразныхъ надписей персидскихъ царей больше всего сохранилось въ Персеполѣ, въ древней столицѣ персидскаго царства; развалины Персеполя еще въ 1765 году посѣтилъ одинъ нѣмецъ, Нибуръ, который скопировалъ тамъ нѣсколько клинообразныхъ надписей. Дешифрированіе клинообразнаго письма и началось съ надписей персидскихъ царей. Потомки древнихъ персовъ существуютъ до сихъ поръ, существуетъ и персидскій языкъ, на которомъ написана богатая персидская литература. Нынѣшніе персы—малокультурный народъ; но въ средніе вѣка персы были культурнѣе тогдашнихъ европейцевъ, и персидскіе ученые собрали тогда всю старинную персидскую литературу религіознаго и политическаго содержанія. Она была записана письменами, заимствованными у арабовъ; европейскіе ученые, занимавшіеся арабскимъ языкомъ, безъ особеннаго труда могли познакомиться съ персидскимъ языкомъ и литературой.

Но знаніе персидскаго языка само по себѣ не могло очень помочь первымъ ученымъ, принявшимся за разгадку персидскихъ клинообразныхъ надписей. Если бы эти надписи были снабжены переводомъ на греческій языкъ, конечно, можно было бы легко прочитать клинообразные знаки. Но такой надписи ни одной не было. Было много надписей съ переводами, но переводы были написаны тѣми же клинообразными знаками; какъ потомъ удалось узнать, надписи были обыкновенно написаны на ново-персидскомъ, древне-персидскомъ и на вавилонскомъ языкѣ. Сравнивая между собою надписи, составленныя на трехъ языкахъ, ученые замѣтили только, что число знаковъ въ нихъ разное: въ ново-пер-

сидской части знаковъ было значительно меньше, чѣмъ въ древне-персидской, а въ древне-персидской меньше, чѣмъ въ вавилонской. Проще всего, значитъ, было приняться за разгадку ново-персидской части надписей. Послѣ безуспѣшныхъ попытокъ нѣсколькихъ ученыхъ, одному молодому учителю гимназіи въ Геттингенѣ (въ Германіи), Георгу Гротефенду, удалось положить начало дешифрированію ново-персидскаго клинообразнаго письма. Это было въ сентябрѣ 1802 года.

Георгъ Гротефендъ.

Гротефендъ взялъ для сравненія ново-персидскія части двухъ надписей. Когда онъ приступилъ къ своей работѣ, ему въ сущности было извѣстно значеніе только одного клинообразнаго значка, повторявшагося черезъ нѣкоторые промежутки во всѣхъ надписяхъ; предполагали, что этотъ значокъ отдѣляетъ слова одно отъ другого. Считая знаки между двумя такими раздѣлительными клинами, Гротефендъ иногда насчитывалъ до десяти знаковъ; поэтому онъ рѣшилъ, что въ избранныхъ имъ надписяхъ знаки означаютъ буквы, а не слоги, такъ какъ трудно предположить, чтобы были въ какомъ-нибудь языкѣ слова, состоящія изъ 10 слоговъ.

Сравнивая начала обѣихъ избранныхъ надписей, онъ увидалъ, что въ нихъ очень часто повторяется одна и та же группа знаковъ, означающая, слѣдовательно, одно и то же слово. Если бы угадать, что это за слово, и подставить подъ клинообразные знаки звуки, изъ которыхъ это слово состоитъ, начало разгадкѣ было бы положено. И Гротефендъ сдѣлалъ геніальную догадку, оказавшуюся совершенно правильной. Надписи были сдѣланы царями; значить, вѣроятнѣе всего, онѣ начинались царскимъ титуломъ. Титулъ позднѣйшихъ персидскихъ царей, правившихъ Персіей въ эпоху Римской имперіи, былъ хорошо извѣстенъ изъ греческихъ и римскихъ писателей: персидскій царь тогда именовался «царь царей», «великій царь». Гротефендъ сдѣлалъ предположеніе, что позднѣйшій титулъ персидскихъ царей сходенъ съ болѣе древнимъ и долженъ читаться такъ: «N., царь великій, царь царей, N. N. царя сынъ». Если эта догадка правильна, то часто встрѣчавшаяся группа знаковъ должна была, по мнѣнію Гротефенда, означать слово «царь», а группы знаковъ, стоящихъ между группой, означающей царь, должны обозначать имена царей; нѣкоторыя изъ этихъ группъ тоже оказались сходными, значитъ, должны были обозначать одно и то же имя. Сообразивъ все это, Гротефендъ предположилъ, что начала обѣихъ надписей означаютъ слѣдующее.

1) А, великій царь, царь царей, сынъ В, царя.

2) В, великій царь, царь царей, сынъ С... (въ этой надписи послѣ имени отца (С) отсутствовала группа «царь».)

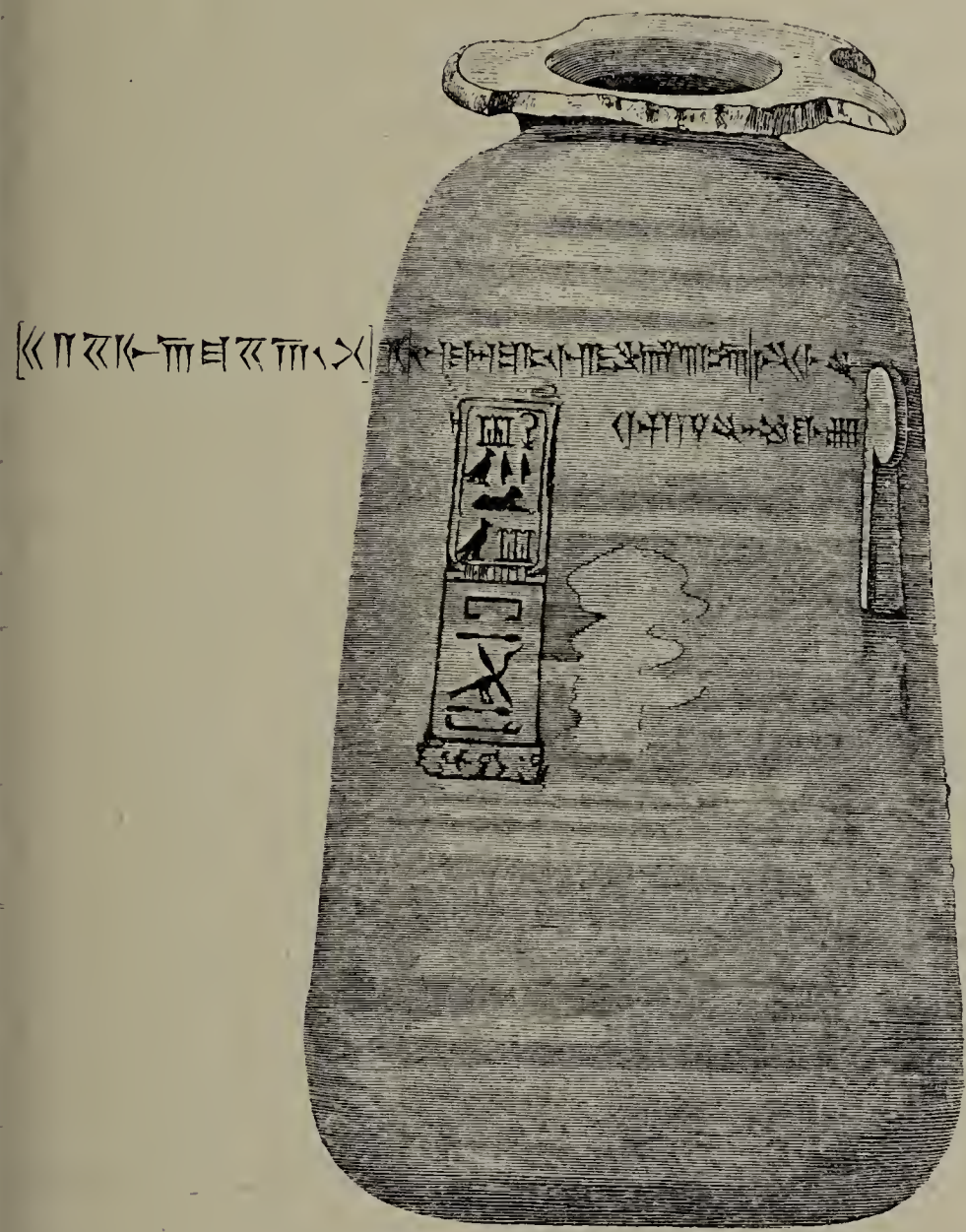
Оставалось подставить буквы подъ знаки, изображающіе слово «царь» и имена царей. Сначала Гротефендъ попробовалъ сдѣлать такую подстановку подъ

имена царей. Это было сдѣлать нетрудно: надо было найти среди первыхъ персидскихъ царей такого, который самъ не былъ бы сыномъ царя, но сынъ котораго тоже былъ царемъ. Изъ первыхъ персидскихъ царей такимъ былъ только царь Дарій, сынъ Гистаспа— Гистаспъ царемъ не былъ, а сынъ его Дарій захватилъ престолъ силой. Сынъ Дарія былъ персидскій царь Ксерксъ. Значитъ, имя, обозначенное посредствомъ А, надо было читать Ксерксъ, имя, обозначенное посредствомъ В,—Дарій, и имя, обозначенное посредствомъ С—, Гистаспъ. Но эти имена такъ произносились греческими историками, которые, обыкновенно, немилосердно ихъ переиначивали; чтобы подставить подъ клинообразные звуки этихъ именъ правильные звуки, Гротефендъ взялъ то произношеніе ихъ, которое находится въ Библіи (въ книгѣ Даніила) и въ старинной персидской литературѣ; оно очень разнилось отъ греческаго. Имя Ксеркса онъ прочиталъ Кхшхершe, имя Дарія — Дархеушъ, имя Гистаспа— Гоштаспъ; впослѣдствіи оказалось, что пять буквъ были имъ все-таки отгаданы невѣрно. Но тѣмъ не менѣе начало было положено. Съ помощью найденныхъ знаковъ Гротефендъ прочиталъ слово «царь» и слово Аурамазда (названіе главнаго персидскаго божества); скоро удалось одному изъ ученыхъ прочитать еще слово «великій» при помощи произношенія этого слова въ древнѣйшей персидской литературѣ. Потомъ удалось и провѣрить открытіе Гротефенда. Въ Египтѣ была найдена алебастровая ваза, на которой была небольшая надпись на четырехъ языкахъ, обозначавшая, повидимому, имя владѣльца; три раза эта надпись изображалась клинописью и одинъ разъ

гіероглифами. Одно изъ клинописныхъ изображеній оказалось совершенно сходнымъ съ тою группою знаковъ, которую Гротефендъ истолковалъ въ качествѣ имени Ксеркса. Тогда изображеніе имени царя, написанное гіероглифами, точно скопировали и послали Шамполіону, французскому ученому, незадолго передъ этимъ разгадавшему гіероглифическое письмо, съ просьбой прочитать надпись съ вазы. Шамполіонъ прочиталъ то же самое имя Ксеркса, почти въ той же формѣ, какъ его прочиталъ Гротефендъ.

Какъ будто ключъ былъ найденъ. Но когда попробовали примѣнить открытіе Гротефенда къ чтенію вавилонскихъ и древне-персидскихъ частей надписей, ничего не выходило. На этихъ частяхъ надписей оказалось гораздо больше знаковъ, чѣмъ въ ново-персидскомъ клинообразномъ письмѣ; когда при помощи открытія Гротефенда ученые стали дешифрировать другія ново-персидскія надписи, то, въ концѣ концовъ, всего въ ново-персидскомъ письмѣ насчитали 39 знаковъ, всѣ означавшіе отдѣльные звуки рѣчи. Было очевидно, что въ древне-персидскихъ и вавилонскихъ надписяхъ знаки должны были означать не только звуки, но и слоги, а можетъ быть, и слова: во всякомъ языкѣ слоговъ гораздо больше, чѣмъ звуковъ, и еще больше словъ. Пробовали угадывать отдѣльныя слова въ вавилонскихъ и ассирійскихъ надписяхъ; иногда это выходило удачно. Удалось, напримѣръ, угадать, какіе знаки въ вавилонскихъ частяхъ надписей обозначали слова «царь», «великій», «сынъ». Но такъ какъ совершенно не знали, на какомъ языкѣ говорили древніе вавилоняне и ассиріяне, то произнести эти слова по-вавилонски не могли, а вмѣстѣ съ тѣмъ не могли, конечно, и разгадать

вавилонское письмо. Между тѣмъ, въ Месопотаміи начались неожиданныя и богатыя открытія Лейарда и Ботта. Европейскіе музеи стали наполняться тысячами кли-



Египетская ваза Ксеркса.

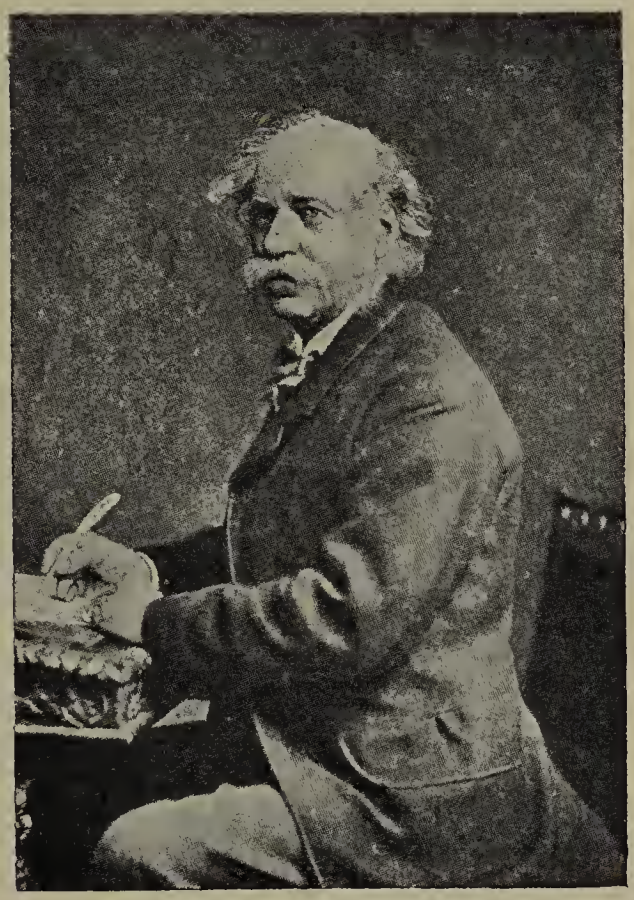
нообразныхъ табличекъ изъ развалинъ Калаха, Ниневіи и Вавилона; желаніе прочитать ихъ было самое страстное, но прочитать было невозможно. Судьба

какъ будто смѣялась надъ учеными: открылся новый міръ, но онъ былъ какъ бы безъ языка, нѣмъ и безмолвенъ.

Приходилось оставить надежду на быстрое разрѣшеніе загадки вавилонскаго клинообразнаго письма и итти далекимъ обходнымъ путемъ. Сначала нужно было разгадать древне-персидскую клинопись, менѣе сложную, чѣмъ вавилонскую: въ древне-персидскихъ частяхъ трехъязычныхъ надписей было насчитано 111 различныхъ знаковъ, въ то время какъ въ вавилонскихъ— болѣе 500. Ключомъ къ разгадкѣ древне-персидской, а потомъ и вавилонской клинописи послужили собственныя имена, а разгадалъ окончательно клинообразное письмо англійскій ученый, Генри Раулинсонъ, пятьдесятъ лѣтъ спустя послѣ первой удачной попытки Гротефенда.

Собственныя имена обыкновенно не переводятся, а изображаются знаками такъ, какъ они произносятся; лишь изрѣдка бываютъ небольшія измѣненія, если, напр., въ чужомъ языкѣ не хватаетъ для изображенія всѣхъ звуковъ иностраннаго собственнаго имени. При помощи собственныхъ именъ Шамполіонъ разгадалъ египетское письмо, а Гротефендъ—ново-персидскую клинопись. Къ тому же способу прибѣгъ и Раулинсонъ. Ко времени начала его работъ было прочитано уже много ново-персидскихъ надписей, давшихъ большой запасъ собственныхъ именъ царей, странъ и народовъ. Чтобы сразу начать дешифрированіе въ широкихъ размѣрахъ, Раулинсонъ взялъ для прочтенія самую большую персидскую надпись, на трехъ языкахъ, какъ и всѣ надписи. Надпись эта находилась на Бегистунской скалѣ, въ горномъ хребтѣ Загросъ, на юго-

востокъ отъ персидской столицы Тегерана, и давно уже обращала на себя вниманіе путешественниковъ своими огромными размѣрами. Бегистунская скала поднимается почти отвѣсно надъ равниной и достигаетъ почти 250 саженъ вышины. На разстояніи около 35 саженъ отъ основанія скала гладко выровнена, и на этомъ полированномъ пространствѣ вырѣзаны надпись и рельефный рисунокъ. Рисунокъ изображаетъ царя Дарія, попирающаго ногами поверженнаго впрахъ врага, а передъ Даріемъ стоятъ девять бунтовщиковъ со связанными назадъ руками. Въ надписи разсказывается о томъ, какъ Дарій справился съ бунтомъ и воцарился надъ царствомъ, при чемъ перечисляются попутно страны, входившія въ составъ его монархіи. Надпись эта давно интересовала ученыхъ, но было почти невозможно къ ней добраться. Раулинсонъ заинтересовался ею, когда служилъ въ качествѣ англійскаго военнаго инструктора въ персидской арміи. Съ опасностью жизни Раулинсонъ все-таки добрался до нея и скопировалъ ее, потративъ на это дѣло нѣсколько лѣтъ и болѣе 10.000 рублей на наши деньги. Съ этой дра-



Генри Раулинсонъ.

гоцѣнной копіей Раулинсонъ пріѣхалъ въ Европу и принялся за дешифрированіе этой огромной надписи.

Ново-персидскую часть надписи Раулинсонъ прочелъ безъ труда, пользуясь всѣми тѣми данными, которыя къ этому времени добыли Гротефендъ и другіе ученые. Въ ней оказалось всего около 200 собственныхъ именъ царей, странъ и народовъ. Съ этимъ запасомъ Раулинсонъ приступилъ къ дешифрированію древне-персидской части надписи, въ которой, какъ уже сказано, было болѣе 100 различныхъ знаковъ. Раулинсонъ предположилъ, что эти знаки должны были обозначать не звуки, а слоги. Задача Раулинсона была, слѣдовательно, такая: отыскать на древне-персидской части надписи собственныя имена, соотвѣтствующія именамъ ново-персидской части надписи, и подставить подъ знаки соотвѣтствующее слоговое значеніе; такъ какъ собственныхъ именъ въ надписи было очень много, то такимъ способомъ Раулинсонъ надѣялся опредѣлить значеніе большей части слоговыхъ знаковъ. Главная трудность заключалась въ томъ, какъ найти на древне-персидской части надписи собственныя имена. Гротефендъ и другіе ученые къ этому времени уже нашли отличительный клинообразный знакъ, детерминативъ, который сразу указывалъ собственное имя; онъ ставился всегда въ вавилонскихъ и древне-персидскихъ надписяхъ передъ собственными именами, подобно тому, какъ въ ново-персидскихъ надписяхъ между словами всегда ставился особый раздѣлительный знакъ. Такіе детерминативы нашлись и на древне-персидской части бегистунской надписи; они помогли Раулинсону найти собственныя имена. Послѣ долгихъ трудовъ Раулинсонъ прочиталъ собственныя имена въ древне-персидской части

Бегистунская скала.

бегистунской надписи, а потомъ и всю надпись. Догадка его оказалась правильной: по бо̀льшей части знаки въ этой части надписи оказались слоговыми, обозначающими части словъ, но употреблялись также и звуковые знаки, тѣ же, что и въ ново-персидской части надписи.

Разгадавъ древне-персидскую часть бегистунской надписи, Раулинсонъ приступилъ къ дешифрированію вавилонской части. Это оказалось самой трудной частью задачи. Какъ уже сказано, здѣсь оказалось болѣе 500 самыхъ разнообразныхъ знаковъ; кромѣ того, эта часть надписи очень сильно пострадала отъ времени, многіе знаки стерлись, такъ что приходилось пропускать цѣлыя строки. Раулинсонъ, приступивъ къ дешифрированію вавилонской части надписи, сдѣлалъ предположеніе, что бо̀льшая часть знаковъ должна здѣсь обозначать цѣлыя слова или понятія, т.-е. бо̀льшая часть знаковъ здѣсь не буквы, а идеограммы (греческое слово, состоящее изъ двухъ словъ: idea — понятіе, и gramma — буква). При помощи такого предположенія легко было найти идеограммы, обозначающія слова: «царь», «народъ», «страна», «богъ» и др.; но было совершенно невозможно ихъ произнести, такъ какъ было еще неизвѣстно въ сущности, къ какому племени принадлежали вавилоняне, и какой изъ существующихъ теперь языковъ близко подошелъ бы къ древне-вавилонскому языку. И Раулинсонъ, вѣроятно, не разгадалъ бы вавилонскаго письма, если бы на помощь къ нему не пришли сами вавилоняне.

Среди глиняныхъ таблетокъ, найденныхъ къ этому времени въ библіотекѣ Ассурбанипала, оказалось много учебныхъ таблетокъ, по которымъ учились вавилон-

скому чтенію и письму ассиріяне. На нѣкоторыхъ изъ такихъ учебныхъ таблетокъ оказались объясненія идеограммъ: въ одномъ ряду, слѣва, какъ у насъ въ словаряхъ, стояли знаки, обозначающіе идеограммы, а въ другомъ ряду, справа—произношеніе идеограммъ, изображенные слоговыми и звуковыми знаками. Этими-то таблетками и воспользовался Раулинсонъ. На нихъ

Таблетка, объясняющая значеніе сумерійскихъ идеограммъ.

нашлись далеко не всѣ идеограммы, встрѣчавшіяся въ бегистунской надписи; но зато, когда удалось прочитать и произнести первыя вавилонскія слова, сразу опредѣлилось огромное сходство между вавилонскимъ и древне-еврейскимъ языкомъ, который хорошо былъ извѣстенъ ученымъ. И въ 1850 году Раулинсонъ съ торжествомъ могъ выпустить книгу съ чтеніемъ, переводомъ и объясненіемъ вавилонской части бегистунской надписи. Вслѣдъ за Раулинсономъ за дешифрированіе вавилонскихъ надписей принялись и другіе

ученые. Путь былъ теперь открытъ; новыя таблетки, привозившіяся изъ Месопотаміи, давали все новый и новый матеріалъ, и скоро было точно опредѣлено значеніе всѣхъ знаковъ клинообразнаго письма. Письмо оказалось очень сложнымъ и запутаннымъ; помимо множества знаковъ, оно было трудно еще тѣмъ, что многіе знаки имѣли по нѣскольку значеній, употребляемыхъ и въ качествѣ идеограммъ, и въ качествѣ слоговыхъ и звуковыхъ знаковъ. Для облегченія работы постепенно составлялись таблицы знаковъ съ объясненіемъ всѣхъ ихъ значеній.

Таблетки библіотеки Ассурбанипала помогли прочитать сумерійскія надписи, сначала изъ этой библіотеки, а потомъ и тѣ, которыя были найдены въ развалинахъ сумерійскихъ городовъ. Это было уже совсѣмъ легкимъ дѣломъ, въ сравненіи съ тѣми огромными трудами, какіе пришлось затратить на прочтеніе первой вавилонской надписи. Многія произведенія библіотеки Ассурбанипала были и въ сумерійскомъ подлинникѣ и въ вавилонскомъ переводѣ; а для облегченія пользованія таблетками, написанными на сумерійскомъ языкѣ, были составлены таблицы знаковъ, въ которыхъ въ одномъ ряду были сумерійскія идеограммы, а въ другомъ—ихъ произношеніе, изображенное слоговыми и звуковыми знаками. Еще болѣе помогли дѣлу учебныя таблетки, найденныя въ библіотекѣ Ниппура.

Когда были открыты развалины самыхъ древнихъ сумерійскихъ городовъ, то оказалось возможнымъ узнать исторію клинообразнаго письма. На самыхъ старинныхъ таблеткахъ записи были сдѣланы не клинообразными знаками, а штриховыми рисунками, изображавшими тотъ предметъ, названіе котораго хотѣли написать,

или напоминавшими извѣстное понятіе. Эти письмена напоминаютъ собою египетскіе гіероглифы, отличаясь отъ нихъ только грубостью и неправильностью рисунка. Въ самыхъ древнихъ таблеткахъ еще нѣтъ слоговыхъ и звуковыхъ знаковъ, а только однѣ идеограммы. Въ болѣе позднихъ таблеткахъ постепенно появляются сначала слоговые, а потомъ и звуковые знаки, и форма знаковъ также постепенно мѣняется: рисунки теряютъ свою правильность, замѣняются черточками и клиньями, расположенными различнымъ образомъ. Изъ старинныхъ знаковъ дольше всего сохранились въ письмѣ знаки чиселъ, изображавшихся кружками и полукругами, и идеограммы боговъ и царя, изображавшіяся звѣздообразнымъ знакомъ. Но въ позднѣйшихъ вавилонскихъ и ассирійскихъ документахъ и эти знаки замѣняются клинообразными.

Познакомившись съ открытіемъ остатковъ культуры древнихъ сумеровъ и вавилонянъ и съ дешифрированіемъ клинообразныхъ надписей, мы перейдемъ теперь къ исторіи Сумера и Вавилона. Намъ предстоитъ теперь погрузиться въ самую сѣдую историческую старину, въ какую только можетъ заглянуть мысль человѣка.

IV.

Природа и люди Сеннаара.

Въ глубокихъ ущельяхъ Арменіи, немного сѣвернѣе большого озера Вана, начинается Евфратъ, одна изъ тѣхъ двухъ рѣкъ, на которой стоялъ Вавилонъ, и раз-

вивалась вавилонская культура. Быстрой горной рѣчкой течетъ Евфратъ съ востока на западъ, извиваясь между горами; сдѣлавъ около 500 верстъ, онъ вдругъ круто поворачиваетъ сначала на югъ, потомъ на западъ, потомъ опять на востокъ, повинуясь непреодолимой преградѣ горъ. Тутъ вблизи отъ теченія Евфрата начинается другая рѣка Двурѣчья, Тигръ. Какъ будто не желая никогда встрѣчаться съ Евфратомъ, Тигръ сбѣгаетъ съ противоположнаго Евфрату склона горъ и направляется къ озеру Вану, отъ котораго ушелъ Евфратъ. Рѣки, родныя сестры, расходятся въ разныя стороны; но не въ силахъ Тигръ пробить горныя цѣпи, и послѣ цѣлаго ряда безплодныхъ извивовъ, покоряется онъ своей судьбѣ и поворачиваетъ рѣшительно на югъ, къ Персидскому заливу. Далеко отошелъ отъ него въ это время Евфратъ; почти на четыреста верстъ между ними протянулась гористая страна, зеленая степь, покрытая шелковистой травой. Евфрату осталось здѣсь уже недалеко до Средиземнаго моря, и, кажется, туда и несетъ онъ свои чистыя воды; но дорогу загораживаетъ ему Ливанъ, и рѣкѣ приходится повернуть къ югу, а потомъ на юго-востокъ, по направленію къ Тигру. Раздѣлившись въ началѣ, обѣ рѣки скоро опять сближаются и текутъ рядомъ, пока верстахъ въ 150 отъ Персидскаго залива не сливаются вмѣстѣ. Общимъ потокомъ текутъ онѣ къ морю, кончая свой путь вмѣстѣ, какъ его начали.

До того мѣста, гдѣ рѣки сближаются, страна, заключенная между ними, имѣетъ довольно разнообразный характеръ. Евфратъ отдѣляетъ ее отъ пустыни; но ближе къ его теченію страна еще мало отличается отъ своей безплодной сосѣдки. Весною, послѣ разлива Евфрата,

степь на далекое пространство покрывается травой; но къ концу лѣта солнце выжигаетъ уцѣлѣвшую отъ жадныхъ стадъ траву, и если не приходятъ на помощь ранніе осенніе дожди, лѣвый берегъ Евфрата пріобрѣтаетъ такой же унылый видъ, какъ и правый. Но чѣмъ ближе къ Тигру, тѣмъ мѣстность становится выше и красивѣе. Между мелкими цѣпями холмовъ, поднимающимися постепенно по направленію къ Тигру, попадаются ручейки и рѣчки, трава зеленѣе и гуще. А у Тигра начинаются уже настоящія горы, высокій Загросъ, отгораживающій отъ Двурѣчья Иранское плоскогорье. Эта страна—привольное мѣсто для кочевниковъ-скотоводовъ. Сюда приходили одно за другимъ степныя кочевыя племена изъ Аравіи. Ихъ обычная дорога шла по краю пустыни: съ береговъ Чермнаго моря поднимались они до Синая, оттуда поворачивали узкой полосой Палестины и Сиріи и доходили до средняго Евфрата. Кочевники, приходившіе изъ Аравіи, были, по преимуществу, семиты; одно изъ такихъ племенъ прошло черезъ всю степь, раздѣляющую здѣсь Евфратъ и Тигръ, и поселилось на склонахъ Загроса. Впослѣдствіи оно спустилось оттуда и покорило все Двурѣчье, Сирію, Палестину и Египетъ, пройдя обратно ту же дорогу, которую совершило въ незапамятную старину. Это—ассиріяне, бичи Израиля и Іуды.

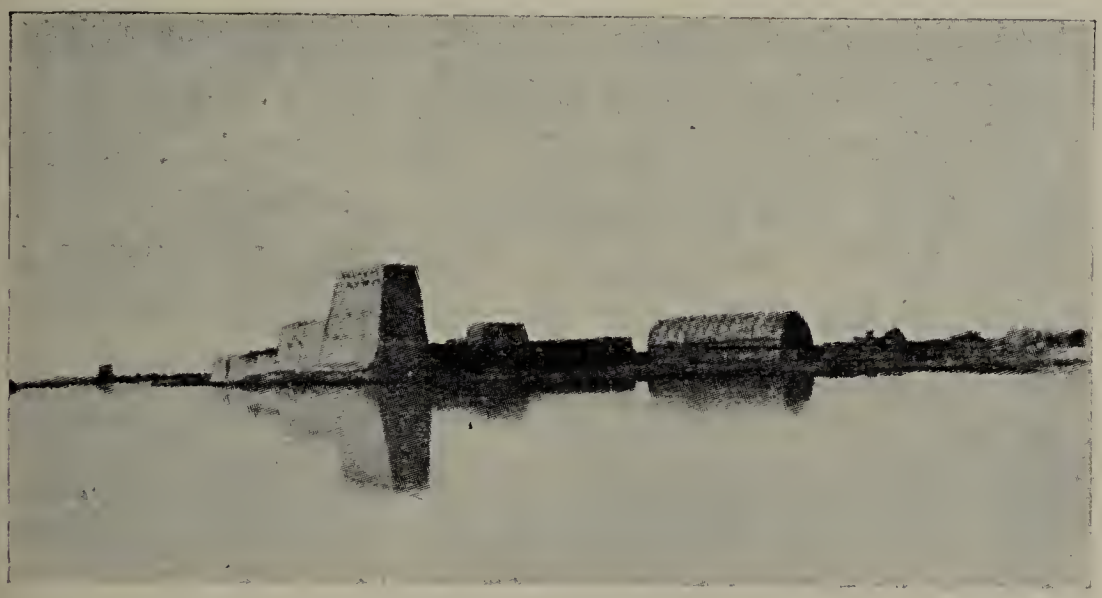
Совсѣмъ иной видъ имѣетъ страна между Евфратомъ и Тигромъ отъ мѣста ихъ сближенія до впаденія ихъ въ Персидскій заливъ, начиная приблизительно отъ теперешняго Багдада. Въ настоящее время упадка и бѣдности ея видъ долженъ напоминать ту картину, какую увидали первые поселенцы, пришедшіе и поселившіеся въ ней. Когда-то въ отдаленныя времена все

междурѣчье южнѣе Багдада было дномъ морского залива. Постоянный прибой волнъ приносилъ съ моря песокъ и гальку; берегъ постепенно выступалъ все дальше и дальше въ море, и теченіе Тигра и Евфрата все удлинялось. Такъ и образовалась между ними низменная песчаная страна,—истинный даръ моря; недаромъ морской богъ Эа считался у древнихъ сумеровъ отцомъ всякой культуры и знанія. Смутное представленіе о постепенномъ рожденіи Сеннаара (такъ звалась въ старину эта страна) изъ морскихъ водъ сохранилось и въ старинномъ сумерійскомъ преданіи о сотвореніи міра. Не было сначала совсѣмъ суши, а все было морской бездной, въ которой царило вездѣсущее и всеобъемлющее чудовищное божество Тіаматъ. Бэлъ, богъ, живущій въ горахъ, убилъ Тіаматъ и вызвалъ изъ моря сушу, которая первоначально была неустроена, пустынна и непривѣтлива.

И дѣйствительно, трудно найти болѣе непривѣтливую страну. Если мы пріѣдемъ туда осенью или зимою, то увидимъ голыя песчаныя пустыни, чередующіяся съ обширными болотами, отравляющими воздухъ своими ядовитыми испареніями. Ни въ пустынѣ, ни на болотѣ жить нельзя, и бѣдныя деревушки мѣстныхъ арабовъ расположились въ немногихъ удобныхъ мѣстахъ жалкими крошечными островками. Въ песчаныхъ мѣстахъ нѣтъ жизни; тамъ воетъ юго-западный вѣтеръ, несущій тучи песку изъ сосѣдней Аравіи, насыпаетъ холмы и дюны, въ которыхъ вязнетъ нога; на такой почвѣ можетъ расти только низкій колючій бурьянъ, по ночамъ оглашаемый воемъ голодныхъ шакалъ и гіенъ. Надъ болотами поднимаются испаренія, но около нихъ все-таки больше жизни. Вьются стаи птицъ, зеленѣетъ

тростникъ, а въ прилегающихъ къ болотамъ болѣе или менѣе увлажненныхъ мѣстахъ растутъ небольшія рощицы финиковыхъ пальмъ. Но песку больше, чѣмъ болотъ; пустыня успѣшно борется съ ними, занося ихъ своимъ пескомъ. Только шесть недѣль, въ ноябрѣ и декабрѣ, идутъ дожди, мѣстами отвоевывая поле у пустыни.

Не менѣе печаленъ видъ Сеннаара весной и лѣтомъ, когда начинается пора изнурительныхъ жаровъ. Какъ



Видъ въ Месопотаміи во время наводненія.

осенью и зимой страна представляетъ изъ себя песчаную пустыню, такъ весною и лѣтомъ она является водяною пустыней. Въ началѣ марта быстро разливается Тигръ; въ серединѣ марта начинаетъ медленно разливаться Евфратъ; теченіе его болѣе длинно, чѣмъ теченіе Тигра, и воды отъ горнаго талаго снѣга изъ Арменіи быстрѣе доходятъ до Сеннаара Тигромъ, чѣмъ Евфратомъ. Въ апрѣлѣ воды разлившихся рѣкъ сливаются, и страна превращается въ одно сплошное озеро. Багдадъ стоитъ цѣлыя недѣли, окруженный безбреж-

нымъ озеромъ; пальмовыя рощицы скрываются подъ водой, жалобно качая своими курчавыми верхушками надъ мутной гладью окружающихъ ихъ водъ. Только мѣстами поднимаются изъ этого озера островки суши, тамъ, гдѣ уцѣлѣли старинныя земляныя дамбы и укрѣпленія. Населеніе бросаетъ тогда на произволъ судьбы свои легкія хижины, сплетенныя изъ тростника, и укрывается на холмахъ; могильные курганы старинныхъ сумерійскихъ городовъ становятся на это время желаннымъ пристанищемъ для бѣдняковъ, застигнутыхъ наводненіемъ. Вода стоитъ долго. Весь апрѣль и весь май воды Евфрата все прибываютъ; Тигръ укрощается ранѣе Евфрата и въ концѣ мая начинаетъ уже входить въ свои берега. Но Евфратъ, разлившись медленнѣе, не такъ скоро начинаетъ убывать. Цѣлый іюнь воды его стоятъ на одномъ уровнѣ, и только съ іюля вода начинаетъ очень медленно спадать. Понемногу выходятъ изъ-подъ воды затопленныя мѣста, обсыхаютъ и превращаются въ песчаные островки; невольно вспоминается, какъ вавилонскій Ной, Утъ-Напиштимъ, когда медленно спадали воды потопа, выпускалъ то ворона, то голубку, желая узнать, обсохла ли земля. И только въ сентябрѣ рѣка входитъ въ свои берега; вода остается лишь на низкихъ болотистыхъ мѣстахъ, и въ Сеннаарѣ воцаряется вновь уныніе осенняго зимняго запустѣнія. Шесть мѣсяцевъ продолжается наводненіе; можно представить себѣ, какую массу воды оно съ собою приноситъ.

Теперь такое наводненіе—скорѣе бѣдствіе, чѣмъ благодѣяніе для мѣстнаго населенія. Когда оно наступаетъ, оно дѣйствуетъ разрушительно; оно непреоборимо, какъ стихія, и современному жителю Месопотаміи

приходится долго ждать, пока изъ-подъ волнъ разбушевавшихся рѣкъ не появятся островки суши, на которыхъ можно снова поставить тростниковыя хижины и распахать поля. Вода сходитъ медленно, островки появляются небольшіе, и потому площадь земли, какую можетъ засѣять теперешнее населеніе Месопотаміи, крайне невелика. Старинное населеніе Сеннаара застало ту же печальную картину, когда впервые тамъ появилось; но оно поняло, какую огромную пользу можно извлечь изъ наводненій, приносящихъ столько воды и продолжающихся полгода, если сумѣть взять ихъ въ свои руки. Оно сдѣлало это, и 6000 лѣтъ тому назадъ Сеннааръ былъ не безлюдной и непривѣтливой пустыней, какъ теперь, но цвѣтущей страной, кормившей многомилліонное населеніе. Работы, которыя пришлось для этого сдѣлать, были, конечно, очень огромны по своимъ размѣрамъ, но очень просты по своему замыслу.

Рѣки, и въ особенности Евфратъ, приносили цѣлое море воды; нужно было воспрепятствовать водѣ затоплять поселенія и застаиваться на поляхъ. Чтобы уберечь отъ разрушительнаго дѣйствія волнъ поселенія, старинные жители Сеннаара строили свои города и храмы, какъ мы уже знаемъ, на искусственныхъ холмахъ, на такой высотѣ, чтобы воды наводненій не могли заливать зданій. Чтобы не дать водѣ застаиваться, вокругъ полей рыли каналы; такіе же каналы, только большихъ размѣровъ, рыли около городовъ, параллельно теченію рѣки, а кромѣ того, отводили посредствомъ каналовъ воду въ огромныя искусственныя озера; остатки двухъ такихъ огромныхъ озеръ сохранились до сихъ поръ на западъ отъ Вавилона. Вся страна между

Тигромъ и Евфратомъ была въ старину покрыта множествомъ такихъ каналовъ, точно сѣтью. Со всѣхъ полей, дворовъ и пастбищъ были устроены стоки для воды въ каналы; вода стекала туда довольно быстро и затѣмъ стояла въ каналахъ вплоть до зимы, не высыхая и все время увлажняя землю. Уже черезъ мѣсяцъ послѣ начала наводненія начинали обсыхать поля; годъ начинался съ наводненія, а второй мѣсяцъ года такъ и назывался: «мѣсяцъ исхода (земли) изъ моря». Этотъ мѣсяцъ соотвѣтствовалъ нашему концу апрѣля и началу мая. Въ іюнѣ, когда теперешніе жители Месопотаміи только еще имѣютъ возможность приступить къ посѣвамъ, старинные жители Сеннаара уже начинали жатву; въ концѣ августа справлялись съ первымъ урожаемъ и могли засѣвать поля вторично, собирая такимъ образомъ двѣ жатвы въ случаѣ благопріятной погоды осенью. Понятно, что такіе огромные успѣхи земледѣлія могли получаться только благодаря системѣ каналовъ. На устройство каналовъ и были направлены всѣ заботы древнихъ жителей Сеннаара. Не довольствовались тѣмъ, что устраивали ихъ, но постоянно подновляли ихъ. Откосы каналовъ, а иногда и дно ихъ выкладывали камнями, чтобы они не обсыпались и не размывались водой, очищали ихъ отъ тины и мусора и строго наказывали за всякое поврежденіе каналовъ. Такъ, благодаря неустанной работѣ людей, Сеннааръ 6000 лѣтъ тому назадъ былъ плодороднѣйшей страною. Теперь грозныя и разрушительныя, рѣки Сеннаара тогда были милостивыми и благодѣтельными кормилицами жившаго на ихъ берегахъ народа.

Кто же были старинные жители Сеннаара, сумѣвшіе обуздать рѣки и заставить ихъ служить человѣку?

Мы уже знаемъ ихъ по именамъ: это—сумеры, пришедшіе въ Сеннааръ ранѣе другихъ народовъ, и семиты, пришедшіе въ долину Евфрата и Тигра позднѣе, когда тамъ уже жили сумеры. Мы не можемъ теперь сказать съ точностью, когда произошли оба эти переселенія. На самыхъ древнихъ рисункахъ, найденныхъ въ раскопанныхъ курганахъ, мы уже видимъ изображенія и сумеровъ и семитовъ. Сумеры изображаются бритыми: голова, борода и усы сбриты, формы головы и лица круглыя, большіе глаза и большой прямой носъ; у лицъ жреческаго достоинства голова всегда бритая, а у лицъ свѣтскихъ иногда на головѣ надѣта круглая шапочка. Семиты, напротивъ, изображаются всегда съ большими волосами и съ длинной бородой; лицо не круглое, а продолговатое, носъ не всегда прямой, но часто тонкій и изогнутый. Мы знаемъ, что сумеры пришли въ Сеннааръ ранѣе семитовъ, ибо самые древніе города и самые древніе боги въ Сеннаарѣ сумерійскаго происхожденія, и письмо также было изобрѣтено сумерами.

Кто же были эти сумеры, и откуда они пришли въ Сеннааръ? На эти вопросы мы еще не можемъ дать точнаго отвѣта. То, что можно объ этомъ сказать, только догадки ученыхъ. Попробуемъ прослѣдить сумеровъ въ Сеннаарѣ. Самый древній ихъ городъ въ Сеннаарѣ—Ниппуръ. У сумеровъ было преданіе, что ниппурскій храмъ былъ основанъ вмѣстѣ съ сотвореніемъ міра, и уже послѣ Ниппура были построены другіе сумерійскіе города. Богъ Ниппура Энлиль-Бэлъ былъ общимъ богомъ всѣхъ сумеровъ; въ другихъ городахъ были свои мѣстные боги, которыхъ почитали жители различныхъ городовъ, но Бэла-Энлиля по-

читали всѣ сумеры. Значитъ, можно предположить, что, когда сумеры пришли въ Сеннааръ, первый городъ, ими основанный, былъ Ниппуръ, и тамъ былъ построенъ храмъ общему сумерійскому богу; потомъ же, когда сумеры разселились по всему Сеннаару, они строили новые города и ставили въ нихъ храмы богамъ-покровителямъ тѣхъ частей племени, которыя въ томъ или другомъ городѣ поселялись. Теперь, если Ниппуръ—первый городъ, основанный сумерами, то, значитъ, онъ долженъ стоять въ концѣ того пути, по которому пришли въ Сеннааръ сумеры. Они пришли не съ сѣвера, не съ верховьевъ Тигра и Евфрата; оттуда шли семитскіе переселенцы. Если мы посмотримъ, какія другія дороги ведутъ въ Сеннааръ черезъ Ниппуръ, то найдемъ только одну дорогу: Ниппуръ расположился невдалекѣ отъ восточныхъ горъ, и прямо напротивъ него идетъ дорога черезъ горный перевалъ въ Иранское плоскогорье. По той же дорогѣ въ Сеннааръ пытались проникнуть впослѣдствіи другія племена, стремившіяся уйти изъ Ирана въ плодоносную долину Тигра и Евфрата.

Если сумеры пришли въ Сеннааръ черезъ горный проходъ, ведущій изъ Ирана, то, значитъ, родину ихъ надо искать гдѣ-нибудь въ Иранѣ, въ сосѣднихъ съ Ираномъ странахъ. Но странъ вокругъ Ирана много, и догадки можно было дѣлать самыя разнообразныя. Недавно одна экспедиція американскихъ ученыхъ сдѣлала неожиданное открытіе, которое какъ будто даетъ, наконецъ, возможность узнать, гдѣ была родина сумеровъ. На сѣверо-западѣ Иранскаго плоскогорья поднимается высокій горный хребетъ Копетъ-Дагъ; если мы перейдемъ черезъ него и спустимся внизъ, то передъ

нами начнутся песчаныя закаспійскія степи Туркестана. Эти степи принадлежатъ Россіи; кое-гдѣ въ нихъ есть оазисы, тамъ построены города, и ключомъ бьетъ жизнь. У самаго подножія Копетъ-Дага раскинулся оазисъ Анау, съ городомъ Асхабадомъ. Въ этомъ оазисѣ, какъ и въ другихъ оазисахъ Туркестана, есть курганы, оставшіеся отъ стариннаго населенія этихъ оазисовъ. Американская экспедиція, между прочимъ, раскопала два кургана въ Анау, между горами и городомъ Асхабадомъ. Когда американцы раскопали эти курганы, то въ нижнихъ слояхъ нашли множество вещей, каменныхъ, бронзовыхъ и глиняныхъ, чрезвычайно похожихъ на такія же вещи, раскопанныя въ сумерійскихъ курганахъ и въ горахъ на востокъ отъ Сеннаара. Эти открытія навели ученыхъ на мысль, не происходятъ ли сумеры изъ нашего Туркестана. Еще раньше этой догадки нѣкоторые ученые находили большое сходство между языкомъ сумеровъ и языкомъ теперешнихъ жителей Туркестана; открытія американскихъ ученыхъ показали, что между культурой древнѣйшихъ обитателей Анау и древнѣйшей культурой сумеровъ также есть большое сходство.

Если это такъ, если сумеры были родомъ изъ Анау, то намъ станетъ понятно, почему главный ихъ богъ, Энлиль-Бэлъ, считался богомъ, живущимъ въ горахъ, богомъ земной тверди. Въ самомъ дѣлѣ, странно, что главный богъ народа, живущаго въ плоской низменности, которая каждый годъ на полгода почти покрывается водою, считался богомъ горъ: скорѣе слѣдовало бы считать верховнымъ богомъ Эа, а не Энлиля-Бэла. Но если родина сумеровъ была на склонахъ Копетъ-Дага, то намъ вполнѣ будетъ понятно, почему

главный ихъ богъ былъ богомъ горъ. Въ Туркестанѣ нѣтъ воды; воду тамъ можно достать только съ горъ. Въ горахъ есть озера, изъ которыхъ внизъ текутъ ручейки; если ручейковъ нѣтъ, то легко можно провести съ горъ водопроводъ. И у склона горъ появляется оазисъ. Отъ ручейка или отъ водопровода проводятъ каналы, орошающіе поля, и на томъ пространствѣ, на какое хватаетъ воды, зеленѣютъ травы, колышется хлѣбъ, пасутся стада, живутъ и трудятся люди. Горы даютъ жизнь людямъ, живущимъ у ихъ склона. Естественно, что люди, живущіе въ такихъ оазисахъ, должны горнаго бога считать главнымъ благодѣтельнымъ богомъ. А потомъ, когда тѣснота или, можетъ быть, нападенія дикихъ кочевниковъ, которые всегда двигались огромными ордами черезъ прикаспійскія степи изъ Азіи въ Европу, заставили предковъ сумеровъ уйти съ насиженнаго мѣста, они могли двинуться только въ горы. Горы дали имъ пріютъ отъ разбойниковъ; дальше, за Копетъ-Дагомъ шли еще болѣе высокія Эльбрусскія горы; такъ, все горами и шли предки сумеровъ, пока передъ ними не открылся выходъ въ плодоносную долину Сеннаара. Они съ полнымъ правомъ могли сказать, что богъ горъ велъ ихъ чрезъ свои владѣнія и привелъ ихъ въ страну, текущую молокомъ и медомъ. И когда, спустившись въ долину, они поставили въ благодарность Энлилю храмъ, то насыпали для этой цѣли высокій искусственный холмъ, а храмъ назвали «домъ на горѣ», Э-куръ.

Когда сумеры пришли въ Сеннааръ, они были еще полудикимъ народомъ. Если курганы въ Анау остались отъ ихъ предковъ, то, значитъ, во время переселенія въ Сеннааръ у нихъ еще не было письменности, потому что

въ курганахъ Анау не было найдено никакихъ вещей, на которыхъ были бы надписи. Но на своей родинѣ они привыкли уже къ устройству водяныхъ сооруженій: безъ каналовъ и искусственныхъ водяныхъ бассейновъ невозможна жизнь въ Туркестанѣ. Тутъ, въ Сеннаарѣ, было изобиліе воды; но приходилось рыть каналы и озера, чтобы ею какъ слѣдуетъ воспользоваться. Сумеры устроили сѣть каналовъ и вырыли много искусственныхъ озеръ и водоемовъ; труды ихъ вознаградились сторицею, и страна быстро богатѣла. Въ Сеннаарѣ появилась у сумеровъ и письменность; она была необходима для веденія обширнаго хозяйства, какое у нихъ теперь образовалось. А для постройки и украшенія храмовъ боговъ и дворцовъ правителей нужны были искусные мастера; постепенно стало, благодаря этому, развиваться у сумеровъ и искусство. Ко времени прихода въ Сеннааръ семитовъ, лѣтъ за 4000—4500 до Р. Х., сумеры уже были культурнымъ народомъ: у нихъ была письменность, правильный счетъ времени по ходу небесныхъ свѣтилъ и особая священная наука.

Когда семиты пришли въ Сеннааръ, южная его часть была уже сплошь покрыта сумерійскими поселеніями. Первое свое поселеніе Семиты основали на самомъ сѣверѣ Сеннаара, почти напротивъ теперешняго Багдада. Это—Аккадъ, по имени котораго назывался до возвышенія Вавилона весь семитскій сѣверъ Сеннаара. Въ Аккадѣ почиталась великая общая богиня всѣхъ семитовъ, Иштаръ, богиня луны, войны и любви; всѣ семиты почитали эту богиню и почти одинаково ее называли. Южнѣе Аккада семиты основали еще нѣсколько городовъ; самыми южными изъ нихъ были

Борсиппа и Кишъ, а за ними шли уже сумерійскіе города. Занявъ сѣверъ Сеннаара, семиты должны были многое перенять у сумеровъ. Сосѣди стали, такъ сказать, ихъ учителями. У сумеровъ семиты научились проводить каналы, переняли ихъ письменные знаки. Сумеры, какъ я уже говорилъ, первоначально писали идеограммами, т.-е. знаками-рисунками, изображавшими цѣлыя слова и понятія. Эти идеографическіе знаки легко было перенять семитамъ: они писали, напримѣръ, знакъ, изображающій божество, но въ то время, какъ сумеры произносили этотъ знакъ на своемъ языкѣ d i n g i r, семиты произносили его на своемъ языкѣ—i l u. Когда же впослѣдствіи идеограммы стали употребляться въ качествѣ слоговыхъ знаковъ, или знаковъ частей слова, семиты произносили ихъ не по-семитски, а по-сумерійски. Семиты переняли у сумеровъ ихъ календарь и пріучились постепенно почитать ихъ боговъ. Постепенно сближеніе семитовъ и сумеровъ становилось все болѣе и болѣе тѣснымъ, они роднились между собой и слились въ одинъ народъ, который, по имени Вавилона, принято называть вавилонянами. Тогда сумерійскій языкъ въ разговорной рѣчи и въ свѣтскихъ произведеніяхъ литературы замѣнился вавилонскимъ, семитскимъ, но молитвы богамъ, заклинанія, священныя сказанія и вся жреческая наука навсегда остались на сумерійскомъ языкѣ, какъ теперь у насъ всѣ церковныя и богослужебныя книги по прежнему сохраняются на давно уже мертвомъ церковно-славянскомъ языкѣ. Смѣшеніе семитовъ и сумеровъ въ одинъ народъ произошло не вполнѣ мирнымъ путемъ. Семиты были воинственнѣе и сильнѣе сумеровъ; они постепенно подчиняли себѣ

силою сумерійскія области, заставляли ихъ платить себѣ дань; но покоривъ сумеровъ, они жили съ ними въ ладу и продолжали у нихъ учиться.

Въ ту эпоху, изъ которой у насъ имѣются самые древніе письменные памятники, и семиты и сумеры жили еще въ борьбѣ между собою. У тѣхъ и у другихъ не было еще единаго государства; и страна сумеровъ и страна семитовъ распадались на отдѣльныя области. Въ каждой области былъ свой правитель; онъ служилъ богамъ своей области, устраивалъ каналы, плотины и водоемы, собиралъ дань съ подвластнаго населенія и судилъ его. Жилъ такой князь въ своемъ городѣ, въ которомъ стоялъ его дворецъ, дома его придворныхъ слугъ и помощниковъ и храмы боговъ-покровителей области. Иногда одинъ князь заставлялъ подчиниться себѣ другого князя, налагалъ на него дань, заставлялъ помогать себѣ на войнѣ. Ниппуръ почитался всѣми сумерійскими князьями, но въ самомъ Ниппурѣ князей не было. Тамъ правили жрецы, которые собирали въ свою пользу приношенія со всего Сумера, подобно римскимъ папамъ въ средніе вѣка; такое же почтеніе стали оказывать Ниппуру и семитскіе князья, когда подчинили себѣ сумеровъ. На князей и жрецовъ работали крестьяне и рабы; князья и жрецы жили ихъ трудами. Мы не знаемъ, какъ произошелъ такой порядокъ, какъ возвысились князья, какъ подчинили и заставили работать на себя крестьянъ; въ ту эпоху, о которой мы имѣемъ самыя древнія свѣдѣнія, этотъ порядокъ уже существовалъ и установился издавна. Мы можемъ только подробно описать его, представить себѣ картину мирной и военной жизни сумерійскаго города и его князя, его крестьянъ-рабовъ, его жре-

цовъ и боговъ. Для этого намъ надо мысленно воскресить изъ развалинъ, изъ-подъ груды мусора, осколки сумерійской старины. Пусть они вновь соберутся въ стройныя сооруженія, пусть заговорятъ съ ихъ стѣнъ написанныя на нихъ письмена; передъ нами развернется необычная и любопытная картина.

V.

Ширпурла.

Невдалекѣ отъ Персидскаго залива, на одномъ изъ рукавовъ Евфрата, расположилась Ширпурла, старинный городъ славныхъ патэси, служителей бога Нингирсу. Патэси—верховный жрецъ и князь; отъ имени бога правитъ онъ областью Ширпурлы. Безконечныя поля, засѣянныя пшеницей и ячменемъ, пересѣченныя каналами, и копошащіеся на поляхъ многочисленные рабочіе люди—все это принадлежитъ богу Нингирсу. Патэси только управляетъ владѣніемъ бога и пользуется за это доходами съ принадлежащихъ Нингирсу земель.

Въ Ширпурлѣ живутъ и патэси, и богъ; патэси живетъ во дворцѣ, богъ живетъ въ храмѣ рядомъ съ дворцомъ. Ширпурла не такой старинный городъ, какъ жилище Энлиля Ниппуръ, или Эриду, стоящій у самаго синяго моря, глядящійся въ его волны, какъ будто стараясь проникнуть взоромъ въ морскія нѣдра, гдѣ живетъ морской богъ Эа, охраняющій Эриду; уступаетъ Ширпурла въ древности и Эреху, въ которомъ,

по преданію, царствовалъ когда-то божественный царь Гильгамешъ, теперь обитающій вмѣстѣ съ богами. О этихъ трехъ городахъ поминаетъ старинное сказаніе о сотвореніи міра: было время, когда не было еще и этихъ древнихъ городовъ, всѣ страны были еще моремъ, а острова—водянымъ потокомъ. Боги сотворили небо и небесные дворцы и города, а потомъ сотворили землю и поставили прежде всего Ниппуръ, Эрехъ и Эриду. О томъ, кто устроилъ Ширпурлу, ничего не знаетъ эта легенда. Ширпурла не была такимъ святымъ городомъ, какъ эти три самые старинные города; оттого, быть можетъ, она и не попала въ это сказаніе.

Ширпурла основалась не сразу. Въ тѣ отдаленныя времена, о которыхъ у насъ нѣтъ никакихъ другихъ свѣдѣній, кромѣ народныхъ преданій и легендъ, были на мѣстѣ Ширпурлы четыре поселенія. Одно было больше другихъ и называлось Гирсу; жители его имѣли своего бога-покровителя, господина Гирсу, Нингирсу. Этотъ богъ Нингирсу и сталъ впослѣдствіи главнымъ богомъ Ширпурлы. Другое поселеніе называлось Нина; его богиней-покровительницей была богиня Нина, впослѣдствіи патэси Ширпурлы считали ее супругой Нингирсу. Третье поселеніе называлось Уру; тамъ также былъ богъ-покровитель, Лугаль-Уру, т.-е. царь Уру. Этотъ богъ также былъ однимъ изъ самыхъ уважаемыхъ боговъ Ширпурлы. Четвертое поселеніе называлось Уру-адагга; его божествомъ была любимая богиня властителей Ширпурлы Бау. Постепенно эти четыре поселенія соединились вмѣстѣ подъ властью одного патэси. Такъ появилась Ширпурла.

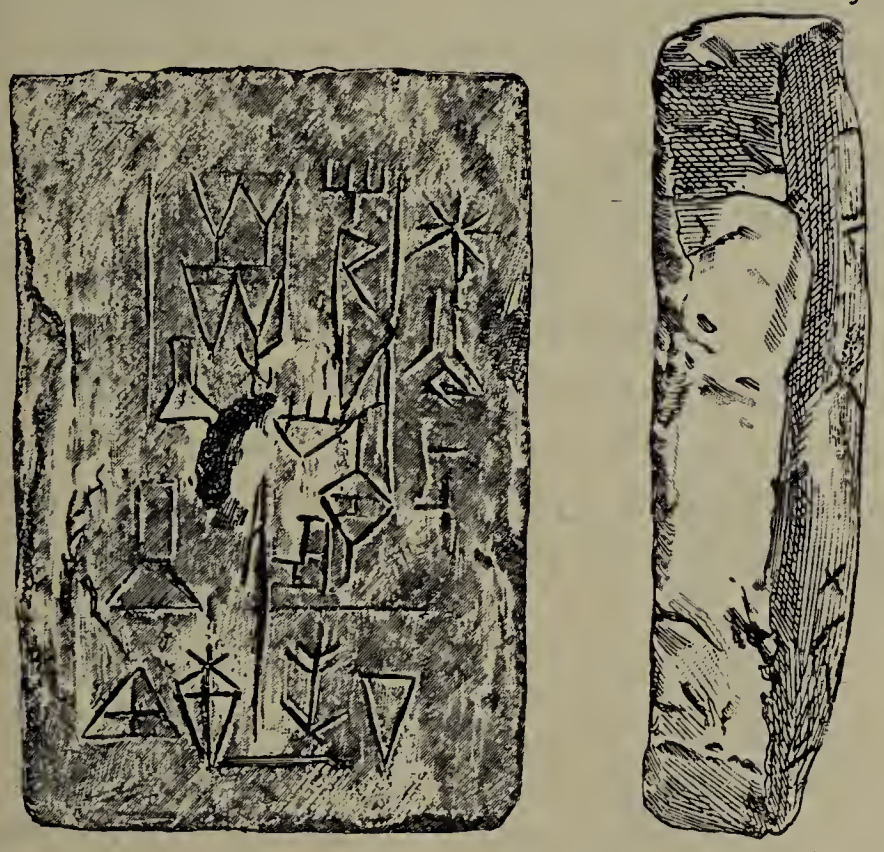
Въ главномъ кварталѣ Ширпурлы, Гирсу, находился дворецъ патэси. Подобно другимъ владыкамъ Сеннаара

и Вавилона, каждый патэси Ширпурлы строилъ себѣ новый дворецъ; въ развалинахъ Ширпурлы нашли остатки построекъ всѣхъ почти патэси Ширпурлы, начиная съ самаго древняго изъ нихъ, Ур-нины. Если бы этотъ Ур-нина не оставилъ послѣ себя построекъ и надписей, его можно было бы считать сказочнымъ царемъ—въ такую сѣдую старину онъ царствовалъ. Его потомки, правившіе Ширпурлой болѣе 500 лѣтъ, были увѣрены, что по смерти Ур-нина сталъ богомъ, приносили ему жертвы и возсылали къ нему молитвы.

Мѣнялись патэси, мѣнялись и ихъ дворцы, но видъ и расположеніе построекъ всегда оставались приблизительно одинаковыми. Каждый новый патэси строился не потому, чтобы жилище его предшественника казалось ему неудобнымъ или недостаточно роскошнымъ, но потому, что, какъ намъ уже извѣстно, построенныя изъ необожженныхъ кирпичей зданія скоро становились небезопасными для жилья. Такъ было и въ Ширпурлѣ. Надъ постройкой одного патэси возводилась другая, возведенная новымъ патэси; образовались постепенно слои, и когда ихъ раскопали, то по остаткамъ безъ труда могли возстановить видъ и назначеніе различныхъ построекъ. Отъ одного патэси лучше сохранился дворецъ, отъ другого—водопроводныя сооруженія, отъ третьяго—хозяйственныя и надворныя постройки. Судя по этимъ остаткамъ, не было большой разницы въ постройкахъ: проходили десятки и сотни лѣтъ, а строили все по одному и тому же плану, изъ одного и того же матеріала. Замѣтно только, что съ теченіемъ времени научились лучше дѣлать кирпичи. Сохранились, конечно, только обожженные кирпичи, нѣкоторые съ надписями, сдѣланными на нихъ. Самые

ревніе кирпичи, изъ построекъ Ур-нины, очень неравильной формы. Видно, что ихъ дѣлали отъ руки, отому что края и поверхность ихъ неровные, ширина толщина тоже не вездѣ одинаковая. Они имѣютъ орму тонкихъ четырехугольныхъ плитокъ, не болѣе

Видъ спереди. Видъ сбоку.



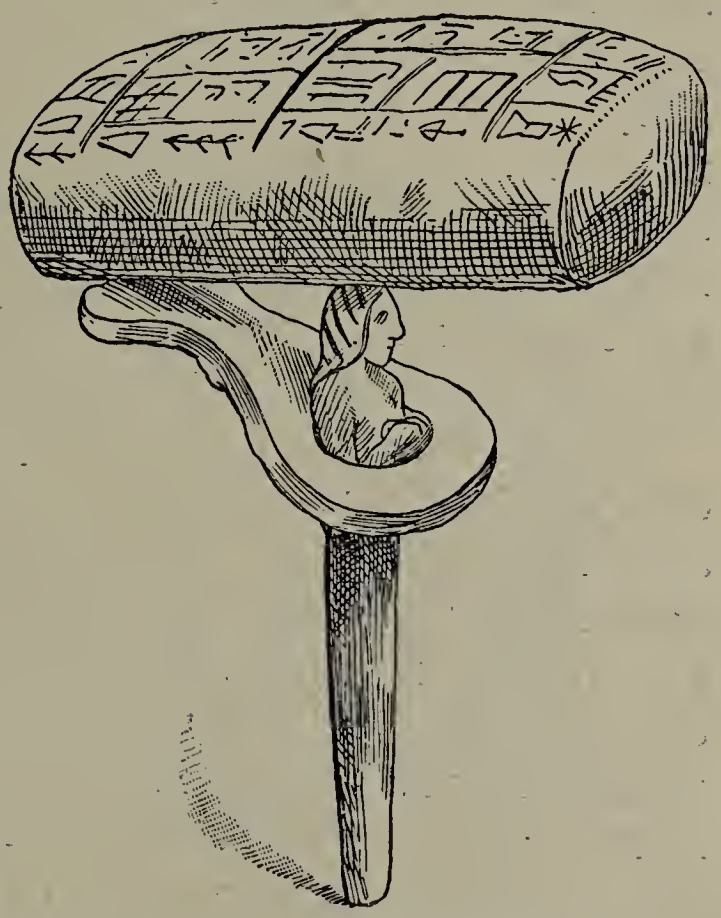
Старинный кирпичъ, формованный отъ руки (виденъ слѣдъ отъ печати ногтемъ).

сантиметровъ толщины; углы у нихъ не острые, а кругленные, и поверхность не плоская, а слегка альная; вмѣсто печати мастеръ прикладывалъ къ ѣланному кирпичу большой палецъ руки и выдавлилъ его изображеніе — этотъ отпечатокъ пальца и ужилъ печатью. И послѣ Ур-нины долго еще упоеблялись такіе кирпичи; во всемъ Сеннаарѣ не умѣли

дѣлать ихъ лучше, всѣ самыя старинныя постройки въ Ниппурѣ и въ другихъ городахъ сдѣланы изъ такихъ кирпичей. Много лѣтъ прошло, пока не придумали деревянную форму для кирпичей; тогда кирпичи стали дѣлать такой же правильной формы, всѣ одного и того же размѣра, какъ и у насъ.

Приступая къ постройкѣ, каждый патэси, каждый царь прежде всего заботился, чтобы зданіе стояло крѣпко. Прежде всего для этой цѣли было необходимо, чтобы закладка зданія была произведена въ благопріятный или, какъ мы говоримъ, въ «легкій» день. У каждаго царя и патэси были свои прорицатели и гадатели; одни гадали по внутренностямъ жертвъ, другіе—по водѣ и маслу, третьи—толковали сны. Задумавъ постройку, владыка обращался къ одному изъ такихъ придворныхъ волхвовъ и поручалъ ему спросить боговъ, удобенъ ли предположенный для закладки день. Гадатели давали отвѣтъ, и если день оказывался угоднымъ богамъ, то начиналась закладка. Владыка обращался съ молитвой къ богамъ, молилъ объ удачѣ задуманнаго предпріятія, молилъ и о своемъ благополучіи: «пусть основанія моего жреческаго трона будутъ тверды, какъ скала, пусть нерушимо, какъ небо и земля, стоитъ мое правленіе». Помолившись такимъ образомъ, владыка подкрѣплялъ молитву жертвой. По всѣмъ четыремъ сторонамъ фундамента опускались съ молитвой маленькія фигурки изъ мѣди: женская голова съ руками, сложенными на груди; кончались фигурки вмѣсто ногъ заостреннымъ длиннымъ стержнемъ, какъ у гвоздя. Это и была спеціальная жертва, приносившаяся при закладкѣ. Должно быть, въ глубокую старину, когда нравы были болѣе дикими и болѣе жестокими, закладку

сопровождали человѣческими жертвами, замуровывали въ стѣну молодыхъ дѣвушекъ. Постепенно этотъ кровавый обычай вышелъ изъ употребленія, и живыхъ людей замѣнили мѣдными фигурками. На шею фигурки надѣвали нѣчто въ родѣ ярма или ожерелья, изъ глины, а на голову клали глиняную плитку, на которой мастеръ дѣлалъ надпись въ такомъ родѣ: «Ур-нина, царь Ширпурлы, сынъ Нинихальгина, Аб-Гирсу построилъ». Такая же надпись дѣлалась и на кирпичахъ, изъ которыхъ производилась закладка. Послѣ торжественной закладки шла подъ наблюденіемъ придворныхъ архитекторовъ самая постройка. Когда зданіе было готово, устраивалось снова торжество: царь издавалъ указъ о милостяхъ подданнымъ по случаю счастливаго окончанія постройки, приносилъ обильныя жертвы богамъ и устраивалъ богатый пиръ для людей.



Фигурка съ таблеткой, закладывавшаяся въ фундаментъ.

Такъ возводились зданія. Дворецъ, который построилъ себѣ Ур-нина, развалился и разрушился совершенно, остались только слѣды его въ сѣверо-за-

падномъ углу развалинъ, оставшихся послѣ построекъ Ур-нины. Также почти безъ остатка погибли дворцы, въ которыхъ жили потомки Ур-нины. Но мы можемъ составить себѣ представленіе о нихъ по остаткамъ дворца патэси Ширпурлы, Гудеа. Онъ правилъ Ширпурлой лѣтъ 500 спустя послѣ Ур-нины и былъ, конечно, много богаче и могущественнѣе своихъ предшественниковъ. Дворецъ его былъ по своимъ размѣрамъ, вѣроятно, много больше и болѣе основательно построенъ, чѣмъ прежніе дворцы. Поэтому, остатки его лучше сохранились. Если мы представимъ себѣ этотъ дворецъ, то мы будемъ имѣть понятіе о всѣхъ вообще дворцахъ старинныхъ сумерійскихъ владыкъ.

Дворецъ Гудеа представлялъ изъ себя огромное сооруженіе; въ длину оно имѣло около 25 саженъ, а въ ширину—около 15. Какъ у всѣхъ вавилонскихъ построекъ, углы его были обращены на четыре стороны свѣта; главный входъ былъ съ сѣверо-восточной стороны. Тутъ передъ дворцомъ была сдѣлана узкая площадка, выложенная четырехугольными каменными плитами; посрединѣ площадки былъ устроенъ небольшой каменный бассейнъ, вода въ который была проведена по подземному водопроводу прямо изъ канала. Площадка была обсажена пальмами; ихъ кудрявыя верхушки загораживали бассейнъ отъ палящихъ лучей южнаго солнца и распространяли вокругъ себя пріятную тѣнь. Съ другой стороны отбрасывала тѣнь высокая стѣна дворца; обращенная къ сѣверо-востоку, она также загораживала бассейнъ отъ солнечныхъ лучей, и потому вода въ бассейнѣ не высыхала и не нагрѣвалась лѣтомъ черезчуръ сильно. Стѣны дворца—безъ оконъ, точно слѣпыя, какъ будто тамъ никто не жи-

Древняя ваза изъ Ширпурлы.

ветъ. Сѣверо-восточная стѣна—лицевая; на ней есть кое-какія украшенія въ видѣ простого лѣпного орнамента изъ глины; больше всего, однако, украшаютъ фасадъ не эти простыя украшенія, а огромныя статуи, стоящія по краямъ бассейна. Статуи изображаютъ женщинъ, держащихъ въ рукахъ вазы украшенныя гербомъ Ширпурлы; эти вазы въ праздничные дни наполнялись огромными букетами благоухающихъ цвѣтовъ.

Съ каменной площадки находились три входа внутрь дворцовыхъ помѣщеній. Входы узкіе, закрывающіеся тяжелыми деревянными дверьми, окованными желѣзомъ. Двери сдѣланы изъ дерева, привезеннаго издалека, изъ страны Маганъ, въ Аравійской пустынѣ. Маганъ—это оазисъ среди сыпучихъ песковъ; онъ весь покрытъ тѣнистыми рощами, которыхъ нѣтъ въ Сеннаарѣ; рощи расположились по склонамъ невысокихъ горъ, въ которыхъ добываются драгоцѣнные камни и темно-зеленый діоритъ, чрезвычайно красивый камень, изъ котораго искусные мастера Ширпурлы высѣкали великолѣпныя статуи. Гудеа хвалится въ надписяхъ, что для своихъ построекъ онъ не задумался пойти походомъ на Маганъ и на другую арабскую страну, Мелуха, дальше Магана, чтобы подчинить себѣ тамошнихъ бедуиновъ и безпрепятственно возить оттуда на верблюдахъ и ослахъ матеріалы для построекъ. Войдя въ среднюю дверь, мы попадаемъ въ узкій и длинный проходъ между двумя стѣнами дворца; этотъ проходъ ведетъ въ главный дворъ дворца. Какъ и до сихъ поръ на востокѣ, дворъ устроенъ внутри дворца и составляетъ неразрывную составную часть дворца. На дворѣ сосредоточивается днемъ вся жизнь обитателей дворца; тутъ всегда толпится многочисленная дворцовая че-

Патэси Гудеа.

лядь, идутъ оживленныя бесѣды, иногда устраиваются пиры и зрѣлища. Дворъ, собственно, похожъ скорѣе на большую залу: онъ вымощенъ гладкими каменными плитами и украшенъ огромными діоритовыми статуями, изображающими самого Гудеа: Гудеа сидитъ на тронѣ и держитъ на колѣняхъ планъ своего сооруженія, а слова, которыя онъ какъ бы говоритъ окружающимъ, написаны на ниспадающихъ складкахъ его одежды и на плечѣ. Онъ изображенъ въ обычной одеждѣ древне-сумерійскихъ патэси: на немъ черезъ лѣвое плечо наброшенъ прямо на голое тѣло плащъ, покрывающій его немного ниже колѣнъ; правое плечо, шея и часть груди остаются обнаженными. Другая статуя изображаетъ того же Гудеа въ стоячемъ положеніи; на плащѣ его тоже вырѣзаны надписи. Эти великолѣпныя статуи приводятъ въ изумленіе всѣхъ посѣтителей дворца*). Онѣ кажутся прямо недосягаемыми произведеніями искусства въ сравненіи съ тѣми статуями, какими украшали свои дворцы предшественники Гудеа, не обладавшіе Маганомъ и не имѣвшіе еще такихъ искусныхъ рѣзчиковъ по камню. Одинъ изъ старинныхъ патэси, къ сожалѣнію, неизвѣстно, какой именно, тоже поставилъ у себя въ дворцѣ свое изображеніе: статуя грубо вытесана изъ простого камня, ноги какъ будто обрублены, линіи туловища ровныя, незамѣтно ни таліи, ни складокъ одежды **). Ур-нина

*) Обѣ статуи, къ сожалѣнію, были найдены де-Сарзекомъ съ отбитыми головами; головъ, подходящихъ къ нимъ, такъ и не удалось найти. Въ настоящее время онѣ помѣщены въ Парижскомъ музеѣ, Луврѣ. Здѣсь помѣщенъ рисунокъ, изображающій маленькую статую Гудеа, но похожую на большія.

**) Эта статуя находится въ Британскомъ музеѣ, въ Лондонѣ.

украсилъ дворъ своего сооруженія еще болѣе грубыми и нескладными фигурками львовъ, священныхъ животныхъ Ширпурлы; одинъ изъ его преемниковъ, Эаннатумъ, о которомъ намъ еще придется много говорить, поставилъ въ главномъ дворѣ своего дворца огромную каменную стэлу *), на которой изобразилъ свою побѣду надъ врагами и сдѣлалъ надпись о своихъ подвигахъ. Такъ всегда всѣ владыки Ширпурлы и другихъ городовъ Сеннаара заботились объ украшеніи главныхъ дворовъ своихъ резиденцій.

Неизвѣстный старинный патэси Ширпурлы.

Въ западной стѣнѣ большого двора сдѣлана дверь, чрезъ которую мы входимъ въ проходъ, ведущій во второй дворъ, много меньше перваго, но также украшенный рѣзьбой на стѣнахъ и стоящими въ немъ не-

*) Стэлой называется каменная колонна, но не круглая, а плоская и не особенно толстая, въ родѣ большой каменной доски, поставленной на какомъ-нибудь постаментѣ. Верхъ стэ-

большими статуями. Эти два двора—самые важные; вокругъ нихъ расположены главныя помѣщенія дворца. Дворецъ былъ не только жилищемъ для патэси, но также и для бога; съ восточной стороны къ большому двору, по всей вѣроятности, прилегали помѣщенія для домашняго храма и для жрецовъ, помогающихъ патэси. Въ юго-восточную часть дворца можно было проникать снаружи не только черезъ дворъ, но также и съ каменной площадки передъ дворцомъ, черезъ особый проходъ; особые проходы были сдѣланы также съ юго-восточной и юго-западной стѣны. Вокругъ второго двора были помѣщенія самого патэси. Тутъ была прежде всего большая зала, въ которой Гудеа давалъ аудіенціи своимъ подданнымъ и посламъ отъ сосѣднихъ патэси и отъ сосѣднихъ странъ; вѣроятно, въ этой же залѣ онъ совѣщался съ жрецами и съ другими своими приближенными. Затѣмъ, тутъ была его опочивальня, примыкавшая къ помѣщеніямъ въ сѣверо-западной части дворца. Эти помѣщенія были заняты женами царя и ихъ малолѣтними дѣтьми; взрослые сыновья обыкновенно имѣли свои дворцы, рядомъ съ дворцомъ отца, и свою собственную челядь. Въ сѣверо-западномъ углу дворца помѣщались кухни и кладовыя. Вообще, эта сторона была женскимъ царствомъ, потому что и на кухнѣ распоряжались главнымъ образомъ женщины. Для женщинъ былъ устроенъ третій дворъ, меньше другихъ, соединявшійся особымъ проходомъ со вторымъ дворомъ. На этомъ дворѣ постоянно тол-

---

лы обыкновенно имѣетъ полукруглую форму, а вся она со всѣхъ четырехъ сторонъ покрывалась надписями и изображеніями. См. рисунки, изображающіе стэлу Эаннатума, въ гл. VII.

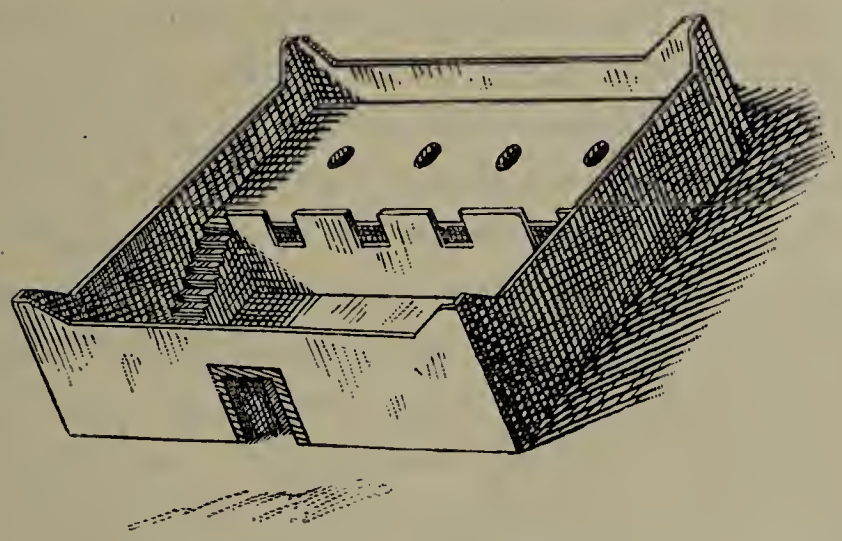
пились женщины изъ царскаго гарема съ дѣтьми, болтали, смѣялись и затѣвали игры.

Дворы были всегда ярко освѣщены солнцемъ; напротивъ, во внутреннихъ помѣщеніяхъ дворца иной разъ было мало свѣта. Оконъ не было; свѣтъ проходилъ черезъ отверстія, устроенныя въ крышѣ. Судя по назначенію комнаты, и отверстія для освѣщенія въ ней устраивали или больше, или меньше. Аудіенцъ-зала была, конечно, залита свѣтомъ, крыши надъ ней почти не было. Но въ комнатахъ, предназначенныхъ для отдыха и сна, или въ кладовыхъ, свѣтъ былъ ненуженъ; напротивъ, онъ могъ только помѣшать отдыху или попортить хранившіеся въ кладовыхъ запасы. Поэтому, такія помѣщенія дѣлали полутемными, освѣщали ихъ лишь небольшимъ отверстіемъ въ крышѣ. Понятно, что изъ полумрака днемъ хотѣлось на свѣтъ, на солнышко, и населеніе дворца стремилось изъ внутреннихъ комнатъ на просторные, свѣтлые дворы.

Такъ былъ устроенъ дворецъ Гудеа, такъ же устраивались дворцы и другихъ владыкъ. Но резиденція царя или патэси не могла состоять только изъ дворца и прилегающаго къ нему домашняго храма. У каждаго владыки было большое хозяйство, и вокругъ дворца возводились многочисленныя хозяйственныя постройки. Отъ хозяйственныхъ построекъ Гудеа не сохранилось почти никакихъ слѣдовъ; но зато хорошо сохранились остатки и планъ хозяйственныхъ сооруженій Ур-нины. Къ его дворцу прилегали различныя хозяйственныя сооруженія, занимавшія обширное пространство—около 30 саженъ въ длину и около 20 саженъ въ ширину; всѣ они были четырехугольныя и расположены углами на четыре стороны свѣта, съ самой изумительной точ-

ностью. Главное мѣсто среди нихъ занимала большая кладовая, «домъ плодовъ» Ур-нины. Это было продолговатое зданіе, обнесенное кругомъ деревянной оградой на восьми толстыхъ деревянныхъ столбахъ; въѣздъ черезъ эту ограду былъ устроенъ съ сѣверо-западной стороны; тутъ передъ оградой и внутри ограды была устроена мостовая изъ глиняныхъ кирпичей. Видъ самаго «дома плодовъ» былъ очень странный. Въ немъ не было не только оконъ, но и дверей; съ перваго взгляда казалось, что никакими путями нельзя въ него проникнуть. Чужеземные воры, проникшіе за деревянную ограду, остановились бы передъ такой кладовой въ большомъ затрудненіи; но для мѣстнаго жителя такое устройство было вполнѣ понятно. Въ «домъ плодовъ» можно было проникнуть только сверху, съ крыши; для того, чтобы влѣзть на крышу, къ стѣнѣ приставляли высокую лѣстницу, которую приносили съ собою; около «дома плодовъ» лѣстницъ не было, онѣ прятались, такъ какъ были своего рода ключомъ, отпиравшимъ входъ въ кладовую. По такимъ приставнымъ лѣстницамъ поднимались на крышу работники; зерно они прямо ссыпали въ отверстія, сдѣланныя въ крышѣ, а вино, масло и другіе продукты опускали внизъ въ корзинахъ, на веревкахъ. Чтобы достать изъ кладовой продукты, приходилось съ крыши опускать внизъ лѣстницы и спускаться по лѣстницамъ внутрь помѣщенія. Внутри «домъ плодовъ» раздѣлялся на нѣсколько отдѣльныхъ кладовыхъ, отдѣлявшихся другъ отъ друга непроницаемыми стѣнами. Одна кладовая имѣла правильную четырехугольную форму и была больше другихъ; другая, рядомъ съ ней, была поменьше; а вокругъ этихъ двухъ кладовыхъ и между

ними шла третья кладовая, въ видѣ узкаго коридора. Значитъ, въ «домѣ плодовъ» можно было хранить продукты трехъ различныхъ сортовъ; отдѣленные другъ отъ друга непроницаемыми стѣнами, продукты не могли попортить другъ друга, напримѣръ, если бы разбилась бочка съ виномъ или кувшинъ съ масломъ, то разлившееся вино или масло не могло подмочить зерна или плодовъ. Въ каждую изъ этихъ трехъ кладовыхъ были сдѣланы люки въ крышѣ, закрывавшіеся плот-



Египетская кладовая.

ными крышками. Кладовыя были глубокія, уходившія въ землю, какъ подвалы; въ нихъ было всегда темно и прохладно. Такія кладовыя строились въ старину повсюду въ Сеннаарѣ; у иного богатаго владыки было иногда по нѣскольку такихъ кладовыхъ. Обычай этотъ существовалъ и въ другихъ странахъ Востока: въ старинномъ Египтѣ строились такія же кладовыя безъ оконъ и безъ дверей, и изображенія ихъ дошли до насъ на стѣнахъ египетскихъ гробницъ.

Другая важная забота, послѣ заботы о сохраненіи запасовъ, собранныхъ съ полей, садовъ и виноградни-

ковъ, была забота о водѣ. Въ мирное время, конечно, всегда легко было достать воду изъ ближайшаго канала; въ дворцѣ каждаго патэси всегда было много дѣвушекъ, которыя съ кувшинами на плечахъ нѣсколько разъ въ день съ пѣснями могли ходить за водой. Но не всегда были мирныя времена; какъ мы вскорѣ узнаемъ, между царями и патэси Сеннаара часто бывали войны, и дворецъ тогда могъ подвергнуться долгой осадѣ. Поэтому, не только ради удобства, но также ради безопасности, владыки заботились о проведеніи воды внутрь своихъ резиденцій. Мы помнимъ, что передъ дворцомъ Гудеа былъ устроенъ небольшой красивый бассейнъ; конечно, это былъ одинъ изъ многихъ бассейновъ, расположенныхъ въ его резиденціи. Среди сооруженій Ур-нины было три бассейна. Одинъ изъ нихъ съ двумя водоемами помѣщался рядомъ съ «домомъ плодовъ», внутри деревянной ограды; два другихъ, одинъ побольше, другой поменьше, помѣщались внѣ деревянной ограды и были главными; бассейнъ около «дома плодовъ» былъ, повидимому, запасный. Главные бассейны были устроены очень тщательно. Каждый изъ нихъ былъ устроенъ на краю площадки, покрытой асфальтомъ; площадки эти были не прямо на землѣ, но представляли изъ себя невысокія платформы. На асфальтовыя площадки ставили дѣвушки кувшины для воды; ее черпали изъ глубокихъ водоемовъ, выложенныхъ камнями. Къ каждому бассейну вода шла по особому водопроводу; это было очень предусмотрительно, такъ какъ если бы былъ одинъ общій водопроводъ, то, въ случаѣ его порчи отъ какого-нибудь несчастнаго случая или вслѣдствіе нападенія враговъ, жители дворца остались бы безъ воды. Водопроводы

были сдѣланы очень тщательно. Концы ихъ, примыкавшіе къ бассейнамъ, были открытые, въ родѣ желобовъ или небольшихъ каналовъ, выложенныхъ камнемъ. Но дальше они скрывались подъ землей и подземнымъ ходомъ доходили до стѣны, окружавшей всѣ царскія сооруженія. Подъ землей водопроводы были сложены изъ широкихъ глиняныхъ трубъ; остатки такихъ трубъ были найдены при раскопкахъ въ Ниппурѣ. Особое вниманіе было обращено на то, чтобы врагъ не могъ найти то мѣсто, въ которомъ водопроводныя трубы выходили изъ предѣловъ дворцоваго расположенія наружу. Тутъ Ур-нина поступилъ, вѣроятно, также, какъ его внукъ Эаннатумъ: водопроводныя трубы были уложены внутри стѣны, такъ что извнутри онѣ подходили къ стѣнѣ въ одномъ мѣстѣ, а выходили изъ-подъ стѣны снаружи въ другомъ мѣстѣ. Такъ заботились о снабженіи царской резиденціи водой. Постройки Эаннатума, внука Ур-нины, были гораздо обширнѣе, онъ былъ богаче, и челяди у него было больше. И воды требовалось ему больше: онъ сдѣлалъ десять большихъ и маленькихъ бассейновъ.

Наконецъ, надо было позаботиться о защитѣ царскаго дворца, храмовъ боговъ и всѣхъ хозяйственныхъ сооруженій отъ нападеній враговъ. Съ этой цѣлью все обширное пространство, занятое царскими сооруженіями, обносилось высокою крѣпостною стѣною. Внутри этой стѣны и заключался «городъ», uru; кругомъ нея располагались слободы, въ которыхъ жили ремесленники, крестьяне и немногочисленные купцы. Крѣпостныя стѣны Ширпурлы были очень толстыя, сложенныя изъ кирпича; кирпичи были скрѣплены другъ съ другомъ плотнымъ слоемъ асфальта и слива-

лись, благодаря этому, какъ бы въ одну сплошную массу. Онѣ простояли тысячелѣтія, и теперь, когда остатки ихъ раскопаны де-Сарзекомъ, онѣ приводятъ въ изумленіе своими гигантскими размѣрами. У воротъ устраивались высокія башни; башни поменьше ставились на углахъ и вдоль стѣнъ на равномъ разстояніи. На стѣнѣ, окружавшей резиденцію Гудеа, было 27 башенъ; внутрь города можно было проникнуть черезъ шесть воротъ. Городъ, защищенный такими стѣнами, было невозможно взять приступомъ. Защитники лили на головы осаждающихъ растопленную смолу, осыпали ихъ стрѣлами и камнями. Обыкновенно городъ подвергался долгой осадѣ; враги старались не пропускать въ него никого, а въ особенности старались найти и разрушить водопроводъ. Если это удавалось, то участь города была рѣшена: безъ воды онъ скоро долженъ былъ сдаваться на милость побѣдителя. Но побѣдители не были тогда милостивыми. Часть побѣжденныхъ, царь, его семья и его приближенные, подвергались казни или должны были въ цѣпяхъ итти въ мрачныя темницы; прочихъ продавали въ рабство. Ширпурла, кажется, ни разу не подвергалась такой печальной и постыдной участи.

VI.

Патэси, его дворъ и хозяйство.

Надъ Ширпурлой властвуетъ патэси; такой же патэси властвуетъ въ сосѣднемъ съ Ширпурлой Гишху, въ Урѣ, Эрехѣ и Эриду на самомъ берегу Персидскаго

залива. Патэси Ширпурлы—одинъ изъ самыхъ богатыхъ патэси; Урукагина, одинъ изъ преемниковъ Ур-нины, считалъ число своихъ подданныхъ въ 36.000 человѣкъ. При Ур-нинѣ населеніе Ширпурлы было, конечно, меньше, но все-таки для того времени и при Ур-нинѣ область Ширпурлы была многолюдной страной.

Патэси были высокаго мнѣнія о своемъ достоинствѣ. Каждый патэси велъ свой родъ отъ какого-нибудь божественнаго жреца: какъ патэси Ширпурлы считали причисленнымъ къ сонму боговъ своего предка Ур-нину, такъ патэси Эреха считали богомъ легендарнаго царя Эреха Гильгамеша. Мало того: патэси каждаго города были увѣрены, что города были основаны тѣми богами, которыхъ въ каждомъ городѣ почитали; богу-покровителю города считалась принадлежащей и земля и городъ, въ ней находящійся. Патэси считали себя въ родствѣ съ такими богами-покровителями; Эаннатумъ, напримѣръ, говорилъ, что его вскормила молокомъ своимъ богиня Нинхарсагъ, а Энтемена говорилъ, что онъ получилъ жизнь отъ Энлиля. Послѣ смерти особенно прославившіеся патэси становились какъ бы богами; передъ ихъ статуями, какъ, напр., передъ статуями Гудеа, приносились жертвы. Патэси и вели себя подобно богамъ, гордо и недоступно. Сами они мало входили въ управленіе своими областями; на то у нихъ были многочисленные служилые люди, которымъ они и передавали всѣ многочисленныя заботы объ управленіи, судѣ, сборѣ податей и о награжденіи служащихъ и работниковъ. Только во время войны патэси сами становились во главѣ своихъ полковъ, не довѣряя руководства военными дѣйствіями своимъ слугамъ.

Главнымъ довѣреннымъ лицомъ патэси былъ такъ

называемый nubanda, первый сановникъ въ дворцѣ патэси. Онъ занималъ при дворѣ патэси такое же мѣсто, какъ дворецкій бояринъ у нашихъ князей Ростовско-Суздальской Руси. Какъ тотъ завѣдывалъ всѣми служилыми людьми и всѣмъ хозяйствомъ князя, такъ и nubanda сумерійскаго патэси. На нубанда патэси возлагалъ всѣ заботы и всю отвѣтственность, а въ награду давалъ ему большія поля и дѣлалъ ему щедрые подарки.

Первая и самая главная забота нубанда была о царскихъ поляхъ, о томъ, чтобы хозяйство на нихъ велось правильно и успѣшно. Богъ считался только верховнымъ владыкою земли; настоящимъ распорядителемъ ея былъ, однако, патэси, а не жрецы. Каждый патэси, вступая на престолъ, распредѣлялъ землю какъ хотѣлъ: отводилъ часть ея богу, т.-е. въ пользованіе храма и жрецовъ, отводилъ часть ея своей главной женѣ, затѣмъ давалъ участки нубандѣ и другимъ приближеннымъ. Жрецы, царскія жены и царскіе приближенные, получивъ землю, уже сами распоряжались ею, какъ хотѣли, иногда также назначали своихъ нубанда; патэси требовалъ отъ нихъ только вѣрной службы и приношеній, состоявшихъ изъ продуктовъ разнаго рода: зерна, плодовъ, винограда, вина, масла или шерсти. Всю же остальную землю патэси оставлялъ себѣ и поручалъ управленіе ею своему нубанда.

Нубанда прежде всего отправлялся на царскія поля и осматривалъ ихъ. Въ сопровожденіи слугъ, несшихъ за нимъ опахало, которымъ они отгоняли отъ своего господина докучливыхъ мухъ и тучи мушкары, выходилъ нубанда за стѣны города и садился на приготовленную для него колесницу. Это не тяжелая военная

колесница, запрягавшаяся обычно ослами; для недалекаго мирнаго путешествія колесница подавалась легкая, деревянная, запряженная волами; волы ходятъ медленно, но нубанда не хочетъ спѣшить, напротивъ, ему надо все осмотрѣть не спѣша и сообразить, какія перемѣны необходимо произвести въ царскомъ

Колесница, запряженная четырьмя ослами; за ней (внизу) бѣгутъ слуги.

хозяйствѣ, чтобы оно давало больше доходовъ. Доходы нубанда зависѣли отъ доходовъ патэси; чѣмъ больше доходовъ получитъ со своихъ полей патэси, тѣмъ щедрѣе будетъ онъ дарить своего дворецкаго. И вотъ, подъ горячими лучами солнца ѣдетъ нубанда на поля; совсѣмъ почти голые слуги бѣгутъ рядомъ съ колесницей, готовые каждый моментъ броситься со всѣхъ ногъ исполнять его приказанія.

Вотъ и поля патэси. Они правильно раздѣлены

на ровныя полосы земли; по межамъ между ними сдѣланы узкія дорожки, по которымъ можетъ проѣхать только одинъ человѣкъ верхомъ, а по краямъ полей сдѣланы небольшія канавки, откосы которыхъ обложены деревянными досками. По межамъ, не спѣша, лѣниво ѣздятъ верхомъ на ослахъ какіе-то люди; завидѣвъ нубанда, они громкимъ крикомъ погоняютъ ословъ и быстрѣе исполняютъ свою работу. Работа ихъ очень важная. Они наполняютъ водою изъ главныхъ каналовъ кожаные мѣхи, привязанные къ осламъ, развозятъ эту воду по полямъ и наполняютъ ею деревянныя канавки; канавки эти назывались «ручьями орошенія». И ослы, и мѣхи принадлежатъ патэси, а люди эти—его работники, «мастера земледѣлія», какъ ихъ ззали тогда въ отличіе отъ другихъ мастеровъ, работавшихъ на патэси.

Подъѣхавъ къ полямъ, нубанда беретъ отъ одного изъ сопровождающихъ его людей планъ полей, сдѣланный на глиняной таблеткѣ, и съ этимъ планомъ въ рукахъ осматриваетъ поля. Прежде всего, онъ осматриваетъ «поля обработки» и «поля орошенія». «Поля обработки»—это пашни и огороды; нубанда провѣряетъ, соотвѣтствуетъ ли плану раздѣленіе ихъ на рабочіе участки между «мастерами земледѣлія». Тутъ же разспрашиваетъ онъ работающихъ на поляхъ, довольны ли они своимъ положеніемъ. Онъ интересуется, хватитъ ли имъ на посѣвъ сѣмянъ, выдаваемыхъ изъ «дома плодовъ», или, быть можетъ, имъ выдается даже съ излишкомъ; потомъ спрашиваетъ, успѣваютъ ли они обработать во-время назначенные имъ участки съ помощью того количества ословъ и быковъ, которые имъ даются. Отвѣты получаются разные. У однихъ все хорошо; дру-

гіе, напротивъ, жалуются. Они говорятъ, что и сѣмянъ довольно, и скота больше не нужно; но бѣда въ томъ, что ихъ участки очень низко расположены. Когда начнутъ лить зимніе дожди, вода совсѣмъ ихъ затопляетъ, а послѣ разлива рѣкъ они очень долго не высыхаютъ; хлѣбъ мокнетъ, не вызрѣваетъ; во дворцѣ требуютъ, чтобы урожай былъ самъ-40—самъ-50, а у нихъ получается еле-еле самъ-20—самъ-30. Нубанда обѣщаетъ осмотрѣть эти поля и принять мѣры; затѣмъ онъ спрашиваетъ, достаточно ли выдается имъ зерна, плодовъ и масла на прокормъ. Въ отвѣтъ опять-таки нѣкоторые жалуются, что прежній господинъ мало о нихъ заботился. Правда, отъ обычая онъ не отступалъ: изъ «дома запасовъ» выдавалось имъ столько же, сколько давно уже установлено обычаемъ; но у одного прибавилась семья, у другого убавилась, а содержаніе сохранялось все прежнее. Нубанда обѣщаетъ и это исправить и ѣдетъ осматривать поля, на которыя жаловались ему работники. Оказывается, все, что они сказали ему, вѣрно. Хлѣбъ на этихъ поляхъ много ниже и рѣже, чѣмъ на другихъ, колосья не такъ тяжело налились; зато надъ ними носятся необозримыя тучи мошкары, и летаютъ съ крикомъ болотныя птицы. А рядомъ съ этими полями виднѣется зеленая осока, между группами которой блеститъ вода. Это болото, почти никогда не пересыхающее. Нубанда хмурится. Придется рыть здѣсь новый каналъ и, пожалуй, сооружать небольшую плотину. И онъ считаетъ въ умѣ, во сколько это обойдется. Придется начальнику водяныхъ и земляныхъ работъ дать еще поле, кромѣ того, которымъ онъ сейчасъ пользуется; пожалуй, не хватитъ и тѣхъ землекоповъ, которые постоянно работаютъ

на каналахъ, очищая ихъ отъ ила и оправляя ихъ откосы. Но сдѣлать это придется; и патэси, конечно, согласится на эту работу. Вѣдь тогда увеличатся сборы съ затопляемыхъ теперь полей, а патэси во славу себѣ сдѣлаетъ такую же надпись, какъ и всѣ его предшественники: «вырылъ онъ каналъ для бога Нингирсу». Осмотрѣвъ внимательно затопляемыя поля, нубанда намѣчаетъ приблизительно направленіе новаго канала и соображаетъ, что можно будетъ проведеніемъ его сразу достичь двухъ цѣлей: осушить затопляемыя теперь поля и превратить въ поле часть болота; изъ него выйдетъ два, а то и три рабочихъ участка, на которые можно будетъ посадить новыхъ «мастеровъ земледѣлія». Рѣшивъ въ умѣ это дѣло, нубанда ѣдетъ дальше.

За «полями обработки» тянутся «поля орошенія». Это—луга, расположенные въ такихъ мѣстахъ, гдѣ слишкомъ долго стоитъ полая вода, и гдѣ поэтому совсѣмъ уже невозможно земледѣліе. На поляхъ орошенія пасутся подъ наблюденіемъ пастуховъ многочисленныя стада патэси, его волы, быки, коровы и козы. Скота много, и онъ очень важенъ для хозяйства. Особенно важны волы: они самые усердные и главные работники. Они тащатъ соху, которою «мастера земледѣлія» распахиваютъ землю; когда пахота кончилась, и «мастера земледѣлія» разсыпятъ сѣмена по полямъ, воловъ и быковъ гонятъ на поля и заставляютъ ихъ копытами втаптывать сѣмена въ землю, чтобы не поклевали ихъ прожорливыя птицы. Пока зрѣетъ хлѣбъ, пока идетъ сѣнокосъ и жатва, воламъ отдыхъ; но когда начинается молотьба, ихъ опять гонятъ на работу: гоняютъ бичами по снопамъ, разложеннымъ на гумнѣ, и они своими копытами выбиваютъ изъ колосьевъ зерна. Подъ-

ѣхавъ къ стадамъ, нубанда беретъ списокъ головъ различнаго скота, написанный на глиняной таблеткѣ, и провѣряетъ количество его; затѣмъ опрашиваетъ пастуховъ, каково ихъ положеніе, и довольны ли они своимъ содержаніемъ. Осмотрѣвъ стада, нубанда ѣдетъ осматривать сады и огороды, принадлежащіе патэси. Въ садахъ растутъ финиковыя пальмы, драгоцѣнныя деревья, которыми можно пользоваться на «360 ла-

Волы (ассир. рельефъ).

довъ», стоятъ рядами стройныя маслины, зрѣютъ виноградные гроздья, желтѣютъ лимоны; на огородахъ тянетъ ароматомъ пахучаго лука, «лука душистаго», любимой приправы кушаньевъ, подающихся за столомъ у патэси, и виднѣются изъ самой земли подъ огромными листьями гигантскіе огурцы, достигающіе иной разъ $^1/_4$ арш. въ длину. Такіе огурцы и теперь мы можемъ найти гдѣ-нибудь въ Закавказьѣ или въ Персіи, гдѣ они служатъ любимой пищей грузчиковъ, матросовъ и другихъ чернорабочихъ.

Осмотрѣвъ огородъ и садъ и поговоривъ съ огородниками и садовниками, живущими тутъ же въ легкихъ

хижинкахъ изъ тростника, нубанда ѣдетъ обратно во дворецъ. Во дворцѣ ему еще много дѣла; а между тѣмъ, по дорогѣ надо заглянуть еще въ слободу, гдѣ живутъ многочисленные дворцовые ремесленники. Слобода эта расположилась у самыхъ стѣнъ города: ремесленники постоянно требуются во дворецъ для разныхъ работъ, изъ дворца же получаютъ они и кормъ за свою работу, выдаваемый имъ продуктами изъ «дома запасовъ» патэси. Тутъ самые разнообразные ремесленники; чего ни захочетъ патэси, сейчасъ же для этого найдется мастеръ подъ руками. Не только горшечники, кожевники, кузнецы, литейщики и портные живутъ тутъ въ слободѣ и работаютъ на патэси; тутъ есть и парфюмеры, готовящіе на маслѣ, выжимаемомъ изъ плодовъ маслины, различныя мази и духи; изъ садовъ садовники присылаютъ имъ алоэ, мирту и другіе душистые цвѣты для приготовленія душистыхъ снадобьевъ. Тутъ живутъ ювелиры, изготовляющіе для патэси и его женъ золотыя и серебряныя украшенія—перстни для пальцевъ, браслеты на руки и ноги, ожерѣлья и запястья; изъ драгоцѣнныхъ камней вырѣзываютъ они печати, которыя царь и его приближенные прикладываютъ къ своимъ грамотамъ, счетамъ и реестрамъ; дѣлаютъ они и амулеты, надъ которыми жрецы произносятъ заговоры, чтобы сообщить имъ волшебную силу. Тутъ, наконецъ, живутъ каменщики, плотники и рѣзчики по дереву, безъ которыхъ не можетъ обойтись патэси, если вздумаетъ перестраивать свой дворецъ или украшать его статуями и рельефными изображеніями. Всѣ эти ремесленники должны работать только на патэси; для храма есть другіе ремесленники, принадлежащіе богу; они и живутъ въ другой слободѣ, около храма.

Побывавъ въ ремесленной слободѣ, нубанда возращается въ городъ, и пока слуги готовятъ ему обѣдъ, нъ раздумываетъ обо всемъ, что видѣлъ. Много рабочихъ людей прошло сегодня передъ нимъ, все работники разныхъ спеціальностей. Все это люди, принадлежащіе патэси; нѣкоторые изъ нихъ рабы, купленные или захваченные въ плѣнъ на войнѣ, но бо̀льшая асть—крѣпостные люди, нуждавщіеся въ помощи атэси по своей бѣдности и потому принужденные ѣчно работать на него. У иного изъ нихъ нѣтъ даже воего бича или хомута; и соху, и упряжь, и носилки—се даетъ имъ патэси, а ремесленникамъ даетъ и ихъ нструменты. Вотъ и работаютъ они на поляхъ патэси, го орудіями, при помощи его скота, сѣютъ его сѣмена, брабатываютъ его шерсть, кожу и камень. Всѣхъ ихъ, «мастеровъ земледѣлія», и пастуховъ, и ремесленниковъ приходится кормить, выдавать имъ содержаіе изъ «дома запасовъ» патэси. Въ этотъ «домъ запаовъ» свозятъ все, что собирается съ полей, садовъ и городовъ патэси; сюда же несутъ свои приношенія тѣ земледѣльцы, у которыхъ есть свои участки земли средства для ихъ обработки—они живутъ подъ властью атэси, питаются съ земли его бога, и должны ему а это платить оброкъ, а если станутъ платить неисправно,) патэси сейчасъ же можетъ отнять у нихъ ихъ сады поля и превратить ихъ въ своихъ «мастеровъ земледѣлія». На обязанности нубанда лежитъ счетъ всѣхъ апасовъ патэси и раздача положеннаго корма всѣмъ абочимъ людямъ: нубанда—главный казначей и экомъ во дворцѣ. Вступая въ должность, онъ обязанъ ровѣрить всѣ запасы по счету и просмотрѣть реестры абочихъ людей съ обозначеніемъ содержанія каждому

изъ нихъ—послѣ утренняго объѣзда, можетъ быть, понадобится что-нибудь перемѣнить, добавить или уменьшить.

Между тѣмъ, приходитъ съ низкими поклонами рабъ, личный слуга патэси, и объявляетъ, что патэси приглашаетъ нубанда къ своему столу. Нубанда отправляется на главный дворъ дворца, гдѣ собрались уже другіе сановники, приглашенные къ царскому столу. Тутъ встрѣчается онъ съ придворными прорицателями. Ихъ трое: a b a r a k k u, знающій тайны гаданія по печени жертвенныхъ животныхъ, a b k a l l u, гадающій по водѣ и по маслу, и придворный снотолкователь. Эти три способа гаданій считались очень важными. Печень — органъ, производящій кровь, а кровь то же, что жизнь или душа. Печень, поэтому, считалась вмѣстилищемъ души и, по мнѣнію сумеровъ, была самымъ важнымъ органомъ тѣла, въ которомъ заключалось божественное начало; самое названіе печени, k a b i t t u, употреблялось вмѣсто слова «душа», а названіе сердца, l i b b u, употреблялось иногда для обозначенія печени. Разсматривая еще теплую печень, вырѣзанную изъ жертвеннаго животнаго, прозорливый жрецъ замѣчаетъ, правильно ли расположены по ея поверхности кровяныя жилки и пузырьки, правильно ли расположены ея доли, и нѣтъ ли чего-нибудь необычнаго на ея поверхности. Всякая особенность, всякое отклоненіе отъ нормы, наводитъ жреца на раздумье: очевидно, эти особенности имѣютъ какой-то тайный смыслъ; если его разгадать, то можно узнать волю боговъ о грядущемъ событіи. Для того, чтобы научиться узнавать волю боговъ по печени, нужно долго заниматься подъ руководствомъ опытнаго въ этомъ дѣлѣ

креца; это—трудная и сложная наука, очень старинная, идущая изъ той глубокой древности, когда предки сумеровъ были еще совершенными дикарями, въ родѣ дикарей острова Борнео, Австраліи или Африки, которые до нашихъ дней вѣрятъ въ гаданія по печени. Другой важный гадатель—это толкователь сновъ. Сумеры вѣрили, что сонъ человѣка—это такое особенное состояніе, когда душа человѣка временно отдѣляется отъ его тѣла, можетъ вступать въ сношенія съ душами умершихъ людей, съ богами, съ духами камней, животныхъ и растеній. Если лечь спать въ храмѣ или недалеко отъ статуи бога, то, навѣрное, во снѣ явится человѣку богъ; отъ него человѣкъ можетъ получить откровеніе, которое сразу не бываетъ понятно, надо также умѣть его растолковать. Такъ, Гудеа разсказываетъ, что передъ постройкой своего дворца и храма онъ видѣлъ сонъ, что явился ему самъ богъ Нингирсу, велѣлъ построить храмъ и дворецъ и указалъ планъ постройки.

Прорицатели, собравшіеся въ ожиданіи патэси, оживленно обмѣниваются мнѣніями по поводу гаданій, произведенныхъ ими по случаю вступленія на престолъ новаго патэси. Абаракку говоритъ, что результаты гаданія по печени вполнѣ благопріятны для патэси: желчный протокъ оказался очень длиннымъ, а это предвѣщаетъ патэси долгіе дни; когда абаракку осмотрѣлъ желчный пузырь, то и тутъ оказались благопріятныя предзнаменованія: нижняя часть пузыря справа оказалась цѣлою, а слѣва—разорванною, а это—вѣрный знакъ, что войска патэси будутъ стоять крѣпко, а войска его врага попадутъ въ опасное положеніе. Абкаллу, гадатель по маслу и водѣ, также дѣлится своими впечатлѣніями. Его дѣло состоитъ въ томъ, что

онъ наливаетъ въ особую чашу святой жертвенной воды и капаетъ туда святого жертвеннаго масла; масло, расплываясь по водѣ, образуетъ самыя причудливыя сочетанія и узоры, отливаетъ различными цвѣтами. Это не случайно—боги дѣлаютъ это, и если разгадать смыслъ различныхъ узоровъ, расположенія капель масла и его цвѣтовыхъ отливовъ, то также можно узнать волю боговъ. Абкаллу разсказываетъ, что когда онъ началъ производить гаданіе, то его объялъ страхъ: капли масла, точно свинцовыя, пошли ко дну, какъ будто предвѣщая патэси близкую смерть. Но потомъ масло сейчасъ же поднялось на поверхность и образовало два кольца, и абкаллу успокоился: повидимому, патэси грозитъ опасная болѣзнь, но онъ отъ нея поправится и даже получитъ радость, такъ какъ два масляныхъ кольца означаютъ не только, что онъ выздоровѣетъ, но также предвѣщаютъ ему рожденіе сына. Снотолкователь молчитъ; патэси уже разсказывалъ ему свой сонъ, но онъ оказался такимъ страннымъ и запутаннымъ, что снотолкователь все еще не рѣшается окончательно о немъ высказаться: много въ немъ непонятнаго, неподходящаго ни подъ одно извѣстное толкованіе. Снотолкователь подумаетъ еще, а потомъ, вѣроятно, посовѣтуетъ патэси послать спросить оракула въ Ниппурѣ. Ниппурскіе жрецы могутъ производить самыя точныя, самыя безошибочныя, но и самыя трудныя гаданія: ночью они поднимаются на вершину своего семияруснаго зиккурата и гадаютъ по расположенію небесныхъ свѣтилъ. Можно ошибиться во всякомъ другомъ гаданіи, но нельзя ошибиться въ гаданіи по звѣздамъ, такъ какъ звѣзды и планеты—это сами боги, и по ихъ движеніямъ безошибочно можно угадать ихъ волю.

Кромѣ прорицателей, въ ожиданіи патэси столпились другіе его слуги и приближенные. Тутъ стоитъ главный судья, di-kud, которому патэси поручилъ творить судъ и расправу надъ своими подданными; тутъ стоитъ и dub-sar, главный дворцовый секретарь, подъ начальствомъ котораго состоятъ многочисленные мелкіе писцы, записывающіе на глиняныхъ таблеткахъ всѣ приходы, расходы и ведущіе списки всѣмъ служащимъ и рабочимъ. Нубанда подходитъ къ главному писцу и вступаетъ съ нимъ въ долгій разговоръ: скоро ему понадобятся услуги писцовъ, такъ какъ онъ намѣревается произвести большія перемѣны въ распредѣленіи и содержаніи служащихъ. Изъ болѣе почтенныхъ лицъ стоятъ здѣсь главные жрецы Нингирсу, Нины, Бау и Уру, также приглашенные къ столу владыки. Наконецъ, является самъ патэси, окруженный своими оруженосцами и тѣлохранителями. Это—все болѣе молодые люди, которымъ еще долго надо служить, прежде чѣмъ занять какую-нибудь важную должность. Всѣмъ имъ за службу патэси далъ небольшія поля; нѣкоторые изъ нихъ довольствуются и солончаками, получая продукты сельскаго хозяйства въ обмѣнъ за добываемую ими соль.

По приходѣ патэси начинается пиръ, во время котораго владыка оповѣщаетъ собравшихся, что онъ на другой день ѣдетъ къ своему царю, властителю Киша, чтобы принести ему вассальную присягу и получить отъ него инвеституру—утвержденіе въ своемъ санѣ. Съ нимъ должны ѣхать и всѣ собравшіеся, въ качествѣ его свиты. Поэтому, по окончаніи пира нубанда, немного отдохнувъ, спѣшитъ докончить свои дѣла. Онъ зоветъ надзирателя за амбарами, «домами запасовъ», такъ назы-

ваемаго d u g - g u r'a, и идетъ вмѣстѣ съ нимъ провѣрять запасы въ амбарахъ. Надзиратель созываетъ рабочихъ, живущихъ во дворцѣ, дубсаръ даетъ нубанда нѣсколько писцовъ, и всѣ они отправляются по обширнымъ амбарамъ и закромамъ. Слуги несутъ съ собою

Ур-нина и его свита (наверху — при жертвоприношеніи, внизу—при пріемѣ).

лѣстницы, которыя приходится подставлять къ стѣнамъ амбаровъ, чтобы проникнуть внутрь ихъ съ крыши. Долго и тщательно идетъ провѣрка; наконецъ, все окончено, и остается сдѣлать послѣднее дѣло: привести въ порядокъ реестры служащихъ и работниковъ, и опредѣлить точно содержаніе имъ. Это дѣло нубанда откла-

цываетъ до своего возвращенія изъ Киша, куда долженъ ѣхать вмѣстѣ со своимъ патэси.

Путешествіе продолжается долго: дальній путь туда, дальній путь оттуда, да еще въ Кишѣ приходится гостить, царь не сразу отпускаетъ своего вассала и его свиту, угощаетъ и увеселяетъ его. Наконецъ, нубанда опять дома, въ Ширпурлѣ. Опять принимается онъ за дѣло, спѣша докончить его, чтобы скорѣе установить въ хозяйствѣ полный порядокъ. Приведя въ порядокъ всѣ счета и реестры, приглашаетъ онъ писцовъ. Писцы приходятъ со свѣжими глиняными таблетками, еще сырыми, съ палочками, остро отточенными, и садятся на корточки, ожидая приказаній нубанда. Нубанда диктуетъ имъ, а они быстрыми ловкими движеніями палочекъ выводятъ на таблеткахъ клинообразными знаками новые счета и реестры. Монотонно и однообразно звучитъ то, что они записываютъ. «120 ка *) Ушкуду, 60 ка Энту, 60 ка Шид-ан-ду-галушагга, 60 ка Нин-гирсу-ше-гинъ, мужчинамъ; 60 ка Шеш-да, 60 ка Хе...анъ, 60 ка Нин-э-дин-ни, 60 ка Зана, женщинамъ; всего 1 человѣку—120 ка, 5 людямъ по 60 ка, 4 женщинамъ по 60 ка; всего пшеницы 2 гура 180 ка (а надсмотрщикъ надъ ними) Эназагъ». И долго, въ томъ же родѣ, продолжается скучное перечисленіе; столбецъ исписывается за столбцомъ, одна за другою исписываются обѣ стороны таблетки, пока, наконецъ, не приходитъ реестръ къ концу. Тогда нубанда беретъ свою печать, въ видѣ цилиндра или драгоцѣннаго камня съ отверстіемъ внутри него, вдѣваетъ въ отверстіе па-

---

*) Мелкая мѣра емкости; ея размѣры еще точно не установлены. Слѣдующая по размѣрамъ мѣра называлась *гуръ*.

лочку и прокатываетъ цилиндръ подъ послѣдней строчкой таблетки. На таблеткѣ отпечатывается надпись, вырѣзанная на цилиндрѣ: «Энигалль, нубанда, изъ запаса распредѣлилъ», а писецъ прибавляетъ дату—«въ годъ 1-й патэси такого-то, въ такой-то мѣсяцъ и день». Такъ составляются заново реестры работниковъ различныхъ разрядовъ, а старые реестры бережно собираются и складываются въ особую комнату дворца, гдѣ лежитъ уже много такихъ старыхъ таблетокъ, хранится цѣлый ихъ архивъ. Съ новыхъ таблетокъ снимаются копіи и раздаются надсмотрщикамъ различныхъ разрядовъ рабочихъ, которые въ назначенные дни приходятъ къ дому запасовъ, чтобы получить полагающееся для ихъ артелей содержаніе.

Знатная сумерійская женщина.

Такъ ведетъ хозяйство нубанда патэси. У главной жены патэси свой нубанда, завѣдующій ея полями и людьми. Въ женской половинѣ дворца вмѣстѣ съ главной женой патэси живутъ его другія жены и ихъ служанки, «рабыни гарема». Среди «рабынь гарема» много разрядовъ. Тутъ есть и ткачихи, умѣющія изготовлять матеріи для одежды, кормилицы, кормящія многочисленное потомство патэси

рабыни, принимающія участіе въ религіозныхъ жертвоприношеніяхъ и церемоніяхъ. У каждаго бога или богини былъ также свой нубанда, завѣдывавшій хозяйствомъ храмовыхъ земель. Его обязанности были не менѣе сложны, чѣмъ обязанности нубанда, служившаго патэси. Распредѣлять же запасы ему было много труднѣе, чѣмъ патэси какого-либо отдѣльнаго лица. Ему приходилось распредѣлять запасы не только между работниками и работницами, но также между жрецами и богомъ. Богу шло ежедневно въ жертву опредѣленное количество плодовъ, зерна, масла, вина и воды; кромѣ того, изъ стадъ приносились богу кровавыя жертвы. Этимъ жертвамъ велись точные реестры, при чемъ различались реестры для обыкновенныхъ дней, когда жертвъ было меньше, и для праздничныхъ дней, когда число жертвъ удваивалось и утраивалось. Затѣмъ, отдѣливъ часть богу, нубанда долженъ былъ отдѣлить часть для жрецовъ. Жрецовъ въ каждомъ храмѣ было немало; верховнымъ жрецомъ всѣхъ храмовъ считался патэси, и поэтому прежде всего часть доходовъ храма отдѣлялась ему. Потомъ распредѣлялись доли жрецовъ, сообразно ихъ рангу и должности. Много нужно было тутъ умѣнья, памяти и такта, чтобы соблюсти всѣ обычаи, никого не обидѣть и никому не дать лишняго.

Но страдная пора для всякаго нубанда наступала въ концѣ лѣта, когда въ «домы запасовъ» и въ «домы плодовъ» начинали поступать собранные съ полей и изъ садовъ продукты, когда начинали приносить свой оброкъ подданные крестьяне, работавшіе самостоятельно, когда присылали дань подвластные патэси князьки и вельможи. И нубанда, и писцамъ было тогда по-горло работы: нужно было записать весь приходъ

и сообразно съ его размѣрами составить новое распредѣленіе запасовъ между всѣми многочисленными жителями дворца, храма, работниками и работницами.

VII.

Патэси и его царь.

Патэси Ширпурлы считали своимъ царемъ бога Нингирсу, говорили, что вся земля Ширпурлы принадлежитъ Нингирсу, и что они получили ее въ даръ отъ бога за вѣрную службу. Но кромѣ этого божественнаго царя, у нихъ былъ еще свой земной царь. Патэси Ширпурлы, Гишху, Эреха, другихъ городовъ и странъ потому такъ и назывались, что они не были вполнѣ независимыми владыками. У нихъ былъ царь, л у г а л ь, власти котораго они должны были подчиняться.

Надъ патэси Ширпурлы былъ царемъ владыка Киша. Мы уже знаемъ, что Кишъ—семитскій городъ, основанный на сѣверѣ Сеннаара. Цари Киша властвовали надъ областью, которая находилась рядомъ съ сѣверной частью Двурѣчья, гдѣ постоянно бродили различныя кочевыя племена, не разъ пытавшіяся пробраться въ плодоносный и густо заселенный Сеннааръ. Цари Киша принуждены были постоянно быть насторожѣ противъ нихъ. И безъ того гораздо болѣе воинственные, чѣмъ мирные земледѣльцы-сумеры, цари Киша въ постоянныхъ войнахъ съ кочевниками все болѣе и болѣе развивали свою воинскую доблесть. Постепенно въ нихъ выросло и укрѣпилось сознаніе, что они являются глав-

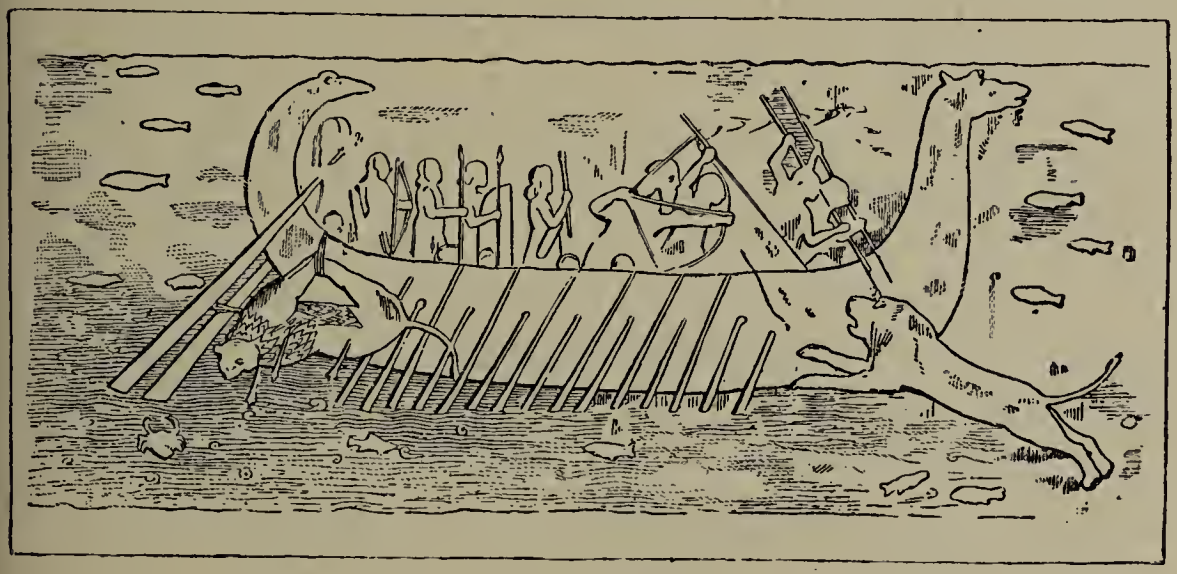
ными защитниками Сеннаара отъ кочевниковъ, и что поэтому имъ должны подчиняться всѣ прочіе владыки Сеннаара. Мы не знаемъ навѣрное, какъ произошло это подчиненіе. По всей вѣроятности, ближайшіе сосѣди царей Киша доборовольно вступили съ нимъ въ союзъ, такъ какъ имъ было выгодно поддержать царей Киша въ ихъ борьбѣ со степняками. Вступивъ съ царемъ Киша въ союзъ, сосѣдніе патэси признали его своимъ предводителемъ, а себя—его военными слугами. Южные патэси должны были послѣ этого также подчиниться царямъ Киша; одни, вѣроятно, дѣлали это поневолѣ, уступая силѣ; другіе, быть можетъ, добровольно. Мы не знаемъ, всѣ ли города Сеннаара подчинялись царямъ Киша; но такъ какъ Ширпурла лежала почти на самой южной окраинѣ Сеннаара, то надо думать, что всѣ патэси между Ширпурлой и Кишемъ признавали надъ собой власть царей Киша. Вѣроятно, царямъ Киша не подчинялись только святые города: Ниппуръ, Уръ и Эриду. Ниппуръ вообще былъ слишкомъ святымъ мѣстомъ, чтобы на него могли посягнуть цари Киша, а Уръ и Эриду лежали слишкомъ далеко отъ Киша: это были самые южные города Сеннаара, лежавшіе на самомъ морскомъ берегу.

Но была еще одна причина, которая помогла царямъ Киша возвыситься. Кишъ лежалъ на лѣвомъ берегу Евфрата, какъ разъ напротивъ того мѣста, гдѣ впослѣдствіи образовался великій Вавилонъ. Отъ этого пункта на Евфратѣ начиналась большая дорога черезъ пустыню на сѣверо-западъ; по этой дорогѣ, долгимъ и труднымъ путемъ, можно было добраться до прибрежныхъ странъ Средиземнаго моря, Сиріи и Палестины, а ими пройти въ Египетъ и въ Счастливую Аравію. По этой дорогѣ,

какъ мы уже знаемъ, шли орды кочевниковъ; но по ней же шли и торговые караваны. Уже въ ту отдаленную эпоху были торговыя сношенія съ Египтомъ; во дворцахъ патэси находились вещи, сдѣланныя въ Египтѣ, напримѣръ, амулеты изъ дорогого зеленаго нефрита, камня, считавшагося волшебнымъ. Цари Киша извлекали значительныя выгоды изъ этой торговли. Правда, она была не очень оживленная; врядъ ли купцы пріѣзжали въ Сеннааръ чаще, чѣмъ разъ въ годъ. Но царь Киша бралъ съ нихъ пошлины, а ко времени ихъ пріѣзда въ Кишъ съѣзжались торговые агенты изо всѣхъ городовъ Сеннаара. У каждаго владыки Сеннаара былъ такой свой агентъ, damkar; царь Киша допускалъ къ себѣ только тѣхъ дамкаровъ, патэси которыхъ ему подчинялись. Купцамъ же, пріѣзжавшимъ въ Сеннааръ, не было никакой выгоды ѣхать дальше Киша, разъѣзжать по всему Сеннаару и предлагать свои товары. Гораздо проще было имъ тутъ же, въ Кишѣ, распродать свои товары дамкарамъ. По этой причинѣ съ царями Киша не приходилось ссориться. Благодаря такому положенію Киша, власть его царей еще болѣе усиливалась.

Каждый вновь вступающій на престолъ патэси долженъ былъ являться къ царю Киша и приносить ему присягу на вѣрность. Такую же присягу долженъ былъ приносить ему и патэси Ширпурлы. Съ большой свитой отправлялся онъ въ Кишъ. Путь въ Кишъ былъ удобный, рѣчной, по Евфрату, его рукавамъ и каналамъ. Въ путь пускались въ концѣ лѣта, осенью, когда бо̀льшая часть полевыхъ работъ уже закончена, и когда Евфратъ уже болѣе или менѣе вошелъ въ свои берега. Для патэси и его свиты приготовлялись лодки, укра-

шенныя на носу изображеніемъ священнаго герба Ширпурлы—орла, распростертаго на двухъ львахъ; лодки, принадлежавшія другимъ патэси, украшались гербами ихъ городовъ. Въ лодки садились въ два ряда гребцы и вооруженная стража, которую бралъ съ собою, на случай опасности, всякій путешественникъ, отправлявшійся въ дорогу. Путь въ Кишъ лежалъ чрезъ владѣнія патэси Гишху, постояннаго врага Ширпурлы; патэси Гишху могъ напасть на путниковъ и



Львы нападаютъ на лодку.

захватить ихъ въ плѣнъ. Но кромѣ людей, врагами могли оказаться и звѣри. По берегамъ Евфрата ночью не было безопасно отъ гіенъ и шакаловъ, а иногда подбирались къ рѣкѣ львы и тигры. Дерзость этихъ хищниковъ доходила иногда до того, что съ берега ловкимъ прыжкомъ они прыгали прямо въ лодку и вступали въ борьбу съ сидѣвшими въ ней людьми. Вооруженные люди тутъ могли очень пригодиться. Завидѣвъ хищника на берегу, его пытались застрѣлить стрѣлами изъ луковъ, а когда онъ нападалъ на лодку,

то отражали его ударами копьевъ. Дорога, слѣдовательно, была исполнена всякихъ опасностей.

Путь отъ Шурпурлы до Киша продолжался не менѣе недѣли, если погода была благопріятна, и на дорогѣ не было никакихъ приключеній. Послѣ утомительнаго пути пріятно было выйти изъ лодокъ подъ гостепріимный кровъ царей Киша. На другой день по пріѣздѣ, когда гости успѣвали отдохнуть и оправиться съ дороги, происходила самая церемонія присяги и инвеституры. Церемонія была обставлена большою торжественностью. Царь и патэси выходили другъ къ другу навстрѣчу въ сопровожденіи свиты; гладкія бритыя лица и головы патэси и его сумерійскихъ спутниковъ рѣзко отличались отъ длиннобородыхъ и черноволосыхъ семитовъ, царя Киша и его спутниковъ. Царь выступалъ съ царской булавой въ одной рукѣ и съ діадемой въ другой рукѣ; патэси, съ копьемъ въ рукѣ, произносилъ торжественную присягу именемъ Энлиля, Баббара, бога солнца, и Нингирсу, и, призывая на свою голову всяческія проклятія за нарушеніе клятвы, подносилъ царю богатые подарки. Тогда царь вручалъ ему діадему, знакъ княжескаго достоинства, и послѣ этой церемоніи начинался богатый пиръ, въ которомъ принимали участіе придворные обоихъ владыкъ; за пиромъ музыканты играли на арфахъ, пѣли пѣвцы, а послѣ пира гости смотрѣли на пляски танцовщицъ. Пробывъ еще нѣкоторое время у царя, побывавъ съ нимъ на охотѣ и обсудивъ разныя дѣла, касавшіяся обоихъ владыкъ, патэси съ своей свитой садился въ свои лодки и отправлялся обратно въ Ширпурлу.

Цари Киша очень дорожили Ширпурлой. Это былъ

одинъ изъ самыхъ богатыхъ городовъ на югѣ; онъ имѣлъ нѣкоторое значеніе и для торговли. Отъ устья Евфрата шла моремъ другая важная дорога, въ юго-восточную Аравію, гдѣ, какъ мы знаемъ уже, находились богатая страна Маганъ, и въ Индію, откуда везли въ Сеннааръ слоновую кость. Діоритъ, драгоцѣнные камни, золото и слоновая кость были нужны не только патэси Ширпурлы; для своихъ построекъ нуждались во всѣхъ

Встрѣча царя Киша съ патэси Ширпурлы (реконструкція).

этихъ предметахъ и царь Киша и другіе патэси. По этому, если въ Кишъ съѣзжались дамкары съ разныхъ концовъ Сеннаара за египетскими и сирійскими товарами, то въ Ширпурлу пріѣзжали дамкары за аравійскими и индійскими товарами. Патэси Ширпурлы старались поддерживать добрыя отношенія съ арабскими племенами, а когда тѣ почему-либо затѣвали ссору, они ходили на нихъ походомъ и подчиняли ихъ себѣ Поэтому, цари Киша изъ всѣхъ своихъ вассаловъ болѣе всего дорожили патэси Ширпурлы. Они весьма

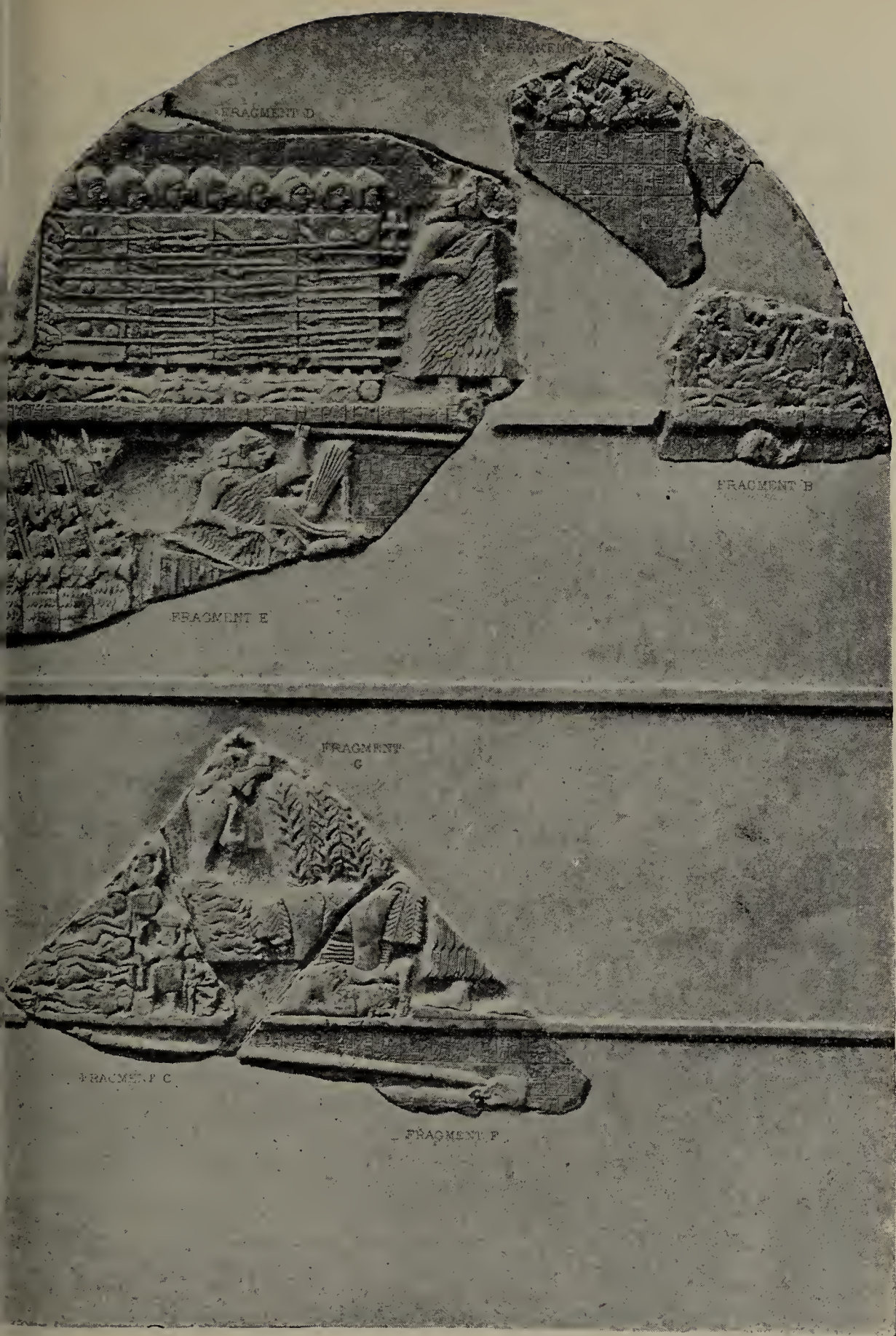
уважали бога Ширпурлы Нингирсу. Царь Киша, Месилимъ, поставилъ въ Ширпурлѣ даръ богу Нингирсу: выстроилъ въ честь бога храмъ и помѣстилъ въ немъ огромную булаву, на которой были изображены орелъ съ львиной головой, сидящій на львахъ, символъ бога Нингирсу, и была вырѣзана надпись: «Месилимъ, царь Киша, строитель храма Нингирсу, для Нингирсу поставилъ (это), когда Лугаль-шаг-энгуръ былъ патэси Ширпурлы».

Ширпурла сдѣлалась при внукѣ Ур-нины, Эаннатумѣ, настолько сильной, что Эаннатумъ превратился изъ патэси въ царя, не только освободился отъ власти царя Киша, но даже подчинилъ себѣ и Кишъ и другіе города Сеннаара.

Походы свои Эаннатумъ началъ противъ ближайшихъ къ Ширпурлѣ городовъ, Ларсы, Ура и Эреха. Эти города лежали въ приморской полосѣ, какъ и Ширпурла, и соперничали съ Ширпурлой, принимая у себя арабскихъ кочевниковъ и купцовъ, приплывавшихъ съ моря. Всѣ эти города, съ прилегавшими къ нимъ поселеніями, Эаннатумъ подчинилъ себѣ и обложилъ данью. Ширпурла сразу усилилась; царь Киша обезпокоился, и, повидимому, подстрекнулъ патэси Гишху, Уша, вѣчнаго врага Ширпурлы, начать съ нею войну. Ушъ воспользовался моментомъ, когда Эаннатумъ былъ занятъ другими дѣлами, и неожиданно напалъ на него. На границѣ владѣній Эаннатума и Уша стоялъ пограничный столбъ, который былъ поставленъ триста лѣтъ назадъ, царемъ Месилимомъ; Месилимъ взялъ тогда съ обоихъ патэси клятву свято соблюдать границу и не уничтожать пограничнаго столба. Ушъ разрушилъ этотъ столбъ, занялъ своими

войсками пограничную область Ширпурлы Гуеддинъ и объявилъ ее своею собственностью. Эаннатумъ собралъ свое ополченіе и двинулся на враговъ. На огромной стэлѣ, поставленной Эаннатумомъ въ память своей побѣды и принятія царскаго титула, изображены были всѣ моменты этого похода. Первое движеніе было направлено на то, чтобы выгнать врага изъ предѣловъ Ширпурлы. Эаннатумъ созвалъ свое ополченіе и выстроилъ его рядами; воины были вооружены огромными копьями и несли ихъ сбоку на перевѣсъ, такъ что каждый рядъ являлся какъ бы живою стѣною, защищающею слѣдующій рядъ. Ударъ воиновъ Эаннатума былъ страшный и несокрушимый: войско Уша потерпѣло жестокое пораженіе, несмотря на помощь изъ Киша. На стэлѣ изображены трупы враговъ Эаннатума: они лежатъ подъ ногами его воиновъ, голова къ головѣ, ноги къ ногамъ. Остатки разбитой арміи Уша бѣжали въ Гишху. Тогда Эаннатумъ перешелъ къ наступленію. Онъ сѣлъ на свою боевую колесницу во главѣ своихъ воиновъ и двинулся на Гишху. Этотъ моментъ также изображенъ былъ на стэлѣ; вѣроятно, была изображена и окончательная побѣда Эаннатума надъ Гишху и Кишемъ, но, къ сожалѣнію, вся нижняя часть стэлы не сохранилась. Но сохранились символическія изображенія побѣды Эаннатума. На одномъ осколкѣ, оставшемся отъ стэлы, изображены стаи коршуновъ, пожирающихъ тѣла убитыхъ враговъ Эаннатума. На другой сторонѣ осколковъ, изображающихъ походъ Эаннатума, изображена божественная помощь, которую оказалъ Эаннатуму Нингирсу. Эаннатумъ вѣрилъ, что Нингирсу былъ разгнѣванъ нападеніемъ Уша и отнятіемъ Гуеддина—вѣдь вся земля Шир-

Стэла коршуновъ (реконструкція). Передняя сторона.



Стэла коршуновъ (реконструкція). Задняя сторона.

пурлы считалась владѣніемъ Нингирсу. И свою блестящую побѣду Эаннатумъ приписалъ незримому вмѣшательству великаго бога Ширпурлы. На стэлѣ былъ изображенъ Нингирсу, въ видѣ длиннобородаго царя— такъ какъ царями доселѣ были надъ сумерами семитскіе длиннобородые владыки, то и божество, по образу царя, было изображено длиннобородымъ. Нингирсу въ одной рукѣ держитъ гербъ Ширпурлы, орла, парящаго на львахъ, а въ другой рукѣ онъ держитъ сѣть, наполненную трупами враговъ Ширпурлы. Какъ Бэлъ-Энлиль въ борьбѣ съ водянымъ чудовищемъ Тіаматъ разставилъ ей сѣть и изловилъ ее, такъ и Нингирсу поймалъ въ свою сѣть всѣхъ враговъ Ширпурлы. Въ надписи, сопровождающей эти изображенія, говорилось, что самъ Нингирсу позвалъ Эаннатума, благословилъ его на бой и обѣщалъ, что съ нимъ будетъ и великій Баббаръ, богъ солнца.

Побѣдивъ Гишху, Эаннатумъ двинулся на сѣверъ, подчиняя всѣ города по дорогѣ къ Кишу, а затѣмъ подчинилъ себѣ и Кишъ. На стэлѣ коршуновъ (такъ называется стэла Эаннатума по изображеннымъ на ней коршунамъ) Эаннатумъ называетъ уже себя царемъ; какъ царь, онъ диктовалъ побѣжденнымъ условія мира. Онъ отдѣлилъ владѣнія Ширпурлы отъ владѣній Гишху пограничнымъ рвомъ и возстановилъ пограничный столбъ Месиллима. Отъ «людей Гишху» потребовалъ онъ клятвы, что никогда они не нарушатъ болѣе этой границы, а отъ всѣхъ подчиненныхъ городовъ потребовалъ себѣ вассальной присяги. Присяга была скрѣплена жертвоприношеніями и клятвами передъ цѣлымъ сонмомъ боговъ всѣхъ подчиненныхъ Эаннатумомъ областей. Каждый патэси долженъ былъ клясться именемъ

своего бога, а вѣроломныхъ «людей Гишху» Эаннатумъ заставилъ клясться и передъ Нингирсу, и передъ Баббаромъ, богомъ солнца, и передъ Наннаромъ (Синомъ), богомъ луны. Клятва ихъ, безконечное число разъ повторенная, была записана на стэлѣ коршуновъ въ знакъ того, что она нерушима навѣки, и нарушившіе ее отвѣтятъ передъ Нингирсу, изображенномъ на ней. Стэла была посвящена Нингирсу: это былъ и памятникъ побѣды и даръ благодарности богу. А самъ Эаннатумъ гордо смотрѣлъ на побѣжденныхъ и присвоилъ себѣ прозваніе мудраго: «я полонъ мудрости»—говоритъ онъ постоянно въ надписи на стэлѣ.

Такъ погибло могущество Киша, и возвысилась Ширпурла. Но власть царей Ширпурлы не могла упрочиться надолго. Скоро послѣ Эаннатума кончилось его потомство, и власть перешла къ новой династіи, первымъ царемъ которой былъ Урукагина. Ко времени Урукагины сельчане, «мастера земледѣлія» и самостоятельные крестьяне начали волноваться: слишкомъ тяжко жилось имъ подъ властью жрецовъ и царскихъ сановниковъ. Урукагина сталъ на ихъ сторону и, вѣроятно, поднялъ возстаніе противъ тогдашняго царя Лугальзаггисси. На престолъ Урукагина сѣлъ, но опоры подъ собой онъ не чувствовалъ. Жрецы и князья были раздражены противъ Урукагины, потому что онъ, тотчасъ послѣ вступленія на престолъ, уменьшилъ оброки и повинности и старался защитить простыхъ людей отъ притѣсненій. Недовольные не хотѣли ни въ чемъ помогать Урукагинѣ; тогда, воспользовавшись труднымъ положеніемъ Урукагины, противъ него поднялись «люди Гишху» и отплатили ему за пораженіе, которое когда-то нанесъ имъ Эаннатумъ. Сначала жрецы и сановники

радовались пораженію Урукагины, но потомъ они были жестоко наказаны за свою измѣну дѣлу родины. Побѣдивъ войска Урукагины, патэси Гишху, Лугальзаггисси, разгромилъ Ширпурлу, сжегъ храмы боговъ и разграбилъ всѣ запасы. Жрецы проклинали теперь побѣдителя и призывали на него гнѣвъ боговъ: «люди Гишху, опустошивъ Ширпурлу, согрѣшили противъ Нингирсу—могущество, пришедшее къ нимъ, у нихъ будетъ отнято». Но было поздно. Послѣ разгрома Ширпурлы, сосѣдніе города уже не могли сопротивляться Лугальзаггисси, и онъ подчинилъ ихъ себѣ одинъ за другимъ; повидимому, ему не были подчинены только семитскіе города. Лугальзаггисси сталъ звать себя «царемъ земли», и изъ незначительнаго Гишху перенесъ свою резиденцію въ старинный святой Эрехъ, перенесъ туда и культы своихъ боговъ.

Такъ разрозненными мірками жили старинные жители Сеннаара. Не было у нихъ единаго прочнаго центра; временно по той или другой причинѣ усиливался то одинъ, то другой городъ, временно подчиняя себѣ сосѣдей, пока не являлся у него болѣе сильный соперникъ. Кишъ уступилъ мѣсто Ширпурлѣ, Ширпурла—Гишху, а потомъ Эреху. Такъ было потому, что мало было постоянныхъ и общихъ интересовъ между отдѣльными областями Сеннаара. Населеніе было еще не особенно густое, въ каждой области было достаточно своего хлѣба, а въ привозныхъ товарахъ нуждались только цари, патэси и другіе богатые люди. Царь, подчинявшій себѣ другихъ владыкъ, больше всего интересовался ихъ военной помощью и тѣми подарками, какіе онъ отъ нихъ получалъ. Былъ только одинъ городъ, который неизмѣнно притягивалъ къ себѣ одинаково всѣхъ

сумеровъ, и знатныхъ и незнатныхъ, а также и семитовъ. Это—Ниппуръ, святой городъ Энлиля-Бэла. Чтобы познакомиться съ нимъ, надо сначала подробнѣе поговорить о религіозныхъ вѣрованіяхъ жителей Сеннаара. Къ этому мы теперь и переходимъ.

VIII.

Боги-предки.

Нингирсу былъ богомъ-покровителемъ Ширпурлы, Эа—былъ богомъ покровителемъ Эриду, Нисаба была богиней-покровительницей Гишху, въ Урѣ былъ богъ-покровитель Синъ, въ Эрехѣ—богъ-покровитель Ану. Въ каждомъ городѣ былъ свой богъ-покровитель; онъ такъ и назывался n i n, т.-е. господинъ, или n i n â, т.-е. госпожа. Если городъ составился изъ соединенія нѣсколькихъ поселеній, какъ Ширпурла, то въ немъ было нѣсколько такихъ боговъ-покровителей, при чемъ одинъ былъ главный, а другіе считались его подчиненными, боги—братьями, богини—супругами или сестрами. Городскимъ богамъ цари и патэси ставили великолѣпные храмы, назначали для служенія имъ цѣлыя коллегіи жрецовъ, приносили имъ богатыя жертвы. Боговъ кормили щедро, не скупясь на приношенія. Боги и богини Ширпурлы, напримѣръ, за недѣлю получали такія жертвы: 54 хлѣба изъ муки съ солью, 20 хлѣбовъ другого сорта, 120 жертвъ пшеницей, 120 жертвъ ячменемъ, 27 сосудовъ крупы одного сорта, 29 сосудовъ крупы другого сорта, 18 мѣръ масла,

18 мѣръ финиковъ, 18 мѣръ вина изъ ячменя, 29 жертвъ рыбой, 25 овецъ, 3 ягненка и 14 газелей. Такія многочисленныя жертвы могли приноситься только въ храмахъ, владѣвшихъ большими имѣніями и многочисленными рабочими людьми; служить такъ богамъ могли только князья, патэси и цари. И эти городскіе боги были, по преимуществу, княжескими и царскими богами. Ихъ храмы помѣщались или рядомъ съ дворцами патэси и царей, внутри одной и той же ограды, или рядомъ, бокъ-о-бокъ. Строителями и дарителями храмовъ были также цари, патэси и богатые люди. Каждый патэси или царь хвалится, что онъ отстроилъ заново или подновилъ храмы своихъ боговъ и богинь; сами патэси служили въ храмахъ богамъ и приносили имъ жертвы. Богатые люди жертвовали въ храмы золото, серебро и драгоцѣнныя вещи, которыя складывались въ сокровищницахъ храмовъ. Все это добро считалось собственностью божества, и горе было дерзкому вору, который осмѣлился бы что-нибудь оттуда похитить. Но зато завоеватели не страшились грабить храмы; напротивъ, храмы были для нихъ большою приманкой. Тогда вѣрили, что вмѣстѣ съ людьми сражаются и ихъ боги: рядомъ съ царемъ или патэси сражается невидимо и его богъ-покровитель. Если побѣдилъ одинъ князь другого, то это значитъ,

Старинный патэси приноситъ возліяніе богинѣ.

то богъ князя-побѣдителя побѣдилъ бога князя-побѣжденнаго. Побѣжденнаго бога, казалось, уже нечего бояться, онъ не былъ страшенъ, и потому побѣдители, подобно Лугальзаггисси, очень часто грабили и сжигали храмы въ покоренныхъ городахъ.

Гербъ Ширпурлы (слѣва наверху).

Боги-покровители, въ родѣ Нингирсу, Бау, Баббара и другихъ боговъ, были по преимуществу княжескими богами, богами-воителями. Простой народъ рѣдко допускался въ ихъ храмы, а потому молился и вѣрилъ больше въ другихъ боговъ. Но когда-то и эти боги-покровители были не только княжескими или царскими богами, но усердно почитались всѣми

людьми ихъ рода или племени. Мы знаемъ уж
что богъ Нингирсу на стэлѣ коршуновъ изображен
съ гербомъ Ширпурлы въ рукѣ; гербъ представлял
изъ себя орла со львиной головой, сидящаго на двух
львахъ. Въ надписяхъ патэси Ширпурлы часто гов
рится, что Нингирсу любитъ львовъ, что нѣтъ лучшаг
ему дара, какъ поставить передъ нимъ изображен
львовъ. Такъ и сдѣлалъ Ур-нина: въ его дворцѣ стоял
изображенія львовъ. Очевидно, что левъ имѣлъ в
старину какую-то связь съ Нингирсу, разъ его считал
священнымъ животнымъ, пріятнымъ и любимымъ Ни
гирсу. Былъ въ Ширпурлѣ еще богъ-птица Имгиг
изображавшійся въ видѣ орла-буревѣстника. Нѣк
торые патэси считали Имгига и Нингирсу однимъ
тѣмъ же божествомъ, а одинъ патэси, уже извѣстны
намъ Гудеа, разсказываетъ, что явился ему во сн
богъ Нингирсу, а у ногъ его былъ богъ-птица Имгиг
Значитъ, Нингирсу имѣлъ что-то общее съ обоими жи
вотными, изображавшимися на гербѣ Ширпурлы,
даже иногда отождествлялся съ птицей, орломъ-бур
вѣстникомъ. Такую же связь съ животными можем
мы подмѣтить и у другихъ сумерійскихъ боговъ. Бог
Эа, напримѣръ, назывался богомъ-рыбой и изобр
жался въ видѣ человѣка, спина у котораго была по
крыта рыбьей чешуей; богъ-покровитель Вавилона
Мардукъ, часто называется могучимъ богомъ, изобр
жающимся въ видѣ быка; богиня Тіаматъ изображалас
въ видѣ змѣи или крылатаго дракона, богъ Нергал
назывался могучимъ львомъ и изображался въ вид
льва съ человѣческой головой. Многихъ мелкихъ бож
ковъ и духовъ сумерійцы, а вслѣдъ за ними вавило
няне изображали въ видѣ чудовищъ, полузвѣрей-полу

людей; напримѣръ, общеизвѣстные керубы, геніи-охранители воротъ, изображались съ человѣческой головой, туловищемъ быка и крыльями орла; богиня подземнаго царства Эрешкигаль изображалась съ головою собаки и туловищемъ льва. Эти изображенія изъ глубокой старины перешли въ болѣе позднее время: и вавилоняне, и ассиріяне свято сохраняли ихъ и изображали своихъ боговъ неизмѣнно въ одномъ и томъ же видѣ, какъ у насъ изображаются святые на иконахъ. Въ развалинахъ дворцовъ ассирійскихъ царей сохранилось изображеніе процессіи боговъ: всѣ боги изображены въ видѣ ассирійскихъ царей и шествуютъ, стоя на священныхъ животныхъ, кто на быкѣ, кто на львѣ, кто на антилопѣ.

Богиня Эрешкигаль.

Эти странныя изображенія боговъ мы встрѣчаемъ не только въ Двурѣчьѣ. У всѣхъ азіатскихъ народовъ, у сыновъ Израиля, у финикіянъ, у филистимлянъ, боги часто изображались въ видѣ животныхъ. Но больше всего любили изображать боговъ въ видѣ чудовищъ,

полулюдей-полузвѣрей, древніе египтяне: всѣ египетскіе боги изображались съ тѣломъ человѣка и съ головой животнаго или птицы, Были боги и богини съ головой быка, коровы, кошки, барана, крокодила, антилопы, шакала, змѣи, коршуна, ибиса, сокола; кажется, головы всѣхъ животныхъ, какія только встрѣчаются въ Египтѣ, попали на плечи боговъ. Но египтяне не только изображали боговъ съ головами животныхъ, но также считали многихъ животныхъ священными. Они почитали всѣхъ почти животныхъ, головы которыхъ приставлялись къ туловищамъ боговъ; священное животное было неприкосновеннымъ, его нельзя было убивать, а послѣ смерти священнаго животнаго его съ плачемъ хоронили, какъ человѣка, дѣлали изъ его тѣла мумію, приносили ему жертвы. Въ городѣ Бубасто, гдѣ почитали богиню Бастетъ, изображавшуюся съ головою кошки, священнымъ животнымъ считалась кошка. Тамъ при храмѣ Бастетъ было множество кошекъ, и была устроена особая усыпальница, вся сплошь уставленная муміями кошекъ.

Если мы вспомнимъ сказанія о богахъ другихъ народовъ, напр., грековъ, то мы и у нихъ найдемъ связь боговъ съ животными. Въ греческихъ миѳахъ о богахъ есть много разсказовъ о превращеніяхъ боговъ. Въ особенности много такихъ разсказовъ ходило про Зевса. Онъ превращался и въ быка, и въ муравья, и въ коня, и въ лебедя, и въ голубя, и въ змѣю. Аполлонъ превращался въ дельфина и въ волка, Артемида—въ медвѣдицу, Діонисъ—въ быка, другіе боги также превращались въ различныхъ животныхъ. Въ нашихъ русскихъ сказкахъ мы часто встрѣчаемъ также оборотней: то Иванъ-царевичъ обернется сѣрымъ волкомъ, то какая-

нибудь царевна превратится въ лебедя; обыкновенно, такіе оборотни изображаются въ сказкахъ не простыми людьми, а чародѣями, знающими такія тайны, какія неизвѣстны обыкновенному человѣку. Можно вполнѣ сравнивать богатырей и чародѣевъ нашихъ сказокъ съ богами и богинями—такая же у нихъ сверхъестественная сила, такое же счастье, такая же необычайная красота и сила.

Эти странные разсказы про боговъ и героевъ говорятъ намъ, что когда-то, въ глубокую старину люди представляли себѣ боговъ въ видѣ животныхъ. Странная и на первый взглядъ непонятная вѣра! Но она станетъ намъ понятной, если мы обратимъ вниманіе на вѣрованія дикарей Африки, Америки и Австраліи. У этихъ дикарей приблизительно тѣ же обычаи и та же вѣра, какіе должны были быть и у дикихъ предковъ теперешнихъ европейскихъ народовъ. Теперешніе дикари считаютъ нѣкоторыя породы животныхъ священными; очень часто племена дикарей называются по имени ихъ священныхъ животныхъ, напр., племя чернобурой лисицы, сѣраго медвѣдя, рѣчной выдры и др. Когда путешественники интересовались и спрашивали, почему дикари считаютъ то или другое животное священнымъ, то получали такой отвѣтъ: потому, что животныя этой породы—наши братья. Дикари вѣрятъ, что люди произошли отъ животныхъ, одни племена—отъ однихъ животныхъ, другія племена—отъ другихъ животныхъ. Напр., племя чернобурой лисицы считаетъ, что оно произошло отъ какой-то великой чернобурой лисицы, племя сѣраго медвѣдя—отъ великаго сѣраго медвѣдя. Значитъ, разсуждаютъ дикари, всѣ животныя той породы, отъ которой про-

изошло извѣстное племя—его братья. Души умершихъ членовъ племени переселяются по смерти въ тѣло священнаго животнаго; въ тѣлѣ какого-нибудь стараго огромнаго и сильнаго животнаго, думаютъ дикари, живетъ душа ихъ родоначальника. А души людей—существа божественныя, имъ надо служить, и тогда они будутъ помогать живымъ родственникамъ. Душа родоначальника—уже настоящій богъ, которому надо приносить жертвы и молиться. Такія вѣрованія о родствѣ животныхъ съ людьми, о томъ, что въ опредѣленную породу животныхъ вселяются души предковъ, распространены у всѣхъ дикарей земного шара. Американскіе дикари называютъ такое священное животное тотемомъ; поэтому, современные ученые называютъ эти вѣрованія тотемизмомъ. Значитъ, дикари въ своихъ тотемахъ почитаютъ своихъ предковъ; понятно, что они считаютъ грѣхомъ убивать своего тотема, и если это животное съѣдобное, то никогда не ѣдятъ его. Похожія вѣрованія до сихъ поръ существуютъ у нашихъ финновъ: на сѣверѣ Финляндіи до сихъ поръ считается священной птицей лебедь, а на сѣверномъ Уралѣ живущія тамъ бѣдныя и неразвитыя финскія племена считаютъ медвѣдя «царемъ» и не позволяютъ убивать его.

Теперь намъ становятся понятными всѣ странные разсказы о богахъ культурныхъ народовъ, разсказы, въ которыхъ между богами и животными устанавливается какая-то связь. Очевидно, что и предки теперешнихъ и древнихъ культурныхъ народовъ, когда были дикарями, также вѣрили въ тотемовъ. Каждое племя тоже считало себя происходящимъ отъ какого-нибудь животнаго и вѣрило въ свое родство съ нимъ.

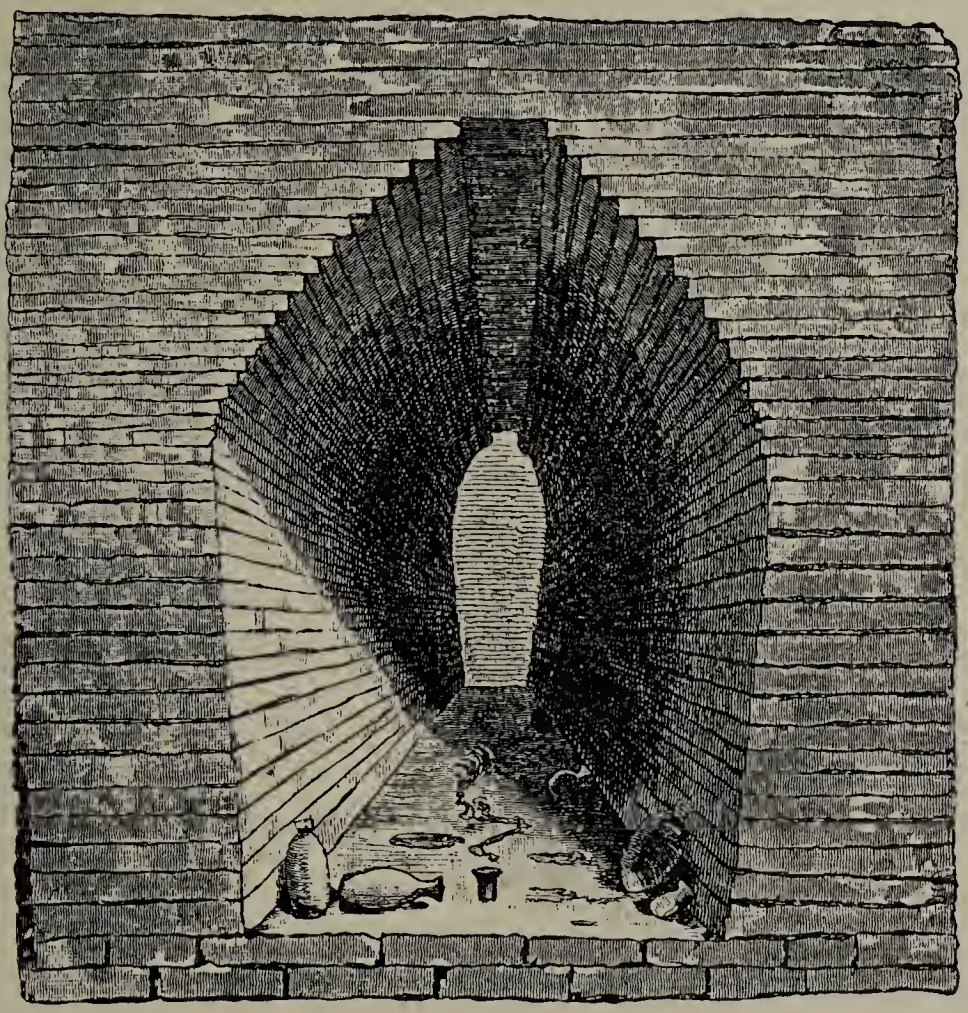
Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ шло впередъ культурное развитіе, эта грубая вѣра смягчалась и забывалась, боговъ уже переставали представлять себѣ въ видѣ животныхъ; но религіозные обычаи и сказанія всегда очень живучи, очень долго держатся, сохраняются въ памяти долгое время спустя послѣ того, какъ они уже совершенно утратили свой смыслъ. Такъ сохраняются изъ глубокой старины разсказы о богахъ, превращающихся въ животныхъ, разсказы, ставшіе уже только чудесными сказками; сохраняются обычаи изображать божество въ видѣ различныхъ звѣрей и обычаи, запрещающіе ѣсть нѣкоторыхъ животныхъ. Всего прочнѣе сохранялись остатки тотемизма у древнихъ египтянъ. Тамъ неизмѣнно и свято почитали священныхъ животныхъ; въ каждой области, какъ изстари велось, почитали свое священное животное. Египтяне стали культурнымъ народомъ, у нихъ появилась письменность, расцвѣли литература и искусство, а почитаніе животныхъ все сохранялось. Оно казалось имъ страннымъ, но святымъ обычаемъ, и они придумывали различныя благовидныя объясненія, чтобы оправдать его.

Теперь мы понимаемъ, почему сумерійскіе и вавилонскіе боги также сближались съ животными: и у предковъ сумеровъ были, очевидно, свои тотемы. Чаще всего сумерійскіе боги, какъ и Нингирсу, изображаются въ видѣ льва или орла: очевидно, левъ и орелъ были тотемами старинныхъ предковъ сумеровъ. Мардукъ, покровитель Вавилона, семитскаго города, изображался въ видѣ быка; въ видѣ быка изображали своихъ боговъ также и другіе семитскіе народы, евреи, финикіяне, арамеи. Это можно объяснить тѣмъ, что

своимъ тотемомъ предки семитскихъ народовъ считали быка. Но въ тѣ отдаленныя времена, когда предки сумеровъ и семитовъ вѣрили въ тотемовъ, они жили еще простою первобытною жизнью дикарей. У нихъ не было еще тогда такого рѣзкаго различія между знатными и незнатными, богатыми и бѣдными; соблюдалось равенство, и только выборному вождю были почетъ и лучшія части добычи. Поэтому, тогда не было также различія въ религіозныхъ взглядахъ. Всѣ члены племени одинаково вѣрили въ однихъ и тѣхъ же боговъ-покровителей, не было особыхъ княжескихъ боговъ и святынь. Тотемъ былъ одинаково святъ и для вождя и для послѣдняго воина. Поэтому и львиный или орлиный прародитель Нингирсу былъ тогда одинаково святъ для всего племени. Только впослѣдствіи, когда появилась у сумеровъ и семитовъ осѣдлая жизнь, когда земледѣліе стало главнымъ занятіемъ вмѣсто охоты и скотоводства, когда появились государи и подданные, появились также различія въ религіозныхъ вѣрованіяхъ. Правители присвоили себѣ право служить богамъ-покровителямъ племени, строили имъ храмы, и мало-по-малу боги-покровители племени превращались изъ народныхъ боговъ въ офиціальныхъ княжескихъ боговъ.

Но въ вѣрованіяхъ сумеровъ и семитовъ, какъ и въ вѣрованіяхъ другихъ народовъ, были еще черты, тоже очень старинныя, которыя, однако, были сродни всѣмъ членамъ народа, и знатнымъ и незнатнымъ. Это—вѣрованія въ загробную жизнь и въ духовъ. Смерть равняетъ всѣхъ, для нея нѣтъ ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, ни царей, ни крестьянъ, ни знатныхъ, ни незнатныхъ; на всякаго человѣка зрѣлище смерти производитъ

потрясающее впечатлѣніе, и ни одинъ человѣкъ не уйдетъ отъ смерти. Еще въ самомъ дикомъ состояніи люди задумывались надъ тайною смерти и старались ее себѣ объяснить; постепенно придумали объясненіе



Комната для богатаго покойника.

и создали на основаніи его похоронные обычаи. Это объясненіе одно и то же въ самыхъ различныхъ частяхъ земного шара; отъ него ведетъ свое начало и тотемизмъ, и всѣ похоронные обычаи, одинаковые у всѣхъ народовъ земного шара. Вѣрованія въ загробную жизнь и похоронные обряды сохраняются въ теченіе вѣковъ

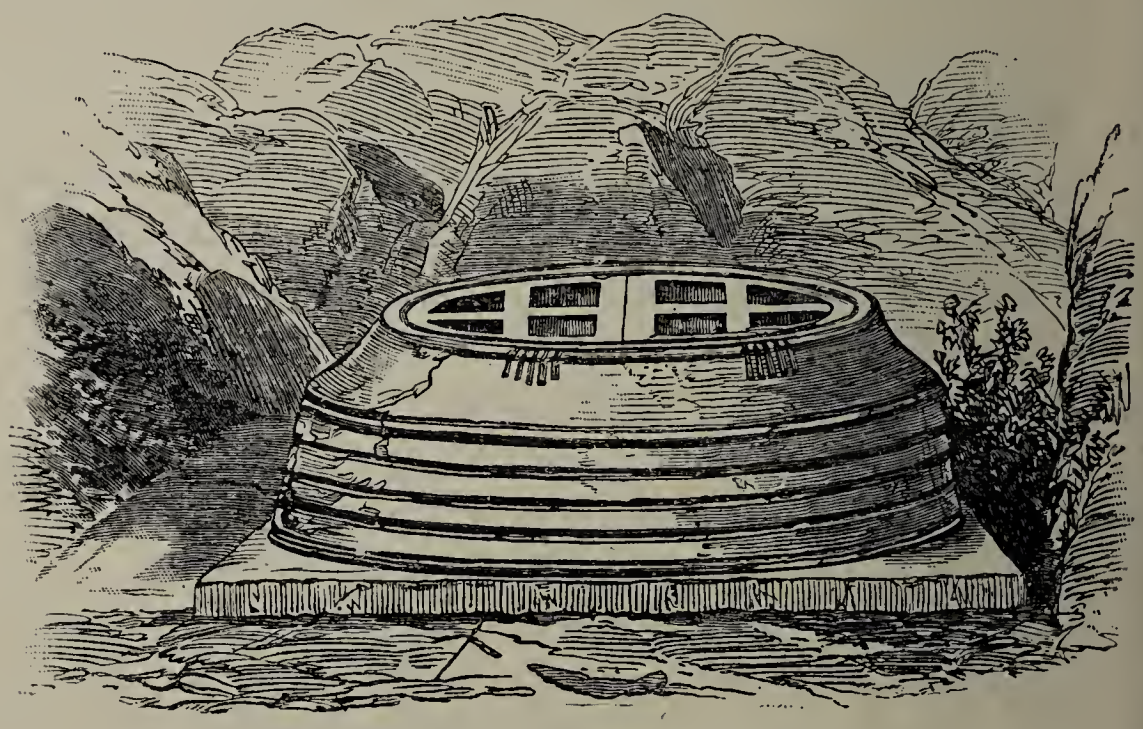
еще болѣе твердо и нерушимо, чѣмъ тотемизмъ. Потомъ вѣрованія въ загробную жизнь начинаютъ мѣняться, старыя грубыя представленія уступаютъ мѣсто болѣе совершеннымъ; но похоронные обычаи остаются неизмѣнными.

Сумеры, какъ и другіе народы, объясняли себѣ смерть такъ: человѣкъ есть существо двойственное, состоитъ изъ тѣла и двойника, или духа. Смерть заключается въ томъ, что изъ тѣла уходитъ двойникъ человѣка; двойникъ—это духъ, который съ тяжкимъ свистомъ и крикомъ вырывается изъ устъ умирающаго. Но двойникъ послѣ смерти опять можетъ вернуться въ тѣло; если же онъ не вернется въ свое собственное тѣло, то поселится гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ: въ тѣлѣ животнаго, въ стволѣ растенія, въ камнѣ. Дикари объясняютъ такимъ образомъ и странныя сновидѣнія: если во снѣ человѣкъ увидитъ умершаго мертвеца живымъ или говорящимъ, или услышитъ, будто дерево или камень или животное заговорило человѣческимъ языкомъ, то, очевидно, это двойникъ умершаго вернулся въ свое тѣло или поселился въ какомъ-нибудь предметѣ или существѣ и явился во снѣ въ видѣ живого человѣка. Двойникъ, какъ и живой человѣкъ, нуждается въ пищѣ и питьѣ: его надо кормить и поить, тогда онъ будетъ помогать людямъ, а если живые родственники его забудутъ, то онъ можетъ вредить имъ: забираться въ ротъ или въ носъ къ спящему человѣку, мучить его, не давать ему покоя, заражать тяжкими болѣзнями.

Сумеры раздѣляли всѣ эти вѣрованія. Когда умиралъ человѣкъ, то они устраивали похороны съ соблюденіемъ всѣхъ старинныхъ обрядовъ и обычаевъ, чтобы

мертвецу было пріятно и на томъ свѣтѣ. Умершему надо было показать, что родные любили его, жалѣютъ о немъ и не желали бы разставаться съ нимъ. Поэтому, родные умершаго громко плакали и причитали; но имъ казалось мало этихъ слезъ, и они нанимали особыхъ плакальщиковъ, которые шли за гробомъ умершаго, воя и причитая. Вѣчный домъ для умершаго устраивали въ «городѣ мертвыхъ», располагавшемся, обыкновенно, рядомъ съ городомъ живыхъ. Судя по богатству и состоянію, устраивали могилу различнымъ образомъ, но всегда заботились, чтобы сохранить тѣло отъ дикихъ звѣрей и отъ воровъ, такъ какъ оно могло понадобиться опять двойнику. Царей и патэси хоронили около храмовъ, въ подземныхъ склепахъ. Тамъ устраивали особыя комнаты, стѣны которыхъ были сложены, какъ и стѣны домовъ, изъ кирпича, и въ такихъ комнатахъ помѣщали умершихъ. Комната дѣлалась въ видѣ узкаго сводчатаго коридора; въ немъ клали умершаго, а около его тѣла размѣщали въ глиняныхъ кувшинахъ яства и напитки, которыми онъ долженъ былъ питаться послѣ смерти. Менѣе состоятельные люди не имѣли возможности строить такія дорогія могилы и хоронили своихъ покойниковъ въ гробахъ, зарывая гробы, какъ и у насъ, въ землю. Но эти сумерійскіе гробы не были похожи на наши. Они имѣли овальную форму и были гораздо больше нашихъ; такой гробъ представлялъ изъ себя нѣчто въ родѣ большого глинянаго ящика, закрывавшагося сверху двумя крышками. Въ этотъ гробъ клали мертвеца и ставили туда же сосуды съ пищей и питьемъ. Иные изъ богатыхъ людей не довольствовались тѣмъ, что тѣла ихъ должны были хоронить подлѣ храма въ ихъ родномъ городѣ, но завѣщали

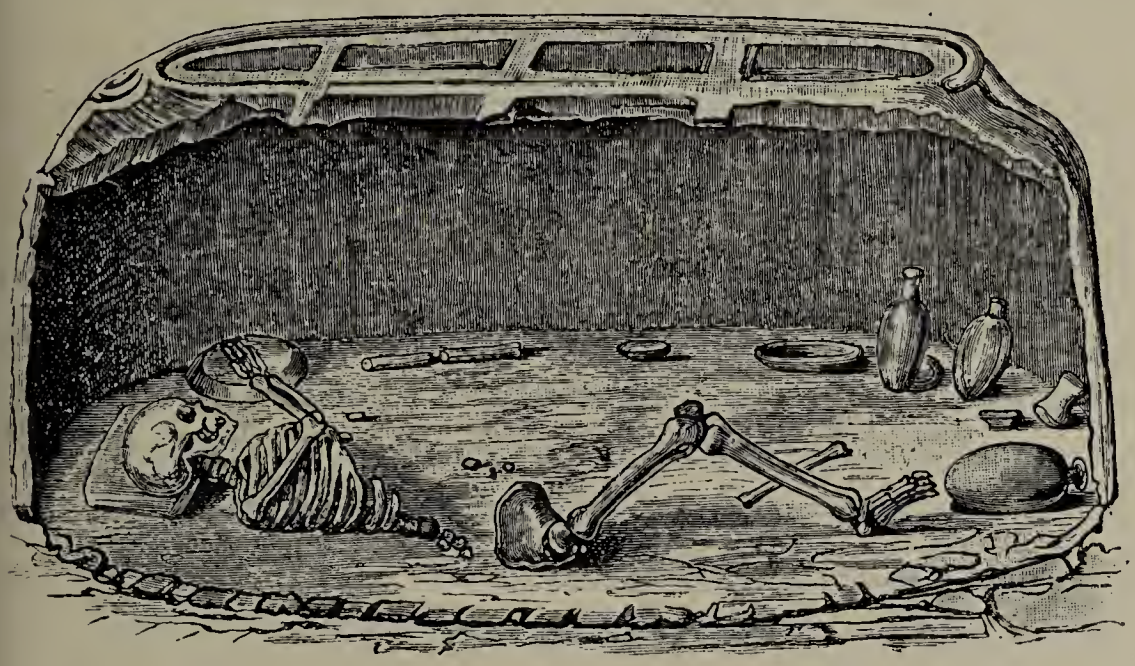
хоронить себя въ святыхъ городахъ, въ Ниппурѣ, или въ Урѣ, или въ Эрехѣ. Какъ при нашихъ большихъ и славящихся своими святынями монастыряхъ, такъ и при храмахъ этихъ трехъ знаменитыхъ сумерійскихъ городовъ были обширныя кладбища, скрытыя подъ землею, цѣлые подземные города мертвыхъ.



Сумерійскій гробъ.

Кромѣ погребенія, практиковалось также сожженіе умершихъ. Этотъ обычай былъ менѣе распространенъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ его предпочитали погребенію. Чаще всего сжигали тѣла павшихъ на полѣ битвы, въ особенности тѣла непріятелей: вѣдь двойники павшихъ враговъ могли быть не менѣе опасными, чѣмъ живые враги, и потому надо было предохранить себя отъ ихъ нападеній. Сожженіе производилось обыкновенно на болотѣ. Выбирали тамъ удобное мѣсто, покрывали его большой грубой цыновкой и наваливали

костеръ изъ тростника; вокругъ складывали наскоро стѣнку изъ кирпича, чтобы пламя не распространялось въ стороны и быстрѣе дѣлало свое дѣло. На костеръ клали мертвеца со всѣми запасами и съ молитвами зажигали костеръ. Пламя пылало, смрадный дымъ поднимался къ небу, а плакальщики кружились вокругъ костра съ дикимъ воемъ и плачемъ. Когда костеръ



Внутренность сумерійскаго гроба.

сгоралъ, надъ нимъ насыпали могильный холмъ, такъ называемый телль (tell); поле битвы всегда можно было узнать по такимъ могильнымъ холмамъ. Послѣ жаркаго боя ихъ приходилось насыпать очень много. Эаннатумъ, разбивъ войско Уша, насыпалъ 200 могильныхъ холмовъ надъ сожженными тѣлами убитыхъ воиновъ.

Водворивъ мертвеца въ вѣчномъ домѣ, живые свято исполняли обычай сѣдой старины: старались обезпечить мертвеца пищей и питьемъ, чтобы и на томъ

свѣтѣ онъ жилъ безпечально и ни въ чемъ не нуждался. Въ могилу около умершаго ставили семь глиняныхъ кувшиновъ, наполненныхъ различными напитками: и виноградным виномъ, и пивомъ, и медомъ. Чѣмъ богаче былъ умершій, тѣмъ большихъ размѣровъ были кувшины, и тѣмъ они были красивѣе. Небогатые люди довольствовались небольшими кувшинами, самой простой формы, безъ всякихъ орнаментовъ и надписей; богатые покойники получали большіе кувшины, расписанные изображеніями священныхъ животныхъ и птицъ. Ставили непремѣнно семь кувшиновъ, потому что число семь считалось не простымъ, а священнымъ числомъ, числомъ семи великихъ небесныхъ боговъ, живущихъ на семи великихъ небесныхъ свѣтилахъ. Рядомъ съ кувшинами клали на блюдахъ груды хлѣбовъ; чтобы удовлетворить, какъ слѣдуетъ, мертвеца, считалось необходимымъ положить ему 420 хлѣбовъ. Величина хлѣбовъ была также разная, судя по достатку; но число 420 старался соблюдать всякій, и богатый и бѣдный. Это число тоже было не простое, а сложенное изъ священныхъ чиселъ: 420 равно 7×60, число же 60 считалось, какъ и 7, священнымъ числомъ. Простой малообразованный человѣкъ врядъ ли даже сумѣлъ бы объяснить, въ чемъ заключается таинственный священный смыслъ этого числа. Число 7 было объяснить нетрудно, но число 60 могъ объяснить только такой человѣкъ, который хорошо знаетъ священную жреческую науку. Мы узнаемъ, какой смыслъ влагали въ число 60 ученые жрецы, когда познакомимся подробнѣе съ ихъ священной наукой. По окончаніи печальной похоронной церемоніи дарили подарки плакальщикамъ и могильщикамъ: плакальщики получали условленное число

мѣръ пшеницы, а могильщикъ, кромѣ пшеницы, получалъ козленка, платье и цыновку. Тѣмъ погребальный обрядъ и кончался. Когда-то, совсѣмъ въ сѣдую старину, и послѣ погребенія вспоминали умершихъ и приносили имъ на могилу яства и напитки. Но въ тѣ времена, которыя мы описывали, обычай этотъ уже почти вышелъ изъ употребленія.

IX.

Духи.

Каждый годъ, каждый день умираютъ люди и рождаются новые; гдѣ же находятся двойники умершихъ, эти безчисленные духи, покинувшіе свои тѣла одновременно съ ихъ смертью? Они невидимо наполняютъ собою весь міръ, все окружающее. Старинные сумеры не могли ступить шагу безъ того, чтобы не наткнуться на какого-нибудь духа. Изъ этихъ безчисленныхъ духовъ, думали сумеры, только немногіе принадлежатъ къ разряду добрыхъ духовъ, ставшихъ хранителями и благодѣтелями людей. Благосклонно настроены къ людямъ,—думали сумеры,—духи живущіе въ поляхъ, въ корняхъ и въ стебляхъ растеній. Однако, и они не всегда одинаково благосклонны къ человѣку, но бываютъ капризны и могутъ ему также повредить, если человѣкъ чѣмъ-нибудь обидитъ ихъ. Когда въ густой травѣ, шурша, ползетъ змѣя или скорпіонъ, почемъ знать, не вселился ли въ такого гада, любящаго густыя заросли, духъ поля или травы? Но и змѣя, и скорпіонъ—

коварныя и опасныя существа, и горе тому человѣку, котораго они ужалятъ. Поэтому, сумеры очень заботились о томъ, чтобы жить въ ладу съ этими сверхъестественными обитателями своихъ полей. Для этого обычно поступали такимъ образомъ: на межѣ ставили межевые камни, на которыхъ вырѣзывали грубое изображеніе змѣи и скорпіона; сумеры были убѣждены, что увидавъ изображеніе своего любимаго животнаго, полевой духъ поселится въ такомъ камнѣ. Призвавъ духа поселиться въ межевомъ камнѣ, владѣлецъ поля старался затѣмъ о томъ, чтобы призванный духъ сталъ геніемъ-хранителемъ поля. Лучшимъ средствомъ для этого считалось принесеніе полевому духу жертвъ, состоящихъ изъ полевыхъ и садовыхъ плодовъ: масла, финиковъ, вина, при чемъ произносились молитвы. Такими же благодѣтельными духами могутъ быть духи, живущіе въ водѣ, духи каналовъ, рѣкъ и озеръ. Если имъ приносить каждый день опредѣленныя жертвы, то вода въ источникахъ и водоемахъ не изсякнетъ, и поля, животныя и люди не будутъ томиться жаждой. Вѣру въ такихъ полевыхъ и водяныхъ духовъ раздѣляли вмѣстѣ съ простыми людьми и ихъ знатные господа. Въ особенности заботились князья и патэси о духахъ, живущихъ въ рѣкахъ, каналахъ и бассейнахъ ихъ города. Дуб-саръ долженъ былъ отпускать особымъ жрецамъ, служившимъ у рѣкъ и источниковъ, продукты для принесенія духамъ рѣкъ и источникамъ регулярныхъ жертвъ, изъ дворцовыхъ кладовыхъ. Духи эти считались очень важными, и въ Ширпурлѣ приносились имъ такія жертвы: два хлѣба, два сосуда крупы, мѣра масла, мѣра финиковъ, мѣра вина, одна овца. Эти жертвы были одинаковы для рѣкъ, озеръ и источниковъ и для

:та водопоя. Кромѣ этихъ добрыхъ духовъ, суще-
уетъ, какъ думали сумеры, множество другихъ
овъ. Нѣкоторые изъ нихъ также помогаютъ людямъ;
іе называются Ануннаки и Игиги. Духовъ
хъ очень много, и живутъ они въ разныхъ мѣстахъ.
/ннаки—духи нѣдръ земли. Тамъ, глубоко подъ
лею есть источники водъ; Ануннаки стерегутъ эти
ы, не подпуская къ нимъ простого смертнаго. Раз-
зывали, что эти воды не простыя: это—живыя вода,
изопьетъ такой воды, тотъ, подобно богамъ, будетъ
:мертенъ. Ануннаки иногда бываютъ и на небѣ;
главные и небесные духи не они, а Игиги. Это—мо-
іе духи, и ихъ немного, только семь. Они служатъ
ікимъ небеснымъ богамъ; главный ихъ господинъ—
', богъ неба. Онъ повелѣваетъ и Ануннаки и Игиги:
его приказаніямъ эти духи являются въ качествѣ
гниковъ другимъ богамъ и людямъ. Но и другіе
і повелѣваютъ имъ: они покорно исполняютъ по-
ѣнія и Баббара (Шамаша), яснаго солнца, и Иштаръ,
ззарной вечерней и утренней звѣзды.

Но гораздо больше, чѣмъ этихъ добрыхъ духовъ,
о, по мнѣнію сумеровъ, злыхъ духовъ. Все зло-
ое только есть въ мірѣ, всякую болѣзнь, всякое
ластіе, и саму смерть они приписывали дѣй-
ю этихъ злыхъ духовъ. Сумеры разсуждали въ
ѣ случаѣ совершенно такъ же, какъ разсуждаютъ
зобытные дикіе люди; взгляды ихъ на происхожденіе
ѣзней, несчастій и смерти какъ будто совершенно
измѣнились у нихъ со временъ ихъ первобытной
ости, хотя во всѣхъ остальныхъ областяхъ жизни
далеко опередили многіе другіе тогдашніе народы.
зобытному человѣку кажется, что болѣзнь можетъ

быть причинена только какою-нибудь враждебной человѣку силой, которая нападаетъ невидимкою на человѣка. Спитъ человѣкъ и во снѣ раскроетъ ротъ—вотъ уже и опасность: черезъ открытый ротъ злой духъ безъ труда невидимкой можетъ проникнуть внутрь человѣческаго тѣла, и тогда внутри человѣка начнетъ чувствовать боль, схватитъ его лихорадка. Духъ, поселившійся внутри человѣка, будетъ мучить его, пить его кровь, питаться его тѣломъ; отъ этого человѣкъ будетъ блѣднѣть, худѣть, и можетъ совсѣмъ зачахнуть. Болѣзнь можетъ пройти только тогда, когда бѣса удастся выгнать изъ захворавшаго человѣка. самое же лучшее—оберегаться отъ злыхъ духовъ, стараться сдѣлать такъ, чтобы они не могли проникнуть внутрь человѣка и мучить его. Такіе же взгляды были не только у сумеровъ, но также и у всѣхъ другихъ народовъ, когда они были еще дикими; обыкновенно такіе взгляды очень долго сохраняются среди крестьянъ, которые всегда отстаютъ въ умственномъ развитіи отъ другихъ классовъ общества. У нашихъ крестьянъ мы до сихъ поръ можемъ услыхать такія выраженія: «холера его заѣла», «лихорадка изъ него выступила», а деревенскіе знахари и знахарки до сихъ поръ лѣчатъ болѣзни тѣмъ, что з а г о в а р и в а ю т ъ ихъ т.-е. произносятъ заговоръ, или волшебныя заклинанія, которыя будто бы заставляютъ болѣзнь выйти изъ больного.

Если бы мы могли послушать какого-нибудь стараго сумерійца, много пожившаго на своемъ вѣку, знакомаго и съ жрецами и съ ихъ тайной наукой, то такой старикъ могъ бы много разсказать намъ о этихъ злыхъ духахъ. Ихъ много, и происходятъ они от

двойниковъ умершихъ, попавшихъ послѣ смерти въ непріятное положеніе. Это духи тѣхъ, кто умеръ отъ голода или жажды, или въ темницѣ, кто утонулъ въ рѣкѣ, или кого засосало болото. О такихъ мертвецахъ живые мало заботятся, и потому духи ихъ, какъ голодные волки, летятъ къ людямъ и мучаютъ ихъ. Глядя на своего односельчанина, трясущагося въ изнурительной болотной лихорадкѣ, очень частой болѣзни на болотистыхъ берегахъ Евфрата, старикъ сказалъ бы, что навѣрно несчастный больной подвергся нападенію Ашакку, страшнаго бѣса «пожирающей болѣзни», или бѣса Диметума, бѣса «злого проклятія». А если начнетъ косить народъ чума, которую иногда заносили въ Сеннааръ пріѣзжіе изъ Индіи, то это бѣдствіе объяснялось тѣмъ, что напалъ на людей Намтару, бѣсъ чумы. А когда начнетъ дуть изъ Аравійской пустыни знойный юго-западный вѣ-

Бѣсъ юго-западнаго вѣтра.

теръ, несущій съ собою тучи песку, засыпающій глаза, заносящій дома и засоряющій рѣки и источники, это значитъ, что налетѣлъ на Сеннааръ страшный бѣсъ юго-западнаго вѣтра, крылатое чудовище, съ головой собаки и туловищемъ человѣка. Ночью подстерегаютъ спящаго человѣка ночные духи, Лилу и Лилиту. Они душатъ по ночамъ человѣка, насылаютъ на него страшные сны, а иногда убиваютъ его — заснетъ человѣкъ и не проснется. Лилу и Лилиту нападаютъ на спящаго человѣка; но есть другіе ночные духи, Экимму, которые опасны для всякаго человѣка, идущаго ночью по полю или по дорогѣ. Экимму гнѣздятся чаще всего около могилъ и имѣютъ видъ привидѣній, бѣлыхъ, какъ ночной туманъ, но прозрачныхъ и безформенныхъ, какъ легкое облако. Въ горахъ, въ поляхъ, въ морѣ и въ могилахъ витаютъ злые Утукку; налетая на человѣка, они хватаютъ его за горло, стѣсняютъ ему дыханіе и затрудняютъ глотаніе пищи и питья; они подобны злому вѣтру, который ничего не боится, и съ жадностью рвутъ у человѣка кожу. Когда заболятъ у человѣка руки, это значитъ, что напалъ на него Галлу, а если заболитъ грудь, то, значитъ, проникъ къ нему въ грудь Алу; если заболитъ голова, значитъ напалъ на человѣка Тіу или Ашакку. Бѣдственно положеніе несчастнаго, пораженнаго бѣсами:

Ашакку приблизился къ головѣ человѣка,
Намтару приблизился къ тѣлу человѣка,
Злой Утукку приблизился къ его шеѣ,
Злой Алу приблизился къ его груди,
Злой Экимму приблизился къ его чреву,
Злой Алу приблизился къ его рукѣ,
Злой богъ приблизился къ его ногѣ,

Семеро его схватили,
Тѣло его сожгли, какъ огнемъ...

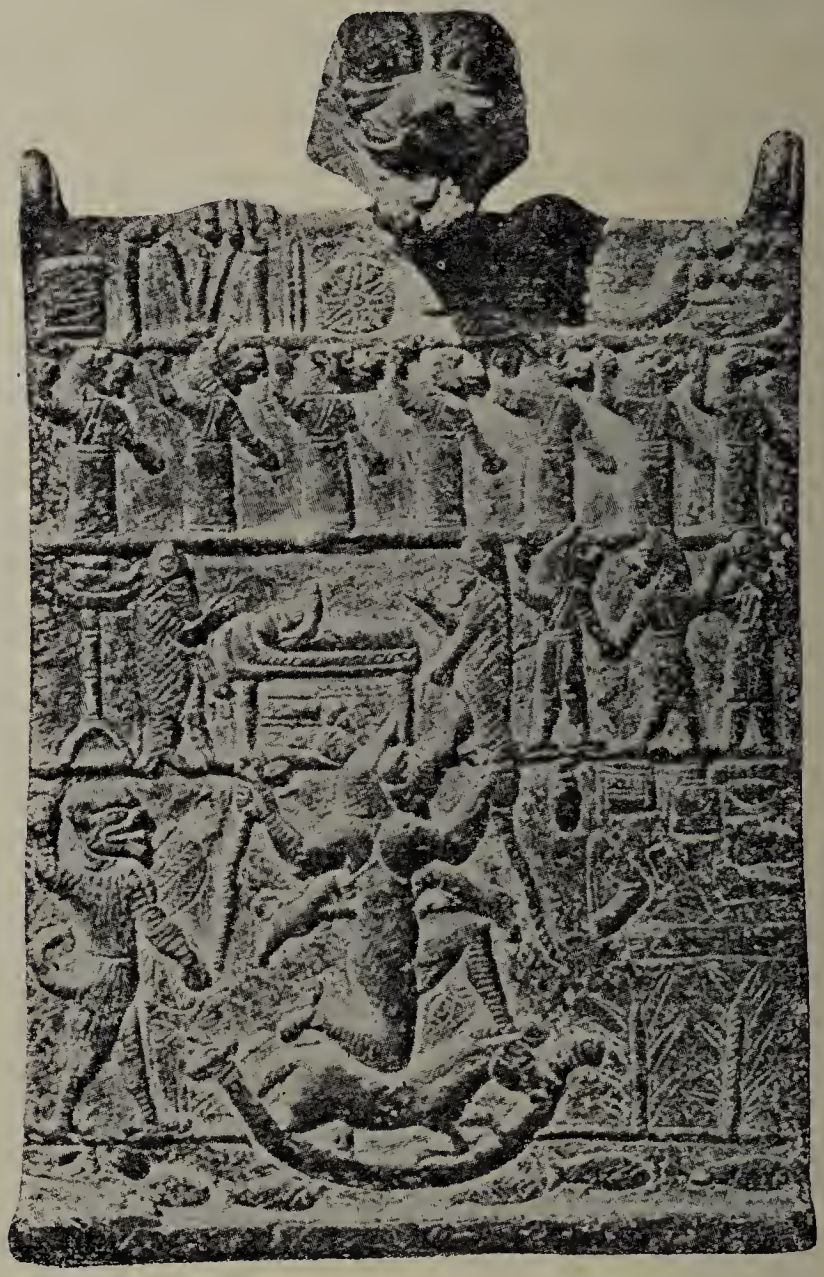
Всѣ бѣсы подобны дикимъ звѣрямъ, у всѣхъ страшныя отвратительныя лица, наводящія ужасъ однимъ своимъ видомъ. Въ одномъ заклинаніи описываются они такими стихами:

. . . Они покрываютъ землю, точно трава,
По всѣмъ четыремъ вѣтрамъ разсыпаютъ они ужасъ, пылаютъ, какъ пламя,
Они приносятъ болѣзнь людямъ, повергаютъ въ страданія ихъ тѣло,
И городу и деревнѣ несутъ они горе, старому и малому причиняютъ боль.
Мужа и жену раздробляютъ они, наполняя ихъ горемъ.
На небѣ и на землѣ неистовствуютъ они, подобно дождю и бурѣ, раскидывая свои сѣти,
Съ громкимъ крикомъ низвергаясь на мѣсто, гдѣ обитаетъ гнѣвъ боговъ.

Сумеры думали, что и эти духи подчинены богамъ; если они нападаютъ на людей, то только по приказу вышнихъ боговъ, желающихъ покарать грѣшника: «они—посланники боговъ, становятся на дорогѣ, чтобы утверждать бѣдствія».

Но какъ ни страшны были для сумеровъ всѣ только что перечисленные бѣсы, все-таки самыми страшными были не они, а бѣсы адской бездны. Во времена извѣстныхъ намъ патэси сумеры по прежнему строго соблюдали всѣ старинные погребальные обычаи, но о судьбѣ души за гробомъ уже не имѣли такихъ упрощенныхъ представленій, какъ ихъ предки. Смерть казалась имъ ужаснымъ зломъ; они уже не могли представить себѣ, чтобы умершій могъ вести послѣ смерти такую же жизнь, полную матеріальныхъ потребностей

и радостей, какую ведетъ живой человѣкъ. Ни одинъ умершій не вернулся назадъ, чтобы разсказать, что



Передняя сторона.
Таблетка, изображающая смерть и адскихъ духовъ.

дѣлается съ двойникомъ человѣка за гробомъ; и чѣмъ больше думали о смерти сумеры, тѣмъ грознѣе, тѣмъ ужаснѣе казалась она имъ. Они стали думать, что

смерть причиняется тѣми же бѣсами, которые причиняютъ и болѣзни; всего вѣроятнѣе, размышляли сумеры, что тѣ же бѣсы подхватываютъ душу, оставившую

Задняя сторона.
Таблетка, изображающая смерть и адскихъ духовъ.

тѣло, и уносятъ ее въ подземныя адскія бездны. Тамъ душа въ полной ихъ власти. Подъ скипетромъ страшной подземной богини Эрешкигаль гнѣздятся въ адской

безднѣ безчисленные бѣсы, мучаютъ души, попавшія в ихъ когти, и въ вѣчной мукѣ, въ вѣчныхъ страданіях пребываетъ тамъ душа. Путь къ источнику живой вод заказанъ ей: сторожатъ эту воду крылатые духи, нельзя достать ее душѣ смертнаго.

Изъ этихъ бѣсовъ адской бездны самые страшные- семь великихъ бѣсовъ бездны, самые главные бѣс послѣ адской царицы Эрешкигаль. Эти бѣсы описываютс самыми отвратительными чертами:

Семеро ихъ, семеро ихъ,
Въ подземной безднѣ семеро ихъ...
Въ нѣдрахъ подземной бездны взрощены они,
Ни мужескаго они пола, ни женскаго,
Они—разрушительные вихри,
Женъ они не берутъ, дѣтей не рождаютъ,
Жалости и состраданія они не знаютъ,
Молитвы и просьбы они не слышатъ...
Злые они, злые они,
Семеро ихъ, семеро ихъ, семеро и еще разъ семеро ихъ...
. . . . . .
Изъ семи первый—могучій южный вѣтеръ.
Второй—драконъ, съ разинутой пастью...
Третій—страшная пантера, четвертый—отвратительная змѣя...

Изображенія ихъ дошли до насъ на одной таблеткѣ очень любопытной по своему виду. Ее держитъ въ своих лапахъ крылатый бѣсъ въ видѣ пса; а на самой таблетк четыре ряда изображеній. Въ среднемъ ряду изобра женъ умершій на постели, окруженный бѣсами: дв въ видѣ рыбъ, два съ песьими головами. Ниже сцен смерти—сцена, изображающая могилу и загробны путь души: справа два дерева у могилы, и надъ ним погребальныя приношенія мертвецу, а слѣва плывет на своей баркѣ по подземной рѣкѣ за душей умершаг

сама Эрешкигаль, сопровождаемая страшнымъ бѣсомъ. Эрешкигаль изображена такъ, чтобы какъ можно больше напугать воображеніе. Она стоитъ на спинѣ коня, въ рукахъ держитъ по змѣѣ, а у каждой груди у нея львенокъ, сосущій ея молоко; туловище у нея человѣческое, а голова — не то волка, не то собаки. Выше сцены смерти изображены страшные семь духовъ бездны, всѣ въ грозныхъ позахъ, какъ воины, идущіе въ бой, а на всю эту адскую нечисть съ неба смотрятъ солнце, луна и звѣзды.

Амулетъ, изображающій бѣса.

Отъ этихъ страшныхъ семи бѣсовъ бездны и отъ безчисленныхъ, какъ трава, прочихъ бѣсовъ, надо было умѣть обороняться: когда бѣсъ заберется въ тѣло человѣка, тогда уже трудно его выгнать. Самымъ лучшимъ средствомъ отъ бѣсовъ считались амулеты, т.-е. предметы, которые, по мнѣнію сумеровъ, имѣли силу отгонять бѣсовъ. Проще всего были амулеты, изображавшіе самихъ бѣсовъ. Бѣсы, по представленіямъ сумеровъ, были такіе отвратительные, что ихъ нельзя было не испугаться; бѣсъ, увидавъ свое собственное страшное изображеніе, испугается и убѣжитъ, а если не испугается, то подумаетъ, что владѣлецъ амулета находится подъ охраною такого же бѣса, какъ и онъ самъ, и уйдетъ, не сдѣлавъ человѣку вреда. Чтобы отогнать адскихъ духовъ бездны, причиняющихъ человѣку смерть, носили амулетъ, изображающій адскую

царицу Эрешкигаль въ обычномъ ея видѣ, какъ мы только что описывали. Чтобы отогнать бѣса юго-западнаго вѣтра, вѣшали его изображеніе за колечко, сдѣланное у головы, у косяковъ дверей и оконъ, обращенныхъ къ Аравійской пустынѣ, а въ колыбельки дѣтей клали рельефныя изображенія Лабарту съ надписью: «именемъ боговъ, именемъ боговъ будь проклятъ! Какъ птица въ небѣ, лети прочь!» Хорошимъ средствомъ считалось также повѣсить у входа въ домъ изображеніе добраго божества, Ану, Эа, Нуску или Иштаръ, которыхъ боятся бѣсы, или таблетку съ написаннымъ на ней священнымъ заклинаніемъ противъ бѣсовъ:

Чтобы уничтожить чары и колдовство,
Обращаюсь я по приказу Эа къ богу огня.
Водами смерти смиряю я ваше сердце,
Вашу силу уничтожаю я;
Вопли исторгаю я изъ сердецъ вашихъ,
Вашъ разумъ я затемняю,
Ваши совѣты я ниспровергаю,
Ваше колдовство я сжигаю,
Ваши планы я разстраиваю.
Тигръ и Евфратъ не смѣете вы переходить,
Къ могиламъ и каналамъ не смѣете прикасаться,
Стѣны и ограды не смѣете вы переходить,
Черезъ двери и входы не смѣете вы вступать,
Ваши чары не смѣютъ меня коснуться,
Ваше слово не смѣетъ меня достигнуть:
По приказу Эа, Шамаша, Мардука и высшей владычицы боговъ.

Бѣсы могли не только сами, по своей волѣ, нападать на человѣка; сумеры думали, что поразить человѣка какой-либо болѣзнью можетъ злой человѣкъ, имѣющій сношенія съ злыми духами, колдунъ или, въ особенности, колдунья. Колдуна или колдунью легко узнать

по дикому выраженію глазъ, по уродливому тѣлу, по ненормально маленькому росту или по слишкомъ высокому росту. Если такой колдунъ или колдунья посмотритъ на человѣка своимъ злымъ, «дурнымъ» глазомъ или скажетъ человѣку «злое слово», то дѣло кончено: сейчасъ же нападетъ на околдованнаго какая-нибудь болѣзнь и начнетъ его истощать и мучить. И это еще счастье, если колдунья или колдунъ напуститъ свое чародѣйство, не скрываясь; по крайней мѣрѣ, тогда извѣстно, отчего произошла болѣзнь, и какъ съ нею бороться. Хуже всего, если колдунъ или колдунья будетъ волшебствовать заочно: приготовитъ отравнаго зелья и подольетъ или подсыпетъ его тайкомъ въ питье или въ пищу, или сдѣлаетъ изъ глины маленькое изображеніе своей жертвы и начнетъ надъ нимъ колдовать. Если такую фигурку похоронить, или утопить, или сжечь, и при этомъ произнести волшебныя слова съ пожеланіемъ живому человѣку такой же участи, то такой человѣкъ вдругъ ни съ того ни съ сего захвораетъ и умретъ. Колдуны и колдуньи казались сумерамъ такими сильными потому, что считались обиталищами злыхъ духовъ. Что злой духъ, что колдунъ—все равно. И даже колдуны иной разъ опаснѣе: отъ нападенія бѣса еще можно уберечься амулетами, а отъ тайныхъ чародѣйствъ вѣдьмы или колдуна никакъ не убережешься.

И если, несмотря на всѣ предосторожности, человѣка все-таки постигала болѣзнь, то это значитъ, что на него напалъ злой духъ, по своей волѣ или по злому навожденію. Тогда приходилось обращаться къ помощи особаго жреца-знахаря, а ш и п у, который умѣетъ помочь: знаетъ всѣ чародѣйства колдуновъ и колдуній, знаетъ всѣ волшебныя заклинанія и всѣ

волшебныя дѣйствія, посредствомъ которыхъ можно изгнать злого духа изъ тѣла заболѣвшаго. Придя къ больному, такой ашипу прежде всего старался узнать, какъ приключилась болѣзнь, чтобы опредѣлить, какое заклинаніе можетъ помочь. Если причина болѣзни была ясная, то дѣло просто. Но это бывало рѣдко: часто самъ больной находился въ такомъ состояніи, что не въ силахъ ничего толкомъ разсказать, или высказывалъ только смутныя предположенія и догадки. Тогда знахарю оставалось только исполнять поочереди всѣ заклинанія и всѣ священнодѣйствія, пока какое-нибудь изъ нихъ не подѣйствуетъ; при этомъ лучше всего, если всѣ заклинанія повторялъ за знахаремъ самъ больной, и только если больной совсѣмъ былъ не въ состояніи говорить, то за него говорилъ знахарь.

Прежде всего знахарь прибѣгалъ къ самому простому заклинанію бѣсовъ, пробовалъ изгнать ихъ изъ тѣла больного, не прибѣгая ни къ какимъ особымъ церемоніямъ. Махая надъ больнымъ руками, ашипу дико выкрикивалъ:

Прочь, прочь, дальше, дальше!
Позоръ вамъ, позоръ вамъ! Летите прочь, летите прочь!
Поворачивайтесь, уходите, убирайтесь!..
Прочь изъ моего тѣла!
Дальше изъ моего тѣла!
Вонъ изъ моего тѣла съ позоромъ!..
Въ мое тѣло не возвращайтесь!
Къ моему тѣлу не приближайтесь!..
Мое тѣло не мучьте!
Во имя Шамаша, могучаго, будьте закляты!
Во имя Эа, господа вселенной, будьте закляты!
Во имя Мардука, великаго мага боговъ, будьте закляты!
Во имя бога огня, сожигающаго васъ, будьте закляты!..

Произнеся такое заклинаніе, или другое въ родѣ
того (всяческихъ заклинаній, тщательно записанныхъ
бережно сохранявшихся, было великое множество),
шипу ждалъ его дѣйствія. Если спустя нѣкоторое
ремя послѣ заклинанія болѣзнь не проходила, то
шипу рѣшалъ, что дѣло не такъ просто, что въ больного
селились бѣсы, напущенные колдовствомъ какого-
ибудь лихого человѣка. Съ такими чарами было уже
руднѣе бороться. Простыя заклинанія были недо-
таточны; надо было прибѣгнуть къ помощи спеціаль-
аго бога, спасителя отъ всякихъ чаръ и колдовства.
акимъ богомъ считался богъ Нуску, или Гирру, богъ
сепожирающаго и всеочищающаго огня, «богъ огня,
огучій, возвеличенный между богами, который одо-
ѣваетъ злого и нечестиваго». Этому богу хорошо мо-
иться въ предупрежденіе всякаго навожденія; когда
о-либо отправлялся въ походъ или въ какое-нибудь
угое трудное и опасное предпріятіе, лучше всего
ло пригласить ашипу напутствовать отъѣзжающаго
ращеніемъ къ великому богу огня: «прошу тебя,
будутъ блестящи члены (тѣла) этого благочестиваго
ловѣка, да будетъ онъ свѣтелъ, подобно небу, да
детъ онъ блестящъ, подобно землѣ, да будетъ
стъ, какъ внутренность неба, да отойдетъ въ сто-
ну отъ него зловредное слово!» Къ этому же богу
ращался ашипу и тогда, когда простое заклинаніе
дѣйствовало на злыхъ духовъ, и когда было по-
зрѣніе, что ихъ напустилъ на больного чародѣй или
дьма:

ску, великій богъ, отпрыскъ Ану!..
родѣя, который опуталъ меня волшебною силой, уловилъ
меня, опутай самого!

Чародѣйку, которая опутала меня волшебною силой, которой
она меня уловила, опутай саму!..
Они сдѣлали изображеніе мое, подражая чертамъ моимъ,
Захватили мнѣ дыханіе, растрепали мои волосы,
Разорвали мои одежды, при ходьбѣ мѣшали ногамъ моимъ (засыпая ихъ) пылью—,
Ихъ заклятіе разрушь, богъ огня, воитель!

Но чтобы окончательно уничтожить чары колдуновъ, надо было принять во вниманіе всѣ возможности. Если чары постигли больного только отъ дурного глаза или отъ дурного слова, то могутъ помочь заклинанія съ призывами бога Нуску; но если чародѣй дѣйствительно сдѣлалъ изображеніе больного и произвелъ надъ нимъ символическую казнь, то такія чары можно было разрушить только посредствомъ преданія сожженію изображенія чародѣя: вмѣстѣ съ его изображеніемъ сгорятъ и навожденные имъ злые духи. Если неизвѣстно, какой именно колдунъ или колдунья наслали болѣзнь, то ашипу бралъ просто кучу уродливыхъ фигурокъ и торжественно сжигалъ ихъ на огнѣ, приговаривая:

Образы семи и семи колдуній
Предалъ я богу огня,
Въ чашѣ съ углями сжегъ я ихъ.
Гирру, сожги колдуна и колдунью!
Гирру, спали колдуна и колдунью!
Гирру, сожги ихъ!
Гирру, спали ихъ!
Гирру, одолѣй ихъ!
Гирру, истреби ихъ!
Гирру, унеси ихъ!

Это послѣднее средство, чтобы изгнать болѣзнь. Если оно не поможетъ, то уже ничто не поможетъ,

и больной уйдетъ въ «страну, изъ которой нѣтъ возврата». Въ ожиданіи, пока заклинанія окажутъ свое благодѣтельное дѣйствіе, ашипу старался облегчить страданія больного смазываніемъ его тѣла, или пораженныхъ членовъ тѣла, священнымъ масломъ, заговореннымъ именами, великихъ боговъ, Эа, Мардука и великой владычицы вселенной. Втирая это «чистое, свѣтлое, блестящее масло» и произнося при этомъ волшебную молитву, знахарь какъ бы втиралъ облегченіе и утоленіе боли въ тѣло больного: жаръ ослабѣвалъ, боли утихали, стоны умолкали.

Ремесло ашипу было очень выгодное. Нигдѣ не было столько знахарей и гадателей, какъ въ Сеннаарѣ; нигдѣ наука священныхъ гаданій и заклинаній не сохранялась такъ свято, какъ тамъ. Знахари не только лечили и заговаривали противъ несчастій и болѣзней; они сами иной разъ превращались въ такихъ же колдуновъ, противъ которыхъ боролись своими заклинаніями. Человѣкъ, имѣвшій враговъ, часто прибѣгалъ въ борьбѣ съ ними къ услугамъ ашипу, обращался къ нимъ съ просьбой наслать проклятіе и гибель на своихъ враговъ. Заклинанія, которыя въ этихъ случаяхъ произносились знахарями, сохранились, и по нимъ мы можемъ судить о тѣхъ заклинаніяхъ, какія пускали въ ходъ колдуны и колдуньи: имъ приходилось заниматься своимъ ремесломъ тайно, и свои заклинанія они держали въ памяти, не записывая ихъ. На враговъ призывалось такое проклятіе:

Пусть они умрутъ, а я буду живъ,
Пусть они идутъ назадъ, а я пойду прямо впередъ,
Пусть они отощаютъ, а я растолстѣю,
Пусть они ослабѣютъ, а я окрѣпну!

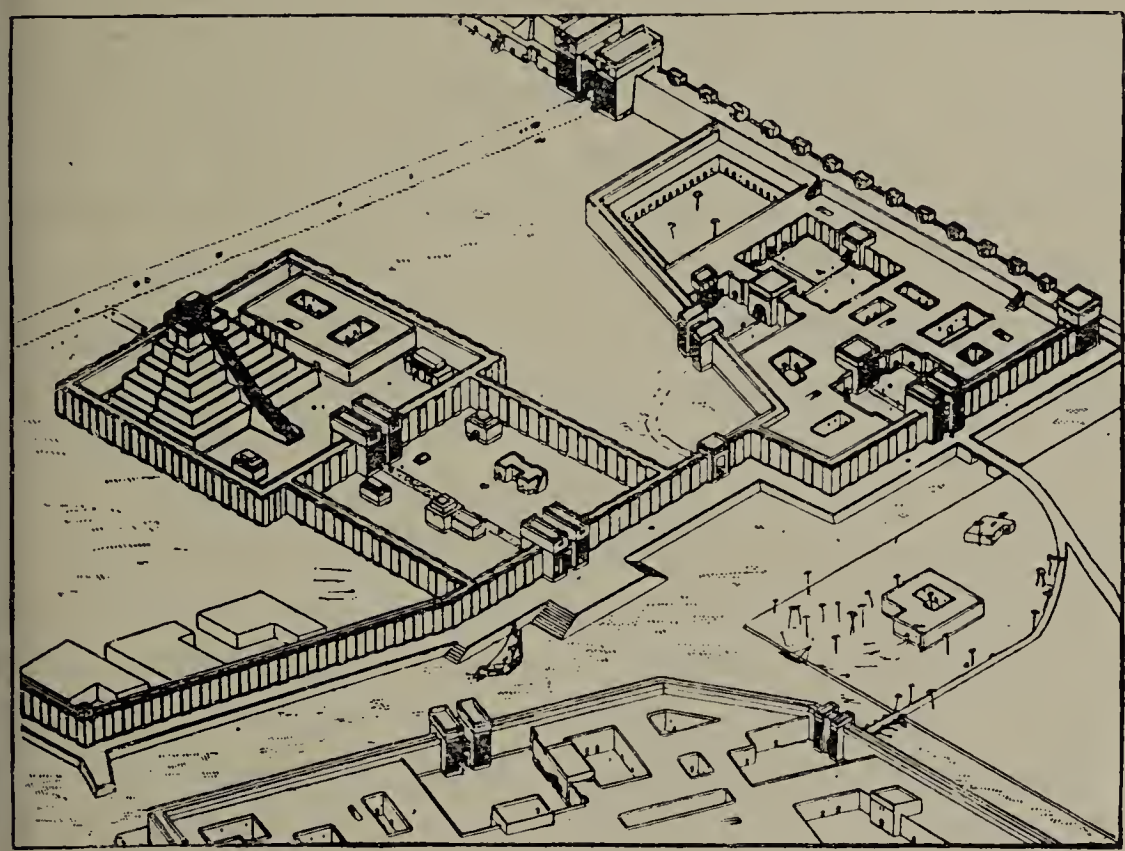
Вся эта старинная наука заклинаній свято и долго сохранялась. Прошли вѣка и тысячелѣтія, сумеры исчезли, ихъ языки сталъ мертвымъ, ихъ культура перешла къ вавилонянамъ, а потомъ къ ассиріянамъ,— но заклинанія остались нерушимы. Ихъ переводили на вавилонскій и на ассирійскій языки; сосѣди перенимали у жителей Сеннаара эту науку, преклоняясь передъ мудростью «халдеевъ», и замѣняли свои заклинанія вавилонскими или передѣлывали ихъ по образцу вавилонскихъ. Вотъ почему многія заклинанія русскія, нѣмецкія и другія такъ похожи на вавилонскія: отъ вавилонянъ заклинанія переходили въ Малую Азію, оттуда къ грекамъ и римлянамъ, а отъ нихъ—къ современнымъ европейскимъ народамъ.

X.

Святой Ниппуръ.

«Энлиль, царь странъ, мой возлюбленный отецъ!.. Дай мнѣ долгую жизнь, сохрани миръ и покой моей землѣ, дай побѣду моему войску, защити святилища, обрати милостиво взоръ твой на землю мою; подари насъ милостью твоею и будь всегда нашимъ могучимъ вождемъ». Съ такой молитвой обращались къ верховному сумерійскому богу Энлилю князья, патэси и цари Сеннаара. Древній святой богъ жилъ въ самомъ древнемъ городѣ Сеннаара, Ниппурѣ, гдѣ былъ у него «домъ на горѣ», Э-куръ. Отправимся въ Ниппуръ и познакомимся поближе съ этимъ знаменитымъ городомъ, его святынями и его обитателями.

Издалека, подъѣзжая къ Ниппуру по Евфрату, среди плоской, палимой солнцемъ равнины, путникъ видитъ поднимающуюся на холмѣ высокую башню и вокругъ нея—группы болѣе мелкихъ зданій, кажущихся въ сравненіи съ башней крохотными дѣтскими домиками-игрушками. Близость важнаго и населеннаго



Ниппуръ и храмъ Энлиля (реконструкція).

мѣста сразу становится замѣтной, по мѣрѣ приближенія къ Ниппуру: отъ рѣки отдѣляются одинъ за другимъ небольшіе каналы, и, наконецъ, отдѣляется большой каналъ Кабару, знаменитая «рѣка Ховаръ», на которомъ и стоитъ Ниппуръ. Путешественники, плывущіе въ лодкѣ, долго ѣдутъ среди полей, принадлежащихъ знаменитому святилищу. Безконечною вереницею тянутся поля, сады и виноградники, перерѣзанные до-

рогами, по краямъ которыхъ посажены финиковыя пальмы; среди полей попадаются постройки, хозяйственныя зданія, или хижины рабочихъ людей. У жрецовъ Ниппура было огромное количество земли и множество рабочихъ людей; подлѣ самаго Ниппура были расположены только самыя главныя угодья, огороды, сады и виноградники. Наконецъ, по правую сторону канала начинается обнесенная стѣной слобода, заселенная младшими жрецами, ремесленниками, купцами; тутъ же находится много страннопріимныхъ домовъ, въ которыхъ останавливаются пріѣзжающіе на поклоненіе Энлилю богомольцы. Въ стѣнѣ сдѣлано нѣсколько воротъ; главныя ворота находятся немного не доѣзжая Э-кура, стѣны котораго идутъ по лѣвую сторону канала. Стѣны высокія и толстыя: у ихъ подножія сдѣлана узенькая каменная набережная съ невысокимъ барьеромъ. Путниковъ охватываетъ благоговѣйное чувство страха: тамъ, за этой безмолвной стѣною, свершаются судьбы Сеннаара. Тамъ живетъ «царь странъ», изрекающій свою волю чрезъ своего верховнаго жреца.

Проѣхавъ мимо воротъ слободы, расположенной на правомъ берегу, путешественники видятъ, что набережная расширяется, образуя какъ бы небольшую пристань. У пристани сдѣланы двѣ каменныя лѣстницы, спускающіяся до самой воды, одна пошире, а другая поуже; въ стѣнѣ Э-кура, напротивъ середины пристани находятся огромныя мѣдныя ворота, ведущія въ святилище. Путь конченъ. Лодка пристаетъ къ набережной, путешественники выходятъ изъ нея, поднимаются по лѣстницѣ и останавливаются на нѣкоторое время на набережной, чтобы оглядѣться кругомъ. Прямо противъ воротъ Э-кура они видятъ другой каналъ, болѣе

узкій, чѣмъ тотъ, по которому они только что ѣхали. Стѣна слободы поворачиваетъ по берегу этого канала, и за угломъ ея видны еще ворота, противъ которыхъ перекинутъ мостъ на противоположный берегъ. Онъ покрытъ такими же полями и садами, какія скучной картиной разстилались передъ глазами нашихъ путешественниковъ, когда они въѣхали во владѣнія ниппурскихъ жрецовъ. Повернувшись лицомъ по продолженію главнаго канала, путники видятъ въ стѣнѣ Э-кура еще двое воротъ, одни поменьше, а другія, подальше, такія же, какъ и у пристани. Противъ этихъ послѣднихъ воротъ черезъ главный каналъ перекинутъ мостъ, соединяющій восточную часть Э-кура съ полями и садами. За воротами виднѣется угловая башня стѣны: тамъ каналъ соединяется съ другимъ большимъ каналомъ.

Оглядѣвшись, путешественники входятъ черезъ ворота во внутренность Э-кура. Ворота ведутъ въ первый, наружный дворъ Э-кура; чрезъ этотъ дворъ идетъ прямо, какъ стрѣла, выложенная большими каменными плитами дорожка къ воротамъ внутренняго двора, гдѣ находится самое святилище бога. Въ первомъ дворѣ расположено нѣсколько маленькихъ храмовъ, посвященныхъ двадцати четыремъ главнѣйшимъ богамъ Сеннаара. Откуда бы ни пріѣхалъ въ Ниппуръ богомолецъ, онъ найдетъ здѣсь своего бога, можетъ зайти въ его часовню, принести ему жертву. Энлиль—господинъ надъ всѣми богами Сеннаара. Какъ всѣ князья Сеннаара служатъ и повинуются или царямъ Киша, или царямъ Ширпурлы, или царямъ Эреха, такъ всѣ боги Сеннаара служатъ и повинуются великому Энлилю: это утверждаютъ его жрецы, и съ этимъ вполнѣ соглашаются всѣ жители Сеннаара. Какъ князь правитъ своей стра-

ной, потому что его призналъ въ этомъ званіи его верховный повелитель, такъ и каждый мѣстный богъ пользуется поклоненіемъ въ своей землѣ, потому что его призналъ въ этомъ званіи Энлиль. Уже знакомые намъ князья Ширпурлы обращались, напримѣръ, къ своему богу Нингирсу такимъ образомъ:

О воитель, могучій левъ, не имѣющій себѣ равнаго,
О Нингирсу... ты, который признанъ княземъ въ Ниппурѣ!..

Здѣсь, въ этомъ переднемъ дворѣ всегда толпится масса народа. Входъ сюда свободенъ для всѣхъ, въ то время, какъ въ святилище самого Энлиля далеко не всѣхъ пускаютъ. Многочисленные жрецы и ихъ помощники завалены дѣломъ: на четырехугольныхъ жертвенникахъ, стоящихъ передъ храмами, приносятъ они по просьбѣ богомольцевъ жертвы ихъ богамъ, благодарственныя и просительныя. Чѣмъ больше жертвъ, тѣмъ выгоднѣе жрецамъ: извѣстную часть жертвъ они берутъ себѣ, какая бы ни была жертва. Жрецы поощряютъ жертвователей, и на переднемъ дворѣ всегда людно и оживленно. Въ храмахъ нѣтъ мѣста для большихъ молитвенныхъ собраній; тамъ только живутъ въ своихъ тайникахъ боги, складываются драгоцѣнныя приношенія имъ и ихъ казна.

Но вотъ путешественники у воротъ въ стѣнѣ внутренняго двора, въ которомъ высится жилище Энлиля, огромная ступенчатая башня Имхарзагъ. Невольно при входѣ вспоминается имъ начало одного гимна Энлилю, въ которомъ описывается величіе его храма:

Великая гора Энлиля, Имхарзагъ, вершина которой достигаетъ неба,
Основаніе которой заложено въ пылающей безднѣ!

Ты подобна могучему дикому ослу, лежащему на горахъ—
Рога его сверкаютъ, точно лучезарное солнце,
Точно небесная звѣзда горятъ они, полные великолѣпія!..

Когда богомолецъ, съ разрѣшенія жрецовъ, входитъ за ограду жилища Энлиля, то передъ нимъ открывается Имхарзагъ во всей своей красѣ. Онъ расположенъ

Старинное изображеніе зиккурата.

на лѣвой половинѣ двора. Это—башня съ широкимъ основаніемъ четырехугольной формы; на основаніи поставленъ слѣдующій этажъ, такой же вышины, но нѣсколько уже, на второмъ этажѣ—еще болѣе узкій третій, и такъ далѣе, вплоть до седьмого этажа, представляющаго изъ себя уже совсѣмъ небольшое помѣщеніе. Весь храмъ-башня имѣетъ видъ ступенчатой пирамиды; на самую вершину ведетъ широкая лѣстница,

начинающаяся прямо противъ воротъ. Каждый этажъ— въ 2 сажени вышины, такъ что всего зданіе имѣетъ въ вышину почти 14 саженъ. Наверху, въ седьмомъ этажѣ, находится небольшой покой, гдѣ въ драгоцѣнномъ ковчегѣ лежитъ небольшая фигурка Энлиля. Каждый этажъ выкрашенъ въ особую краску: нижній— бѣлый, второй — черный, третій—пурпурный, четвертый—синій, пятый—красный, шестой—сѣро-серебристый, седьмой—желтый, подъ цвѣтъ золота. По образцу Имхарзага строились такіе же храмы-башни въ другихъ городахъ Сеннаара. Проходили вѣка, а форма этихъ зиккуратовъ и ихъ цвѣта не измѣнялись: какъ ихъ строили сумеры, такъ строили ихъ двѣ тысячи лѣтъ спустя ассирійскіе владыки.

Имхарзагъ, какъ и другіе ступенчатые храмы, имѣли особое назначеніе, о которомъ мы еще будемъ говорить. Настоящимъ жилищемъ Энлиля и его супруги Белиты былъ не Имхарзагъ, а другой храмъ, «домъ Энлиля», расположенный направо отъ ступенчатаго храма. Направляясь къ нему, богомолецъ видитъ небольшое зданіе сокровищницы и архива, охраняемое вооруженной стражей. «Домъ Энлиля» раздѣлялся на два покоя, одинаковаго устройства; въ одномъ жилъ Энлиль, въ другомъ его супруга Инлиль-Бэлита. Каждый покой состоялъ изъ небольшой залы, освѣщаемой четырехугольнымъ отверстіемъ въ потолкѣ; въ глубинѣ залы стоялъ драгоцѣнный небольшой жертвенникъ для безкровныхъ приношеній, а задняя часть залы, за жертвенникомъ, отдѣлялась легкой стѣной или завѣсой въ видѣ тайника, гдѣ въ полномъ мракѣ находилась статуя божества. Эти тайники и статуи устраивались одинаково изъ столѣтія въ столѣтіе, и по сохранившимся изображе-

іямъ изъ ассирійскаго періода мы можемъ судить и томъ, что находилось въ тайникѣ Э-кура. Богъ былъ зображенъ въ сидячемъ положеніи, на тронѣ, украшенномъ золотою рѣзьбою и золотыми орнаментами; въ рукахъ у него — скипетръ и держава, и онъ какъ бы принимаетъ приношенія своихъ поклонниковъ. Тихо и сумрачно было въ такомъ тайникѣ. Наивнаго богомольца, допущеннаго въ домъ Энлиля, охватывалъ священный трепетъ передъ таинственной завѣсой, скрывавшей за собою статую великаго бога.

Энлиль (внизу) и Инлиль (вверху).

Въ задней стѣнѣ внутренняго двора, сзади Имхарзагъ, были сдѣланы небольшія ворота, чрезъ которыя можно было пройти въ остальное обширное пространство, занятое Э-куромъ и обнесенное его главною стѣною. Тутъ прежде всего, направо отъ храмовъ, находилось обнесенное особою стѣною пространство, въ которомъ жили главные жрецы храма. Ихъ дома занимали около трехъ четвертей всей площади этого пространства; задняя часть его была занята фруктовымъ садомъ, гдѣ могли они отдыхать при вечерней прохладѣ послѣ знойнаго дня, придаваясь бесѣдамъ и размышленіямъ. Обширное пространство сзади храмовъ и жреческихъ домовъ было занято огромными кладовыми, въ ко-

торыхъ хранились продукты, собиравшіеся съ полей бога Энлиля. Для того, чтобы удобно и быстро доставлять запасы къ кладовымъ, въ боковой правой стѣнѣ были сдѣланы огромныя широкія ворота, а отъ нихъ— широкая дорога. Задняя стѣна Э-кура выходила на Евфратъ; съ лѣвой стороны также былъ каналъ; такимъ образомъ, святилище было окружено со всѣхъ четырехъ сторонъ водою, защищено толстыми стѣнами съ высокими угловыми башнями, а главные его пункты, храмы и жилища жрецовъ были ограждены еще внутренними стѣнами. Боги и жрецы могли спать спокойно за этой защитой: и сами они, и ихъ сокровища были почти недоступны для нападеній непріятеля. Поэтому, за стѣны Э-кура охотно помѣщали свои драгоцѣнности всѣ богатые люди, обогащая жрецовъ платой за ихъ охрану и содержаніе въ порядкѣ.

Ниппуръ со своимъ Э-куромъ былъ самымъ святымъ городомъ въ Сеннаарѣ; но, кромѣ того, онъ былъ и самымъ ученымъ городомъ, центромъ всей старинной науки сумеровъ. Въ лѣвомъ углу Э-кура, рядомъ съ храмовыми дворами, было выстроено нѣсколько зданій: въ нихъ помѣщались жреческая школа и огромная библіотека глиняныхъ таблетокъ, на которыхъ была записана вся жреческая мудрость, и по которымъ учились молодые сыновья жрецовъ, приготовляясь наслѣдовать званіе и должности своихъ родителей. Учились въ Ниппурѣ не только сыновья мѣстныхъ жрецовъ; сюда пріѣзжали учиться жрецы и жреческіе сыновья изъ другихъ городовъ Сеннаара. Вплоть до возвышенія Вавилона Ниппуръ былъ единственной академіей на берегахъ Евфрата; мысли и знанія, которыя сообщали учителя-жрецы въ Ниппурѣ, ихъ ученики разносили

по всему Сеннаару. Поэтому, несмотря на раздробленность Сеннаара, несмотря на частыя войны, происходившія между его князьями и царями, и несмотря на отсутствіе оживленныхъ торговыхъ сношеній, въ Сеннаарѣ была единая культура. Всѣ жрецы и сколько-нибудь образованные князья раздѣляли одни и тѣ же взгляды на міръ и на жизнь, такъ какъ учились въ одномъ и томъ же мѣстѣ.

Эта самая старинная жреческая наука была наукой практической. Прежде всего и больше всего она занималась вопросомъ о томъ, что́ долженъ знать жрецъ, чтобы правильно и успѣшно отправлять свои обязанности. Учили, какъ приносить жертвы, какія при храмѣ читать молитвы; учили, какъ приготовляться къ приношенію жертвъ омовеніями въ священной водѣ, чаша съ которой стояла во дворѣ всякаго храма; учили, какъ приносить жертвы и какія исполнять церемоніи въ праздничные дни. Эта часть науки жрецовъ была самая легкая; гораздо труднѣе была другая часть жреческой науки, учившая, какъ производить заклинанія и гаданія. Въ предшествующей главѣ мы уже познакомились съ заклинаніями и со способами ихъ произношенія; но мы удовольствовались только двумя-тремя примѣрами, жрецъ же долженъ былъ знать неизмѣримо больше. На разные случаи существовали разныя заклинанія; а такъ какъ болѣзней и несчастныхъ случаевъ очень много, то и заклинаній приходилось изучать множество. Изученіе при этомъ требовалось очень тщательное. Каждому слову заклинанія придавалась волшебная сила, и все заклинаніе считалось пропавшимъ задаромъ, если заклинатель произносилъ неправильно или пропускалъ хоть одно слово. Нѣко-

торыя слова или фразы нужно было обязательно повторять по три раза или по семь разъ; обчелся—дѣло пропало. Поэтому, на изученіе, или лучше сказать, на заучиваніе заклинаній требовалось очень много времени и труда. Опытный, умѣлый ашипу, на котораго можно было положиться, требовалъ за свои наставленія и за свое руководство большого вознагражденія. Поэтому, пройти науку заклинаній обходилось недешево.

Такою же трудною была наука гаданій. Были разные способы гаданій: по печени жертвенныхъ животныхъ, по святому маслу и по святой водѣ; эти способы намъ уже знакомы. Но разные необычайные случаи въ повседневной жизни также считались откровеніями воли боговъ, и ихъ нужно было умѣть объяснять. Жрецъ долженъ былъ умѣть отвѣтить, что́ означаетъ такой, напр., случай, если у заколотой для принесенія въ жертву овцы одинъ глазъ остался открытымъ, а другой закрылся; большое значеніе при этомъ имѣло, какой глазъ остался открытымъ, правый или лѣвый. Овца, какъ жертвенное животное, считалась священной, и поэтому обращали большое вниманіе, какой видъ имѣютъ только что родившіеся ягнята. Если у ягненка была какая-нибудь необыкновенная голова, напоминавшая голову другого животнаго, шакала, собаки, лисицы, барана, быка, осла, свиньи, льва, наконецъ, человѣка, то это считалось предзнаменованіемъ, и жрецъ долженъ былъ умѣть объяснить каждый случай. Нужно было также умѣть объяснить, что́ значитъ, если овца принесла не одного или двухъ ягнятъ, какъ полагается обыкновенно, а больше; число ягнятъ тоже принималось въ разсчетъ: три—одинъ знакъ, четыре—другой и т. д.

Если оказывалось, что ягненокъ или приплодъ какого-нибудь другого скота—уродъ, то нужно было объяснить всякое уродство. На всякій случай жрецы должны были изучать значеніе самыхъ разнообразныхъ уродствъ, даже такихъ, которыя встрѣчаются очень рѣдко. На глиняныхъ таблеткахъ перечислялись эти безчисленные случаи: восемь ногъ, два хвоста, двойня съ одной головой, приплодъ съ двумя головами, сросшіеся на головѣ уши, отсутствіе хвоста, приплодъ неопредѣленнаго пола, ни самецъ, ни самка и т. д. Считалось божественнымъ предзнаменованіемъ, если кобыла или корова принесетъ не одного, а двухъ или больше дѣтенышей. Кромѣ такихъ случаевъ, жрецъ долженъ былъ умѣть объяснить множество другихъ. Священнымъ животнымъ считалась собака, другъ человѣка; сумеры думали, что въ нее могутъ вселяться духи, и очень часто изображали добрыхъ и злыхъ духовъ съ собачьей головой, въ особенности на царскихъ печатяхъ. И жрецъ долженъ былъ умѣть разгадать самые разнообразные случаи изъ жизни собаки. Какъ собака укуситъ, кого или что укуситъ, какъ она воетъ, гдѣ она воетъ, бѣгаютъ ли собаки поодиночкѣ или собираются цѣлыми сворами—все это имѣло особое значеніе. Такое же значеніе приписывали поведенію нѣкоторыхъ птицъ, въ особенности ворона и сокола. Но больше всего смущала встрѣча со змѣей или со скорпіономъ. Если увидать скорпіона или змѣю въ неурочное время и въ неурочномъ мѣстѣ, то это уже требовало объясненія. Если же змѣя или скорпіонъ ужалитъ человѣка, то и это обстоятельство не было простымъ: судя по мѣсту укуса, случай укуса предвѣщалъ болѣе или менѣе тяжкое бѣдствіе. Жрецы все это должны были знать. И когда теперь ученые

находятъ и прочитываютъ десятки тысячъ таблетокъ, исписанныхъ разъясненіями всѣхъ безчисленныхъ случаевъ въ указанномъ родѣ, остается только удивляться, насколько разработана и точна была эта наука. Намъ она кажется просто грубымъ суевѣріемъ, мы пренебрежительно и даже съ неуваженіемъ смотримъ на человѣка, вѣрящаго въ примѣты; но для старинныхъ жителей Сеннаара она имѣла огромное значеніе. Можетъ быть, сами гадатели и не всѣ вѣрили въ свои гаданія; но они не показывали этого и бережно поддерживали вѣру въ примѣты. Вѣра эта держалась крѣпко. Двѣ тысячи лѣтъ спустя послѣ того времени, которое мы сейчасъ описываемъ, всѣ формулы гаданій и заклинаній были тщательно переведены на ассирійскій языкъ, чтобы ихъ могли примѣнять жрецы ассирійскихъ владыкъ. И только вмѣстѣ съ гибелью вавилонской культуры погибла и эта сложная наука.

XI.

Наука о небесныхъ свѣтилахъ.

Кромѣ гаданій по разнаго рода земнымъ явленіямъ, жрецы могли изучать еще высшую науку гаданій, по небеснымъ явленіямъ. Мы уже упоминали объ этой наукѣ. Она была самой молодой изъ другихъ жреческихъ наукъ; но она скоро стала считаться самой главной и самой священной. Она не погибла, какъ пустое суевѣріе, но впослѣдствіи дала начало точной, настоящей наукѣ, астрономіи. Для этой самой инте-

ресной науки служилъ башня-храмъ Имхарзагъ; съ нею мы должны познакомиться поближе. Прежде всего мы должны узнать, какъ она произошла.

Наблюдать за небесными свѣтилами всѣ народы земного шара начинаютъ ради счета времени. Если считать время днями, то съ такого счета легко сбиться, когда дѣло идетъ о большихъ промежуткахъ времени; тогда нужна болѣе длинная мѣрка, чѣмъ день. Нѣкоторые дикари считаютъ время «пятерками», по пять дней, по числу пальцевъ на рукѣ и на ногѣ; у такихъ дикарей «рука» обозначаетъ, такъ сказать, недѣлю, а «двѣ руки и двѣ ноги» обозначаютъ двадцать дней, т.-е. нѣчто въ родѣ мѣсяца. Но такой счетъ времени неудобенъ даже для дикарей; ихъ мысль работаетъ туго, а тутъ все время приходится считать, напрягать память. Проще всего считать большіе промежутки времени по какому-нибудь явленію природы, періодически повторяющемуся. И всѣ народы земного шара находятъ такое явленіе въ небесномъ ночномъ свѣтилѣ. Луна обращаетъ на себя вниманіе раньше, чѣмъ звѣзды, или солнце. Видъ солнца всегда одинаковъ; видимое суточное движеніе его очень просто: утромъ оно встаетъ на востокѣ, поднимается по небу до полудня, потомъ опускается и вечеромъ заходитъ на западѣ. Звѣзды тоже всегда на первый взглядъ одинаковы, трудно различить ихъ одну отъ другой, всѣ другъ на друга похожи. Луна же кажется первобытному человѣку необыкновеннымъ свѣтиломъ. То она появляется на небѣ, то совсѣмъ ея не видно, то она полная, то она уменьшается, превращается въ узенькій серпъ, убываетъ и совсѣмъ исчезаетъ, потомъ опять появляется въ видѣ серпа, увеличивается, пока не дойдетъ до пол-

наго диска, и затѣмъ снова начинаетъ убывать. Эти фазы луны, какъ мы ихъ называемъ, сразу бросаются въ глаза и выдѣляютъ луну изъ ряда другихъ свѣтилъ. По лунѣ легко считать значительные промежутки времени: не нужно быть очень наблюдательнымъ человѣкомъ, чтобы замѣтить, что, напримѣръ, отъ одного новолунія до другого проходитъ всегда одинаковое число дней. Этотъ промежутокъ времени, 28 дней, мы называемъ мѣсяцемъ, т.-е. русскимъ названіемъ луны; такое же названіе этого промежутка времени принято у всѣхъ народовъ земного шара. Но счетъ времени по мѣсяцамъ скоро оказывается недостаточнымъ, въ особенности у народовъ, живущихъ земледѣльческимъ трудомъ, и въ такомъ климатѣ, гдѣ ясно происходитъ смѣна четырехъ временъ года. Посѣвъ, созрѣваніе хлѣба, его жатва и уборка—самые важные моменты въ жизни такого народа; ихъ надо умѣть заранѣе высчитать, чтобы не опоздать и не погубить урожаевъ. Для земледѣльца, поэтому, время естественно идетъ такими смѣнами: рабочее время—весна, лѣто и осень, и нерабочее время—зима, за которою опять идетъ съ весны рабочая пора. Научившись считать мѣсяцы, земледѣлецъ, конечно, прежде всего подсчитываетъ, сколько мѣсяцевъ проходитъ отъ одной весны до другой. Приблизительный подсчетъ показываетъ, что проходитъ двѣнадцать мѣсяцевъ (по 28 дней). Но скоро обнаруживается ошибка. Въ лунномъ годѣ оказывается почти на 30 дней меньше, чѣмъ въ настоящемъ солнечномъ годѣ; по лунному календарю годъ уже прошелъ, снова должна быть весна, а ея еще нѣтъ. Тогда календарь исправляютъ: или просто прибавляютъ добавочный мѣсяцъ, или рѣшаютъ, что про-

должительность года надо считать не по лунѣ, а по другому свѣтилу. Этимъ свѣтиломъ можетъ быть только солнце. Легко замѣтить, что смѣна временъ года зависитъ не отъ луны, а именно отъ солнца: зимой оно мало грѣетъ, лѣтомъ его лучи самые горячіе; осень и весна—переходныя времена года. Но высчитать продолжительность года по солнцу не такъ-то легко. Даже нѣкоторые культурные народы такъ и не смогли высчитать продолжительность года по солнцу. Какъ мы знаемъ, продолжительность года опредѣляется срокомъ движенія земли вокругъ солнца; годъ—это такой промежутокъ времени, въ теченіе котораго земля проходитъ свою орбиту кругомъ солнца. Нужно было потратить очень много труда, сдѣлать массу наблюденій, чтобы точно опредѣлить продолжительность года; древніе народы, не имѣвшіе никакихъ инструментовъ для астрономическихъ наблюденій и почти не знавшіе математики, никогда не могли точно высчитать солнечный годъ. Египтяне, напримѣръ, за начало года считали начало разлива Нила, а годъ у нихъ оставался лунный, такъ что имъ приходилось вставлять добавочный мѣсяцъ. Лунный годъ остался у евреевъ и у арабовъ, которые также вставляютъ добавочный мѣсяцъ. Но жители долины Тигра и Евфрата пошли дальше другихъ древнихъ народовъ и сумѣли высчитать солнечный годъ.

Сумеры такъ же, какъ и другіе народы, начали съ наблюденій за луной, замѣтили ея фазы, высчитали продолжительность мѣсяца и раздѣлили его на четыре недѣли, по числу фазъ луны. Годъ первоначально у нихъ тоже былъ лунный. Но замѣтивъ несовпаденіе его со смѣною временъ года, сумеры, посредствомъ

долгихъ и кропотливыхъ наблюденій, сумѣли высчитать годъ по солнцу. Для того, чтобы высчитать солнечный годъ, надо было сдѣлать очень важное наблюденіе и замѣтить, что кромѣ видимаго суточнаго движенія солнца по небу, зависящаго, какъ мы знаемъ, отъ вращенія земли вокругъ своей оси, есть еще видимое годовое движеніе солнца по небу, зависящее отъ движенія земли вокругъ солнца. Это движеніе нельзя замѣтить сразу. На первый взглядъ солнце изо дня въ день идетъ по небу по одной и той же дорогѣ отъ востока къ западу; не сразу придетъ въ голову, что солнце въ теченіе года какъ будто постоянно мѣняетъ свое мѣсто на небѣ, проходитъ между звѣздами, какъ поѣздъ идетъ мимо разныхъ селеній, полей, холмовъ и рѣкъ, попадающихся ему на пути. Попробуемъ представить себѣ, какъ удалось сумерамъ сдѣлать такое замѣчательное наблюденіе.

Прежде всего можно было замѣтить, что солнце зимой и лѣтомъ стоитъ не на одинаковой высотѣ надъ горизонтомъ. Лѣтомъ оно выше надъ горизонтомъ, зимой ниже; отъ этого дневной путь солнца по небу лѣтомъ длиннѣе, и день дольше, а зимой короче, и день меньше. Особенно это замѣтно въ нашихъ умѣренныхъ широтахъ: въ Москвѣ, напримѣръ, самый длинный, лѣтній день равняется почти $17^1/_2$ часамъ, а самый короткій зимой—только 7 часамъ, и солнце зимою стоитъ надъ горизонтомъ гораздо ниже, чѣмъ лѣтомъ. Чѣмъ ближе къ экватору, тѣмъ эта разница менѣе замѣтна, и на экваторѣ всегда день равенъ ночи—значитъ, дневной солнечный путь по небу тамъ всегда одинаковъ. Самый южный пунктъ Сеннаара отстоитъ отъ

кватора на 31 градусъ, такъ что тамъ разница между лѣтнимъ и зимнимъ днемъ не очень рѣзкая, но все-таки е можно замѣтить; самый длинный лѣтній день длиннѣе самаго короткаго зимняго дня тамъ приблизительно а 4 часа. Послѣ того, какъ замѣчена эта разница въ положеніи солнца на небѣ лѣтомъ и зимой, естественно, возникаетъ предположеніе, что солнце мѣняетъ свое мѣсто на небѣ, дѣлаетъ еще какой-то другой путь, кромѣ суточнаго пути. Какъ опредѣлить этотъ путь, какъ найти его на небѣ? Проще всего по звѣздамъ. Въ Сеннаарѣ, какъ вообще въ странахъ, близкихъ къ тропикамъ, нѣтъ почти сумерекъ, сейчасъ же вслѣдъ за заходомъ солнца наступаетъ полная темнота, и зажигаются звѣзды. Звѣзды тамъ особенно ярки, благодаря чистому воздуху; небо тамъ восемь мѣсяцевъ въ году сплошь безоблачно, въ остальные мѣсяцы также, кромѣ шести недѣль зимнихъ дождей, часто бываютъ ясныя ночи. Такимъ образомъ, условія для наблюденій надъ звѣзднымъ небомъ въ Сеннаарѣ самыя благопріятныя. Этими условіями и воспользовались сумеры. Замѣтивъ пунктъ горизонта, въ которомъ зашло солнце, по какому-нибудь выдающемуся предмету на земной поверхности, наблюдатели примѣчали, какія звѣзды загораются на мѣстѣ захода солнца. Черезъ нѣкоторый промежутокъ времени, напримѣръ, черезъ мѣсяцъ, такое наблюденіе повторялось, и оказывалось, что на мѣстѣ захода солнца видны уже другія звѣзды. Производя одно за другимъ такія наблюденія, наблюдатель, наконецъ, замѣчалъ, что солнце опять зашло въ томъ созвѣздіи, какое было имъ примѣчено во время перваго наблюденія. Оказалось, что въ теченіе промежутка времени, протекшаго отъ перваго наблюденія до послѣдняго, прошла смѣна всѣхъ четы-

рехъ временъ года, прошелъ, другими словами, годъ. Сосчитавъ число дней, протекшихъ между первымъ и послѣднимъ наблюденіями, нашъ наблюдатель получилъ продолжительность года, болѣе или менѣе точную. Сумеры опредѣлили ее круглымъ числомъ въ 360 дней и выровняли лунный годъ съ солнечнымъ, прибавивъ къ каждому мѣсяцу по два дня: всѣ мѣсяцы у нихъ получились ровные, по 30 дней въ каждомъ. Этотъ годъ также былъ не вполнѣ точенъ, и потому черезъ нѣсколько лѣтъ по приказу царей и патэси вставлялся добавочный мѣсяцъ.

Конечно, наблюденія за солнцемъ должны были тянуться много лѣтъ, пока удалось достигнуть такого результата. Въ концѣ концовъ, сумеры убѣдились, что солнце въ теченіе года проходитъ по небу кругъ *), замѣтили тѣ созвѣздія, по которымъ солнце проходитъ, попутно пріобрѣли навыкъ наблюдать небесныя свѣтила и замѣтили многія изъ нихъ, выдѣлявшіяся изъ среды другихъ. Въ особенности поразила своимъ блескомъ и особеннымъ положеніемъ на небѣ такъ называемая утренняя и вечерняя звѣзда, т.-е. планета Венера. Эта красивая и яркая звѣзда отличалась отъ всѣхъ другихъ звѣздъ своею величиною: сквозь прозрачный воздухъ Сеннаара простымъ глазомъ можно видѣть фазы Венеры, незамѣтныя для наблюдателя въ нашихъ широтахъ, а блескъ ея на

*) Это годовое движеніе солнца по небу только кажущееся. Въ дѣйствительности, вокругъ солнца идетъ земля, и въ теченіе ея годичнаго круга мы видимъ солнце изъ-за различныхъ созвѣздій, мимо которыхъ идетъ по своей орбитѣ земля. Вавилоняне, конечно, считали всѣ движенія небесныхъ свѣтилъ дѣйствительными, земля же, по ихъ мнѣнію, стояла неподвижно

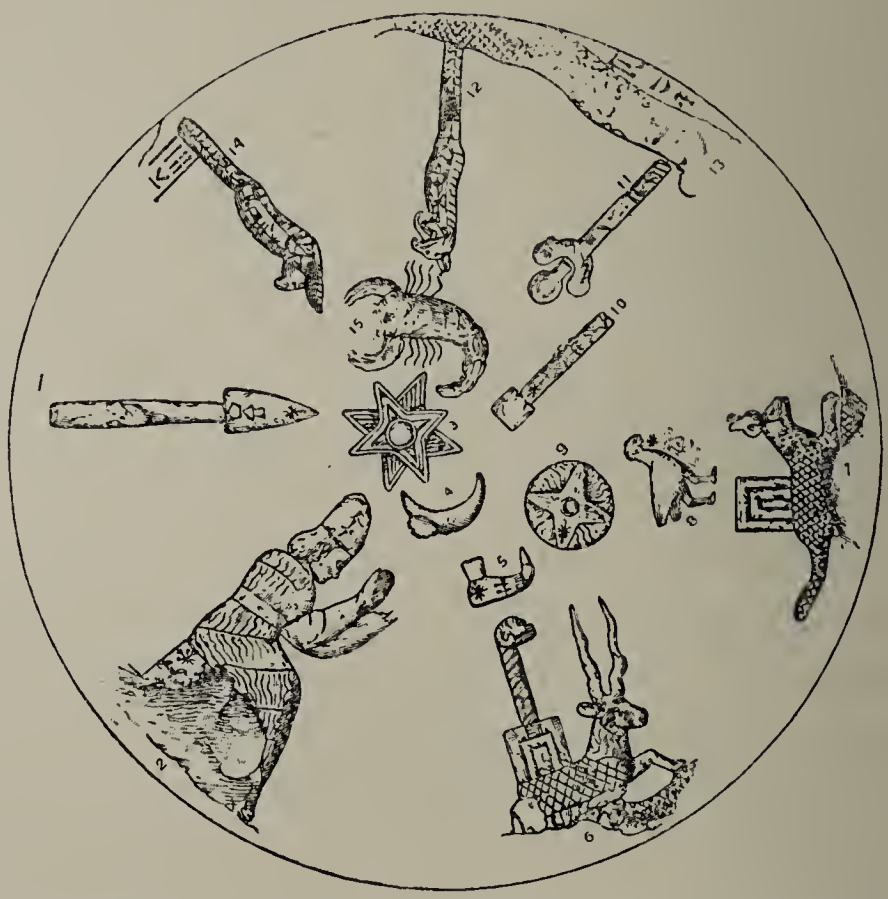
небѣ Сеннаара настолько ярокъ, что она, подобно лунѣ, отбрасываетъ тѣнь. Затѣмъ, въ отличіе отъ всѣхъ другихъ звѣздъ, какъ бы пригвожденныхъ къ своимъ мѣстамъ на небѣ, Венера появляется въ противоположныхъ частяхъ неба. Полгода она появляется на востокѣ, утромъ передъ восходомъ и послѣ восхода солнца, и полгода она появляется на западѣ, передъ заходомъ и послѣ захода солнца. Какъ бы вѣрный спутникъ солнца, тѣсно съ нимъ связанная, эта звѣзда раньше всего была замѣчена сумерами и выдѣлена изъ среды всѣхъ другихъ звѣздъ. Вмѣстѣ съ луной и солнцемъ она составила троицу великихъ небесныхъ свѣтилъ, царящихъ на небѣ. Потомъ постепенно были замѣчены другія планеты, которыя можно видѣть простымъ глазомъ. Отличить ихъ отъ остальныхъ звѣздъ удалось потому, что они постоянно мѣняютъ свое положеніе среди остальныхъ звѣздъ, никогда не измѣняющихъ своего взаимнаго расположенія на небѣ. Всѣ такъ называемыя неподвижныя звѣзды имѣютъ видимое движеніе, но совершенно правильное и всегда одинаковое: такъ какъ земля вертится вокругъ своей оси, то намъ кажется, что вертится весь небесный сводъ, находящійся надъ нашей головой, со всѣми звѣздами, какъ бы пригвожденными къ нему, вертится всегда въ одномъ и томъ же направленіи, вокругъ Полярной звѣзды (въ сѣверномъ полушаріи), въ которую уперлась бы земная ось, если бы мы ее мысленно продолжили, вертится всегда съ одинаковой быстротой. Но планеты, совершающія подобно землѣ пути вокругъ солнца, совершенно какъ будто не связаны съ остальными звѣздами, не пригвождены къ небу, а свободно могутъ ходить по небу: то появляются на небѣ, то скрываются

съ него (когда въ своемъ пути отойдутъ слишкомъ далеко отъ земли), то появляются въ одномъ пунктѣ неба, то въ другомъ. Послѣ Венеры сумеры научились раньше другихъ планетъ отличать планету Юпитеръ, отличающуюся своимъ блескомъ; три другія планеты, видимыя простымъ глазомъ (Марсъ, Меркурій и Сатурнъ), они долго не умѣли отличать другъ отъ друга, путали ихъ и называли просто планетами. Со временемъ, однако, они научились твердо различать и ихъ.

Наблюдали за небомъ и составляли календарь жрецы; у сумеровъ, какъ и у другихъ народовъ, это было спеціальной жреческой обязанностью. Наблюденія за небесными свѣтилами дали жрецамъ мысль о томъ, что великія небесныя свѣтила, т.-е. не только луна и солнце, но и планеты, суть великіе боги. Солнце и луна издавна считались великими богами; Наннаръ-Синъ, богъ луны, издревле считался богомъ покровителемъ Ура, а Баббаръ-Шамашъ, богъ солнца, издревле былъ богомъ-покровителемъ Ларсы и Сиппара. Жрецы признали и планеты великими богами. Прежде всего великой богиней была признана утренняя и вечерняя звѣзда (планета Венера). Ее отождествили съ богиней Иштаръ. Иштаръ была богиней земного плодородія, богиней любви и весны. Землю оплодотворяетъ своими лучезарными лучами солнце, оно даетъ жизнь и здоровье. Утренняя и вечерняя звѣзда— постоянная спутница солнца; какъ вѣрная супруга солнца, никогда она отъ него не отстаетъ. А богиня Иштаръ давно уже во многихъ сказаніяхъ признавалась супругою или возлюбленной солнца. Поэтому, всего естественнѣе было отождествить утреннюю и вечернюю звѣзду съ богиней Иштаръ. Солнце, луна и Иштаръ явились, такимъ образомъ, первыми великими

небесными богами. Впослѣдствіи другія планеты были отождествлены также съ великими богами Сеннаара. Это произошло не сразу; долгое время была большая путаница, и только тысячу лѣтъ спустя послѣ той эпохи, которую мы описываемъ, за 2000 лѣть до Р. Х. установилось болѣе или менѣе твердо отождествленіе планетъ съ богами. Планету Юпитеръ отождествили съ богомъ-покровителемъ Вавилона, Мардукомъ; за 2000 лѣтъ до Р. Х. Вавилонъ былъ уже главнымъ городомъ Двурѣчья, и потому самую великую изъ всѣхъ планетъ послѣ Венеры отождествили съ богомъ этого города. Другія планеты были отождествлены такимъ образомъ: Нергаль, богъ стариннаго города Куты, получилъ планету Марсъ, а двѣ другія планеты были отождествлены съ двумя великими богами, культъ которыхъ выдвинулся со времени возвышенія Вавилона. Именно, планета Меркурій была отождествлена съ богомъ Борсиппы, предмѣстья Вавилона, Нэбо, или Набу, который сталъ считаться покровителемъ путешественниковъ, торговли и купцовъ, а планета Сатурнъ была отождествлена съ богомъ войны и разрушенія Нинибомъ, который раньше былъ совсѣмъ незамѣтнымъ божкомъ; мы даже не знаемъ, въ какомъ городѣ онъ почитался. Это отождествленіе произошло окончательно только за 2000 лѣтъ до Р. Х., когда правилъ первый великій царь Вавилона, Хаммураби; до того же времени сумеры твердо отличали только Венеру, прочія же планеты приписывали то одному, то другому божеству. Только Иштаръ изображалась въ видѣ восьмиконечной звѣзды (3), рядомъ съ солнцемъ (9) и луною (4); всѣ другія планеты-божества изображались или въ видѣ сверхъестественныхъ чудовищъ, или въ видѣ символовъ

соотвѣтствующихъ боговъ: Мардукъ—въ видѣ копья или острія кинжала (1), Нэбо—въ видѣ посоха или трона (7), а Нергаль (12) и Нинибъ (11)—въ видѣ дубинокъ. Съ такимъ оружіемъ обыкновенно изображались соотвѣтствующіе боги.



Символическія изображенія небесныхъ и другихъ боговъ.

Теперь намъ понятны ступенчатые храмы-башни: они строились въ честь великихъ небесныхъ боговъ и служили въ то время для наблюденій надъ небомъ. Первоначально, вѣроятно, ихъ строили въ видѣ трехъярусныхъ башенъ, въ честь трехъ главныхъ небесныхъ боговъ, а потомъ стали строить въ видѣ семиярусныхъ башенъ. Первый такой семиярусный храмъ-обсерваторія

былъ построенъ въ Ниппурѣ; впослѣдствіи по образцу ниппурскаго храма стали строить такіе же храмы въ другихъ городахъ. Подъ названіемъ зиккуратовъ они стали необходимою принадлежностью каждаго княжескаго или царскаго города. Цари и князья строили ихъ потому, что для нихъ было важно практическое примѣненіе небесной науки, гаданія по небеснымъ свѣтиламъ.

Мысль гадать по небеснымъ свѣтиламъ пришла въ голову жрецамъ сама собою. Луна, солнце, Иштаръ и остальныя планеты—великіе боги; значитъ, если наблюдать за ихъ движеніями и за всѣмъ тѣмъ, что дѣлается въ ихъ небесномъ царствѣ, то можно узнать ихъ волю. Подъ небеснымъ царствомъ жрецы разумѣли не только небо, но вообще весь міръ, находящійся надъ землею: и воздухъ, и облака, и тучи также принадлежатъ къ небесному міру, какъ и звѣзды и свѣтила, а правитъ всѣмъ этимъ міромъ великій богъ Ану. Жрецы замѣтили, что на небѣ существуетъ извѣстный точный порядокъ движенія; всякое явленіе, которое выходило изъ ряда вонъ, всякое нарушеніе этого порядка они считали предзнаменованіемъ. Солнечное или лунное затменіе, необычный видъ луны, когда ее окружаетъ сіяніе, заостренный или тупой видъ роговъ луннаго серпа, появленіе огненныхъ языковъ (протуберанцевъ) по краямъ солнечнаго диска—все это вызывало безпокойство и требовало объясненій. Когда вмѣсто ясной погоды, обычно приходящейся изъ году въ годъ на извѣстный мѣсяцъ, наступали дожди, и тучи заволакивали небо, скрывая солнце и луну, это также считалось дурнымъ признакомъ. Затѣмъ наблюдали, какая погода сопровождаетъ новолуніе или полнолуніе, не

опаздываетъ ли новолуніе противъ высчитаннаго срока, въ какой день мѣсяца оно приходится; считалось также очень важнымъ такое явленіе, когда солнце и луна видны на небѣ одновременно. Относительно планетъ дѣлались такія же наблюденія. Замѣчали, въ какой день появляется планета на небѣ послѣ долгаго отсутствія, и въ какомъ созвѣздіи—были такія созвѣздія, которыя считались благопріятными, и были такія, которыя считались неблагопріятными. Особенно важно было, «гремитъ ли Ададъ» (богъ грома) во время наблюденій. Гроза считалась очень важнымъ и таинственнымъ явленіемъ, а богъ грозы, Ададъ, считался наравнѣ съ звѣздными богами восьмымъ великимъ небеснымъ богомъ. Ниппурскіе жрецы создали эту науку небесныхъ гаданій и учили ей другихъ жрецовъ. Жрецы, гадавшіе по звѣздамъ, гадали обыкновенно по особымъ порученіямъ князей или царей, при которыхъ они состояли. Взойдя на вершину зиккурата, жрецъ-астрологъ долженъ былъ принять во вниманіе всѣ явленія на небѣ и въ воздухѣ, какія онъ видѣлъ, сопоставить ихъ другъ съ другомъ, сопоставить съ днемъ мѣсяца, и на основаніи всего этого дать отвѣтъ своему господину. Наблюдая постоянно за звѣздами, жрецы-астрологи постепенно расширяли свои познанія о небѣ и небесныхъ явленіяхъ, научились различать неподвижныя звѣзды и созвѣздія, замѣтили, что затменія солнца и луны происходятъ черезъ опредѣленные сроки и пробовали ихъ напередъ угадывать. Но это развитіе астрономическихъ свѣдѣній шло очень медленно; прошло двѣ тысячи лѣтъ послѣ Эаннатума, прежде чѣмъ появилась въ Вавилоніи настоящая астрономическая наука. Намъ еще придется о ней говорить.

Постоянныя наблюденія за небомъ пріучили жрецовъ къ мысли, что все въ мірѣ установлено по строгой системѣ, въ строгомъ порядкѣ. Все установлено числомъ и мѣрою; числа, которыя даны наблюденіями надъ небомъ, священныя, о нихъ какъ бы свидѣтельствуютъ людямъ сами великіе небесные боги. Главныхъ небесныхъ боговъ три; число т р и есть первое священное число. Всего же великихъ небесныхъ боговъ с е м ь; это также священное число. Число семь совпало съ числомъ дней недѣли, и жрецы увидали въ этомъ не случайное явленіе, а указаніе самихъ боговъ. Поэтому, они назвали дни недѣли именами семи небесныхъ боговъ. Впослѣдствіи, когда имена этихъ боговъ окончательно установились, вавилоняне употребляли такія названія: первый день недѣли—день Шамаша, второй—день Сина, третій—день Нергаля, четвертый—день Нэбо, пятый—день Мардука, шестой—день Иштаръ, седьмой—день Ниниба. Эти названія очень важно знать потому, что они послужили образцомъ для названій дней недѣли, принятыхъ у западно-европейскихъ народовъ. Отъ вавилонянъ эти названія были заимствованы римлянами; римляне только перевели ихъ, замѣнивъ вавилонскія имена боговъ римскими. Подъ властью римлянъ находилась Галлія, т.-е. теперешняя Франція; французскія названія дней недѣли почти всѣ являются переиначенными въ произношеніи римскими названіями. По сосѣдству съ Галліей была за Рейномъ Германія, гдѣ во времена римскаго владычества бродили полудикія племена германцевъ. Они легко подчинялись римскому вліянію, много перенимали у нихъ и переняли, между прочимъ, названія дней недѣли, замѣнивъ только имена римскихъ боговъ именами своихъ соотвѣтствующихъ боговъ.

Родство всѣхъ этихъ названій видно изъ слѣдующей таблицы:

Вавилонскія названія	Римскія названія	Французскія названія *)	Нѣмецкія названія *)
Шамашъ (Солнце).	Solis dies	(dimanche)	Son(n)-tag
Синъ (Луна)	Lunae dies	lun-di	Mon(d)-tag
Нергаль (Марсъ)	Martis dies	mar-di	Diens-tag (день Одина)
Небо (Меркурій)	Mercurii dies	mercre-di	(Mitt-woch)
Мардукъ (Юпитеръ).	Jovis dies	jeu-di	Donners-tag (день Доннара)
Иштаръ (Венера)	Veneris dies	vendre-di	Frei-tag (день Фреи)
Нинибъ. (Сатурнъ)	Saturni dies	(same-di) англ. Satur-day	(Sonn-abend).

Священныя числа, три и семь, перешли также къ европейскимъ народамъ. Ихъ переняли у вавилонянъ евреи, отъ евреевъ они перешли въ Новый Завѣтъ, оттуда, вмѣстѣ съ христіанской религіей, перешли они ко всѣмъ европейскимъ народамъ. Но эти числа— только самыя главныя изъ священныхъ чиселъ; кромѣ нихъ, сеннаарскіе жрецы признавали еще другія числа священными и на основаніи ихъ составили свою систему счисленія. Священными числами, которыя легли въ основаніе вавилонской системы счисленія, были числа 12 и 60. Первое число соотвѣтствуетъ числу мѣсяцевъ въ году; второе получилось очень сложнымъ путемъ. Именно, жрецы старались измѣрить путь, который дѣлаетъ солнце отъ восхода до захода, пробовали сосчитать, сколько «шаговъ» дѣлаетъ солнце во время своего дневного небеснаго пути. Долго мучились они надъ этой задачей и, наконецъ, сосчитали: если уложить по дневному пути солнца безъ перерыва рядомъ другъ

*) Въ скобкахъ помѣщены несходныя названія, получившіяся въ тѣхъ случаяхъ, когда у галловъ или германцевъ не было соотвѣтствующихъ божествъ.

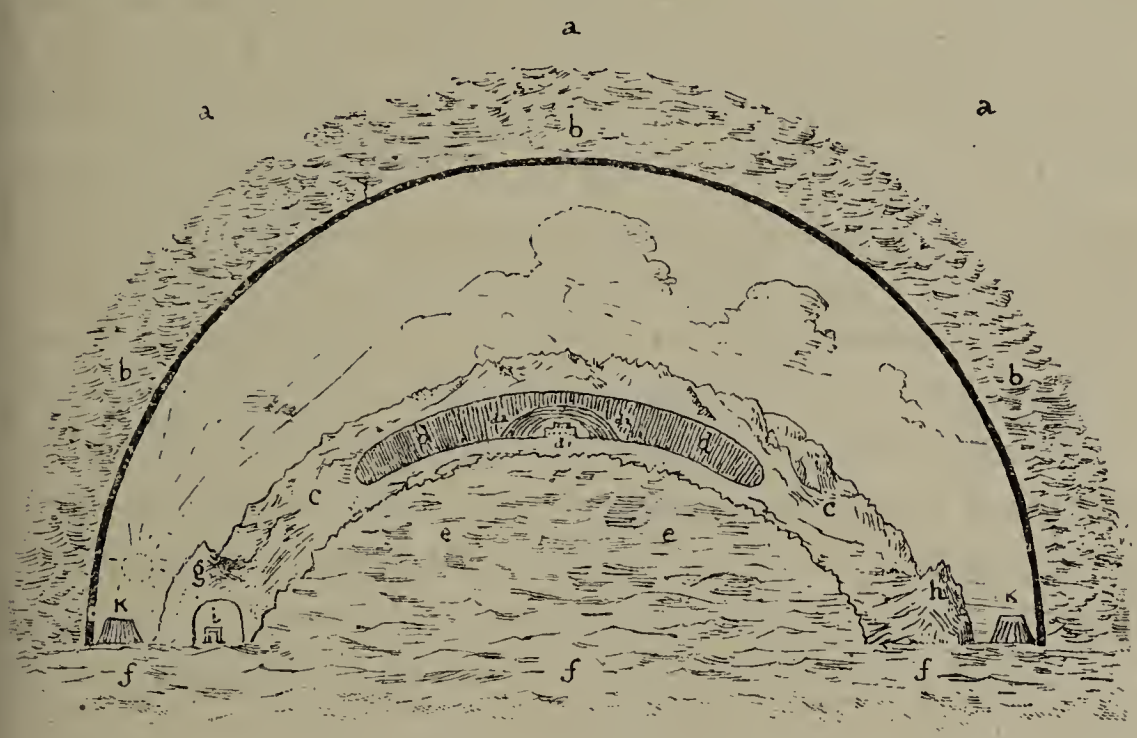
съ другомъ диски, равные по величинѣ солнечному, то такихъ дисковъ уложится 180. Но солнце днемъ дѣлаетъ только полкруга, а полное его суточное движеніе должно составить, думали жрецы, полный кругъ; другую половину круга оно дѣлаетъ ночью, подъ землею. Если въ половинѣ пути солнце укладывается 180 разъ, «дѣлаетъ 180 шаговъ», какъ выражались жрецы, то въ полномъ пути оно уложится 360 разъ, должно сдѣлать «360 шаговъ». Такъ получилось у нихъ новое священное число 360; но оно равно 60×6, въ свою очередь $60 = 12 \times 5$. Эта связь 360 и 60 съ числомъ 12 окончательно убѣдила жрецовъ въ таинственномъ значеніи этихъ чиселъ. И они стали всякій кругъ дѣлить на 360 частей и считать стали не по десятичной системѣ, самой простой, указываемой намъ самой природой (по числу пальцевъ), а по очень сложной смѣшанной системѣ. Считали до 12, потомъ считали по 12 до 60, потомъ считали по 60; эта система была очень запутанная, такъ какъ очень часто она смѣшивалась со старой десятичной системой, которая, очевидно, существовала изстари. Числа 12, 60 и 360 не пріобрѣли у насъ значенія священныхъ чиселъ; только 12 считается круглымъ числомъ и имѣетъ нѣкоторое священное значеніе. Но зато въ счетѣ и въ математикѣ они твердо сохраняются до сихъ поръ. Черезъ грековъ и римлянъ къ намъ перешелъ счетъ дюжинами, существующій рядомъ со счетомъ десятками; число же 360 до сихъ поръ составляетъ одну изъ основъ геометрическаго счисленія. По примѣру вавилонянъ и греки и римляне дѣлили кругъ также на 360 частей и сохранили для этихъ частей старое вавилонское названіе, переведя его только на латинскій языкъ: латинское слово g r a d u s зна-

чить шагъ. Такъ, священная наука жрецовъ не погибла, но оказала свое вліяніе на нашу культуру. Вмѣстѣ съ астрологіей греки и римляне переняли у вавилонянъ и зачатки астрономіи, и священныя числа, и всѣ эти знанія старались развивать и совершенствовать.

Изображенія небесныхъ свѣтилъ на межевомъ камнѣ (наверху — солнце, луна и Иштаръ; въ среднихъ и нижнихъ рядахъ — другія планеты и созвѣздія).

Жрецы попробовали пойти еще дальше и составить себѣ представленіе о мірозданіи. Имъ казалось, что міръ состоитъ изъ трехъ частей: небеснаго міра, земного міра т.-е. суши, и океана. Надъ каждымъ изъ этихъ трехъ міровъ правитъ особый богъ. Богъ небеснаго міра — Ану, богъ земли — Энлиль - Бэлъ, богъ океана — Эа. Эти три бога правятъ надъ всѣмъ міромъ, и когда боги всѣ собираются вмѣстѣ, Ану, Бэлъ и Эа садятся на главныхъ мѣстахъ, въ качествѣ предсѣдателей. Какъ же устроенъ міръ? Сумерійскіе жрецы считали всѣ движенія небесныхъ свѣтилъ настоящими, думали, что земля стоитъ на одномъ мѣстѣ, а солнце и звѣзды двигаются. Солнце поднималось утромъ изъ водъ океана; вечеромъ

оно заходило на западѣ; но тамъ, какъ знали въ Сеннаарѣ, также находится море. Отсюда ученые жрецы заключили, что земля есть круглая гора, стоящая посрединѣ мірового океана (*c*). Надъ этой горой, точно опрокинутая чаша, утвержденъ небесный міръ. Онъ—пустой внутри; воздушная сфера, въ которой плывутъ облака, идетъ до небесной тверди, на которой живутъ великіе небесные



Планъ мірозданія по представленію вавилонянъ.

боги, солнце, луна, планеты и неподвижныя звѣзды. Эти неподвижныя звѣзды ученые жрецы считали тоже богами, и дали имъ названія старинныхъ священныхъ животныхъ и предметовъ, которымъ когда-то поклонялись ихъ предки. Отсюда и странныя названія созвѣздій: Ракъ, Скорпіонъ, Телецъ, Левъ, Овенъ, Водолей, Песъ, Медвѣдица, Стрѣлецъ и т. д. За небесной твердью, которая считалась очень тонкой и покоящейся на особомъ

фундаментѣ, находится небесный океанъ (*b*). Сумеры были убѣждены въ существованіи этого океана, такъ какъ иначе не могли объяснить себѣ, отчего происходитъ дождь: дождь, по ихъ мнѣнію, происходилъ оттого, что отворяются окна небесныя, и оттуда льется вода изъ небеснаго океана. Голубой цвѣтъ неба еще болѣе укрѣплялъ ихъ въ этомъ убѣжденіи, такъ какъ онъ очень похожъ на цвѣтъ моря. Сзади небеснаго фундамента, какъ за плотиной (*k*), воды небеснаго океана сливаются съ водами земного океана въ одинъ міровой океанъ (*f*). Опускаясь въ океанъ, солнце черезъ особыя ворота у горы захода (*h*) входитъ въ подземный міръ, гдѣ оно плыветъ по океану ночью; утромъ оно выходитъ черезъ особыя ворота на востокѣ, у горы восхода (*g*). Подземный міръ—царство умершихъ. Въ нѣдрахъ земли находится этотъ міръ, гдѣ царитъ Эрешкигаль. Его представляли себѣ жрецы въ видѣ огромнаго царства, раздѣленнаго семью концентрическими стѣнами на семь отдѣленій (*d*); оно полно бѣсами, мучающими пребывающія тамъ души умершихъ. Это изображеніе мірозданія было очень наивное, похожее больше на сказочную фантазію, чѣмъ на настоящую дѣйствительность; но такъ какъ жители Сеннаара не знали, что земля есть шаръ, и что смѣна дня и ночи и временъ года зависитъ отъ движенія земли вокругъ своей оси и вокругъ солнца, то они и не могли составить себѣ иного представленія. Но все-таки ихъ размышленія имѣли большое значеніе. Жрецы пріучались сами и пріучали другихъ почитать не только мѣстныхъ боговъ, покровительствовавшихъ отдѣльнымъ городамъ, но также и великихъ міровыхъ боговъ, троицу: Ану, Бэла и Эа, и седмирицу: Шамаша, Сина, Иштаръ, Мардука,

Нинибa, Нэбо и Нергаля. Ану, Бэла и Эа они считали повелителями всѣхъ духовъ, и добрыхъ и злыхъ, и Ануннаки, и Игиги, и Лабарту, и Экимму, и семерыхъ великихъ духовъ бездны, властвующихъ въ семи отдѣленіяхъ подземнаго царства. Поэтому, заклинанія противъ злыхъ духовъ они учили начинать призывомъ трехъ великихъ боговъ, Ану, Бэла и Эа; эти три имени считались волшебными и страшными для злыхъ духовъ.

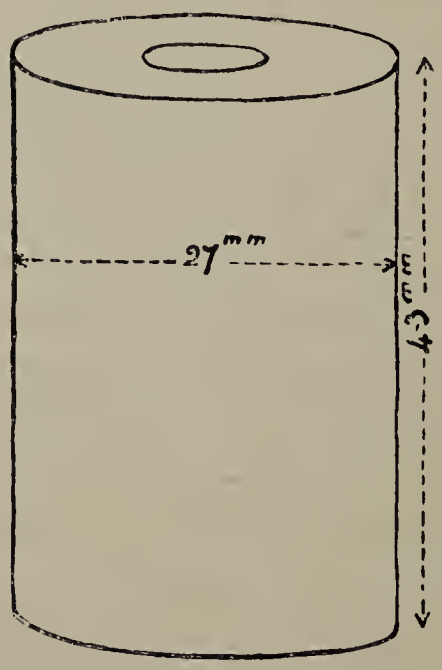
Вся священная наука создавалась преимущественно трудами ниппурскихъ жрецовъ. Поэтому, жрецы ниппурскіе были очень вліятельны и очень богаты. Верховный же ниппурскій жрецъ велъ себя по отношенію къ царямъ и князьямъ Сеннаара, какъ ихъ верховный владыка. Каждый новый царь или патэси долженъ былъ ѣхать къ нему на поклонъ, привозить богатые дары и получить отъ него благословеніе на царство. Верховный жрецъ давалъ это благословеніе именемъ Энлиля-Бэла, господина и царя надъ всею землею. Такъ было до тѣхъ поръ, пока не возвысился Вавилонъ, затмившій собою и Ниппуръ и всѣ другіе города Сеннаара.

XII.

Объединеніе Сеннаара.

При царяхъ Киша, Ширпурлы и Эреха Сеннааръ еще не жилъ общею жизнью. Правда, всегда былъ какой-нибудь владыка, называвшій себя царемъ и требовавшій подчиненія себѣ со стороны другихъ князей, въ разсчетѣ на доходы и всякую помощь отъ подчи-

ненныхъ; правда, всѣ жители Сеннаара съ одинаковымъ почтеніемъ и благоговѣніемъ относились къ святому Ниппуру и къ живущему тамъ великому богу Энлилю-Бэлу. Но эти связи были очень слабыя. Цари требовали себѣ подчиненія только отъ патэси, не заботясь о томъ, что́ думаютъ и какъ относятся къ нимъ подданные многочисленныхъ патэси; жители области Ширпурлы и других городовъ не интересовались тѣмъ, что́ дѣлается въ сосѣднихъ областяхъ, и знали только своего князя. Точно такъ же и почитаніе Энлиля не могло служить очень прочной связью. Ниппуръ былъ далеко, стоялъ на отлетѣ; путешествіе туда было продолжительно и сопряжено со многими опасностями и большими расходами. Поэтому, на богомолье въ Ниппуръ ѣздили чаще всего опять-таки патэси, ихъ сановники и вообще состоятельные люди, масса же народная рѣдко имѣла возможность поклониться великому богу. А поклоненіе на словахъ уже не есть настоящее поклоненіе. Энлиля поминали вмѣстѣ съ Ану и Эа, когда боялись навожденія злыхъ духовъ, но повторяли ихъ имена механически, безъ теплаго чувства. Свои, родные, мѣстные боги были ближе и доступнѣе, и не только простымъ людямъ, но и благороднымъ ихъ господамъ. Не было настоящей жизненной связи между отдѣльными областями Сеннаара, и оттого такъ часто мѣнялись тогда цари: кто



Форма цилиндра-печати.

изъ патэси случайно возвышался, тотъ и становился царемъ, пока не одолѣвалъ его сосѣдъ.

Такой жизненной связи не могло быть потому, что не было общихъ нуждъ и интересовъ, которые связывали бы неразрывными узами отдѣльныя области Сеннаара. Населеніе тогда не было еще настолько многочисленно, чтобы нуждаться въ привозныхъ продуктахъ. Каждая область довольствовалась своимъ, въ избыткѣ удовлетворяя свои потребности произведеніями своей

Оттискъ печати изъ Ширпурлы.

земли. Если оказывался неурожай, горю легко помогали запасы, остававшіеся безъ движенія въ кладовыхъ отъ урожайныхъ лѣтъ. Прибавлялись лишніе воды—горю помогали тѣмъ, что рыли новые каналы, чтобы провести воду въ безводныя мѣста, или чтобы осушить болота. Каждый царь и патэси въ своихъ надписяхъ упоминаетъ, что онъ рылъ каналы, отвоевывалъ пашни у пустыни и болота. Торговля существовала, но не имѣла жизненнаго значенія для Сеннаара. Торговыхъ агентовъ, такъ называемыхъ дамкаровъ, держали при себѣ,

какъ мы уже знаемъ, только патэси и цари, и поэтому эти дамкары доставали только такіе товары, какіе заказывали имъ ихъ господа. Господа нуждались въ рабахъ для личныхъ услугъ, въ драгоцѣнныхъ металлахъ для украшеній своихъ женъ и для отдѣлки храмовъ, статуй боговъ и принадлежностей богослуженія. Изрѣдка покупались другіе товары, быки или молочныя коровы, или совершались сдѣлки на продажу домовъ. Торговля была такъ мало развита, что продавца и покупателя называли не однимъ словомъ, какъ называемъ мы, а цѣлой фразой. Продавца называли «пожирателемъ платы, или серебра»; покупатель назывался «тотъ, кто платитъ». И названіе продавца «пожирателемъ платы» имѣло полное основаніе, могло пониматься буквально. Тогда не было еще денегъ, безъ которыхъ нельзя обойтись, когда торговый обмѣнъ становится привычнымъ дѣломъ, ежедневной потребностью. За купленную вещь платили зерномъ, или виномъ, или хлѣбами, а иногда серебромъ; бывали и такіе случаи, когда плата была смѣшанная, напр., за одну рабыню съ ребенкомъ была заплачена цѣна, состоявшая изъ 20 секелей серебра, 1 мѣры зерна, 1 кувшина вина, 20 хлѣбовъ и еще 20 предметовъ, названіе которыхъ непонятно. Такую плату покупателю приходилось тщательно отмѣривать и отвѣшивать, а продавцу приходилось увозить ее съ собой на вьючномъ животномъ, и съ полнымъ основаніемъ можно было назвать продавца, везущаго хлѣбъ, вино и зерно, полученные въ уплату за товаръ, «пожирателемъ платы»—съ такой платой больше нечего было сдѣлать, какъ только ее съѣсть. Когда дѣло шло о продажѣ какого-нибудь дорогого предмета, то дѣло об-

ставлялось очень торжественно. И «пожиратель платы» и «тотъ, кто платитъ» приносили клятвы въ присутствіи свидѣтелей, которые приглашались изъ родственниковъ продавца и покупателя, или изъ людей, понимающихъ толкъ въ томъ предметѣ, который продавался. Договоръ о продажѣ записывался на глиняной таблеткѣ, а продавецъ, покупатель и свидѣтели прикладывали къ нему свои печати. Эти печати дѣлались изъ драгоцѣнныхъ камней, на которыхъ вырѣзывались имя и званіе владѣльца и изображенія боговъ, которыми онъ клялся; печати по большей части имѣли видъ цилиндровъ, съ отверстіемъ внутри для круглой палочки (см. рис. на стр. 192); палочка вставлялась туда въ видѣ скалки и, держа за нее рукой, владѣлецъ прокатывалъ цилиндръ по сырой глиняной таблеткѣ. Продавецъ и свидѣтели получали иной разъ еще подарки. Одному давали платье, другому масло, третьему вино; давали въ подарокъ хлѣбъ, рыбу и даже ленъ. Такая торговая церемонія тянулась очень долго и была цѣлымъ событіемъ въ однообразной жизни обитателей Сеннаара. Когда же какому-либо царю или патэси требовались большія количества иноземныхъ продуктовъ для большихъ сооруженій, напр., дерево или камень, или большія количества золота и серебра, то такой царь попросту затѣвалъ походъ на ту землю, которая славилась обиліемъ нужныхъ царю продуктовъ, и если побѣждалъ, то бралъ столько, сколько ему было нужно въ видѣ военной добычи, или облагалъ побѣжденныхъ данью. Такимъ образомъ, весь обмѣнъ шелъ почти исключительно между Сеннааромъ и другими странами; обмѣнъ между отдѣльными областями Сеннаара долгое время почти не существовалъ.

Бываютъ случаи въ жизни разныхъ странъ, живущихъ такою же раздробленною жизнью, какою жилъ Сеннааръ за 3000 лѣтъ до Р. Х., когда населеніе такихъ странъ сплачивается и объединяется вслѣдствіе внѣшней опасности со стороны какого-нибудь врага. Для обороны отъ сильнаго врага поневолѣ приходится соединяться вмѣстѣ, потому что отдѣльныя области часто бываютъ слишкомъ слабы для того, чтобы побѣдить непріятеля и сохранить свою независимость. Въ жизни стариннаго Сеннаара не было такихъ опасныхъ моментовъ. Правда, Сеннааръ со всѣхъ сторонъ былъ окруженъ воинственными малокультурными племенами: на сѣверѣ и на западѣ по сосѣдству съ Сеннааромъ жили степняки, кочевники-семиты, а на востокѣ въ горахъ гнѣздились племена эламитовъ. Но и тѣ и другіе еще довольствовались тѣмъ, что давали имъ ихъ страны. Семитскимъ кочевникамъ было еще просторно въ степныхъ оазахъ, а стада эламитовъ еще вдоволь находили для себя корму на роскошныхъ горныхъ пастбищахъ. Если и были въ эту эпоху столкновенія между жителями Сеннаара и ихъ полудикими сосѣдями, то по большей части нападающими были цари и патэси Сеннаара. Мы уже знаемъ, что, нуждаясь въ матеріалахъ для своихъ построекъ, они вступали съ кочевниками въ торговыя сношенія, а иногда предпочитали сдѣлать военный набѣгъ, чтобы захватить желаемые матеріалы въ видѣ военной добычи.

Лѣтъ двѣсти спустя послѣ извѣстнаго уже намъ Эаннатума весь этотъ строй жизни значительно измѣнился. Шли годы за годами, десятилѣтія за десятилѣтіями; одно за другимъ поколѣнія смѣняли другъ друга, и благодаря мирной въ общемъ жизни, каждое

новое поколѣніе было гораздо многочисленнѣе прежняго. Новыя поля распахивались, болота осушались; но съ теченіемъ времени населеніе въ Сеннаарѣ увеличилось настолько, что жителямъ каждой области уже трудно было обходиться только своими продуктами, безъ подвоза со стороны. Особенно въ южномъ Сеннаарѣ, гдѣ господствовали сумеры, стала ощущаться нужда. Почва тамъ въ особенности низменная и болотистая; Тигръ и Евфратъ, подходя къ морю, текли въ песчаныхъ наносныхъ берегахъ, всегда влажныхъ, всегда во время дождей легко превращающихся въ то же море, дномъ котораго они когда-то были. Въ старину, когда народу въ прибрежной странѣ было еще немного, можно было оставлять въ добычу морю большія пространства прибрежной земли; но по мѣрѣ того, какъ населеніе все увеличивалось, становилось все труднѣе и труднѣе бороться съ моремъ и съ болотами. Работы, предпринимавшіяся для осушенія полей, были всего труднѣе въ южномъ Сеннаарѣ: нигдѣ не приходилось рыть столько каналовъ, сколько тамъ, и нигдѣ такъ часто разбушевавшіяся водныя стихіи не уничтожали всѣхъ трудовъ человѣка, какъ тамъ. Когда, несмотря на всѣ проведенные каналы и искусственныя озера, воды разлива рѣкъ или морскія волны затопляли поля, превращая ихъ въ сплошное море, засасывая ложе каналовъ тиной и грязью, размывая ихъ откосы, житель Сеннаара съ отчаяніемъ въ душѣ чувствовалъ, что ничего онъ не можетъ подѣлать съ разбушевавшейся Тіаматъ. И начинались голодовки, которыя были невѣдомы ранѣе. Сѣвернѣе, гдѣ жили уже не только сумеры, но и семиты, было легче. Тамъ приходилось имѣть дѣло только съ разливами Тигра

и Евфрата; и почва тамъ была уже болѣе окрѣпшая, чѣмъ на югѣ. Поэтому, въ сѣверныхъ областяхъ не только не терпѣли недостатка въ хлѣбѣ, но могли даже посылать его на югъ. Постепенно тамъ осушили и распахали или обратили въ финиковые сады всѣ земли, какія только было можно. Собирали два урожая въ годъ, и зерно ссыпалось въ закрома въ такомъ огромномъ количествѣ, что хватало на прокормленіе всего Сеннаара. Зерно грузили на суда, насыпавъ его въ мѣшки и корзины съ глиняными печатями, на которыхъ оттискивались имя отправителя и адресъ получателя, и грузъ отправлялся въ Ширпурлу или въ Уръ. Такъ начался торговый обмѣнъ припасами жизненной необходимости въ Сеннаарѣ. Съ тѣхъ поръ какъ южный Сеннааръ сталъ получать недостающій ему хлѣбъ съ сѣвера, жители юга перестали заботиться объ увеличеніи пахотныхъ полей. Имъ стало выгоднѣе разводить скотъ. На заболоченныхъ пространствахъ были хорошія пастбища, которыя не требовали такой тщательной осушки, какъ пахотныя поля, на сѣверѣ же заболоченныхъ пространствъ было меньше. И въ южномъ Сеннаарѣ стали разводить большія стада быковъ, овецъ и коровъ, чтобы сбывать скотъ на сѣверъ, гдѣ своего скота уже не хватало для потребностей населенія. Съ сѣвера пріѣзжали дубсары, которые покупали на югѣ быковъ овецъ и козъ цѣлыми стадами и гнали ихъ на сѣверъ. Кромѣ скота, жители юга могли предложить сѣверянамъ золото, такъ какъ они постоянно поддерживали сношенія съ Маганомъ и Мелухой, гдѣ добывался этотъ драгоцѣнный металлъ.

Въ обмѣнѣ участвуютъ двѣ стороны, продавецъ и покупатель. Покупатель, въ обмѣнъ на получаемый

товаръ, долженъ уплатить его стоимость другимъ товаромъ. Когда торговля широко развита, такимъ товаромъ, на который обмѣниваются всѣ прочіе товары, являются золото и серебро. Эти металлы драгоцѣнны въ силу своей прочности, неизмѣняемости и красоты; имъ, при этомъ, можно придать любую форму. Обыкновенно изъ золота и серебра дѣлаютъ для обмѣна деньги, т.-е. куски золота и серебра опредѣленнаго вѣса и формы, такъ что такой кусокъ драгоцѣннаго металла имѣетъ всегда одну и ту же цѣну. Наши деньги имѣютъ форму монетъ, т.-е. серебряныхъ или золотыхъ кружковъ опредѣленнаго вѣса и стоимости. Въ Сеннаарѣ, со времени появленія и развитія торговли, также появляются деньги. Во всѣхъ договорахъ о продажѣ цѣна выставляется въ серебрѣ: столько-то секелей или минъ серебра; иногда, впрочемъ, кромѣ обозначенія цѣны въ серебрѣ, прибавляется обозначеніе цѣны въ зернѣ (одна мина серебра = 60 гуръ зерна). Сначала при торговыхъ сдѣлкахъ серебро отвѣшивали на вѣсахъ, какъ всякій другой товаръ: отвѣшивали

Вѣсъ ($^1/_2$ мины) эпохи Гудеа.

мину, или $^1/_2$ мины, или $^1/_{60}$ мины ($^1/_{60}$ мины называлась секель). Старинная легкая мина, употреблявшаяся въ Ширпурлѣ, вѣсила 492 грамма, т.-е. около 1 фунта 19 золотниковъ; мина серебра, по этому расчету, стоила 27 руб. 32 коп. на наши теперешнія деньги. Въ качествѣ нашихъ гирь употреблялись яйцеобразные камни, съ надписью, которая дѣлалась особымъ чиновникомъ, провѣрявшимъ вѣсы; безъ надписи такого чиновника вѣсы считались неправильными. Впослѣдствіи, когда торговыя сношенія сдѣлались настолько оживленными, что отвѣшивать серебро каждый разъ при продажѣ стало уже стѣснительно, начали изготовлять куски серебра установленнаго вѣса, съ печатью царей. Такія куски серебра замѣняли собою наши монеты; въ случаѣ, если продавецъ не довѣрялъ покупателю, такіе куски легко было взвѣсить и провѣрить ихъ вѣсъ. Отвѣшиваніе денегъ при расплатѣ было такимъ обыденнымъ явленіемъ, что глаголъ «отвѣшивать» постепенно получилъ значеніе «платить». Денегъ появилось въ оборотѣ очень много; богатые люди, въ особенности жрецы храма Ниппура, охотно давали деньги взаймы подъ проценты. Много долговыхъ обязательствъ (векселей) было найдено изъ этой эпохи въ развалинахъ Ниппура и другихъ храмовъ.

Развитіе торговли сильно измѣнило жизнь Сеннаара. Небольшія слободы, существовавшія и ранѣе около городовъ царей и патэси, теперь разрастаются и дѣлаются большими многолюдными поселеніями. На сѣверѣ превращаются въ такіе большіе города Кишъ, а потомъ Аккадъ; а на югѣ такими большими городами дѣлаются Уръ и Ширпурла. Многолюдное поселеніе новыхъ городовъ состояло изъ купцовъ и

ремесленниковъ. Ремесленники стали теперь работать не только на своихъ господъ, какъ и прежде, но и на продажу; ремесленники въ Аккадѣ умѣли хорошо дѣлать различныя ткани и матеріи, которыя продавались не только въ ихъ родномъ городѣ, но также посылались и на югъ.

Князья и ихъ сановники также измѣнили свое хозяйство. На сѣверѣ Сеннаара многіе землевладѣльцы предпочитали обратить свои поля подъ финиковые сады, такъ какъ финиковые плоды и издѣлія изъ нихъ охотно покупали не только на югѣ Сеннаара, но также и иноземные купцы изъ Ассиріи, Сиріи, Палестины и Аравіи. Измѣнилось также положеніе рабочихъ людей. Землевладѣльцы старались прикрѣпить крестьянъ къ землѣ; не довольствуясь крестьянскимъ трудомъ, хозяева большихъ имѣній, въ особенности имѣній при храмахъ, покупали рабовъ и заставляли ихъ работать въ садахъ и на поляхъ. Теперь земля приносила большіе доходы; поэтому, на землю всегда можно было найти покупателя, продать ее за дорогую цѣну. Не всѣ знатные землевладѣльцы сумѣли приноровиться къ новому пользованію землей; многіе изъ нихъ продавали свои земли, такъ что старое распредѣленіе земель между землевладѣльцами стало измѣняться. Появилось много землевладѣльцевъ изъ среды купцовъ; пользуясь случаемъ, скупали земли также жрецы богатыхъ храмовъ. Наконецъ, измѣненія въ жизни Сеннаара помогли усиленію царской власти и объединенію Сеннаара.

Раньше царямъ трудно было укрѣплять свою власть, потому что въ лицѣ патэси они имѣли очень сильныхъ противниковъ. Увеличивать свои владѣнія, чтобы имѣть больше людей и доходовъ, цари могли только при помощи

военной силы; но война—дѣло опасное, царь, проигравъ войну, могъ потерять и царскую корону. Теперь, когда земля стала продаваться, цари стали скупать себѣ земли, чтобы ослабить старыхъ аристократовъ и увеличить число послушныхъ имъ людей. На скупленныхъ земляхъ цари поселяли обыкновенно преданныхъ имъ людей, или пользовались скупкой земель для того, чтобы переселить на нихъ поближе къ себѣ какихъ-либо своихъ опасныхъ противниковъ. Намъ хорошо извѣстенъ одинъ случай такого рода. Царь Киша, Маништусу, купилъ большіе земельные участки около Киша и трехъ сосѣднихъ съ Кишемъ городовъ; о покупкѣ былъ составленъ особый актъ, который былъ записанъ на четырехугольномъ обелискѣ. Покупка была совершена по всѣмъ правиламъ, какія требовались закономъ и обычаемъ. Въ актѣ перечислены были всѣ прежніе собственники купленныхъ царемъ земель, все люди очень знатнаго происхожденія, а также всѣ служилые люди, которые пользовались или завѣдывали этими землями. Купленныя земли царь раздѣлилъ между 49 своими служилыми людьми, которые также всѣ перечислены въ надписи. Большинство изъ этихъ 49 новыхъ владѣльцевъ—«граждане города Аккада», т.-е. люди незнатнаго происхожденія; но пятеро изъ нихъ очень знатные люди. Это — племянникъ самого царя, Аліаку, двое «изъ дома Куршеша, патэси Гишху», затѣмъ Ибалумъ, сынъ патэси города Бадиме, и Урукагина, сынъ патэси Ширпурлы. Четверо послѣднихъ лицъ были оторваны отъ своихъ родныхъ гнѣздъ и поселены далеко отъ нихъ на сѣверѣ, среди чуждаго имъ населенія. Такихъ покупокъ и перетасовокъ старой знати было, вѣроятно, немало; старая знать, вслѣдствіе такихъ перемѣнъ,

слабѣла, а новые землевладѣльцы, садившіеся на мѣсто старой знати, были уже послушными слугами царей. Вмѣстѣ съ усиленіемъ царской власти увеличивались и царскіе доходы. Съ товаровъ и съ купцовъ царь

Маништусу.

собиралъ пошлины и, кромѣ того, самъ принималъ участіе въ торговлѣ.

Всѣ эти обстоятельства помогли царямъ усилиться и объединить Сеннааръ въ единое царство, «царство Сумера и Аккада», или «царство четырехъ странъ»

Первымъ единымъ владыкою Сеннаара былъ Шаргани-Шарри (Саргонъ), царь Аккада. Онъ первый назвалъ себя царемъ Сумера и Аккада, и впослѣдствіи этимъ титуломъ стали именоваться всѣ цари. Онъ оставилъ по себѣ глубокую память; его походы и побѣды и его огромная власть произвели такое впечатлѣніе, что о немъ сложились чудесныя легенды. Въ особенности интересна легенда о его рожденіи. «Саргонъ, могучій царь, царь Аккада я. Моя мать была бѣдна, отца своего я не зналъ, братъ моего отца живетъ въ горахъ. Городъ мой—Азупирану, лежитъ на берегу Евфрата. Зачала меня моя бѣдная мать; тайно родила она меня, положила меня въ корзинку изъ тростника, засмолила крышку земляною смолою и отдала меня рѣкѣ, которая еще не стояла высоко. Тогда подняла меня рѣка, къ Акки, водоносу, принесла меня она. Акки, водоносъ, поднялъ меня... принялъ меня, какъ сына, и воспиталъ меня. Акки, водоносъ, сдѣлалъ меня своимъ садовникомъ. Когда я былъ садовникомъ, полюбила меня Иштаръ, и (45) лѣтъ пользовался я царской властью. Надъ черноголовыми господствовалъ я и правилъ я. Могучія горы одолѣлъ я бронзовыми осями (т.-е. на колесницахъ). Взошелъ я на верхнія горы и прошелъ сквозь нижнія горы». Далѣе перечисляются походы Шаргани-Шарри и народы и страны, которыя онъ покорилъ. Сказочное начало этой легенды лучше всего говоритъ намъ о томъ, какое впечатлѣніе произвелъ Шаргани-Шарри на своихъ современниковъ. Впослѣдствіи эта легенда стала очень популярна и распространилась среди другихъ народовъ. Когда, двѣ тысячи лѣтъ спустя, составлялось жизнеописаніе Кира, персидскаго царя, подчинившаго себѣ Вавилонскую державу, рожденіе и дѣтство Кира изобра-

жалось въ такихъ же сказочныхъ чертахъ, какъ рожденіе и дѣтство Шаргани-Шарри: исторія Кира была гораздо длиннѣе и подробнѣе, но главныя событія были тѣ

Нарамсинъ.

же самыя, скопированы изъ исторіи Шаргани-Шарри. Римскіе писатели, составившіе разсказы объ основателѣ Рима, Ромулѣ, также подражали легендѣ о рожденіи Шаргани-Шарри; есть также похожія черты между этой легендой и разсказомъ о рожденіи и дѣтствѣ Моисея

А одинъ изъ основателей великой ассирійской державы назвалъ себя именемъ Саргонъ (Саргонъ II) и въ своихъ надписяхъ возвеличивалъ Саргона I и говорилъ, что подражалъ его великимъ дѣяніямъ.

Мы знаемъ немного о Шаргани-Шарри, но все, что мы знаемъ о немъ, показываетъ, что это, дѣйствительно былъ царь, непохожій на своихъ предшественниковъ. Онъ не могъ похвалиться знатностью своего рода, возвысился, благодаря своимъ способностямъ и удачѣ. Старая аристократія не любила его; «всѣ старѣйшины земли» поднимались противъ него, осадили его въ Аккадѣ, но ему удалось справиться съ ихъ возстаніемъ. Вѣроятно, ему помогли противъ старой аристократіи тѣ самые «граждане Аккада», которыхъ Маништусу сажалъ на земли, купленныя у старыхъ знатныхъ землевладѣльцевъ, а также новые его слуги, которымъ онъ раздавалъ земли въ разныхъ мѣстахъ своего царства. Смиривъ старинныхъ князей и патэси, Шаргани-Шарри сдѣлалъ только половину своего дѣла. Обезпечивъ миръ внутри, необходимый для спокойнаго развитія торговли и ремесла, Шаргани-Шарри долженъ былъ позаботиться также о безопасности Сумера и Аккада отъ внѣшнихъ враговъ. Эти враги стали въ его время гораздо назойливѣе, чѣмъ раньше. Онъ ходилъ на сѣверъ, въ степи, гдѣ кочевали семиты а м у р р у (аморрреи), безпокоившіе Сеннааръ, и подчинилъ себѣ это племя; удалось ему побѣдить также старинныхъ враговъ Сеннаара, эламитовъ. Сынъ Шаргани-Шарри, Нарамсинъ, ходилъ походомъ на лулубеевъ, горное племя, жившее къ сѣверу отъ Элама и безпокоившее Аккадъ своими набѣгами; кромѣ того, онъ ходилъ походомъ въ южную Аравію, въ извѣстныя

Стэла въ память побѣды Нарамсина надъ лулубеями.

намъ страны Маганъ и Мелуху, и затѣялъ первую морскую экспедицію: подчинилъ острова Дильмунъ (теперь остр. Барейнъ) въ Персидскомъ заливѣ. Это были уже завоевательные походы, очень важные для развитія торговли въ царствѣ Сумера и Аккада. Прочное подчиненіе аравійскихъ золотоносныхъ странъ, богатыхъ, кромѣ того, деревомъ, открыло туда путь купцамъ изъ Сеннаара. Они везли въ эти дикія страны матеріи и оружіе, сработанныя въ мастерскихъ Аккада, а въ обмѣнъ получали золото, драгоцѣнные камни и дерево. Между Аккадомъ и южными городами установилось очень оживленное и правильное сообщеніе по рѣкамъ и каналамъ. Ширпурла и Уръ были конечными пунктами рѣчныхъ дорогъ; отсюда нужно было уже или плыть по морю или идти караваннымъ путемъ по пустынѣ. Въ Ширпурлѣ было найдено множество глиняныхъ осколковъ, остатковъ печатей, которыми запечатывались узлы и тюки съ товарами, изъ временъ Саргона и Нарамсина.

Глиняная печать со слѣдами узловъ и веревокъ.

Шаргани-Шарри и его преемники владычествовали надъ Аккадомъ и Сумеромъ двѣсти лѣтъ; къ концу этого періода власть ихъ начала колебаться. Все сильнѣе и сильнѣе тѣснили ихъ кочевники изъ степи и горцы изъ Элама; напротивъ, на югѣ было спокойнѣе, и южные города скоро обогнали Аккадъ. Въ то время, когда еще

ккадскіе владыки считались царями, въ Ширпурлѣ оявился извѣстный уже намъ патэси Гудеа, который не ризнавалъ надъ собою другого царя, кромѣ своего бога, былъ однимъ изъ самыхъ богатыхъ князей своего вре-ени. Лучшія произведенія сумерійскаго искусства ринадлежатъ къ эпохѣ Гудеа и были найдены въ раз-алинахъ его построекъ. Вскорѣ послѣ Гудеа царь ккада совсѣмъ потерялъ свою власть, и царями четы-ехъ странъ становятся князья стариннаго Ура. Но есмотря на то, что царская власть не уцѣлѣла въ ру-ахъ одной и той же династіи, объединеніе Сеннаара ло все дальше и дальше впередъ. При Дунги, царѣ зъ Ура, торговыя сношенія между отдѣльными го-одами и областями настолько расширились, что сдѣ-алось необходимымъ установить общее одинаковое ія всего Сеннаара лѣтосчисленіе и одинаковую си-ему вѣса. Раньше въ каждой области было свое лѣто-исленіе, по годамъ управленія мѣстнаго государя. ь документахъ писали: въ такой-то мѣсяцъ, такого-то да, такого-то государства. Когда развились торговыя ошенія, такой способъ лѣтосчисленія сталъ очень удобнымъ. Часто совершались продажи въ кредитъ, е. уплата за товаръ производилась не при продажѣ, черезъ извѣстный срокъ; покупатель при этомъ да-лъ продавцу обязательство уплатить за товаръ въ вѣстный срокъ. Высчитать срокъ купцамъ изъ одного того же города было нетрудно; но если продавецъ и купатель были изъ разныхъ городовъ, то разсчетъ ке значительно затруднялся, потому что въ одномъ родѣ былъ одинъ счетъ времени, а въ другомъ— угой. Также неудобно было различіе въ системѣ са. Мина въ разныхъ городахъ была различнаго

вѣса; между тѣмъ, на вѣсъ не только продавали товары, но также отвѣшивали и деньги. Въ условіяхъ продажи и покупки могли быть отъ этого неясности, когда договаривались купцы различныхъ городовъ. Дунги сдѣлалъ распоряженіе о томъ, чтобы лѣтосчисленіе и система вѣса были общими для всѣхъ областей Сеннаара. Чтобы сдѣлать такое распоряженіе, Дунги долженъ былъ обладать очень большой властью. И дѣйствительно, онъ уже не ограничивался переселеніями старыхъ аристократовъ на новыя мѣста; онъ смѣнялъ непослушныхъ ему патэси и назначалъ на ихъ мѣста своихъ приближенныхъ лицъ. Значитъ сила старой аристократіи была уже совсѣмъ сломлена На старыхъ тронахъ, помнившихъ тысячелѣтія, сѣли теперь новые люди, а старые должны были съ позоромъ удалиться. Управлять областями и городами своего царства, даже самыми отдаленными, Дунги назначалъ своихъ уполномоченныхъ «суккаллу», а также другихъ своихъ довѣренныхъ слугъ. Одни изъ нихъ управляли въ городахъ и областяхъ; другіе ѣздили въ качествѣ царскихъ гонцовъ, третьи въ качествѣ начальниковъ отрядовъ сопровождали караваны съ всякими запасами и товарами для царскаго города и его двора. Начальники областей обязаны были являться къ Дунги по первому его требованію, какъ бы далеко ни отстояла ихъ область отъ Ура. Благодаря строгому подчиненію внутреннихъ областей, Дунги удалось на время справиться съ эламитами. Онъ подчинилъ себѣ Аншанъ и Сузу, главные эламитскіе города и поставилъ тамъ своихъ намѣстниковъ.

Такъ разгромлено было могущество старой знати. Вмѣстѣ съ тѣмъ вообще населеніе южныхъ областей

Сеннаара, гдѣ раньше слышалась только сумерійская рѣчь, и встрѣчались лишь изрѣдка «черноголовые» сѣверяне-семиты, пріобрѣло теперь новый обликъ. Со времени Шаргани-Шарри семиты съ сѣвера стали усиленно переселяться на югъ, и съ каждымъ годомъ ихъ становилось все больше и больше. Люди разнаго званія проникали съ сѣвера на югъ. Цари замѣняли семитами старыхъ сумерійскихъ князей; много семитскихъ купцовъ пріѣзжало на югъ и поселялось въ южныхъ городахъ. Сумеры встрѣчали пришельцевъ безъ всякаго враждебнаго чувства. Не одну сотню лѣтъ жили они рядомъ другъ съ другомъ; издавна бывали также на сѣверѣ цари, власти которыхъ приходилось подчиняться южанамъ. Теперь массовыя переселенія семитовъ на югъ привели къ тому, что началось быстрое смѣшеніе сумеровъ съ семитами, соединеніе ихъ въ одинъ народъ. Цари первые подавали примѣръ смѣшенія. Они стали носить смѣшанный костюмъ: на головѣ носили египетскую шапку, въ родѣ тюрбана, а на тѣло надѣвали сумерійскій плащъ (рис. на стр. 205). Въ религіи также смѣшивались сумерійскія и семитскія вѣрованія. Великому Энлилю служили и семитскіе цари и ихъ одноплеменники; въ его Э-куръ дѣлали они богатые вклады и украшали Ниппуръ новыми постройками. Семитскіе жрецы учились священной наукѣ гаданій у сумерійскихъ жрецовъ, перенимали ихъ заклинанія, гимны и обряды. Сумеры, въ свою очередь, перенимали почитаніе семитскихъ боговъ. Сумерійскіе жрецы постепенно привыкали называть великихъ боговъ солнца и луны семитскими названіями: Баббаръ все чаще и чаще сталъ называться Шамашемъ, а Наннаръ—Синомъ. Въ средѣ военныхъ людей распространилось

почитаніе военнаго бога Нергаля, бога семитскаго города Куты. Семиты больше перенимали у сумеровъ, чѣмъ сумеры у семитовъ, такъ какъ культура сумеровъ была древнѣе и богаче семитской; но въ одномъ отношеніи семиты получили рѣшительный перевѣсъ надъ сумерами. Языкъ сумеровъ постепенно вышелъ изъ употребленія, пересталъ быть живымъ языкомъ и сталъ только священнымъ языкомъ молитвъ, гимновъ, гаданій и заклинаній. Въ живой рѣчи его мѣсто занялъ семитскій языкъ; на немъ стало говорить все населеніе Сеннаара, на немъ стали составляться царскіе указы, печати и лѣтописи, договоры и дѣловыя записи. Такая перемѣна, конечно, произошла не сразу; отъ царей Ура и отъ царей другихъ династій, правившихъ послѣ царей Ура, дошли до насъ надписи и документы и на семитскомъ и на сумерійскомъ нарѣчіи; еще царь Вавилона, Хаммураби, счелъ необходимымъ составить свои надписи о главныхъ событіяхъ своего царствованія на двухъ языкахъ, сумерійскомъ и семитскомъ. Но побѣда семитскаго языка была прочная и ясно обнаружилась еще задолго до Хаммураби.

Такъ происходило постепенно объединеніе Сеннаара. Торговля и промыслы, защита отъ враговъ и завоевательные походы усложнили жизнь обитателей Сеннаара и создали между его областями крѣпкія связи. Смуты и бѣдствія, поразившія царство Сумера и Аккада послѣ царей Ура, уже не могли помѣшать объединенію страны. Напротивъ, изъ смутъ страна вышла еще болѣе объединенной, подъ властью царей славнаго Вавилона.

XIII.

Возвышеніе Вавилона.

Неподалеку отъ Киша стоялъ во времена Шарганн-Шарри небольшой городъ Вавилонъ (Babilu); когда и кѣмъ былъ основанъ этотъ знаменитый городъ, неизвѣстно. Какъ и въ другихъ городахъ, былъ въ Вавилонѣ свой патэси, признававшій себя вассаломъ царей Аккада, а потомъ царей Ура. Ничто, кажется, не предвѣщало этому городку той блестящей будущности, какую готовила ему судьба.

Но Вавилону принесла счастье бѣда, обрушившаяся на Сеннааръ въ концѣ III тысячелѣтія до Р. Х. Вавилонъ, какъ и его сосѣди, Кишъ и Аккадъ, расположился въ очень благопріятномъ мѣстѣ. Мы уже знаемъ, что тутъ отвѣтвлялась отъ долины Тигра и Евфрата большая караванная дорога на западъ, шедшая черезъ пустыню въ Аравію, въ Сирію и къ побережью Средиземнаго моря. Тутъ получился своего рода узелъ торговыхъ путей, на западъ, на сѣверъ и на югъ; понятно, что въ этомъ узлѣ жизнь должна была развиваться особенно быстро, и потому тутъ и оказалось нѣсколько большихъ и сильныхъ городовъ. Кишъ, Аккадъ, Сиппаръ были старинными городами, не разъ показывавшими свою силу; Вавилонъ сравнительно съ ними былъ юнымъ и небольшимъ городомъ. Расположенный на самой границѣ пустыни, онъ притомъ былъ въ постоянной опасности отъ амореевъ. При мирномъ и спокойномъ ходѣ дѣлъ Вавилону нельзя было и разсчитывать на то, чтобы опередить и одолѣть когда-либо своихъ старшихъ собратьевъ.

Но бѣда, обрушившаяся на Сеннааръ при послѣднемъ

царѣ Ура, Иби-синѣ, оказалась для Вавилона впослѣдствіи очень выгодной. Эламиты, долгое время сдерживаемые въ горахъ усиліями царей Сеннаара, наконецъ, преодолѣли всѣ препятствія и, какъ лавина, низринулись въ долину Двурѣчья. Старый гордый Ниппуръ долженъ былъ передъ ними склониться; одинъ за другимъ пали другіе города, а царь Ура, Иби-синъ, долженъ былъ сдаться въ плѣнъ. Настала долгая пора владычества эламитовъ. Правда, были по прежнему «цари Сумера и Аккада»; но это были маленькіе слабые князьки ничтожнаго городка Исина, которые во всемъ должны были повиноваться эламскимъ владыкамъ. Цари Элама стали называть себя «пастырями всей земли Ниппура». Они смѣщали неугодныхъ имъ князей, ставили на ихъ мѣсто своихъ людей, тысячами гнали плѣнныхъ изъ Сеннаара въ свои горы.

Старые города были разгромлены. Ниппуру не помогла его святая слава; онъ былъ разрушенъ, его огромная библіотека скрылась подъ грудами развалинъ, и впослѣдствіи жрецамъ Ниппура пришлось потратить немало трудовъ на возстановленіе храма и библіотеки. Также были разгромлены Эрехъ, Ларса и другіе главные города Сеннаара. Правда, съ теченіемъ времени и эламскіе владыки стали смотрѣть съ уваженіемъ на Ниппуръ и Уръ, строили тамъ храмы и дарили жрецовъ. Но могущество старыхъ городовъ было сломлено, имъ трудно было уже подняться на прежнюю высоту. Эламскіе владыки зорко смотрѣли за ихъ князьями, и при первой попыткѣ освободиться отъ эламскаго владычества готовы были вновь вторгнуться въ Сеннааръ. Такія вторженія повторялись нѣсколько разъ и всегда вели за собою разореніе и угонъ тысячъ плѣнныхъ.

Торговля и земледѣліе упали. Каналы постепенно стали засоряться; купцы обѣднѣли отъ упадка торговли, а нѣкоторые потеряли все свое состояніе вслѣдствіе разгрома ниппурскаго храма и другихъ храмовъ. Драгоцѣнности и денежные запасы, отдававшіеся въ храмы на сбереженіе, были расхищены завоевателями, увозившими къ себѣ въ горы все наиболѣе цѣнное, въ качествѣ военной добычи. Въ свою столицу, Сузу, эламскіе цари перевезли множество статуй боговъ и царей и колонны съ надписями, чтобы украсить ими свою резиденцію.

Во время этого разгрома и упадка, постигшаго старые города, Вавилонъ остался въ сторонѣ отъ разоренія. Этимъ маленькимъ городкомъ мало интересовались эламскіе завоеватели. Они вообще преимущественно обращали свое вниманіе на югъ, на сѣверъ ходили рѣдко и мало вмѣшивались въ сѣверныя дѣла. Сѣвернымъ городамъ пришлось имѣть дѣло съ напоромъ другихъ племенъ. Семитскіе народцы, давно кочевавшіе въ смежныхъ съ Вавилономъ степяхъ, теперь продвинулись ближе къ горамъ и основали тамъ нѣсколько своихъ небольшихъ царствъ. Наиболѣе же крупное племя аморреевъ, которое занимало въ это время и теперешнюю Палестину, и Сирію, и степи рядомъ съ долиной Тигра и Евфрата, стало проникать въ Сеннааръ. Отдѣльными дружинами, подъ начальствомъ вождей-старѣйшинъ, проникали аморреи въ Сеннааръ и старались тамъ поселиться. Одни приходили въ качествѣ просто разбойниковъ, силою захватывали себѣ земли и поселялись въ нихъ. Другіе приходили съ болѣе мирными цѣлями, съ товарами, которые старались распродать, и пріобрѣтали въ Сеннаарѣ земли по-

купкой. Вторженіе аморреевъ не было такимъ стремительнымъ и массовымъ, какъ вторженіе эламитовъ; къ тому же аморреи были одноплеменниками сѣверныхъ семитовъ, говорили съ ними на одномъ и томъ же языкѣ, имѣли одинъ и тотъ же обликъ длиннобородыхъ черноголовыхъ людей. Поэтому къ аморреямъ не относились съ такою же враждебностью, какъ къ эламитамъ; но вслѣдствіе аморрейскихъ вторженій и въ сѣверномъ Сеннаарѣ все время было неспокойно.

Приблизительно за 2150 лѣтъ до Р. Х. Вавилонъ былъ завоеванъ аморрейскимъ вождемъ Сумуабу. Сумуабу провозгласилъ себя вавилонскимъ царемъ и сдѣлался родоначальникомъ первой вавилонской династіи. Но на югѣ не обратили на это событіе никакого вниманія, не предчувствуя, что черезъ какихъ-нибудь сто лѣтъ вавилонскому царю будетъ подчиненъ весь Сумеръ и Аккадъ. Эти сто лѣтъ Сумуабу и его преемники употребили на то, чтобы увеличить свои владѣнія, укрѣпить Вавилонъ и пріобрѣсти себѣ поддержку среди населенія сѣверныхъ областей.

Мы не знаемъ въ точности, каковъ былъ видъ Вавилона въ эту первоначальную эпоху. Конечно, онъ не занималъ такой огромной площади, какъ во времена Навуходоносора, передъ концомъ его самостоятельнаго существованія. Тогда онъ занималъ площадь въ 12 квадр. верстъ, т.-е. равнялся по величинѣ теперешнему городу со 100—200 тысячъ населенія. При Сумуабу предѣлы Вавилона были, несомнѣнно, гораздо болѣе тѣсные, и ограничивались, вѣроятно, центральной частью позднѣйшаго Вавилона, именно, пространствомъ между Евфратомъ и каналомъ Арахту, гдѣ помѣщались царскій дворецъ, храмъ Мардука и другіе храмы. При

Сумуабу не существовало еще знаменитаго храма Мардука, Э-сагила, не было храмовъ и другимъ богамъ. Вмѣсто Э-сагила былъ другой храмъ, посвященный Мардуку; для Мардука сынъ Сумуабу, Сумулаилу, сдѣлалъ изъ золота и серебра тронъ и ковчегъ и такой же тронъ и ковчегъ сдѣлалъ для супруги Мардука, Сарпанитумъ. Вавилонъ въ тѣ времена былъ плохо укрѣпленъ. Первые цари положили много труда на то, чтобы укрѣпить Вавилонъ. Они окружили его стѣнами и высокими валами и вырыли нѣсколько каналовъ, чтобы обезпечить городъ водою. Укрѣпивъ свой городъ крѣпостными сооруженіями, Сумуабу и Сумулаилу позаботились также о томъ, чтобы пріобрѣсти себѣ расположеніе боговъ. Они построили храмы богу луны, богу солнца и богинѣ Иштаръ, тремъ главнымъ богамъ небеснымъ; не забыли и Раммана-Адада, бога грозы и бури, которому также былъ выстроенъ храмъ. Въ храмахъ они поставили раззолоченныя статуи боговъ и приставили для служенія имъ особые штаты жрецовъ. Для сосѣднихъ городовъ эти постройки были очень пріятны. Аморрейскіе цари старались этимъ показать, что они не чужіе для Сеннаара по своимъ вѣрованіямъ, но такъ же благоговѣйно почитаютъ великихъ мѣстныхъ боговъ, какъ и старинные мѣстные жители. Но недаромъ они остановили свой взглядъ на божествахъ солнца, луны, утренней звѣзды и бури. Эти божества считались, какъ мы знаемъ, вершителями человѣческой судьбы; по ихъ движеніямъ можно было узнавать ихъ волю. Для вавилонскихъ царей, которые только еще создавали свое счастье, очень важно было угодить именно этимъ богамъ.

Однако, не только своимъ благочестіемъ умѣли ва-

вилонскіе цари пріобрѣсти расположеніе мѣстнаго населенія. Одноплеменники аморреевъ, они сохранили связи со своими сородичами, кочевавшими въ пустынѣ, и обезопасили этимъ Вавилонъ отъ ихъ враждебныхъ нападеній. И Вавилонъ, стоявшій на краю пустыни, оказался въ бо̀льшей безопасности отъ степняковъ, чѣмъ другіе города. Въ Вавилонъ степняки являлись охотнѣе, чѣмъ въ другіе города, приходили туда съ мирными торговыми цѣлями, свободно и спокойно устраивали свои базары. Эти базары стали привлекать въ Вавилонъ купцовъ изъ другихъ городовъ; видя спокойствіе и порядокъ, господствовавшіе въ Вавилонѣ, многіе купцы поселялись тамъ совсѣмъ. Въ область, принадлежавшую Вавилону, также охотно шли переселенцы изъ другихъ областей, уставъ отъ постоянныхъ смутъ и разоренія.

Сумуабу царствовалъ четырнадцать лѣтъ, и за это время власть царей Вавилона сдѣлала большіе успѣхи. Сумуабу еще заискивалъ передъ сосѣдями; богу сосѣдняго города Киша онъ сдѣлалъ корону и старался поддерживать съ Кишемъ добрыя отношенія. Можетъ быть, Сумуабу и патэси Киша были даже въ союзѣ. Но уже преемникъ Сумуабу, Сумулаилу, почувствовалъ себя настолько сильнымъ, что началъ походы противъ сосѣднихъ городовъ. Въ тринадцатый годъ своего царствованія онъ пошелъ на Кишъ, взялъ его и разрушилъ, а область Киша присоединилъ къ своимъ владѣніямъ. Это было очень важное событіе. Съ тѣхъ поръ Кишъ уже становится второстепеннымъ городомъ и никогда болѣе не возвращаетъ себѣ своего значенія. Послѣ Киша такая же участь постигла другіе города—Казаллу, Барзи; старинный городъ Сиппаръ уже не рѣшился сопротивляться царямъ Вавилона и, повидимому,

ступилъ съ нимъ въ союзъ. Сумулаилу обнесъ его аломъ, какъ принадлежащій ему городъ. Когда Сулаилу послѣ 36 лѣтъ царствованія умеръ, передавъ зое царство Забуму, во владѣніи вавилонскихъ царей ыла уже большая область: имъ принадлежали всѣ ѣверныя области, за исключеніемъ Аккада. Царь абумъ уже не ходилъ въ походы. На сѣверѣ завоевывать ыло нечего; на югъ итти онъ еще не рѣшался. Судя о лѣтописи царствованія Забума, онъ занимался болѣе сего украшеніемъ своей столицы. Теперь пришло ремя возвыситься Мардуку, богу Вавилона. Забумъ остроилъ ему знаменитый храмъ Э-сагила, который ослѣдствіи соперничалъ въ славѣ съ Экуромъ; кромѣ ого, онъ построилъ храмы еще двумъ другимъ богамъ.

Пока на сѣверѣ вавилонскіе цари постепенно расиряли свои владѣнія, устраивали въ нихъ порядокъ укрѣпляли свою власть, югъ раздирался постоянными йнами и междоусобіями. Эламиты не оставляли въ коѣ южнаго Сеннаара, и тамъ кипѣла постоянная есточенная борьба. Приглядываясь къ этой борьбѣ, вилонскіе цари только ждали удобной минуты, чтобы ѣшаться въ нее и распространить свою власть и дъ югомъ. Пятый царь изъ династіи Сумуабу, Синмуллитъ, первый предпринялъ походъ на югъ. Четырнатый годъ его царствованія обозначенъ такъ: «годъ, который люди Ура (т.-е. войско Ура) были убиты чомъ». Но эта побѣда не отдала еще Вавилону власти дъ южнымъ Сеннааромъ, такъ какъ Синмубаллиту ло еще не подъ силу бороться съ эламскимъ царемъ мсиномъ, властвовавшимъ тогда въ южномъ Сенарѣ. Синмубаллитъ долженъ былъ признать себя ссаломъ Римсина и вмѣстѣ съ нимъ участвовалъ въ

завоеваніи «царствующаго града» Исина. Объединит весь Сеннааръ подъ властью Вавилона выпало на доли сына Синмубаллита, знаменитаго вавилонскаго цар Хаммураби, завоевателя и законодателя.

Имя Хаммураби, «сокрушившаго царя Римсина» на всѣ лады прославлялось при его жизни и посл его смерти. Въ одной надписи, написанной въ назидан потомству на семитскомъ и сумерійскомъ языках говорится о славѣ Хаммураби въ такихъ выраженіях

Онъ прославилъ на грядущіе дни
Величіе своей власти—
Хаммураби, царь, могучій воитель,
Сокрушитель своихъ враговъ.
Онъ, какъ ураганъ во время битвы,
Онъ унизилъ страну своего врага.
Онъ уничтожилъ всякое сопротивленіе,
И положилъ конецъ возстанію.
Онъ сокрушилъ вражескія силы,
Точно глиняныя статуи.
Онъ преодолѣлъ препятствія
Непереходимыхъ горъ.

Самъ о себѣ Хаммураби говорилъ такъ: «я Хаммураби, царь несравненный. Черноголовыми, которы даровалъ мнѣ Энлиль, и власть надъ которыми поручилъ мнѣ Мардукъ, я не пренебрегалъ, о нихъ я нерадѣлъ, я искалъ ихъ блага. Съ могучимъ оружіем врученнымъ мнѣ Замамой и Инанной, съ премудрость дарованной мнѣ Эа, съ разумомъ, которымъ надѣли меня Мардукъ, я истребилъ враговъ вверху (на сѣвер и внизу (на югѣ), прекратилъ раздоры, устроилъ стра благосостояніе, далъ людямъ жить въ безопасны мѣстахъ, охранялъ ихъ отъ нарушителей спокойств Великіе боги призвали меня; я благодѣтельный пасты

Царь Хаммураби.

жезлъ мой—жезлъ правды, моя благая сѣнь простерта надъ моимъ городомъ. На груди своей лелѣю я жителей Сумера и Аккада, а помощью моего бога-покровителя и его братьевъ успокоены они въ мирѣ, моя премудрость ихъ покрываетъ».

Эти хвалебныя рѣчи напоминаютъ самовосхваленія Эаннатума въ надписи на стэлѣ коршуновъ. Какъ Эаннатумъ постоянно перебивалъ повѣствованіе о своихъ побѣдахъ словами: «я царь, полный мудрости», такъ Хаммураби постоянно напоминаетъ, что онъ «царь могучій». Такія самовосхваленія были обычными пріемами въ то время; цари ими хотѣли показать, какъ велика ихъ слава, и показать не только своимъ подданнымъ и современникамъ, но также и отдаленнымъ потомкамъ. Эта послѣдняя цѣль достигнута ими: мы теперь читаемъ ихъ надписи, слышимъ ихъ гордый голосъ; но на насъ ихъ самовосхваленія уже не производятъ такого впечатлѣнія, какое они производили на ихъ современниковъ. Мы знаемъ теперь, что величіе государя заключается въ величіи его царства. Одинъ государь, какъ бы талантливъ онъ ни былъ, однѣми своими силами не можетъ сдѣлать ничего великаго. Если онъ оставляетъ по себѣ память, если съ его именемъ связываются великія преобразованія, то только потому, что такой государь дѣйствовалъ и управлялъ въ тѣсномъ союзѣ съ тѣми группами людей среди его подданныхъ, которымъ нужны были преобразованія, чтобы укрѣпить свое господствующее положеніе въ государствѣ. Предшественники Хаммураби, онъ самъ и его преемники вели именно такую политику, и потому достигли такихъ огромныхъ успѣховъ. Поэтому, картина вавилонскаго царства, его жизни и культуры, была совершенно

иная, чѣмъ картина жизни Сеннаара во времена Ур-нины или Эаннатума.

XIV.

Древнее Вавилонское царство.

Раннимъ утромъ выѣзжаютъ изъ Вавилона нѣсколько путниковъ, направляющихся въ разныя стороны отъ столицы. Нѣкоторые изъ нихъ ѣдутъ къ югу, другіе на востокъ и на сѣверъ; всѣ они спѣшатъ, какъ люди, у которыхъ какое-то важное, нетерпящее отлагательства, дѣло. Это не купцы. Купецъ отправляется въ дорогу обыкновенно по водѣ, въ лодкѣ или въ баржѣ, нагруженной товарами. Такой способъ передвиженія, очевидно, кажется нашимъ путешественникамъ слишкомъ медленнымъ. Они ѣдутъ на коняхъ, рѣдкомъ животномъ въ Вавилоніи, очень дорогомъ и не для всякаго доступномъ. Уже это обстоятельство изобличаетъ въ нихъ царскихъ слугъ: коней имѣетъ только царь, да еще нѣкоторые наиболѣе важные и богатые сановники, покупающіе ихъ у аравійскихъ кочевниковъ. Вооруженіе, которымъ снабжены интересующіе насъ путники, подтверждаетъ нашу догадку. На ихъ щитахъ изображена эмблема ихъ господина: богъ Мардукъ, который поражаетъ какое-то безобразное чудовище. Царскіе слуги эти называются marê schipri: это царскіе гонцы, везущіе письма съ царскими приказами царскимъ намѣстникамъ.

Царскія письма написаны, конечно, на глиняныхъ таблеткахъ, какъ все, что писалось въ Вавилоніи. Та-

блетки для писемъ, вавилонская «почтовая бумага», не велики, чтобы не стѣснять своею тяжестью гонца. Чаще всего онѣ были отъ 3—4 дюймовъ длины и отъ 3 до 2 дюймовъ ширины, т.-е. не больше современной визитной карточки большого формата. На такой таблеткѣ нельзя было много написать, хотя исписывать можно было обѣ стороны; поэтому, царю въ своихъ письмахъ уже нельзя было такъ разглагольствовать о своихъ подвигахъ и о своей славѣ, какъ на обелискахъ и другихъ памятникахъ. Въ письмахъ поневолѣ приходилось давать приказанія въ очень краткой и сжатой формѣ. Чтобы письмо не повредилось въ дорогѣ, оно запечатывалось въ своего рода конвертъ, конечно, также изъ глины. Это — просто глиняный футляръ, точно пригнанный по величинѣ письма; онъ со всѣхъ сторонъ задѣлывался наглухо и вмѣстѣ съ заключеннымъ въ немъ письмомъ обжигался на сильномъ огнѣ. На конвертѣ, какъ и у насъ, написанъ адресъ того лица, которому письмо отправляется. Получивъ такое письмо, адресатъ его «распечатывалъ», попросту разбивая конвертъ; черепки отъ конверта выбрасывались, а письма бережно сохранялись въ архивѣ.

Кому же везутъ письма царскіе гонцы? Нѣкоторые изъ нихъ направляются въ Ниппуръ съ посылками, адресованными ниппурскимъ жрецамъ; другіе везутъ письма царскимъ намѣстникамъ, управляющимъ областями вавилонскаго царства. Главныхъ намѣстниковъ два—одинъ на сѣверѣ, въ Сиппарѣ, другой на югѣ—въ Ларсѣ; между царемъ и этими намѣстниками происходила постоянная и оживленная переписка. Царь Хаммураби въ особенности много и часто писалъ на югъ, въ Ларсу, тамошнему своему намѣстнику Сини-

диннаму. Сѣверныя области уже давно принадлежали вавилонскимъ царямъ; южныя же области царь Хаммураби присоединилъ къ своему царству только на 30-й годъ своего царствованія (всего онъ царствовалъ 45 лѣтъ). Въ этотъ достопамятный годъ Хаммураби, какъ разсказываетъ онъ въ своихъ надписяхъ, внявъ голосу Ану и Энлиля, пошелъ на югъ, завоевалъ Уръ и Ларсу и «сокрушилъ» эламитскаго царя Римсина. Эламиты принуждены были вернуться въ свои горы и надолго отказались отъ набѣговъ на Вавилонію. Въ Ларсѣ, послѣ завоеванія, Хаммураби и посадилъ своего намѣстника Синидиннама. Синидиннамъ замѣнилъ прежнихъ патэси, правившихъ на югѣ и по временамъ во время смутъ возвращавшихъ себѣ такую же самостоятельность, какою они пользовались во времена Урнины. Синидиннаму подчинялась Ларса, Эрехъ, Уръ, а также «городъ Гирсу», и «городъ Нины», т.-е. Ширпурла. Понятно, что о вновь присоединенной области нужно было усиленно заботиться; поэтому, царь Хаммураби часто посылалъ Синидиннаму письма съ различными приказаніями и наставленіями.

Должность Синидиннама была очень важная и почетная, но она требовала отъ него много труда и доставляла ему немало хлопотъ. Прежніе патэси только заботились о томъ, чтобы послать во-время царю дань. У теперешняго царскаго намѣстника это только одна изъ многихъ его заботъ. Ему также приходится заботиться о сборѣ царскихъ доходовъ и посылать ихъ царю. Теперь уже не всѣ царскіе доходы собираются натурой, какъ было въ старину. Съ купцовъ собираются пошлины не только натурой, но и деньгами, въ видѣ серебряныхъ колецъ опредѣленнаго вѣса; собираютъ

подать особые писцы, подчиненные Синидиннаму. Царь очень дорожитъ пошлинами, собираемыми съ купцовъ, и постоянно напоминаетъ о ихъ сборѣ Синидиннаму. И теперь гонецъ, ѣдущій на югъ, везетъ Синидиннаму письмо отъ царя по тому же дѣлу такого содержанія: «Такъ говоритъ Хаммураби. По дѣлу объ отправленіи въ Вавилонъ Шебсина, писца надъ купцами, вмѣстѣ съ 1800 гуръ сезамъ-зерна и девятнадцатью минами серебра... и также Синмушталя, писца надъ купцами, вмѣстѣ съ 1800 гуръ сезамъ-зерна (кунжутное зерно) и семью минами серебра... по какимъ дѣламъ я уже писалъ тебѣ, а ты далъ отвѣтъ: писцы купцовъ говорятъ: вѣдь теперь время жатвы, мы прибудемъ послѣ жатвы. Такъ они тебѣ говорили, и ты написалъ мнѣ. Вотъ, жатва теперь кончилась. И вотъ, когда ты увидишь эту таблетку, то, какъ я прежде писалъ тебѣ, ты долженъ отправить въ Вавилонъ Шебсина, писца надъ купцами, вмѣстѣ съ 1800 гуръ сезамъ-зерна, и девятнадцатью минами серебра, и также Синмушталя, писца надъ купцами, также вмѣстѣ съ 1800 гуръ и семью минами серебра, а съ ними надежнаго офицера... и прикажи имъ явиться ко мнѣ». Хлопотъ много съ купцами; не меньше и съ сельскими жителями, которые должны платить царю подать финиками, зерномъ и масломъ. Надо собрать ее во-время, пока царь не прислалъ напоминанія; надо нагрузить ее на лодки и баржи для отправленія въ Вавилонъ. Лодки и баржи, на которыхъ переправлялись въ Вавилонъ къ царю подати,—царскія; и о нихъ царь заботится и посылаетъ Синидиннаму наставленія и приказы. То нужно найти подходящаго капитана, то надо набрать ему матросовъ; то надо чинить суда, искать мастеровъ и матеріалъ для починки. Все это

сдѣлаешь—еще остается забота о царскихъ стадахъ, пасущихся на пастбищахъ южныхъ областей. Надо слѣдить за ихъ многочисленными пастухами, заботиться, чтобы стада не уменьшались отъ расхищенія, или отъ нападеній дикихъ звѣрей. Придетъ время стрижки овецъ—царь уже шлетъ приказъ относительно стрижниковъ. Шерсть—очень дорогой продуктъ, изъ котораго вавилонскіе ткачи умѣютъ теперь дѣлать прекрасныя матеріи, расходящіяся по всему свѣту; поэтому царь такъ и заботится о своихъ овечьихъ стадахъ. Завѣдующіе стадами знаютъ, что царь всегда услышитъ ихъ и обратитъ вниманіе на ихъ донесенія; поэтому, они иногда даже осмѣливаются жаловаться царю на самого Синидиннама. Синидиннамъ однажды получилъ отъ царя такое не совсѣмъ пріятное письмо: «Такъ говоритъ Хаммураби. Мендибумъ, Белда... и Машпарумъ писали, говоря: Синидиннамъ далъ намъ партію людей для стрижки овецъ. Но людей, которые назначены къ намъ для стрижки овецъ, слишкомъ мало для овецъ. Такъ они мнѣ писали. Назначь поэтому большой отрядъ людей, чтобы стрижка могла быть скоро окончена». Кромѣ царскихъ стадъ, Синидиннаму причиняютъ не мало хлопотъ стада, принадлежащія храмамъ. Съ тѣхъ поръ какъ упала власть старинныхъ патэси, распоряжаться всѣми храмами и ихъ имуществами стали цари. Они требуютъ, чтобы часть доходовъ храмовъ доставлялась въ царскую казну; въ особенности же дорожатъ доходами опять-таки съ овечьихъ стадъ. По этому поводу Синидиннамъ получаетъ отъ царя также строгіе приказы въ такомъ родѣ: «Такъ говоритъ Хаммураби. Когда ты разсмотришь эту таблетку, ты велишь прибыть къ тебѣ всѣмъ надсмотрщикамъ за

скотомъ, приписаннымъ къ храмамъ боговъ, и Арадъ-Шамашу, сыну Ерибама, пастуху храма Шамаша, который находится подъ твоимъ надзоромъ, вмѣстѣ со всѣми ихъ доходами. И ты отправь ихъ въ Вавилонъ, чтобы они отдали ихъ доходы. Смотри, чтобы они ѣхали ночью и днемъ и достигли Вавилона въ теченіе двухъ дней».

Таковы заботы Синидиннама о царскихъ доходахъ. Приходится ему заботиться теперь, не въ примѣръ стариннымъ патэси, и о царскихъ войскахъ. Царь постоянно присылаетъ ему требованія объ отправкѣ войскъ съ юга на сѣверъ, или сухимъ путемъ, или по водѣ. На сѣверѣ при Хаммураби было не такъ спокойно, какъ на югѣ. Царю приходилось посылать войска въ «страну Ассура», т.-е. въ Ассирію, изъ которой впослѣдствіи вышли завоеватели, временно подчинившіе себѣ Вавилонію. Приходится Синидиннаму заботиться и объ организаціи военной силы. Теперь это уже не такъ просто, какъ было въ старину. Тогда царь или патэси призывалъ своихъ сановниковъ являться съ вооруженными людьми; каждый сановникъ набиралъ военныхъ людей, кого хотѣлъ, и, какъ могъ, ихъ вооружалъ—царю или патэси до этого не было дѣла. Теперь военная служба устроена совсѣмъ иначе. Царь набиралъ себѣ военнослужилыхъ людей и раздавалъ имъ за службу участки земли; земельные запасы у царя образовались, вѣроятно, изъ земель, отнятыхъ у старинныхъ сановниковъ и патэси. Участки земли давались разной величины и разнаго достоинства, судя по службѣ и чину. Одинъ разрядъ служилыхъ людей назывался р и д с а б э. Ридсабэ имѣли тяжелое вооруженіе, являлись на коняхъ, обязаны были приводить съ собою подручныхъ.

Имъ давались большіе участки земли, годные для разработки подъ пашню. Другой разрядъ военно-служилыхъ людей былъ низшаго ранга, легко-вооруженные воины, или баиру; эти получали за службу или «домъ», т.-е. небольшую усадьбу съ какими-нибудь доходными угодьями, или фруктовый садъ. Относительно службы всѣхъ этихъ военныхъ людей существовали строгія правила. Конечно, не самъ Хаммураби всѣ эти правила составилъ: еще задолго до него цари, какъ мы знаемъ, стали замѣнять старую знать новыми служилыми людьми, и постепенно составились обычаи и правила службы, которыя теперь Хаммураби собралъ и объявилъ во всеобщее свѣдѣніе, вмѣстѣ съ другими законами. Синидиннаму приходилось зорко наблюдать, чтобы всѣ эти правила строго выполнялись. Тутъ также множество хлопотъ и непріятностей. Недавно одинъ изъ ридсабэ не пошелъ по призыву царя въ походъ, нанялъ за себя другого. Вышло цѣлое дѣло, потому что по правиламъ каждый долженъ нести службу лично: если человѣкъ пользуется землей, то долженъ за это служить. За отказъ отъ службы и наемъ охотника полагается по правиламъ Хаммураби смертная казнь, а ленъ передается тому, кто изобличилъ нерадиваго воина. Вообще, воины, получившіе за службу участки земли или сады, должны были постоянно помнить, что владѣнія эти даны имъ не въ собственность, а только въ пользованіе, принадлежатъ они царю, и царь всегда отъ нерадиваго можетъ ленъ отнять и передать другому. Нѣкоторые изъ воиновъ, помня, что они, быть можетъ, окажутся очень недолговѣчными хозяевами своихъ леновъ, мало ими интересовались, уѣзжали изъ нихъ и запускали хозяйство,

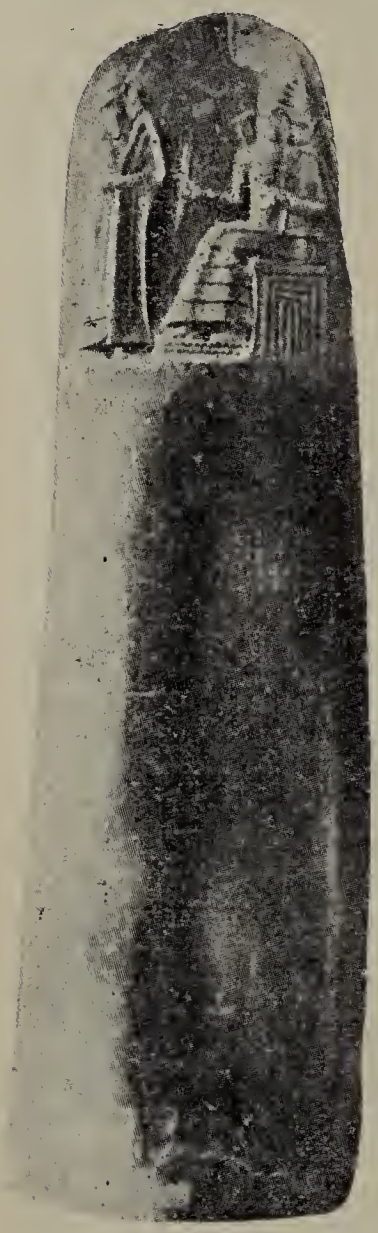
такъ что ленъ разорялся. Приходилось слѣдить за такими воинами, и если въ теченіе трехъ лѣтъ воинъ не возвращался и не приводилъ въ порядокъ свое хозяйство, то царь приказывалъ отобрать у него ленъ и отдать другому. Но такихъ было немного. Огромное большинство воиновъ думало совсѣмъ о другомъ: о томъ, что хорошо было бы сдѣлать лены полною своею собственностью, и часто нарушали правила, запрещавшія распоряжаться леномъ, какъ собственностью. Правда, когда воинъ попадалъ на войнѣ въ плѣнъ, а у него случался взрослый сынъ, который могъ сейчасъ же замѣнить отца, ленъ передавался сыну съ условіемъ продолжать службу отца; если же сынъ былъ малолѣтній, то мать его получала одну треть лена съ обязательствомъ воспитать сына. Но этого воинамъ казалось мало. Въ случаѣ нужды воинъ не могъ продать ни одной головы скота, находившейся въ ленѣ; онъ могъ только продать весь ленъ цѣликомъ, но на такихъ условіяхъ, на которыхъ нелегко было найти покупщика. Можно было продать ленъ или царскому дамкару, или другому леннику, съ условіемъ, что покупатель возьметъ на себя и службу продавца; если же ленникъ продавалъ ленъ кому-нибудь другому, то продажа считалась недѣйствительной, таблетка съ написаннымъ на ней договоромъ о продажѣ разбивалась, покупатель терялъ уплаченныя деньги, а ленъ возвращался прежнему владѣльцу. Ни на жену, ни на дочь нельзя было ничего отписывать изъ леннаго имущества, и нельзя было его закладывать. Такія строгія правила пользованія ленами были очень невыгодны и непріятны для воиновъ, и они всячески старались ихъ обойти. Синидиннаму и другимъ царскимъ намѣстникамъ было немало заботы

о томъ, чтобы услѣдить за точнымъ исполненіемъ этихъ правилъ.

Въ своихъ письмахъ Синидиннаму царь не только заботится о своихъ доходахъ и о военно-служилыхъ людяхъ, но также заботится о правосудіи и о порядкѣ. Недаромъ онъ записалъ въ своей лѣтописи, что во второй годъ его царствованія «была уставлена правда». Порядокъ и правосудіе—это было все, что требовалось для успѣшнаго хода торговли и промысловъ, земледѣлія и садоводства. Купцы платили царю большія пошлины, но желали, чтобы за это царь заботился и о ихъ нуждахъ; купцы всегда поддерживали царей Вавилона и горой стояли за нихъ именно потому, что цари Вавилона постепенно изгнали изъ страны враговъ, усмирили гордыхъ аристократовъ и обезпечили каждому спокойный трудъ подъ его смоковницей. Заботы царя Хаммураби о правосудіи и о законѣ въ особенности прославили его и сдѣлали имя его незабвеннымъ.

Въ храмѣ бога Мардука, Э-сагила, всякій приходящій туда видѣлъ изображеніе Хаммураби въ видѣ царя правды. Царь стоитъ, сложивъ руки въ молитвенной позѣ передъ богомъ Шамашемъ, сидящемъ на тронѣ. Шамашъ, богъ солнца, считался также богомъ правды и суда; его лучи были смертоносными стрѣлами для всѣхъ, дѣлающихъ беззаконіе. Богъ даетъ царю свитокъ съ законами, которые Хаммураби долженъ объявить всѣмъ своимъ подданнымъ. Подъ этимъ изображеніемъ, высѣченнымъ на камнѣ, написаны были «драгоцѣнныя слова» царя: «царь я, вознесшійся среди патэси. Слова мои горделивы, мудрость моя несравненна. По приказу Шамаша, великаго судіи неба и земли, должна

настать въ землѣ правда; по завѣту Мардука, моего господина, мой памятникъ не испытаетъ разрушенія... Нынѣ, всегда и вѣчно: всякій царь, какой будетъ въ странѣ, долженъ соблюдать слова правды, которыя я написалъ на моемъ памятникѣ, не долженъ мѣнять закона земли, который я далъ, и рѣшеній, которыя я произнесъ; моему памятнику не долженъ вредить». А далѣе были изложены страшныя проклятія и кары, которыми боги грозили всякому простому человѣку, или князю, или патэси, или царю, если онъ нарушитъ постановленіе Хаммураби. Тутъ же на камнѣ были написаны и всѣ постановленія Хаммураби, законы, которые онъ издалъ. Царь вѣрилъ, что всякій, кто прочитаетъ драгоцѣнныя слова, написанныя на его памятникѣ, возрадуется въ сердцѣ своемъ и скажетъ: «Хаммураби—государь, который, какъ отецъ для своихъ подданныхъ, къ слову Мардука онъ внушилъ благоговѣніе, отвоевалъ побѣду Мардуку вверху и внизу (т.-е. на сѣверѣ и на югѣ), сердце Мардука, своего господина, онъ радуетъ, и благоденствіе своимъ подданнымъ навѣки онъ устроилъ и землю привелъ онъ въ порядокъ». Такой же камень съ такимъ же изображеніемъ и съ написанными на немъ законами былъ поставленъ и Сиппарѣ, въ храмѣ



Камень съ записью законовъ Хаммураби.

бога Шамаша, и въ другихъ вавилонскихъ городахъ *).

Законы, которыми такъ хвалится Хаммураби, не были вполнѣ новыми. Въ своемъ собраніи законовъ Хаммураби привелъ въ порядокъ старыя постановленія, прибавилъ нѣкоторыя новыя и предписалъ впредь руководствоваться только его кодексомъ. Это было очень важное дѣло. Раньше въ различныхъ городахъ Вавилона дѣйствовали мѣстные обычаи и правила; они сильно разнились другъ отъ друга, и такое разнообразіе обычаевъ очень затрудняло дѣловыя сношенія. Теперь для всего Вавилонскаго царства былъ одинъ законъ, изложенный въ кодексѣ Хаммураби: всѣ судьи должны были судить только по этому закону и не могли налагать другихъ наказаній, кромѣ изложенныхъ въ этомъ законѣ; этими же законами должны были также руководиться всѣ намѣстники царя, а также городскіе старѣйшины, управлявшіе городами. Законы Хаммураби касались всѣхъ сторонъ жизни, и были одинаковы для всѣхъ жителей Вавилоніи, знатныхъ и незнатныхъ, богатыхъ и бѣдныхъ. Прежде всего, законы указывали, какъ надо судить и наказывать за уголовныя преступленія, за убійства, за кражу и за разбой. Почти за всѣ эти преступленія полагалась смертная казнь. Такія строгія наказанія держались изстари со временъ кровной мести, и Хаммураби не рѣшился ихъ отмѣнить. Съ тѣхъ же кровавыхъ временъ сохранилось въ законахъ Хаммураби и правило: око за око, зубъ за зубъ. Если кто вырветъ у другого глазъ,

---

*) Точное изображеніе камня съ законами Хаммураби въ натуральную величину находится въ Московскомъ Музеѣ Изящныхъ Искусствъ Императора Александра III.

у него вырываютъ глазъ, если зубъ, то зубъ, если сынъ ударитъ отца, у него отрубаютъ руки; только за увѣчье раба полагался денежный выкупъ въ размѣрѣ мины серебра. Далѣе законы Хаммураби касались всякихъ гражданскихъ отношеній: содержали въ себѣ правила аренды полей и домовъ, залога всякаго рода имуществъ, долговыхъ обязательствъ (неисправному должнику грозила трехлѣтняя кабала), правилъ вступленія въ бракъ и развода, приданаго и подарковъ мужа женѣ, наслѣдованія и завѣщанія. Потомъ были правила относительно владѣнія рабами и пользованія ленными землями, относительно торговли и ремесла. Особенное вниманіе въ законахъ Хаммураби было обращено на содержаніе въ порядкѣ каналовъ и плотинъ. Каналы и плотины считались государственными учрежденіями, и на всѣхъ жителей была возложена повинность содержать ихъ въ порядкѣ, во время открывать и закрывать шлюзы, а за всякую небрежность въ этомъ отношеніи былъ установленъ штрафъ. Также были установлены штрафы за порчу чужихъ садовъ и рубку деревьевъ въ чужомъ саду и за потраву чужихъ полей и луговъ.

Изданіе этихъ законовъ завершило объединеніе Вавилона. Теперь на всемъ пространствѣ Вавилоніи были одни и тѣ же законы, одно и то же лѣтосчисленіе, одни и тѣ же мѣра и вѣсъ. Одному и тому же царю повиновались жители Вавилоніи, и хотя впослѣдствіи не разъ мѣнялись на тронѣ вавилонскихъ царей династіи, происходившія иной разъ изъ чуждыхъ Вавилоніи завоевателей, тѣмъ не менѣе единые законы Хаммураби оставались неизмѣнными, оставалось неизмѣннымъ и устройство судовъ въ томъ видѣ, какъ оно установилось во времена Хаммураби.

Въ старину въ вавилонскихъ областяхъ судили жрецы. Цари и патэси были тоже жрецами, такъ что суды были только церковными. Пока была слабо развита торговля и промышленность, такой порядокъ былъ простъ и самъ собою понятенъ: жрецы были господами, и было естественно, что они судили подчиненныхъ имъ людей. Но съ тѣхъ поръ, какъ около храмовъ и городовъ патэси образовались большія торговыя и ремесленныя слободы, церковные суды уже оказывались недостаточными; въ то же время цари постепенно подчинили себѣ жрецовъ и патэси и присвоили себѣ даже право распоряжаться доходами и имуществами храмовъ. Понемногу рядомъ съ церковными судами появились свѣтскіе, гражданскіе суды. При Хаммураби всѣ судебныя дѣла рѣшались уже въ свѣтскихъ судахъ; рѣшеніе дѣла переносилось въ храмы только въ нѣкоторыхъ точно опредѣленныхъ случаяхъ.

Рѣшеніе всякаго дѣла было обставлено въ вавилонскихъ судахъ такими же строгими формальностями, какъ и у насъ, въ особенности, когда дѣло шло о владѣніи какимъ-нибудь спорнымъ имуществомъ. Лучше всего мы поймемъ вавилонское судопроизводство, если представимъ себѣ, что присутствуемъ на разборѣ какого-нибудь дѣла. Намъ не трудно это сдѣлать, потому что протоколы всѣхъ дѣлъ записывались въ точности, и многіе изъ нихъ дошли до нашего времени. Судъ засѣдаетъ подъ предсѣдательствомъ или царскаго намѣстника (schakkanakku) или городского головы (rabiânou). Судъ подъ предсѣдательствомъ намѣстника состоитъ изъ коллегіи шести лицъ, разныхъ чиновниковъ, подчиненныхъ намѣстнику; суду намѣстника подчиняются всѣ жители его области, его

судъ, такъ сказать—окружный судъ. Судъ подъ предсѣдательствомъ городского головы вѣдаетъ судебныя дѣла, возникающія въ городѣ; онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ судей изъ мѣстныхъ жителей, которые, подобно нашимъ присяжнымъ, должны руководиться не только закономъ, но также и совѣстью. Иногда бываетъ, что жизненная правда не сходится съ судебнымъ приговоромъ, какой надо постановить по закону; въ такихъ случаяхъ судьи могутъ сдѣлать постановленіе, не совсѣмъ согласное съ законами, но зато согласное съ требованіями справедливости. Рядомъ съ судьями засѣдаетъ секретарь суда: у него наготовѣ уже сырыя глиняныя дощечки и стилетъ, чтобы немедленно записать весь ходъ дѣла и судебный приговоръ. Тутъ же стоитъ отрядъ вооруженныхъ воиновъ, которые находятся въ распоряженіи суда и исполняютъ его приказанія объ арестѣ обвиняемыхъ и о приводѣ свидѣтелей.

Къ судьямъ является нѣкій Шумумъ Либши и заявляетъ жалобу слѣдующаго содержанія: у него съ его братомъ Апиль-Илишу была въ общемъ владѣніи земля. Эту землю они раздѣлили и о раздѣлѣ составили актъ, при чемъ два поля достались жалобщику; актъ раздѣла жалобщикъ тутъ же прочитываетъ судьямъ. Несмотря на раздѣлъ, Апиль-Илишу продалъ одно изъ этихъ полей жрецу Нинибъ-Мушалиму, а другое вымѣнялъ съ полемъ Ришнинъ-Кассу. Жалобщикъ требуетъ, чтобы продажа была признана недѣйствительной, и чтобы поле было возвращено ему. Судьи принимаютъ жалобу и въ назначенный день вызываютъ въ судъ обоихъ покупателей. Въ день суда, когда жалобщикъ изложилъ свою жалобу, Нинибъ-Мушалимъ сказалъ

такъ: «Послѣ того акта первоначальнаго раздѣла, который ты принесъ, былъ совершенъ новый актъ раздѣла, по которому эти поля достались Апиль-Илишу. Есть свидѣтели, которые знаютъ о новомъ раздѣлѣ». — «Позови ихъ и послушай, что они скажутъ», сказали судьи. Свидѣтели пришли, и судьи выслушали, что новый раздѣлъ произошелъ, и какимъ образомъ онъ былъ произведенъ. Но отвѣтчики не могли представить договора о новомъ раздѣлѣ; поэтому судьи не рѣшились сразу отказать Шумумъ-Либши въ искѣ: какъ знать, можетъ быть, свидѣтели подкуплены и показываютъ неправду. Судьи приказали свидѣтелямъ итти въ храмъ бога Сина и повторить тамъ свое свидѣтельство передъ изображеніемъ бога Сина и въ присутствіи храмовыхъ судей. Тогда Шумумъ-Либши заявилъ: «Я не принуждаю свидѣтелей итти къ богу Сину». Сдѣлавъ такое заявленіе, Шумумъ-Либши призналъ правильность ихъ показаній. Тогда рѣшили кончить дѣло миромъ: Нинибъ-Мушалимъ заплатилъ Шумумъ-Либши полтора секеля серебра. Оба они поклялись именемъ царя, что они никогда болѣе не возобновятъ этого дѣла; а секретарь суда сейчасъ же записалъ все дѣло на глиняной таблеткѣ, на ней подписались и приложили свои печати судьи и секретарь, и затѣмъ эта таблетка была запечатана въ глиняный конвертъ, на которомъ была сдѣлана краткая надпись о содержаніи дѣла. Эту таблетку въ конвертѣ бережно положили въ судебный архивъ храма бога Сина вмѣстѣ съ множествомъ другихъ такихъ же таблетокъ.

Въ этомъ дѣлѣ обѣ стороны остались довольны рѣшеніемъ, и судьи также не затруднялись рѣшить это дѣло. Но бывали случаи, когда изъ обыкновеннаго

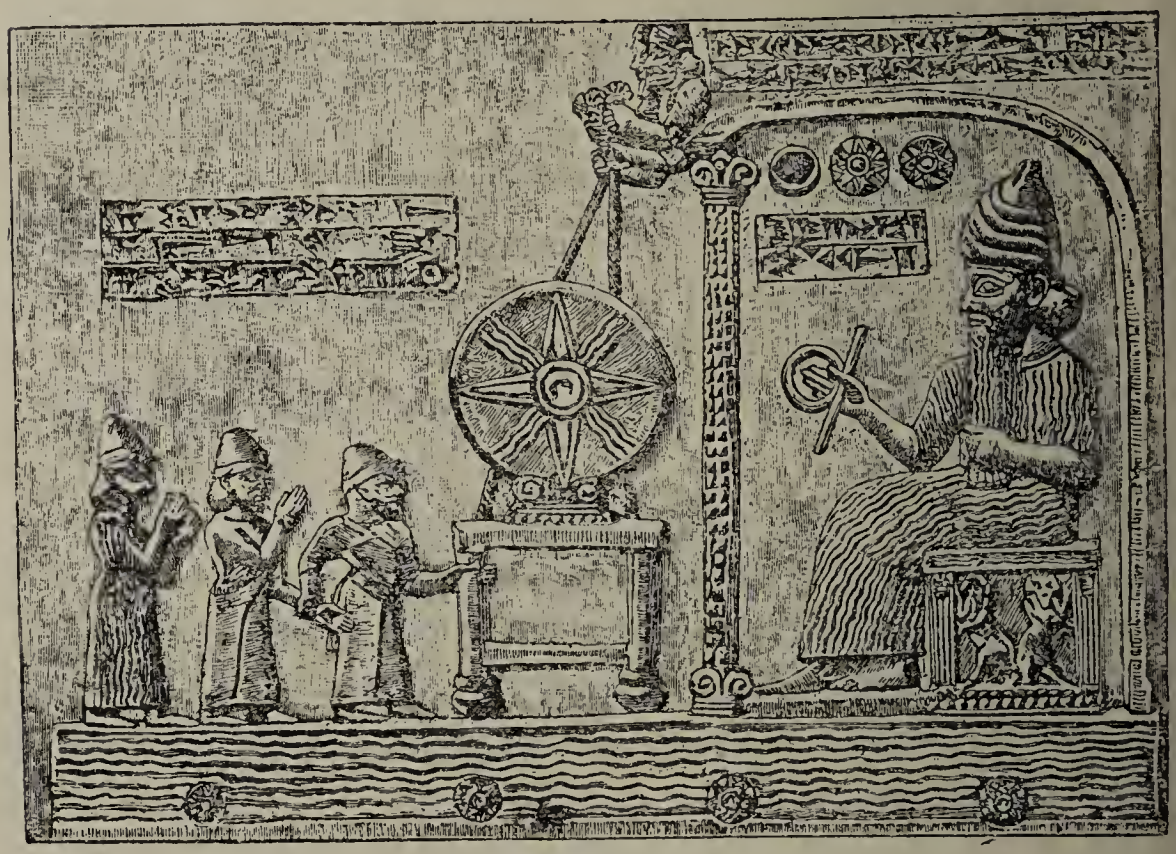
суда дѣло приходилось переносить въ высшій судъ, къ «судьямъ Вавилона» или къ «судьямъ царя». Это бывало чаще всего тогда, когда судившіеся были недовольны приговоромъ обыкновеннаго суда. Недовольные обращались тогда съ жалобой къ царю, и царь посылалъ къ судьямъ приказаніе такого содержанія: «когда вы увидите это письмо, вы отошлете въ Вавилонъ отвѣтчика и свидѣтелей по дѣлу, которое вчинено такими-то лицами, и дѣло получитъ у меня свое рѣшеніе». Рѣшеніе царскаго суда было уже окончательнымъ: царь считался какъ бы повѣреннымъ самихъ боговъ, и противъ его приговора, какъ противъ божественной заповѣди, никто не могъ возражать. Но бывали также такіе случаи, когда сами судьи затруднялись рѣшить дѣло или вслѣдствіе того, что не находили подходящаго закона, или вслѣдствіе того, что дѣло было изъ ряда вонъ выходящее. Напримѣръ, въ законахъ Хаммураби были постановленія такого рода: если вдова, у которой есть малолѣтнія дѣти, выходитъ второй разъ замужъ, то она должна сказать о своемъ желаніи судьямъ; тогда судьи идутъ въ домъ ея перваго мужа и составляютъ опись всему, что осталось, и передаютъ домъ и оставшееся имущество въ управленіе вдовѣ и ея новому мужу, съ тѣмъ, чтобы они сберегли для дѣтей имущество ихъ отца; продавать такое имущество запрещалось, и продажа считалась недѣйствительной. Но какъ быть, если дѣти вдовы не малолѣтнія, а взрослыя? Объ этомъ законъ ничего не говорилъ. Когда такой случай произошелъ въ Сиппарѣ, то дѣти обратились къ царю съ просьбой передать имъ во владѣніе имущество, оставшееся отъ ихъ перваго отца. Или, напримѣръ, въ законахъ Хаммураби говорилось: если сынъ ударитъ отца,

то ему за это отрубаютъ руки; а какому наказанію подлежитъ сынъ, ударившій мать? И много другихъ случаевъ подобнаго рода возникало въ практикѣ вавилонскихъ судовъ. Во всѣхъ такихъ затруднительныхъ случаяхъ приходилось обращаться къ суду царя: царь толковалъ законъ и возвращалъ дѣло въ мѣстный судъ, который и разрѣшалъ его сообразно съ обстоятельствами. Мы понимаемъ теперь, почему вавилонскаго царя называли: царь справедливости, которому Шамашъ даровалъ правду.

Къ судьямъ обращались не только въ спорныхъ или уголовныхъ дѣлахъ, но также при заключеніи всевозможныхъ условій и договоровъ. Когда заключался бракъ, то женихъ и его невѣста, или двѣ невѣсты (случалось, что вавилонянинъ сразу бралъ себѣ двухъ женъ) шли къ судьямъ въ храмъ Шамаша и заключали тамъ брачный контрактъ. Контракты составлялись почти всегда одинаково въ такой формѣ: «такую-то взялъ для брака и супружества такой-то; столько-то секелей серебра—ея свадебный подарокъ. Если она скажетъ мужу: ты мнѣ не супругъ,—то ее бросить въ воду (или сбросить съ башни). Если мужъ скажетъ ей: ты мнѣ не жена,—то платитъ ей столько-то серебра. Шамашемъ, Мардукомъ, царемъ и Сиппаромъ они клялись». Къ судьямъ храма Шамаша шли купцы-компаньоны, когда заключали условіе о компаніи или уничтожали его; къ нимъ же обращались лица, желавшія усыновить или подарить, или завѣщать имущество. Всѣ такія условія скрѣплялись клятвой предъ богомъ Шамашемъ, поэтому и заключались такіе договоры предъ судьями храма Шамаша.

Подъ сѣнью твердыхъ законовъ и правосудія мирно

и быстро развивалась городская жизнь. Изъ всѣхъ торгово-промышленныхъ городовъ, образовавшихся за послѣдніе триста—четыреста лѣтъ до Хаммураби, самымъ большимъ и богатымъ былъ Вавилонъ. Въ Вавилонѣ были большія ремесленныя заведенія, въ которыхъ изготовлялись разнообразныя издѣлія. Въ особенности славились вавилонскіе горшечники, изго-



Клятва передъ богомъ Шамашемъ въ его храмѣ, въ Сиппарѣ.

товлявшіе изъ глины самую разнообразную посуду: кувшины, вазы, чаши, свѣтильники для масла. Эти издѣлія развозились въ далекія страны: ихъ можно было встрѣтить и во дворцѣ какого-нибудь палестинскаго князька и въ далекомъ Египтѣ. Вмѣстѣ съ ремесленными издѣліями Вавилона распространялся вавилонскій языкъ и вавилонская клинопись. Египетскіе

цари, современники Хаммураби и его отца и дѣда, вели переписку съ палестинскими князьками, которые были имъ подчинены, на вавилонскомъ языкѣ; тысячи глиняныхъ таблетокъ, писемъ палестинскихъ князей къ своему государю, были найдены въ Египтѣ въ развалинахъ «города Атона», столицѣ тогдашнихъ египетскихъ фараоновъ.

Ремесленники должны были подчиняться строгимъ правиламъ. При царѣ Хаммураби ремесленники каждаго города раздѣлялись на цехи: ремесленники одной и той же спеціальности составляли союзъ, съ выборными старшинами—такой союзъ назывался цехомъ. Каждый цехъ устанавливалъ правила, какія должны соблюдаться его членами, въ особенности относительно платы за работу: когда кто-нибудь нанималъ ремесленника, принадлежащаго къ цеху, то онъ долженъ былъ платить ему за работу установленную плату. Но зато и ремесленники не имѣли права требовать съ хозяевъ бо́льшей платы, чѣмъ было установлено. Чтобы не было никакихъ злоупотребленій и пререканій, установленные размѣры платъ различнымъ ремесленникамъ были включены въ законы Хаммураби. Былъ также установленъ размѣръ платъ за наемъ парусныхъ и гребныхъ судовъ, этихъ самыхъ важныхъ орудій передвиженія въ изрѣзанной каналами и рѣками Вавилоніи. Купцы также должны были подчиняться правиламъ, установленнымъ въ законахъ Хаммураби. Законы давали большія льготы крупнымъ оптовымъ торговцамъ и сильно стѣсняли мелкихъ купцовъ. Мелкіе купцы должны были вести строгую отчетность, чтобы оптовые купцы, продававшіе имъ товары въ кредитъ, не рисковали не получить своихъ денегъ.

Въ городахъ нужно было поддерживать порядокъ и благоустройство. Заботились объ этомъ сами горожане. Въ каждомъ городѣ былъ совѣтъ городскихъ старшинъ, подъ предсѣдательствомъ уже извѣстнаго намъ городского головы. Этотъ совѣтъ управлялъ городомъ и разбиралъ судебныя дѣла, возникавшія въ городахъ. Три самые большіе города Вавилоніи, Вавилонъ, Ниппуръ и Сиппаръ пользовались въ этомъ отношеніи особыми привилегіями. Царь не могъ самовольно собирать съ гражданъ этихъ городовъ подати, не могъ самовольно налагать на нихъ повинности и брать ихъ въ солдаты, не могъ судить или арестовывать безъ суда гражданъ этихъ городовъ. Въ грамотѣ, въ которой царь изложилъ права Вавилона, Ниппура и Сиппара, онъ призывалъ на свою голову всяческія проклятія за нарушеніе этихъ правъ: пошлетъ тогда Мардукъ на царя врага, который побѣдитъ вѣроломнаго царя, уничтожитъ его воиновъ, уведетъ его народъ въ разсѣяніе, изгладитъ памятныя слова о немъ на памятникахъ.

Такъ измѣнилась жизнь въ странѣ Тигра и Евфрата. Изъ стараго общества, картину котораго мы видѣли въ гл. V и VI, почти не осталось представителей. Исчезли патэси и ихъ сановники, прежніе крѣпостные превратились въ свободныхъ наемныхъ рабочихъ, которымъ нельзя было платить меньше, чѣмъ предписывали законы Хаммураби, земля перешла въ руки послушныхъ царю ридсабэ, лишились своихъ прежнихъ правъ и жрецы. Какъ обломки стараго величія, уцѣлѣли только жрецы Ниппура, служившіе верховному богу Энлилю. Смуты пошли имъ на пользу: они завладѣли огромными имуществами, которыя были положены

въ храмъ Энлиля на сохраненіе богатыми людьми, и теперь сумѣли воспользоваться новыми условіями вавилонской жизни, чтобы еще болѣе увеличить свои богатства. Теперь очень часто многимъ нужны были деньги для оборотовъ: купцу, чтобы заплатить за большую партію товара, купленнаго по выгодной цѣнѣ, помѣщику, чтобы обернуться до новаго урожая, даже царю, когда у него не хватало средствъ для какого-нибудь предпріятія. Жрецы Ниппура охотно давали деньги въ долгъ подъ проценты; проценты были не маленькіе, 20%—30% на выданный капиталъ. Такъ какъ жрецы давали деньги только подъ вѣрное обезпеченіе, то капиталы ихъ быстро увеличивались. Вліяніе жрецовъ Ниппура возросло настолько, что вавилонскіе цари принуждены были и имъ дать такую же жалованную грамоту, какъ и жителямъ трехъ важнѣйшихъ городовъ. Въ грамотѣ говорилось, что если царь нарушитъ права ниппурскихъ жрецовъ, то «великіе боги разгнѣваются, оставятъ свои обители и не войдутъ больше въ свои жилища». Жрецы вавилонскаго храма Э-сагила и жрецы храма бога Небо въ Борсиппѣ были тоже богаты и стремились добиться такихъ же льготъ, какъ и ниппурскіе жрецы; но ихъ слава была еще впереди.

XV.

Мардукъ, царь Вавилона.

Возвышеніе Вавилона, вокругъ котораго объединилась страна двухъ рѣкъ, повело къ большимъ пере-

мѣнамъ въ религіи. Богъ Вавилона Мардукъ былъ провозглашенъ верховнымъ вавилонскимъ богомъ; но такъ какъ онъ былъ раньше мало извѣстенъ и занималъ низшее мѣсто среди боговъ, какъ самый младшій изъ нихъ, то жрецы Мардука должны были потратить не мало трудовъ, чтобы оправдать превосходство Мардука надъ всѣми прочими богами. Работа была трудная и долгая. Пришлось пересмотрѣть и передѣлать всю старинную священную литературу, въ которой верховными богами считались Ану, Бэлъ, Эа, а самымъ святымъ и древнимъ храмомъ считался ниппурскій Экуръ. Чтобы возвеличить Мардука и его храмъ въ Вавилонѣ, Э-сагила, прежде всего нужно было передѣлать сказанія о сотвореніи міра. Такихъ сказаній было два.

Первое сказаніе гласило такъ: «священный домъ, домъ боговъ еще не былъ созданъ на святомъ мѣстѣ, тростникъ еще не произрасталъ, дерево еще не было создано, кирпичъ еще не былъ исписанъ, домъ еще не былъ построенъ, жилище еще не было возведено, людской жизни еще не было, Ниппуръ еще не былъ сдѣланъ, Экуръ еще не былъ построенъ, Эрехъ не былъ сдѣланъ, океанъ не былъ созданъ, Эриду не былъ построенъ... вся земля была моремъ, почва острововъ была рѣчнымъ потокомъ». Это начало сказанія жрецы Мардука оставили нетронутымъ; но дальше въ разсказѣ о сотвореніи міра они выпустили упоминаніе о Ниппурѣ и Экурѣ и помѣстили ихъ въ самый конецъ, а прежде всего упомянули о построеніи храма Э-сагила и Вавилона. Творцомъ міра въ этомъ разсказѣ они изобразили Мардука: «Мардукъ связалъ сплетеніе камыша на берегу водъ, сдѣлалъ

онъ землю... а чтобы боги могли жить въ удовольствіи, создалъ онъ людей... звѣрей полевыхъ и животныхъ, живущихъ въ воздухѣ, создалъ онъ, Тигръ и Евфратъ создалъ онъ, нарекъ имъ имена...»

Но гораздо важнѣе было другое сказаніе о сотвореніи міра. Объ этомъ сказаніи мы уже знаемъ—оно очень древнее и навѣяно двумя явленіями въ жизни Вавилоніи: постепеннымъ удлиненіемъ берега Персидскаго залива, который съ каждымъ десятилѣтіемъ все дальше и дальше вдвигался въ море, и ежегодными разливами Тигра и Евфрата. И то и другое явленіе казалось вавилонянамъ жестокой борьбою воды и суши, при чемъ суша, несмотря на всю ярость моря, неизмѣнно и постоянно побѣждала. Яростно бьютъ морскія волны о берегъ, на далекое пространство заливаютъ его и, кажется, совсѣмъ поглощаютъ. Но стихаетъ буря, успокаиваются волны, утихаетъ ихъ рокотъ, и отходятъ онѣ отъ берега, и что же? Суша не только не побѣждена моремъ, но отвоевала себѣ новыя владѣнія у морской стихіи: бушующія волны принесли съ собою огромныя массы песка и ила, поднявшіяся со дна взбаламученнаго моря, и отложили ихъ на низменномъ берегу; потомъ вода схлынула, а наносы остались, и такимъ образомъ суша вдвинулась въ море. Такая же борьба и съ такими же результатами ежегодно повторяется въ долинѣ между рѣкъ. Шесть недѣль льютъ зимніе ливни, болота превращаются въ озера, каналы и рѣки переполняются, бурлятъ и выходятъ изъ береговъ. Дожди кончаются, выглядываетъ весеннее солнце, но торжество водяной стихіи какъ будто еще только начинается. Разливаются Тигръ и Евфратъ, еще не успѣвшіе войти въ берега послѣ зимнихъ дождей, и почти на полгода страна превращается въ сплошное

море. Кажется, что навѣки земля погребена подъ водою; но лучи солнца дѣлаютъ свое дѣло и медленно, но неуклонно вода должна уступить мѣсто сушѣ. Обсохшія поля зеленѣютъ, на нихъ кипитъ жизнь, и къ концу лѣта водяная стихія побѣждена. Эти явленія природы сумеры издревле объясняли дѣйствіями боговъ и борьбой между ними. Кто какъ не Энлиль, богъ, живущій въ горахъ, богъ земной тверди, создаетъ сушу, борется за ея торжество надъ водной стихіей?

Водная стихія казалась двойственнымъ началомъ: съ одной стороны, она несетъ съ собой разрушеніе, грозитъ человѣку и другимъ живымъ существамъ смертью, подкапывается подъ храмы боговъ, размывая холмы, на которыхъ они построены; какъ будто нѣтъ злѣе врага для боговъ и людей. Съ другой стороны, водная стихія содержитъ въ себѣ и нѣчто творческое: она орошаетъ поля и оплодотворяетъ ихъ; когда разливаются Тигръ и Евфратъ, то надъ ними и среди водъ ихъ разлива пышно расцвѣтаетъ и растительная и животная жизнь; густо разростаются тростникъ и осока, вода кишитъ земноводными и рыбами, а надъ поверхностью водъ кружатся милліарды насѣкомыхъ, и летаютъ стаи птицъ. Эта грозная и въ то же время живительная стихія казалась сумерамъ также божественной силой; они представляли ее самоё по себѣ грозною и губительною, но вслѣдствіе вмѣшательства благодѣтельнаго Энлиля, ея злоба и разрушительность уничтожались, и оставались только благодѣтельныя свойства. Такія размышленія и дали поводъ къ созданію извѣстнаго уже намъ миѳа о борьбѣ Энлиля съ морскимъ чудовищемъ Тіаматъ передъ сотвореніемъ міра. Было время, говорилось въ этомъ миѳѣ, когда все было тьмою и водою, а въ водѣ

жили необыкновенныя чудовища, люди съ головами животныхъ, животныя съ головами людей, люди и звѣри съ головами и тѣлами лошадей и съ хвостами рыбъ, змѣи и ужасныя рыбы. Надо всѣми этими чудовищами царила богиня Тіаматъ. Тогда пришелъ Энлиль, раздѣлилъ богиню пополамъ, изъ одной половины сдѣлалъ небо, а изъ другой землю, а затѣмъ изъ своей крови сдѣлалъ людей и звѣрей, создалъ также созвѣздія, солнце, луну и планеты. Такъ былъ созданъ міръ, но страшныя чудовища, жившія первоначально въ морской безднѣ, не были уничтожены окончательно. Каждый годъ они стараются вновь разрушить созданный Энлилемъ міръ; каждый годъ волны затопляютъ подъ собою сушу; но великій богъ непобѣдимъ и каждый годъ вновь торжествуетъ побѣду надъ злыми силами. Этотъ старинный миѳъ теперь предстояло передѣлать, чтобы возвеличить Мардука и его великій городъ Вавилонъ. Миѳъ былъ превращенъ въ цѣлую поэму, раздѣленную на семь частей, по числу семи великихъ небесныхъ свѣтилъ; каждая часть была написана на особой глиняной таблеткѣ. Въ этомъ переработанномъ видѣ сказаніе пережило многіе вѣка, а его ассирійскій переводъ сохранился до нашего времени.

Поэма начинается описаніемъ воднаго хаоса, «Апсу (океана) изначальнаго», отца неба и земли, и «бурной Тіаматъ», ихъ матери; воды ихъ смѣшивались и образовывали единую хаотическую водную стихію. Прежде всего, изъ этого хаоса были сотворены боги; но не на радость для Апсу и Тіаматъ было ихъ появленіе: «были они въ смятеніи, Тіаматъ и Апсу», потому что свѣтлые боги, въ особенности Ану и Эа, были могучи, и не было имъ равнаго. И вотъ, Апсу, отецъ великихъ боговъ,

замыслилъ противъ нихъ злое, чтобы сохранить свою власть. Позвалъ онъ Мумму, вѣстника своего, и сказалъ: «о Мумму, вѣрный мой, радость моего сердца! впередъ, пойдемъ къ Тіаматъ». Пришли они къ Тіаматъ и «сговаривались противъ боговъ, дѣтей своихъ». Началъ свою рѣчь Апсу и жаловался: «ихъ дѣйствія—противъ меня, днемъ мнѣ нѣтъ покоя, ночью я не могу уснуть. Я хочу уничтожить ихъ, разрушить ихъ пути; пусть плачъ нашъ успокоится, и мы обрѣтемъ миръ». Услыхала это Тіаматъ, разгнѣвалась, и сказала: «Все, что сдѣлали мы, разрушимъ мы! Да будетъ путь ихъ полонъ горести!» «Пусть найдешь ты покой днемъ, и сонъ ночью», прибавилъ Мумму—и просіялъ ликъ Апсу. Но возсталъ противъ нихъ Эа, который все знаетъ, и заговоръ не удался; вмѣстѣ со мстителемъ Ану повергъ онъ Тіаматъ въ уныніе, а Апсу и Мумму сдѣлалъ плѣнниками. Тогда Тіаматъ стала готовиться къ рѣшительному бою, ни днемъ ни ночью не зная покоя, снѣдаемая бѣшеной злобой. Она создала себѣ страшныя полчища: произвела чудовищныхъ змѣй, съ острыми зубами, не знающихъ пощады въ битвѣ, и жилы ихъ, вмѣсто крови, наполнила ядомъ. Она одѣла въ ужасъ страшныхъ драконовъ,—кто видѣлъ ихъ, того уничтожалъ страхъ. Она вызвала къ жизни демоновъ бури, чудовищныхъ псовъ, людей-скорпіоновъ, людей-рыбъ и людей-барановъ. Всего было одиннадцать чудовищъ; самое страшное чудовище было двѣнадцатое, Кингу, котораго Тіаматъ поставила начальствовать надъ своими полчищами. Ему отдала она все въ руки и вручила ему скрижали судьбы: «призвала я тебя, будь великъ, о мой единственный супругъ! Въ сонмѣ боговъ ты будешь господиномъ, Ануннаки восхвалятъ твое имя!»

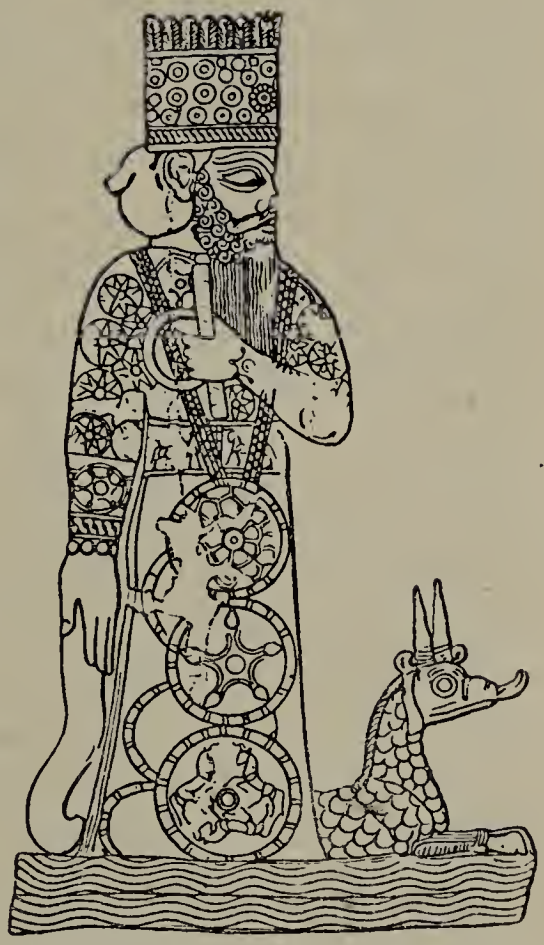
Такъ злыя стихіи готовились къ бою. Услыхалъ объ этихъ замыслахъ Эа и омрачился духомъ; приступилъ онъ къ отцу своему Аншару и сказалъ ему: «Тіаматъ, наша мать, возненавидѣла насъ; собираетъ она полчища, бушуетъ съ бѣшенствомъ. Собрались вокругъ нея всѣ боги, даже тѣ, кого создали вы; изрыгаютъ проклятія они днемъ и ночью, готовятся къ бою». И Эа описалъ всѣхъ чудовищъ, которыя Тіаматъ создала себѣ на помощь, а также страшнаго Кингу, который величается теперь, какъ Ану. Въ гнѣвѣ кусалъ Аншаръ свои губы; наконецъ, обратился онъ съ приглашеніемъ къ Ану: «О мой могучій богатырь! велика твоя сила, никто не устоитъ противъ твоего натиска. Иди, выступи противъ Тіаматъ. Пусть сердце ея успокоится, пусть гнѣвъ ея смягчится! Если не послушаетъ она твоихъ словъ, скажи ей наше слово, и пусть она успокоится». Вышелъ Ану противъ Тіаматъ, но не устоялъ противъ ея силы и вернулся обратно. Такая же участь постигла Эа. Тутъ-то, когда боги оказались въ такомъ опасномъ положеніи, вызвался быть избавителемъ юный, но любимый сынъ Аншара, Мардукъ. Когда явился Мардукъ къ Аншару, наполнилось радостью сердце великаго бога, страхъ отошелъ отъ него, и, лобзая Мардука, сказалъ Аншаръ: «сынъ мой, ты знаешь всякую мудрость! Спѣши скорѣе, кровь твоя не прольется, а выю Тіаматъ попрешь ты ногою». И возрадовался господь Мардукъ, услыхавъ слова отца, принялъ великій подвигъ на себя, но потребовалъ великой награды. «Господинъ надъ богами, вершитель ихъ судебъ! Если я, мститель за васъ, долженъ связать Тіаматъ и дать вамъ жизнь, то соберитесь на собраніе и возвеличьте мой жребій: пусть слово устъ моихъ, какъ

слово устъ вашихъ, вершитъ судьбу, пусть все, что я сдѣлаю, будетъ неизмѣннымъ, пусть будетъ неизмѣнно и нерушимо повелѣніе устъ моихъ!»

Награда, которую потребовалъ себѣ Мардукъ, была такою великою, что Аншаръ рѣшилъ собрать сейчасъ же сонмъ боговъ. Онъ послалъ вѣстника своего, Гага собирать всѣхъ боговъ на пиръ, за которымъ должна была рѣшиться судьба Мардука. Гага долженъ былъ разсказать подробно, какъ Тіаматъ приготовилась къ бою, какія полчища она создала, какъ посылалъ Аншаръ безуспѣшно противъ нея Ану и Эа, какъ вызвался итти противъ Тіаматъ Мардукъ, и какой награды онъ себѣ потребовалъ. Пошелъ Гага къ богамъ и созвалъ ихъ на пиръ. Собрались боги, великіе боги, вершители судебъ, пришли къ Аншару, объятіями привѣтствовали другъ друга и сѣли за пиръ. Они вкушали хлѣбъ и пили сладкое вино; оно опьянило ихъ, и они возрадовались, громко кричали, и сердце ихъ прыгало; и Мардуку, мстителю за нихъ, отдали они верховную власть надъ міромъ. Боги посадили его передъ собою на тронъ и обратились къ нему съ такою рѣчью: «О Мардукъ, ты возвеличенъ превыше всѣхъ великихъ боговъ, твой жребій несравненъ, твое слово, какъ слово Ану! Ты мститель за насъ, мы дали тебѣ царство надъ всей вселенной. Тотъ, кто довѣрится тебѣ, всевышній, спасетъ свою жизнь». Боги положили передъ собою одежду и сказали Мардуку: «О всевышній, первый между богами, твой жребій—разрушать и создавать. Скажи, и будетъ такъ: открой уста твои, и одежда уничтожится; скажи ей: вернись—одежда будетъ неповрежденной». Мардукъ сдѣлалъ такъ и доказалъ свою чудесную силу; тогда боги возрадовались, воздали честь ему, дали

ему тронъ, скипетръ и непобѣдимое оружіе и восклицали: «Мардукъ есть царь!»

Тогда Мардукъ сталъ готовиться къ единоборству съ Тіаматъ. Онъ сдѣлалъ себѣ лукъ и копье, предъ лицомъ своимъ поставилъ молнію; потомъ сдѣлалъ онъ сѣть, чтобы опутать ею Тіаматъ, и разставилъ ее по всѣмъ четыремъ вѣтрамъ небеснымъ, чтобы ничто не могло ускользнуть изъ нея. Создалъ онъ семь вѣтровъ и выпустилъ ихъ, чтобы они напали на полчища Тіаматъ и внесли разстройство въ ряды ихъ. Потомъ онъ, богъ бури, взошелъ на свою боевую колесницу, привязалъ къ ней безпощадные крылатые бичи, острые, напоенные ядомъ, взялъ въ руки волшебную траву и помчался, какъ буря, внизъ, въ бездну къ Тіаматъ. Увидѣли его Кингу и остальные чудовищные бгои и пришли въ смятеніе; куда дѣвалась ихъ гордыня, и ряды ихъ разстроились. Увидала его и Тіаматъ и испустила дикій вопль, но не повернулась къ нему спиной, а стала изрыгать мятежныя рѣчи. Но Мардукъ не устрашился и смѣло отвѣтилъ ей: «Ты замыслила злое, противъ боговъ, отцовъ моихъ, ты направила свою злобу! Полчища твои снаряжены, оружіе твое съ тобою—выходи же!



Мардукъ въ видѣ царя (у ногъ его Тіаматъ).

Ты и я, сразимся другъ съ другомъ!» Услыхала эти слова Тіаматъ и потеряла разумъ, стала, какъ безумная, кричала дико, какъ бѣшеная, и потрясались нѣдра водяной бездны. Произнося волшебное заклинаніе, ринулась она въ бой, и боги скрестили свое оружіе. Раскинулъ Мардукъ сѣть свою и поймалъ въ нее Тіаматъ, и выпустилъ противъ нее буйный вѣтеръ, который стоялъ сзади него. Раскрыла тутъ Тіаматъ пасть свою, чтобы проглотить его, а Мардукъ пустилъ ей въ ротъ бурный вѣтеръ, и не могла она закрыть устъ своихъ; злые вихри наполнили ея чрево, сердце ея замерло, и пасть ея осталась открытой. Тутъ ударилъ Мардукъ ее копьемъ и пронзилъ ея чрево, раздробилъ ея сердце и разсѣкъ ея внутренности. Уничтожилъ онъ ея жизнь, повергъ ее бездыханнымъ трупомъ и наступилъ на него ногой. Потомъ онъ разсѣялъ ея полчища: они содрогнулись, они повернулись спиной къ нему, они бросились бѣжать, чтобы спасти жизнь свою, но не могли ускользнуть отъ судьбы своей. Мардукъ поймалъ ихъ въ сѣти и сковалъ ихъ, заключилъ ихъ въ темницу, и они наполнили ее криками горести. Съ груди Кингу сорвалъ онъ скрижали судебъ, запечаталъ ихъ своею печатью и прикрѣпилъ ихъ къ своей груди. Боги возрадовались, видя подвиги своего любимца, принесли ему дары и подарки. Потомъ вернулся Мардукъ къ Тіаматъ и задумалъ онъ искусное дѣло. Онъ раздѣлилъ чудовищную плоть Тіаматъ, разрѣзалъ ее вдоль, какъ рыбу, на двѣ части; одну половину водрузилъ и покрылъ ею небо. Онъ сдѣлалъ въ ней запоры и поставилъ стражей, чтобы не выпускали они воду. На небѣ построилъ онъ дворецъ Эшарру, великій, какъ небо, и поселилъ тамъ великихъ боговъ, Ану, Бэла и Эа.

На небѣ водрузилъ онъ звѣзды, опредѣлилъ годъ, установилъ двѣнадцать мѣсяцевъ, сѣверный полюсъ (nibiru), и всѣмъ звѣздамъ опредѣлилъ твердый путь, чтобы ни одна не заблудилась. Съ двухъ концовъ неба онъ сдѣлалъ большія ворота, справа и слѣва сдѣлалъ запоры. Потомъ засвѣтилъ на небѣ мѣсяцъ (бога Сина), поручилъ ему ночь и заповѣдалъ ему, какъ должны совершаться его фазы; потомъ засвѣтилъ солнце и опредѣлилъ и его дорогу; наконецъ, создалъ на небѣ небесный Вавилонъ и храмъ Э-сагила. Изъ другой половины тѣла Тіаматъ создалъ Мардукъ землю, растенія и животныхъ*), а потомъ приступилъ къ увѣнчанію творенія, къ созданію человѣка. Замыслилъ онъ премудрое и сказалъ богамъ: «возьму я кровь мою и кость мою и возставлю человѣка... Человѣка я сдѣлаю жить (на землѣ), чтобы служилъ онъ богамъ».

Такъ завершено было твореніе. Тогда возрадовались боги и снова собрались на пиръ; сѣли въ кругъ, Мардукъ сѣлъ на тронъ, и всѣ боги воспѣли ему хвалебный гимнъ. «Ты первый среди всѣхъ властелиновъ, ты царь сонма боговъ, господинъ надъ царями! Владѣй прошедшимъ и будущимъ! Ты прошелъ безъ отдыха чрезъ нѣдра Тіаматъ: пусть имя твое будетъ Нибиру! Утверждай пути звѣздъ небесныхъ, паси въ мирѣ всѣхъ боговъ, какъ свое стадо! Связывай вѣчно Тіаматъ, стѣсняй и сокрушай ея жизнь! Пусть раздается хвала тебѣ неумолчно, пусть звучитъ она вѣчно, ибо ты создалъ небо и сотворилъ землю!» Тутъ поднялся владыка земли,

*) То мѣсто въ таблицѣ, гдѣ разсказывается о сотвореніи земли, растеній и животныхъ, дошло въ очень испорченномъ видѣ. Мѣстами текстъ совсѣмъ стерся, мѣстами очень неразборчивъ.

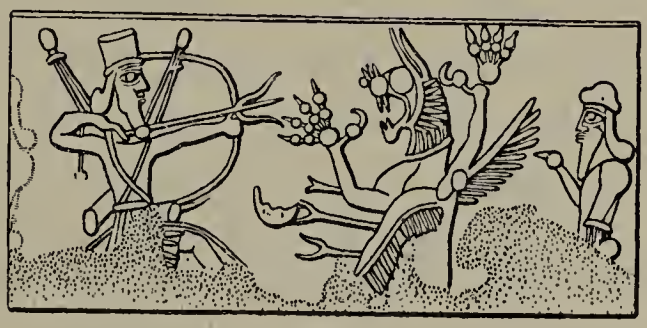
Энлиль-Бэлъ, и нарекъ ему свое имя—и этимъ именемъ назвали хоромъ его всѣ Игиги. Услыхалъ это Эа, и возрадовалось его сердце. «Онъ, чье имя возвеличили его отцы! Пусть онъ, какъ и я, называется Эа! Всѣ мои заповѣди я ему поручаю!» Тутъ возвысили свой голосъ всѣ боги и призывали пятьдесятъ именъ Мардука.

«Пусть помнятъ эти имена! Пусть старѣйшій имъ учитъ,
Пусть мудрецъ и ученый размышляютъ о нихъ вмѣтѣ,
Пусть отецъ ихъ повторитъ, пусть сынъ ихъ запомнитъ,
Пусть пастырь откроетъ для нихъ свои уши!
Пусть онъ радуется о господинѣ боговъ, Мардукѣ,
И земля его будетъ благоденствовать, и самъ онъ будетъ счастливъ!»

Эта поэма была однимъ изъ самыхъ любимыхъ произведеній вавилонской литературы. Борьба Мардука съ Тіаматъ стала любимымъ сюжетомъ для изображеній на печатяхъ и на стѣнахъ дворцовъ и храмовъ. На цилиндрахъ изображали Мардука въ видѣ воина-охотника, съ натянутымъ лукомъ въ рукахъ; за спиною у него колчанъ и палица. Онъ готовится пустить стрѣлу въ Тіаматъ, стоящую передъ нимъ съ разинутой пастью, Тіаматъ изображена въ видѣ многорукаго крылатаго чудовища, а сзади ея робко жмется Кингу. На другихъ цилиндрахъ Тіаматъ изображалась въ видѣ змѣи съ чудовищной головой дракона или въ видѣ крылатаго чудовища съ туловищемъ коня и съ орлиной головой. Въ болѣе позднее время на стѣнахъ ассирійскихъ дворцовъ Тіаматъ изображалась бѣгущей отъ поражающаго ее Мардука.

Въ поэмѣ Мардукъ возвеличенъ превыше всѣхъ другихъ боговъ: не только боги признаютъ его своимъ господиномъ, но Мардукъ получаетъ имена и власть великихъ боговъ, Бэла и Эа. На практикѣ вавилонскіе жрецы больше всего старались о томъ, чтобы

устранить соперничество Мардука съ Бэломъ-Энлилемъ. Эа казался имъ не такимъ опаснымъ соперникомъ Мардука, какъ Бэлъ. Правда, Эа былъ старинный и очень почитаемый богъ; но его городъ, Эриду, давно уже пришелъ въ упадокъ, сравнительно съ другими городами. Эриду когда-то въ глубокую старину, еще до возвышенія Киша и Ширпурлы, пользовался большимъ значеніемъ; но потомъ онъ отсталъ отъ другихъ, и въ ту эпоху, отъ которой сохранились письменные памятники, онъ никогда не пользовался верховенствомъ надъ другими городами. Ни одному изъ патэси Эриду не удалось стать царемъ, въ то время какъ сосѣдніе патэси Ура, Эреха, Ширпурлы не разъ достигали этого званія. Поэтому, какъ Эриду не могъ стать соперникомъ Вавилона, такъ и Эа не могъ стать соперникомъ Мардука. По старому обычаю въ легендахъ и сказаніяхъ отводили Эриду одно изъ первыхъ мѣстъ, а Эа помѣщали рядомъ съ Ану и Бэломъ, не опасаясь, что отъ этого можетъ произойти умаленіе достоинства Мардука.



Бой Мардука съ Тіаматъ (съ цилиндра).

Совсѣмъ другое положеніе дѣла было по отношенію къ Бэлу-Энлилю. Хотя патэси Ниппура никогда не носили титула царей, но, какъ мы уже знаемъ, Ниппуръ былъ святымъ городомъ и для сумеровъ и для семитовъ, и доселѣ всѣ цари, и сумерійскіе и семитскіе, считали долгомъ получить благословеніе верховнаго жреца Энлиля. Поэтому, Энлиль былъ очень опаснымъ соперникомъ Мардуку. Вавилонскіе цари и жрецы бога

Мардука чувствовали необходимость какъ-нибудь устранить это невыгодное для Мардука соперничество. Единственнымъ средствомъ для этой цѣли было отождествленіе Мардука съ Бэломъ. Въ только что изложенной поэмѣ о сотвореніи міра, составленной въ Вавилонѣ, честь борьбы съ Тіаматъ и побѣды надъ нею отнята у Бэла и приписана Мардуку. Мардукъ посрамилъ всѣхъ старыхъ боговъ: Аншаръ не осмѣлился выйти противъ Тіаматъ, Ану и Эа позорно бѣжали отъ одного вида чудовищной богини, Мардукъ же, самый юный изъ всѣхъ боговъ, вызвался смѣло итти на бой и побѣдилъ страшную богиню, спасъ боговъ и сотворилъ міръ. Всѣ эти подвиги приписывались ранѣе Бэлу-Энлилю; теперь Бэлъ скромно остался въ сторонѣ, въ качествѣ простого наблюдателя. Въ награду за побѣду Бэлъ нарекаетъ Мардука своимъ именемъ, и съ этихъ поръ Бэлъ и Мардукъ становятся какъ бы однимъ божествомъ. Во многихъ гимнахъ, въ которыхъ ранѣе прославлялся Бэлъ, его имя замѣнялось двойнымъ именемъ Бэла-Мардука. Жилище Бэла, Экуръ, было объявлено жилищемъ и Мардука. Въ одномъ гимнѣ, сложенномъ въ честь Мардука, говорилось такъ: «Пусть радуется о тебѣ Э-сагила, твой царственный дворецъ, пусть городъ твой скажетъ тебѣ— покойся!.. Ты господь, вседержитель, живущій въ Экурѣ, пусть покоится твой божественный духъ!.. Ниппуръ, городъ свой не отвергни! Покойся, господи,—пусть скажутъ тебѣ они (жители Ниппура)». И какъ въ Экурѣ покой Бэла и его супруги былъ окруженъ маленькими храмами, въ которыхъ жили остальные боги Сеннаара, такъ устроено было и въ Э-сагила. Э-сагила была, подобно Экуру, цѣлымъ

скопищемъ храмовъ. Въ оградѣ Э-сагила, на обширномъ пространствѣ, саженъ 50 въ ширину и саженъ 75 въ длину, было сосредоточено около двадцати храмовъ различныхъ боговъ. Самые большіе храмы были посвящены Мардуку и его супругѣ Сарпанитумъ; затѣмъ былъ здѣсь храмъ богу Эа, «отцу Мардука, царю океана», и храмъ Ану, богу неба; особаго храма Энлилю-Бэлу не было—ибо къ чему такой храмъ, разъ Бэлъ слился со своимъ великимъ сыномъ Мардукомъ. Изъ остальныхъ храмовъ выдѣлялись храмы Нуску, огнеочистителю, и Нэбо, или Набу, богу сосѣдней съ Вавилономъ Борсиппы. Этотъ городъ соперничалъ долгое время съ Вавилономъ, и потому вавилонскіе жрецы не могли пренебречь его богомъ. Чтобы обезвредить соперничество Небо, его провозгласили сыномъ Мардука. Въ гимнахъ стали обращаться къ нему съ такими словами: «царь Борсиппы, сынъ Э-сагила», «господь, первородный сынъ Мардука, властитель, возвышенное созданіе Сарпанитумъ». Впослѣдствіи первенство Мардука старались показать еще яснѣе и опредѣленнѣе. Стали высказывать мнѣніе, что единый богъ—только Мардукъ; всѣ прочіе боги—только различныя проявленія Мардука. Былъ составленъ такой интересный гимнъ:

Нинибъ есть Мардукъ силы,
Нергаль есть Мардукъ битвы,
Самалмаль есть Мардукъ сраженія;
Энлиль есть Мардукъ господства и власти,
Небо есть Мардукъ верховнаго надзора,
Синъ есть Мардукъ ночного свѣта,
Шамашъ есть Мардукъ приговоровъ *),
Ададъ есть Мардукъ ливней.

*) Богъ солнца былъ, какъ мы знаемъ, богомъ правосудія.

Такъ возвеличился Мардукъ, царь Вавилона. Вмѣстѣ со славой Вавилона распространилась по всему свѣту и его слава. Въ особенности широко распространилось сказаніе о борьбѣ Мардука съ Тіаматъ. Сказаніе это проникло въ среду ученаго іудейства; іудеи переняли его, передѣлали по-своему и включили въ Библію; впослѣдствіи библейское сказаніе о сотвореніи міра распространилось по всему міру. «Вначалѣ сотворилъ богъ небо и землю. И земля была пуста и безформенна, и тьма надъ лицомъ Tehôm (=Тіаматъ)». Это слово Tehôm обыкновенно понимаютъ въ значеніи «водный хаосъ». Далѣе въ I главѣ книги Бытія разсказывается о томъ, какъ богъ творилъ міръ. Сначала онъ отдѣлилъ свѣтъ отъ тьмы, и земной океанъ отъ небеснаго; далѣе сотворилъ небесныя свѣтила: солнце, чтобы господствовать надъ днемъ, луну, чтобы господствовать надъ ночью, и звѣзды, и опредѣлилъ по нимъ время, дни и годы. Потомъ сотворилъ землю и всѣ земныя растенія и животныя; вѣнцомъ же творенія былъ человѣкъ. Какъ Мардукъ взялъ свою кровь и кость, чтобы сотворить человѣка, такъ и богъ въ I гл. кн. Бытія сказалъ: «сотворимъ человѣка по образу и подобію нашему». Въ библейскомъ разсказѣ, правда, ничего не говорится о той борьбѣ бога съ воднымъ хаосомъ, которая предшествовала мірозданію. Но благочестивый авторъ этого разсказа, очевидно, не считалъ возможнымъ такое единоборство. Онъ твердо вѣрилъ въ несокрушимое могущество единаго бога и не хотѣлъ допустить и мысли о томъ, чтобы существовала какая-нибудь сила, которая въ состояніи была бы съ богомъ бороться. Однако, его менѣе строгіе, но не менѣе благочестивые соплеменники были увѣрены, что богъ Ягве, подобно Мардуку, передъ

сотвореніемъ міра долженъ былъ выдержать борьбу со страшными морскими чудовищами. Пророкъ Іезекіиль разсказываетъ, что ему было такое повелѣніе отъ Ягве: «сынъ человѣческій, подними погребальный плачъ по египетскомъ фараонѣ и скажи ему: ты былъ, какъ драконъ въ морѣ, вздымался своими потоками, мутилъ воду своими ногами и бѣшено вскидывалъ свои волны. Такъ говоритъ Ягве: наброшу я на тебя свою сѣть, поймаю тебя въ мои тенета, повергну тебя на землю, брошу тебя на чистое поле. Птицы небесныя налетятъ на тебя, звѣри со всей земли насытятся тобою. Плоть твою я брошу на горы, твоею падалью наполню долины, потоки наполнятся твоею кровью». Другой пророкъ, неизвѣстный пророкъ эпохи плѣна, также изображаетъ Ягве въ видѣ побѣдителя надъ древнимъ дракономъ:

Возстань, возстань, вооружись силою,
Десница Ягве!
Возстань, какъ въ дни прежніе,
Въ дни поколѣній сѣдой старины!
Не ты ли раздробилъ Рахава,
Посрамилъ Дракона?
Не ты ли высушилъ море,
Воды великой бездны?

Псалмы также часто упоминаютъ о борьбѣ Ягве съ морскими чудовищами, которыя называются то Рахавомъ, то Дракономъ, то Левіаѳаномъ; ихъ сопровождаютъ другія мелкія чудовища, «рыбье отродье» водъ Дракона; всѣ они—враги Ягве, а предводительница ихъ обуялась великой гордынею, которую Ягве усмиряетъ; тогда всѣ помощники Дракона разсѣиваются

въ разныя стороны, или падаютъ къ его ногамъ, а Ягве отрубаетъ имъ головы.

Такъ въ умы вавилонянъ и ихъ сосѣдей внѣдрилось представленіе о борьбѣ божества съ морскимъ дракономъ при сотвореніи міра. Съ теченіемъ времени въ Вавилоніи сталъ распространяться взглядъ, что эта борьба не была первою и послѣдней. Многіе были убѣждены, что все зло въ мірѣ происходитъ отъ того, что чудовища, съ которыми боролось божество при сотвореніи міра, не умерщвлены окончательно, но только присмирѣли, обузданы на время. Время отъ времени они вновь показываютъ свою силу, вновь выходятъ на борьбу со свѣтлыми божествами. Ежегодные разливы Тигра и Евфрата послѣ зимнихъ ливней, затоплявшіе всю Вавилонію, превращавшіе ее въ сплошное море, стали казаться такими новыми выступленіями усмиренныхъ, но не уничтоженныхъ водныхъ чудовищъ противъ Мардука и его творенія. Затопляя сушу, размывая плотины, разрушая дома и цѣлыя селенія, водныя стихіи какъ бы силятся уничтожить творенія Мардука. Тутъ и воды небесныя, и воды земныя одинаково противятся волѣ обуздавшаго ихъ божества. Воды небесныя лились сначала, невзирая на крѣпкіе запоры, которыми закрылъ Мардукъ всѣ отверстія въ небѣ; воды земныя какъ бы прорывались со дна Тигра и Евфрата вслѣдъ за водами небесными. Тіаматъ опять бушевала противъ Мардука, но, какъ и при началѣ міра, бѣшенство ея было безплодно, и вновь ей приходилось смиряться. По представленію вавилонянъ, Мардукъ выходилъ противъ нея въ видѣ весенняго солнца, которое своими лучами, какъ смертоносными для водной стихіи стрѣлами, постепенно побѣждаетъ

ее: изсушаетъ ея воды, а оставшіяся распредѣляетъ по полямъ и лугамъ. Такъ вновь губительная стихія превращалась въ животворную влагу, которая давала бытіе растеніямъ и животнымъ, человѣку и богамъ. Ибо богамъ во время торжества водяной стихіи грозила не менѣе горькая участь, чѣмъ прочимъ живымъ существамъ. Вѣдь боги живутъ жертвами и приношеніями, которыя приносятъ имъ люди изъ продуктовъ полей и изъ стадъ, пасущихся на поляхъ; но погибнетъ жизнь, погибнутъ люди, погибнутъ и боги, ибо некому будетъ служить имъ. Каждый годъ повторяется одна и та же борьба, каждый годъ вновь бушуетъ Тіаматъ, каждый годъ побѣждаетъ ее юный Мардукъ, весеннее солнышко. Міръ каждый годъ какъ бы гибнетъ подъ волнами и каждый годъ какъ бы вновь возрождается; твореніе міра повторяется ежегодно.

Это представленіе также получило распространеніе за предѣлами Вавилоніи; но такъ же, какъ и сказаніе о сотвореніи міра, оно было нѣсколько измѣнено. Іудейскіе ученые, которые во время вавилонскаго плѣна близко познакомились съ вавилонской мудростью и ученостью, стали представлять себѣ, что конецъ міра будетъ такой же, какъ и его начало. Вражескія силы, побѣжденныя, но не уничтоженныя рукою Ягве— думали книжники—не дремлютъ, но по временамъ вновь вступаютъ въ борьбу съ Ягве и съ его избраннымъ народомъ. Израиль и Іуда—созданія Ягве; всѣ народы, которые ихъ преслѣдуютъ—все равно, что древній драконъ, ветхій змій. Въ видѣ дракона изображалъ фараона египетскаго пророкъ Іезекіиль; авторъ книги Даніила изобразилъ въ такомъ же видѣ всѣ міровыя царства, подъ властью которыхъ приходилось изнывать сынамъ

Израиля и Іуды. Книга была написана лѣтъ за 160 до Р.Х., когда сыны Іуды подвергались жестокимъ преслѣдованіямъ со стороны сирійскаго царя Антіоха Епифана; авторъ ея хотѣлъ утѣшить соплеменниковъ надеждой на скорое избавленіе. Онъ говоритъ, что было ему видѣніе: надъ великимъ моремъ забушевали четыре вѣтра небесные, воды разверзлись, и вышли изъ нихъ одно за другимъ четыре чудовищныхъ звѣря. Первый былъ по

Мардукъ и Тіаматъ (ассир. рельефъ).

виду левъ, но съ крыльями орла, и стоялъ на ногахъ, какъ человѣкъ—именно такъ изображали иногда художники богиню Тіаматъ на картинахъ, украшавшихъ стѣны дворцовъ ассирійскихъ владыкъ. Второй былъ подобенъ медвѣдю, съ тремя ребрами во рту, и пожиралъ много мяса. Третій былъ точно пантера, но съ четырьмя крыльями и съ четырьмя головами; послѣдній звѣрь былъ страшнѣе всѣхъ, съ десятью рогами, съ желѣзными зубами; видъ его былъ такъ страшенъ,

что и описать было невозможно. Онъ ведетъ войну со «святыми всевышняго»; но господь въ концѣ концовъ убиваетъ его и отдаетъ царство свое «какъ бы человѣку». Авторъ книги Даніила тутъ же объясняетъ, что́ означаютъ эти четыре звѣря: это четыре царства, по очереди властвовавшія надъ Израилемъ. Послѣдній звѣрь— греческое (сирійское) царство, которое ведетъ послѣдній отчаянный бой съ Ягве и его народомъ. Произойдетъ послѣдняя борьба, звѣрь будетъ побѣжденъ, и божество вмѣстѣ съ избраннымъ народомъ получитъ окончательно власть и силу.

Прошла тяжелая година преслѣдованій Антіоха Епифана; страшный судъ не наступилъ, и іудеи, послѣ недолгаго самостоятельнаго существованія подпали снова подъ власть иноземной державы, Римской имперіи. Временами и владычество Рима становилось для нихъ невыносимо тяжело, настолько тяжело, что они съ отчаяніемъ въ душѣ жаждали кончины міра, извѣрившись въ возможность для нихъ человѣческаго существованія въ земной жизни. Появлялись новыя поучительныя сочиненія, изображавшія послѣднія времена міра, такъ называемые апокалипсисы (откровенія); эти апокалипсисы на разные лады повторяли все ту же мысль: конецъ міра будетъ такой же, какъ его начало. Особенно интересенъ небольшой апокалипсисъ, который отъ іудеевъ перешелъ къ первоначальнымъ христіанамъ и былъ помѣщенъ въ такъ называемое «Откровеніе Іоанна» *). Авторъ Откровенія Іоанна разсказываетъ, что онъ

---

*) Авторъ этого сочиненія воспользовался тремя различными апокалипсисами и искусно соединилъ ихъ въ одну страшную картину, изображающую послѣднія судьбы міра.

видѣлъ, какъ вышелъ изъ моря страшный драконъ, съ семью головами и десятью рогами; какъ разъ въ это время отъ чудесной женщины, одѣтой въ солнце и съ луною подъ ногами, рождается Мессія (=Мардукъ), которому суждено погубить дракона. Спасаясь отъ дракона, жена убѣгаетъ въ пустыню; драконъ пускаетъ вслѣдъ за ней струю воды, но не можетъ поглотить ее. Тутъ вступаются за женщину небожители, Михаилъ съ остальными ангелами, и происходитъ бой; драконъ и всѣ ангелы его были побѣждены и сброшены съ неба на землю. Тогда драконъ, не будучи въ силахъ помѣшать рожденію будущаго Мессіи, начинаетъ преслѣдовать избранный народъ божій, а на небѣ въ это время растетъ рожденный женою будущій избавитель. Этотъ бой происходитъ въ началѣ временъ; къ концу времени произойдетъ послѣдній бой Мессіи съ дракономъ. Мессія на бѣломъ конѣ, съ увѣнчанной главою, съ огненными очами выйдетъ на бой съ древнимъ дракономъ, съ нимъ выйдутъ всѣ воинства небесныя. Драконъ также выйдетъ со своими приспѣшниками, безчисленными, какъ песокъ морской; но Мессія побѣдитъ его, повергнетъ на землю и уничтожитъ его въ озерѣ, горящемъ сѣрою. Вслѣдъ за этимъ Мессія заново сотворитъ міръ: сотворитъ новыя небеса и новую землю вмѣсто прежнихъ земли и неба, и на новомъ небѣ создастъ новый Іерусалимъ, который станетъ мѣстомъ блаженства для Мессіи и увѣровавшихъ въ него.

Откровеніе Іоанна было очень популярною книгою, и его страшныя картины получили широкое распространеніе, Такъ, невѣдомо для почитателей этого сочиненія, распространялась по всему свѣту легенда о Мардукѣ и Тіаматъ.

XVI.

Тайна жизни и смерти.

Мардукъ, царь Вавилона, ставшій теперь «владыкой владыкъ и царемъ царей», не могъ, однако, совершенно затмить собою другихъ боговъ, почитавшихся во всей Вавилоніи. Мѣстные боги теперь изображались въ видѣ послушной свиты Мардука, живущей вокругъ его святилища въ Э-сагила; но кромѣ мѣстныхъ боговъ, были въ Вавилоніи божества, которымъ воздавали поклоненіе повсюду, ибо они считались покровителями и царями производительныхъ силъ природы. Такими божествами были уже извѣстные намъ богиня Иштаръ и ея супругъ Таммузъ, сынъ бога Эа, «истинный сынъ водяной бездны». Почитаніе Таммуза и Иштаръ было широко распространено среди земледѣльцевъ. Это были любимыя народныя божества, про которыхъ сложились трогательныя сказанія, пѣлись печальныя и веселыя пѣсни.

Каждый годъ весною расцвѣтаетъ растительность на землѣ; изъ нѣдръ земли появляются нѣжные зеленые ростки, одѣвающіеся потомъ пышнымъ цвѣтомъ. Луга пестрѣютъ цвѣтами, поля колосятся, зерна наливаются; въ нѣгѣ и счастіи замираетъ подъ горячими лучами солнца вся природа. Но юность и красота недолговѣчны. Скоро свѣжія, яркія краски блекнутъ, гибкіе стебли засыхаютъ и становятся ломкими, цвѣты увядаютъ, трава желтѣетъ, колосья гнутся и ломаются подъ тяжестью своего зерна. Солнце нещадно палитъ, и подъ его лучами умираетъ всякая растительная жизнь; потомъ приходятъ зимніе ливни, которые какъ будто

довершаютъ губительную работу солнца. Такъ идетъ дѣло до весны, когда вновь въ нѣдрахъ земли возрождаются силы, и вновь возрождается растительная жизнь.

Какъ объяснить этотъ круговоротъ появленія и умиранія растительной жизни? Гнѣвная Тіаматъ хочетъ зимой разрушить жизнь, но Мардукъ побѣждаетъ ее; жизнь вновь возвращается. Отчего же погибаетъ жизнь позднимъ лѣтомъ? Должно быть,—думали вавилоняне,—тамъ, въ нѣдрахъ земли, откуда выходятъ ростки всѣхъ растеній, тоже идетъ борьба между жизнью и смертью, происходитъ перемѣнное умираніе и воскресеніе. Когда въ нѣдрахъ земли побѣждаетъ смерть, тогда травы и деревья вянутъ и блекнутъ; когда побѣждаетъ жизнь, они вновь зеленѣютъ, цвѣтутъ и благоухаютъ. Тамъ, въ нѣдрахъ земли, есть, слѣдовательно, какая-то божественная творческая сила; тамъ же, въ нѣдрахъ земли, есть и губительная смерть, страшная Эрешкигаль, со своими отвратительными спутниками. Но если есть божество смерти и гибели, то должно быть также божество и жизни, божество, которое тамъ, въ нѣдрахъ земли, лелѣетъ нѣжные зародыши растеній, питаетъ ихъ и пробиваетъ имъ дорогу на поверхность земли, къ свѣтлому солнышку. Такимъ божествомъ и считался Таммузъ; «истинный сынъ водяной бездны», онъ живетъ въ нѣдрахъ земли. Весной, подъ его благостными заботами, все на землѣ цвѣтетъ и благоухаетъ; въ концѣ лѣта онъ умираетъ, и тогда блекнетъ и вянетъ растительность. Мертвымъ сномъ спитъ онъ до новой весны, когда вновь онъ оживаетъ, и тогда вновь загорается на землѣ жизнь.

Много сказаній и много пѣсенъ было о Таммузѣ; печальными, заунывными напѣвами звучали они осенью,

когда справлялся праздникъ плача по умершемъ Таммузѣ; плакала тогда свирѣль, любимый музыкальный инструментъ Таммуза, изображавшагося часто въ видѣ пастуха. Самое трогательное и самое поэтическое сказаніе о Таммузѣ разсказывало о томъ, какъ хотѣла вернуть его къ жизни его возлюбленная супруга, богиня любви и плодородія Иштаръ. Для этого пришлось ей сойти въ преисподнюю и вытерпѣть тамъ тяжкія

Иштаръ, богиня плодородія.

мученія. Это сказаніе послужило сюжетомъ для цѣлой большой поэмы.

«Въ страну, откуда нѣтъ возврата, Иштаръ, дочь Сина, рѣшила итти... въ домъ мрака, жилище Нергаля*), въ домъ, откуда не возвращается туда входящій, на стезю, по которой никто не возвращается назадъ, въ жилище, гдѣ всякій, проникшій туда, не видитъ свѣта, гдѣ прахъ служитъ пищей, земля—ѣдой! Кто живетъ тамъ,—не ви-

*) Нергаль считался супругомъ Эрешкигаль.

дитъ свѣта, живетъ во мракѣ, одѣтъ, какъ птица, въ крылатую одежду; на дверяхъ и замкѣ нависла тамъ пыль». Въ эту страшную страну рѣшила итти любвеобильная богиня, рѣшила—и пошла. У дверей преисподней увидала она привратника и потребовала, чтобы открылъ онъ дверь: «не то разнесу я дверь, сломаю засовъ, разрушу порогъ, сокрушу запоры, выпущу мертвецовъ, и они пожрутъ живыхъ, и будетъ мертвыхъ больше, чѣмъ живыхъ». Привратникъ отвѣтилъ: «подожди, госпожа, не сокрушай двери: я пойду, возвѣщу имя твое моей владычицѣ Эрешкигаль». Услыхала Эрешкигаль и пришла въ ярость: «иди, привратникъ, открой ей дверь; поступи съ нею по древнимъ законамъ». Пошелъ привратникъ, открылъ ей дверь: «войди, госпожа моя, пусть чертогъ страны безъ возврата возрадуется твоимъ видомъ!» Открылъ ей первую дверь онъ, пустилъ ее, но сорвалъ съ головы ея великолѣпный вѣнецъ. «Зачѣмъ, о привратникъ, сорвалъ ты великую корону съ головы моей?»—«Войди, госпожа моя, таковы повелѣнія владычицы земли». За первой дверью вторая дверь; тутъ привратникъ сорвалъ съ нея ея серьги, и на тотъ же вопросъ Иштаръ послѣдовалъ такой же отвѣтъ. Идетъ Иштаръ дальше, и у каждой двери безжалостно срываютъ съ нея ея украшенія со словами: «войди, госпожа моя, таковы повелѣнія владычицы земли». Сняли ожерелье съ шеи ея, повязку съ груди ея, поясъ съ таліи ея, браслеты съ рукъ и ногъ ея; вотъ седьмая дверь—и тутъ сорвали съ бедеръ ея покровъ наготы ея. Нагая, лишенная всѣхъ украшеній, предстала Иштаръ передъ Эрешкигаль и, не раздумывая, ринулась на нее; Эрешкигаль затрепетала, раскрыла пасть свою и позвала страшнаго Намтару: «Иди, Нам-

тару, запри ее во дворцѣ моемъ, напусти на нее шестьдесятъ болѣзней! Напусти болѣзнь глазъ на глаза ея, болѣзнь реберъ на ребра ея, болѣзнь ногъ на ноги ея, болѣзнь сердца на сердце ея, болѣзнь головы на голову ея, всѣ болѣзни напусти на нее!» Иштаръ мучилась въ преисподней, а на землѣ прекратилось зачатіе и рожденіе: быкъ не приближался къ коровѣ, оселъ къ ослицѣ, мужъ къ женѣ. Вмѣстѣ съ растительной жизнью, увядшей со времени смерти Таммуза, грозила прекратиться и жизнь живыхъ существъ.

Не могли потерпѣть этого небесные боги. Пошелъ Шамашъ, сталъ плакать передъ Синомъ, отцомъ своимъ; дошли слезы его до царя Эа. «Сошла Иштаръ въ нѣдра земли, не выходитъ назадъ! Быкъ не приближается къ коровѣ, оселъ къ ослицѣ, мужъ къ женѣ!» И создалъ мудрый Эа искупительную жертву, чтобы освободить Иштаръ, назвалъ новое существо Азушунамиромъ. «Иди, Азушунамиръ, обрати лицо твое къ вратамъ страны безъ возврата! Пусть семь дверей страны безъ возврата откроются передъ тобой! Пусть увидитъ тебя Эрешкигаль и возрадуется въ твоемъ присутствіи! Когда успокоится ея сердце, и просвѣтится ея душа, заклинай ее именемъ великихъ боговъ: о владычица моя, пусть дадутъ мнѣ живой воды, и я буду пить ее!» Спустился Азушунамиръ въ преисподнюю, сказалъ такъ Эрешкигаль; услыхала Эрешкигаль, ударила себя по бедру, укусила себѣ палецъ, ибо волшебныя были тѣ слова, какія сказалъ ей Азушунамиръ. На немъ рѣшила она излить гнѣвъ свой, а богиню Иштаръ должна была воскресить и отпустить. «Пойдемъ, Азушунамиръ, возвеселю я тебя! Опьянѣніе и жажда омрачатъ твою ра-

дость!» А Намтару она дала такое приказаніе: «окропи Иштаръ живой водой и уведи ее отъ меня!» Пошелъ Намтару, окропилъ Иштаръ живой водой и повелъ ее назадъ изъ страны, откуда нѣтъ возврата, чрезъ всѣ семь дверей; у каждой двери возвращалъ ей отнятыя одежды и украшенія ея. Но освобожденіе Иштаръ было неполно безъ освобожденія ея супруга Таммуза. Приходится адской богинѣ повелѣть Намтару: «омой живой водой Таммуза, возлюбленнаго ея юности, намажь его лучшимъ масломъ, одѣнь его въ праздничное платье, и онъ заиграетъ на своей флейтѣ изъ ляписъ-лазури». И когда воскресшій Таммузъ заигралъ на своей флейтѣ, плакальщики и плакальщицы весело заиграли вмѣстѣ съ нимъ, а мертвецы могли выйти наверхъ, на свѣтъ божій, и вдыхать благовонный ѳиміамъ, клубившійся съ алтаря юнаго воскресшаго бога.

Въ честь Таммуза совершался главный праздникъ осенью, въ мѣсяцѣ Таммузѣ, названномъ такъ въ честь подземнаго супруга Иштаръ. Это былъ погребальный праздникъ, сопровождавшійся дикими причитаніями плакальщиковъ и плакальщицъ; наиболѣе ревностные почитатели Таммуза бичевали себя и рвали на себѣ волосы. Жалобно звучала погребальная пѣснь богини Иштаръ въ честь умершаго Таммуза:

Господь судьбы больше не живетъ, господь судьбы больше не живетъ!..
Супругъ мой больше не живетъ!..
Господь земныхъ нѣдръ больше не живетъ,
Пастырь, господь Думузи, больше не живетъ,
Супругъ небесной владычицы больше не живетъ...
Тотъ, кто лелѣетъ ростки на землѣ, больше не живетъ,

Владыка земной силы больше не живетъ!..
Какъ дикій волъ, лежитъ онъ, какъ овца, лишившаяся ягненка
своего, недвижимъ онъ!
«Мужественный, господинъ мой, гдѣ онъ?» скажу я,
«Пищи не вкушаю я», скажу я,
«Воды не пью я», скажу я.
Его могучая рука недвижна,
Его флейта заглушена вѣтромъ,
Его пѣснь неслышна за бурей!..

Весной справлялся, одновременно съ наступленіемъ новаго года, праздникъ Загмукъ, въ честь воскресшаго бога Таммуза. Тогда воздухъ оглашался веселыми звуками флейтъ и радостными гимнами. Но весенній праздникъ въ честь Таммуза утратилъ свое значеніе съ тѣхъ поръ, какъ возвысился Мардукъ, и слился съ весеннимъ праздникомъ въ честь Мардука. На этомъ праздникѣ чествовали Мардука, побѣдителя Тіаматъ и вершителя судебъ. Изъ храма Э-сагила несли его серебряное изображеніе въ особый храмъ, «палату судебъ», а вслѣдъ за нимъ несли статуи другихъ боговъ. Тамъ, въ присутствіи Мардука, жрецы производили свои гаданія на весь предстоящій годъ, а потомъ отъ имени Мардука дѣлали предсказанія о судьбѣ Вавилона въ новомъ году. Вмѣстѣ съ побѣдой Мардука надъ Тіаматъ праздновалось тутъ и бракосочетаніе Мардука съ его супругой. Съ теченіемъ времени жрецы Мардука стали распространять такой взглядъ, что Мардукъ и Таммузъ—въ сущности одно и то же божество, только чтутъ его подъ разными названіями. Осенній богъ—Таммузъ, весенній богъ—Мардукъ; но и осенью и весною подъ этими именами чтится одно и то же божество; когда вспоминаютъ его страданія и смерть, то называютъ его Таммузомъ, когда же празднуютъ

его радостное воскресеніе, то называютъ его Мардукомъ. Точно такъ же и Иштаръ часто стали называть супругой Мардука.

Въ сказаніи о схожденіи Иштаръ въ адъ сквозитъ уже нѣсколько иное представленіе о судьбѣ человѣка за гробомъ, чѣмъ то, какое было въ глубокую сумерійскую старину. Въ старину вѣрили, что мертвецы уходятъ въ подземное царство и наполняютъ его, но судьба ихъ въ загробной жизни зависитъ отъ заботъ живыхъ, отъ ихъ приношеній и жертвъ. Казалось въ старину, что живые не навсегда разстаются съ умершими. Изъ преисподней могутъ выходить души умершихъ на поверхность земли: или въ видѣ злыхъ духовъ они мучаютъ человѣка, или въ видѣ добрыхъ геніевъ охраняютъ его поля, водоемы и дома. Но ко времени Хаммураби эти взгляды уже измѣнились. Соблюдая по привычкѣ старые погребальные обряды, сопровождая ихъ приношеніями и жертвами, житель Вавилоніи уже иначе думалъ о судьбѣ того, кого опускали въ могилу. Идутъ годы за годами, вѣка за вѣками, одно поколѣніе за другимъ сходитъ въ могилу—но вернулся ли кто-нибудь изъ умершихъ обратно? Съ горечью приходилось отвѣтить, что никто не вернулся; умершіе уходятъ въ страну, откуда нѣтъ возврата. Сынъ никогда не увидитъ больше умершаго отца, мужъ никогда не увидитъ умершую жену, родители никогда не увидятъ умершаго ребенка. Никогда? Но такъ ли это? Развѣ не воскресъ Таммузъ, развѣ не вернулась изъ нѣдръ преисподней Иштаръ? Или то, что доступно богамъ, недоступно простымъ смертнымъ? Страстно хотѣлось разрѣшить тайну смерти и жизни; много и мучительно думали объ этомъ вавилонскіе мыслители.

Какъ они думали и къ чему пришли,—объ этомъ узнаемъ мы изъ сказанія о похожденіяхъ богатыря Гильгамеша. О немъ было много сказаній. Первоначально его почитали въ Эрехѣ, и о его чудесной помощи городу много разсказывали во время борьбы съ эламитами. Разсказывали про него, что онъ, подобно Мардуку, борется со злыми чудовищами, владѣетъ живой водой и можетъ надѣлять ею людей; на печатяхъ старинныхъ царей и патэси любили изображать Гильгамеша бо-

Сраженіе Гильгамеша со львомъ.

рящимся съ чудовищнымъ быкомъ или львомъ. Называли его также по разному: то просто и коротко Гишъ, то Гиш-биль-гамешъ; окончательно утвердилось за нимъ имя Гильгамеша.

Существовало такое сказаніе о Гильгамешѣ. Былъ у него другъ Эатабу (впослѣдствіи это имя переиначилось въ Эабани); вмѣстѣ съ нимъ Гильгамешъ охотился и путешествовалъ. Но вотъ заболѣлъ Эатабу и умеръ,

и задумался Гильгамешъ о томъ же, о чемъ задумывался въ эту эпоху всякій вавилонянинъ:

Эатабу, котораго я нѣжно люблю,
Который побѣдилъ со мною всѣ опасности,
Отошелъ къ судьбѣ всѣхъ людей.
Днемъ и ночью я плакалъ о немъ,
И не предавалъ его погребенію...
Какъ умеръ онъ, нѣтъ больше у меня здоровья,
Метался я по пустынѣ...

И въ горести обратился онъ къ волшебницѣ, спросилъ ее о смерти и жизни. Неутѣшенъ былъ отвѣтъ пророчицы:

Жизнь, которую ищешь ты, не увидишь ты.
Когда боги создали людей,
Положили они людямъ жребій смерти,
А жизнь оставили въ своихъ рукахъ.

Нѣтъ надежды на воскресеніе милаго друга и на свиданіе съ нимъ. А между тѣмъ, былъ случай, когда могъ человѣкъ получить безсмертіе; объ этомъ гласило другое сказаніе, о неразумномъ Адапѣ. Былъ человѣкъ, носившій такое имя, въ Эриду, вѣрный служитель бога Эа; первый между людьми онъ былъ, потому что далъ ему Эа великую мудрость, но не далъ только вѣчной жизни. Ловилъ разъ рыбу Адапа изъ лодки, налетѣлъ южный вѣтеръ и опрокинулъ лодку; за это Адапа разбилъ ему крылья, и пересталъ дуть южный вѣтеръ, семь дней не дулъ онъ. Тогда Ану, удивясь, спросилъ: «почему не дуетъ южный вѣтеръ?» и вѣстникъ боговъ отвѣтилъ ему: «Адапа, сынъ Эа, разбилъ ему крылья». Разгнѣвался Ану и потребовалъ Адапу къ себѣ на судъ. Тутъ Эа сталъ учить своего любимца, какъ говорить и поступать на судѣ. Онъ велѣлъ Адапѣ

одѣть траурное платье. Будутъ около Ану Таммузъ и Гишзида и спросятъ: о человѣкъ, почему у тебя такой видъ, почему ты надѣлъ такое платье? Адапа долженъ отвѣтить: потому что два бога въ нашей странѣ погибли, Таммузъ и Гишзида. И тогда эти боги будутъ благосклонны къ Адапѣ. «Но когда станешь ты передъ Ану,—продолжалъ Эа,—пищу смерти дадутъ тебѣ—не ѣшь ее, воды смерти дадутъ тебѣ—не пей ее. Одежду дадутъ тебѣ—одѣнь ее, масла дадутъ—помажь себя. Не забудь наставленіе, которое я далъ тебѣ, помни слово, которое я сказалъ тебѣ». И отправился Адапа къ Ану. Все произошло, какъ говорилъ Эа; Таммузъ и Гишзида сказали Ану за Адапу доброе слово, и успокоилсь сердце Ану. И сказалъ Ану, чтобы дали Адапѣ пищу жизни, но онъ не ѣлъ ее; дали ему воды жизни, онъ не пилъ ее. Изумленный Ану спросилъ Адапу: «почему, Адапа, не ѣлъ ты и не пилъ ты? Ты не будешь жить теперь!» И отвѣтилъ Адапа: «Эа, господинъ мой, сказалъ мнѣ: не ѣшь и не пей!» Тогда приказалъ Ану: «возьмите его и сбросьте его на землю». Такъ, благодаря своему неразумію, не получилъ Адапа безсмертія, когда самъ Ану предлагалъ его; а вслѣдъ за Адапой остались смертными и всѣ люди.

Безнадежное чувство вкрадывалось въ душу человѣка. Какъ же быть, что дѣлать, если послѣ жизни всѣмъ людямъ суждено итти въ страну, откуда нѣтъ возврата? Не остается ли только взять всѣ блага отъ этой жизни, насладиться ею вполнѣ, если послѣ смерти ждетъ человѣка печальный мучительный жребій, въ чертогахъ страшной Эрешкигаль, не пощадившей даже свѣтлую Иштаръ? Такой именно совѣтъ и дала Гильгамешу та волшебница, къ которой онъ обратился:

А ты, Гильгамешъ, наполни свое чрево,
День и ночь проводи въ весельи!
Каждый день праздную праздники радости,
Днемъ и ночью танцуй и прыгай!
Пусть одежды твои будутъ нарядны,
Пусть глава твоя будетъ чиста, вымыта водою!
Взирай на малютку, который держитъ тебя за руку,
Пусть жена твоя блаженствуетъ въ твоихъ объятіяхъ!

И многіе, очень многіе въ эпоху Хаммураби слѣдовали этому совѣту. Вина было много, масло было въ изобиліи, золото и серебро не сходило съ вѣсовъ. Богатые люди жили и веселились, не думая о томъ страшномъ часѣ, когда придется имъ отойти въ страну, изъ которой нѣтъ возврата.

Но не всѣ мирились съ такимъ простымъ рѣшеніемъ. Многимъ казалось, что заглушать мысль о смерти наслажденіемъ недостойно человѣка; человѣкъ достаточно благородное существо, чтобы желать и добиваться безсмертія. Недаромъ его предкомъ былъ Адапа, попавшій на небо и лишь благодаря страху передъ богами, сковавшему его разумъ, не сдѣлавшійся безсмертнымъ. Съ другой стороны, въ жизни столько несправедливостей и обидъ, столько зла и порока, и такъ часто зло торжествуетъ, что нельзя примириться съ мыслью, будто съ земною жизнью все кончается для человѣка. Если не ждать ничего отъ загробнаго міра, то много ли останется для такого человѣка, котораго жизнь осыпала не розами, а шипами? Много такихъ людей, и многіе изъ нихъ праведны и предъ людьми и предъ богами.

Какъ измѣнчивы дѣла въ этомъ мірѣ!
Оглянешься назадъ—все преслѣдовали бѣды,
Какъ будто не расточалъ я приношеній моему богу,

Какъ будто не призывалъ за трапезой моей богини!..
Молитва была моимъ правиломъ, жертва—моимъ обычаемъ,
День поклоненія богу былъ радостью моего сердца...
А домъ мой сталъ мнѣ темницей...
Бичомъ гналъ меня врагъ, пронзилъ меня жезломъ своимъ,
Цѣлый день преслѣдовалъ меня гонитель,
Среди ночи не давалъ мнѣ ни минуты покоя!..

Для такихъ страдающихъ праведниковъ вся надежда оставалась на воздаяніе въ загробномъ мірѣ. Быть можетъ, возможно мертвецу воскреснуть и, если онъ праведенъ, поселиться съ богами? Въ сказаніяхъ о томъ же Гильгамешѣ мы находимъ отзвуки этихъ сомнѣній и исканій.

Когда умеръ Эабани, онъ не раскрывалъ больше своихъ глазъ; попробовалъ Гильгамешъ сердце его—оно не билось. Плакалъ горько Гильгамешъ надъ другомъ своимъ, съ которымъ совершилъ онъ столько подвиговъ, убилъ великана Хумбабу, убивалъ львовъ, поражалъ небеснаго тельца. Плачетъ горько Гильгамешъ надъ Эабани, другомъ своимъ, мечется по полю:

Ужели и я умру, какъ Эабани?
Скорбь проникла въ мои внутренности,
Страшусь я смерти и бѣгаю по полю!
Къ стопамъ Ут-Напиштима, сына Убар-туту,
Направлю я путь свой, пойду быстро!

Ут-Напиштимъ, къ которому рѣшилъ итти Гильгамешъ, чтобы проникнуть въ тайну смерти, былъ славный его предокъ. Жилъ онъ и правилъ въ городѣ Шуруппакѣ, на берегахъ Евфрата; когда разгнѣвались боги на людей и рѣшили истребить ихъ за беззаконія потопомъ, Эа, любившій Ут-Напиштима, научилъ его, какъ построить корабль и спастись. Послѣ потопа

боги взяли Ут-Напиштима и жену его въ свое царство и дали имъ безсмертіе. Къ нимъ-то, первымъ и единственнымъ людямъ, получившимъ безсмертіе, и рѣшилъ итти Гильгамешъ. Долгій и опасный путь предстоялъ ему. Пошелъ онъ къ горамъ ночи, туда, гдѣ находятся врата, въ которыя заходитъ солнце; стоятъ тамъ у входа два страшные стража, люди-скорпіоны— мужъ и жена: потрясающимъ ужасомъ вѣетъ отъ нихъ, видъ ихъ— сама смерть. Въ трепетѣ Гильгамешъ склонился передъ ними; но ужасные стражи признали, что

Гильгамешъ съ убитымъ львомъ (ассирійскій рельефъ).

плоть его божественна: «двѣ трети его отъ боговъ, одна треть отъ людей»,—и показали ему дорогу въ царство боговъ. И пошелъ Гильгамешъ; шелъ онъ сначала царствомъ тьмы, шелъ долго, пока не забрезжилъ свѣтъ. Подошелъ ближе Гильгамешъ и видитъ—онъ у чуднаго сада боговъ, чудныя деревья растутъ тамъ, плоды ихъ изъ ляписъ-лазури; за садомъ синѣется безбрежное море, «воды смерти», черезъ которыя нужно было перебраться, чтобы достигнуть жилища Ут-Напиштима. На тронѣ сидѣла тутъ волшебница Сабиту и не хотѣла было пускать Гильгамеша. «О Гильгамешъ, нѣтъ здѣсь перевоза! Никто, съ изначальныхъ временъ, не переходилъ черезъ море; проходилъ черезъ море Шамашъ-богатырь, но, кромѣ Шамаша, кто перейдетъ его? Трудно перейти, тяжка дорога, глубоки воды смерти»... Но, уступая просьбамъ Гильгамеша, указываетъ Сабиту ему Ур-Шанаби, перевозчика, который везъ Ут-Напиштима. Отговаривалъ и Ур-Шанаби Гильгамеша, но тотъ умолилъ его, сѣли они на корабль и поѣхали; переплыли воды смерти, которыхъ не долженъ былъ касаться рукой Гильгамешъ, и наконецъ, пріѣхали къ Ут-Напиштиму. Удивился Ут-Напиштимъ, увидавъ Гильгамеша; разсказалъ ему Гильгамешъ о своемъ горѣ и задалъ неотвязный, мучительный вопросъ:

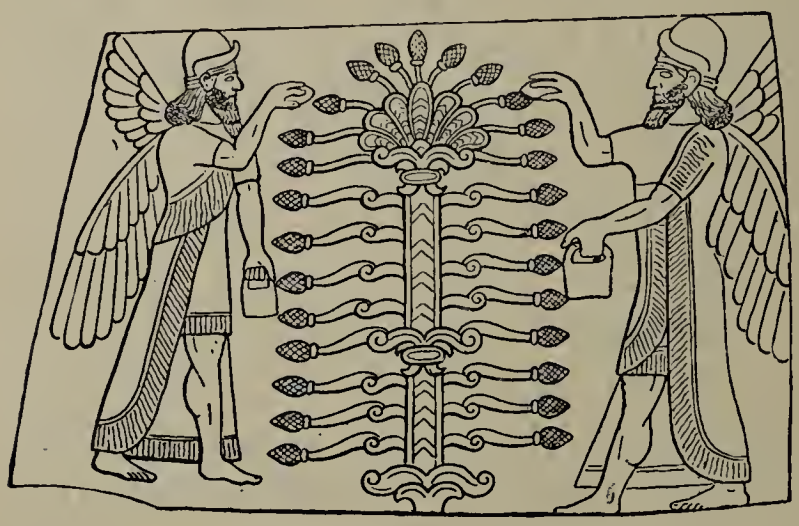
Люди-скорпіоны.

Ужели и я засну, какъ Эабани?
Ужели и я не возстану вовѣкъ?

Печаленъ былъ отвѣтъ Ут-Напиштима: развѣ навѣки мы строимъ домъ, прикладываемъ печати, дѣлимъ достояніе? развѣ навсегда остаются воды разлива? Ануннаки, великіе боги, вмѣстѣ съ Маммету, вершительницей судебъ, назначаютъ жребій, опредѣляютъ жизнь и смерть, и никому не даютъ знать о часѣ смертномъ. Но Гильгамешъ не удовлетворился этимъ печальнымъ отвѣтомъ: безсмертный Ут-Напиштимъ, передъ которымъ стоялъ герой, вѣдь избѣжалъ смерти,— значитъ, не для всѣхъ она неизбѣжна. «Смотрю я на тебя, Ут-Напиштимъ, и видъ твой обычный, ты—какъ я; какъ же возвеличился ты и нашелъ жизнь въ сонмѣ боговъ?» На это Ут-Напиштимъ разсказываетъ Гильгамешу исторію потопа. Необыкновенное это было событіе, необыкновенна оказалась и участь Ут-Напиштима и его жены; только боги могли сдѣлать его безсмертнымъ. И кончивъ разсказъ, сказалъ Гильгамешу Ут-Напиштимъ: «а тебя кто изъ боговъ введетъ въ сонмъ безсмертныхъ, чтобы найти тебѣ жизнь, которую ты ищешь?» И правильны оказались эти слова. Что ни дѣлалъ потомъ Гильгамешъ по совѣту Ут-Напиштима, ничто не помогло ему стать безсмертнымъ, ибо ни одинъ богъ не пришелъ ему на помощь. Посовѣтовалъ ему Ут-Напиштимъ не спать шесть дней и семь ночей; но налетѣлъ на него богъ сна, какъ ураганъ, и заснулъ Гильгамешъ. Ничего не оставалось ему, какъ только вернуться обратно на родину. Дали ему Ут-Напиштимъ и жена его семь волшебныхъ хлѣбовъ въ дорогу и научили, какъ омыться въ волшебной водѣ, послѣ чего тѣло его стало юно и прекрасно, а одежды стали, какъ

новыя и не старѣли до возвращенія въ Эрехъ; научилъ Ут-Напиштимъ его, какъ достать со дна моря волшебную траву которая даетъ жизнь и возвращаетъ юность, а имя ея: старикъ дѣлается юношей. Омылся Гильгамешъ въ волшебной водѣ, досталъ со дна моря волшебную траву и радостно поѣхалъ назадъ въ Эрехъ, мечтая, что раздѣлитъ тамъ между друзьями волшебную траву, и вернется къ нему и къ друзьямъ прежняя сила, которая помогала ему одолѣвать львовъ и великановъ. Но по дорогѣ и это утѣшеніе было отнято у Гильгамеша; не получилъ онъ безсмертія, не удалось ему и продлить свою жизнь. Разъ, когда онъ купался, услыхала змѣя запахъ волшебной травы и украла ее. Заплакалъ горько Гильгамешъ: «для кого же истомилъ я мои руки, для кого сжигалъ кровь въ моемъ тѣлѣ? Самому себѣ не сдѣлалъ я добра, сдѣлалъ хорошее дѣло для львовъ земныхъ». Чувствовалъ богатырь, что навѣки ушла его сила, и не будутъ больше страшиться его дикіе звѣри. Осталось у него одно утѣшеніе: умолить Нергаля, чтобы далъ онъ повидаться ему съ тѣнью Эабани, чтобы узнать, каково въ царствѣ мертвыхъ. Открылъ Нергаль отверстіе въ землѣ, и, какъ вѣтеръ, вышелъ оттуда духъ Эабани. И сказалъ ему Гильгамешъ: «скажи, другъ мой, скажи, другъ мой, законъ земли, который ты видѣлъ!»—«Сказать ли тебѣ, другъ мой, сказать ли тебѣ, другъ мой? Если скажу я тебѣ законъ земли, который я видѣлъ, сядешь ты и заплачешь!» Гильгамешъ согласился заплакать, лишь бы услышать «законъ земли». И полилась унылая рѣчь Эабани: все тамъ полно праха; какъ старую одежду, точитъ мертвыхъ червь; только воину лучшая участь: спитъ онъ на ложѣ и пьетъ чистую воду. Такъ безотрадна

участь умершихъ; никогда человѣкъ не добьется безсмертія. Оно—удѣлъ только боговъ. Боги зорко берегутъ его для себя; райское древо жизни даетъ плоды только для боговъ, и два страшныхъ генія охраняютъ его отъ завистливыхъ взоровъ непосвященныхъ. Это дерево, съ двумя духами по сторонамъ, было любимымъ сюжетомъ для вавилонскихъ художниковъ; изображеніе его всегда напоминало человѣку о завистливыхъ богахъ, осудившихъ людей на бренное существованіе. Таковъ же смыслъ и древнеизраильскаго сказанія о раѣ и грѣхопаденіи. Богъ разрѣшилъ было первымъ людямъ ѣсть плоды отъ древа жизни, дающаго вѣчную юность и безсмертіе, но запретилъ вкушать отъ древа познанія, дающаго людямъ мудрость; и вѣчную жизнь, и мудрость божество рѣшило оставить только себѣ. Когда же первые люди нарушили заповѣдь и вкусили плодовъ древа познанія, у нихъ было отнято и древо жизни, сами они были изгнаны изъ рая, а къ вратамъ его были приставлены чудесные стражи, керубы, напоминающіе вавилонскихъ геніевъ, стражей древа жизни.



Древо жизни, охраняемое геніями.

Боги завистливы къ людямъ; но они бываютъ къ нимъ и безпощадно строги, когда видятъ всѣ людскіе

пороки и преступленія. Вавилонянинъ, отчаявшись въ надеждѣ получить безсмертіе и блаженство послѣ смерти, утѣшалъ себя тѣмъ, что нечестіе и зло, торжествующее на землѣ, не могутъ остаться безнаказанными, и рано или поздно боги, какъ хранители справедливости, покараютъ грѣшный міръ. Въ качествѣ самаго убѣдительнаго доказательства приводилось старинное сказаніе о потопѣ, въ волнахъ котораго когда-то погибъ весь міръ. Это сказаніе было вставлено въ поэму о Гильгамешѣ; но оно существовало и отдѣльно, представляло изъ себя самостоятельную поэму. Первоначально сказаніе о потопѣ появилось, вѣроятно, вслѣдствіе какого-нибудь стариннаго разрушительнаго наводненія; но впослѣдствіи въ это сказаніе была вложена идея воздаянія грѣшнымъ людямъ отъ боговъ за ихъ грѣхи.

Сказаніе о потопѣ было послѣднимъ сказаніемъ изъ числа многихъ легендъ о первыхъ временахъ міра. Въ началѣ были всѣ люди праведны; но постепенно стали между ними распространяться грѣхи и пороки, и при десятомъ царѣ, называющемся то Ксисутромъ, то Атархасисомъ, то Ут-Напиштимомъ, грѣхи людей стали такъ велики, что вопль о нихъ достигъ до неба. Въ совѣтѣ боговъ, по предложенію Бэла, было рѣшено наказать людей. Одно за другимъ посыпались на нихъ бѣдствія; на шестой годъ бѣдствія дошли до того, что «дочь стала пищей для обѣда», «одинъ домъ пожиралъ другого»; голодъ былъ жестокій, ибо наводненіе «засорилось», поля уменьшили свои плоды, растенія не выростали, сѣмя не принималось. Люди стонали, и вопль ихъ несся къ небу. Тогда премудрый Атархасисъ говорилъ со своимъ господиномъ, богомъ Эа, просилъ его сжалиться надъ людьми. Прекратились на

время бѣдствія, но люди не образумились. Снова созвалъ Бэлъ боговъ на собраніе. «Не уменьшились ихъ грѣхи, стали больше, чѣмъ прежде. Крики ихъ безпокоятъ меня; пусть съ утра чума заставитъ умолкнуть ихъ крикъ, пусть, какъ ураганъ, устремятся на нихъ болѣзни, головная боль, трясучая лихорадка, невзгоды!» Начались снова людскія бѣдствія, опять просилъ Атархасисъ за людей бога Эа, опять люди оказались недостойными милости. Въ третій разъ собираетъ Бэлъ сонмъ боговъ, повторяетъ ту же рѣчь о людскихъ грѣхахъ и насылаетъ на людей засуху: «пусть замедлится наводненіе, не поднимаются его воды, пусть поля уменьшатъ свои щедроты, пусть равнины станутъ солончаками, пусть растеніе не выходитъ, пусть сѣмя не принимается, пусть дѣти не родятся, пусть людей придавятъ невзгоды!» Все опять пошло такъ, какъ повелѣлъ Бэлъ, но люди не образумились. Тогда разгнѣванный Бэлъ рѣшилъ истребить родъ человѣческій потопомъ. Подробный поэтическій разсказъ о потопѣ и дошелъ до насъ въ поэмѣ о Гильгамешѣ; разсказываетъ Гильгамешу о потопѣ Ут-Напиштимъ (онъ же и Атархасисъ).

«Открою я тебѣ, Гильгамешъ, тайное слово, тайну боговъ тебѣ я скажу»—началъ свой разсказъ Ут-Напиштимъ. Жилъ онъ тогда въ городѣ Шуруппакѣ, на берегахъ Евфрата; святой и старый это былъ городъ, и боги жили въ немъ, Ану, отецъ боговъ, могучій Бэлъ, ихъ посланникъ Нинибъ, ихъ вождь Иннуги и отецъ мудрости Эа. Собрались эти боги на совѣтъ, и рѣшило ихъ сердце наслать на людей потопъ; слышалъ всѣ рѣчи ихъ Эа и рѣшилъ спасти своего любимца Ут-Напиштима. Рѣчи боговъ повторилъ онъ дому изъ тростника, въ которомъ жилъ Ут-Напиштимъ:

Домъ, домъ, стѣна, стѣна! Домъ, слушай, стѣна, примѣчай!
О человѣкъ изъ Шуруппака, сынъ Убар-туту, ломай домъ, строй корабль,
Оставь имѣніе и добро, заботься о жизни, брось имущество, спасай жизнь!
Возьми всякое сѣмя жизни въ корабль...

Потомъ далъ Эа наставленіе о томъ, каковы должны быть размѣры корабля. Выслушавъ повелѣніе Эа, Ут-Напиштимъ спросилъ, что сказать ему своему городу и его старѣйшинамъ—Ут-Напиштимъ былъ царемъ Шуруппака. Эа отвѣтилъ: скажи имъ такъ:

Проклялъ меня Бэлъ, и не хочу я больше жить въ вашемъ городѣ,
Не склоню больше лицо свое къ землѣ Бэла.
Спущусь я къ океану, буду жить съ Эа, моимъ господиномъ,
А на васъ прольетъ онъ обильный дождь,
Пошлетъ вамъ уловъ птицъ, уловъ рыбы, обильную жатву.

Сталъ строить Ут-Напиштимъ корабль по плану, указанному богомъ Эа; торопилъ рабочихъ и усердно кормилъ ихъ, чтобы не лѣнились они докончить работу. Когда кончилась постройка, устроилъ Ут-Напиштимъ богатый праздникъ, какъ въ день новаго года, и сталъ нагружать свой корабль: взялъ все свое золото и серебро, помѣстилъ туда все свое семейство и всѣхъ близкихъ, ввелъ въ корабль всякое сѣмя жизни. И было уже время; Шамашъ назначилъ срокъ: «когда богъ мрака вечеромъ пошлетъ ливень, взойди въ корабль и запри за собою дверь». И вотъ, пришелъ потопъ.

Едва день забрезжилъ, съ основаній небесъ поднялась черная туча,
Ададъ бушевалъ въ ней, Набу и Шарру шли передъ нимъ —
Какъ вѣстники горамъ и землѣ.

Нергаль потрясаетъ мачту, идетъ онъ, Нинибъ, зоветъ къ нападенью,
Ануннаки поднимаютъ факелы, ихъ блескомъ опаляютъ страну.
Буря Адада поднялась до небесъ, все, что сіяло, скрылось во мракѣ...
Братъ не видитъ болѣе брата, нельзя узнать на небѣ людей...
И боги ужаснулись потопа, бѣжали, поднялись къ Ану на небо,
Боги присѣли, какъ псы, окованы страхомъ,
Вопила Иштаръ, какъ женщина въ мукахъ рожденья,
Плакала прекрасноголосая владычица небесныхъ боговъ:
«Зачѣмъ тотъ день не сдѣлался глиной,
«Тотъ день, когда говорила я злое въ сонмѣ боговъ!
«Вѣдь я говорила злое въ сонмѣ боговъ,
«На бой призывала, хотѣла гибели людямъ моимъ...
«На то ль зачала я людей моихъ въ чревѣ,
«Чтобы наполнили море они, точно рыбы?
И плакали въ горести боги всѣ съ ней, заливаясь слезами...

Шесть дней и шесть ночей бушевалъ ураганъ и лилъ дождь; на седьмой день сталъ стихать потопъ, успокоилось море, унялся вѣтеръ. Выглянулъ Ут-Напиштимъ изъ корабля и заплакалъ: всѣ люди превратились въ глину, грязныя волны достигали до крышъ домовъ. На другой день Ут-Напиштимъ увидалъ вдали островъ, поднимающійся изъ воды — это была гора Нисиръ. Поплылъ къ нему Ут-Напиштимъ; гора удержала корабль и не пустила его болѣе носиться по волнамъ. Семь дней стоялъ корабль на горѣ Нисиръ; на седьмой день попробовалъ Ут-Напиштимъ выпустить голубку, но она вернулась, не найдя себѣ мѣста, гдѣ бы присѣсть. Выпустилъ тогда Ут-Напиштимъ ласточку, и она вернулась. Выпустилъ Ут-Напиштимъ ворона; воронъ полетѣлъ, увидалъ, что вода исчезаетъ, сталъ пожирать падаль, закаркалъ и не вернулся. Тогда на вершинѣ горы принесъ Ут-Напиштимъ возліяніе и жертвопри-

ношеніе богамъ; боги нюхали запахъ жертвы, слетѣлись, какъ мухи, собрались вокругъ Ут-Напиштима. Прилетѣла сейчасъ же и владычица боговъ, воздѣла къ небу большое ожерелье, которое сдѣлалъ ей Ану по ея желанію, и сказала:

О боги, что здѣсь собралися! Какъ не забуду я свое ожерелье
изъ ляписъ-лазури,
Такъ буду помнить я дни эти, ихъ никогда не забуду.
Пусть подойдутъ боги къ жертвѣ, но Бэлъ пусть къ ней не подходитъ:
Онъ не размыслилъ и сдѣлалъ потопъ, осудилъ мой людъ на погибель.

Но Бэлъ все-таки пришелъ; увидавъ корабль, онъ пришелъ въ ярость, разгнѣвался на Игиги: «какъ могло ускользнуть живое существо? Не долженъ остаться въ живыхъ человѣкъ послѣ казни!» Нинибъ сказалъ на это Бэлу: «кто, какъ не Эа, виновникъ этого дѣла? Онъ вѣдь зналъ весь замыселъ». Тогда Эа сказалъ могучему Бэлу:

О ты, мудрецъ средь боговъ, могучій!
Какъ не размыслилъ ты и сдѣлалъ потопъ?
На грѣшника возложи его грѣхъ, на виновника возложи его вину—
Но зачѣмъ ты сдѣлалъ потопъ?
Послалъ бы льва, онъ пожралъ бы людей—но зачѣмъ устроилъ
ты потопъ?
Послалъ бы леопарда, онъ пожралъ бы людей—но зачѣмъ устроилъ ты потопъ?
Послалъ ы голодъ, и онъ истребилъ бы людей—но зачѣмъ
устроилъ ты потопъ?
Послалъ бы чуму, и она истребила бы людей—но зачѣмъ у троилъ
ты потопъ?
А я не открывалъ тайны великихъ боговъ,
Я мудръ, я послалъ ему сны, и онъ понялъ тайну боговъ.

И всѣ боги согласились съ мнѣніемъ Эа. Тогда Бэлъ, не желая все-таки, чтобы остались послѣ потопа люди и не имѣя въ то же время возможности погубить Ут-Напиштима и спасшихся съ нимъ людей, взошелъ на корабль, взялъ Ут-Напиштима за руку, поставилъ рядомъ съ нимъ на колѣни его жену, благословилъ ихъ и сказалъ: «доселѣ былъ Ут-Напиштимъ человѣкомъ, теперь будетъ Ут-Напиштимъ и его жена подобны намъ, богамъ. Пусть живетъ Ут-Напиштимъ вдали, у устья рѣкъ». Такъ было истреблено прежнее грѣшное человѣчество, а два единственные праведника среди него стали безсмертными, подобно богамъ.

Сказаніе о потопѣ далеко по свѣту распространилось изъ Вавилоніи. Его заимствовали у вавилонянъ древніе израильтяне почти безъ перемѣнъ, сократили только подробности и замѣнили вавилонскія имена еврейскими: вмѣсто Ут-Напиштима дѣйствуетъ тамъ Ной, а вмѣсто сонма вавилонскихъ боговъ—одинъ богъ Ягве. Знали вавилонское сказаніе и греки, и римляне. Римскій поэтъ Овидій пересказалъ греческое сказаніе о потопѣ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній; у него спасшіеся люди называются Девкаліономъ и Пиррой, и послѣ потопа они, по приказу боговъ, возстанавливаютъ родъ человѣческій, бросая за спину камни; камни, брошенные Девкаліономъ, превратились въ мужчинъ, а камни, брошенные Пиррой,—въ женщинъ. Изъ библіи и изъ античной литературы сказаніе о потопѣ распространилось по всему свѣту и стало однимъ изъ самыхъ извѣстныхъ—но многіе ли, повторяя его, знаютъ, что родина его на берегахъ Тигра и Евфрата?

XVII.

Вавилонъ въ сѣтяхъ Диббарры.

Тяжкое время настало лѣтъ 150 спустя послѣ Хаммураби. Со всѣхъ сторонъ задвигались народныя волны, катились и съ востока, и съ запада, и съ сѣвера, сталкивались и разбивались одна о другую. «Будутъ убивать всѣ другъ друга, приморье—приморье, субарту—субарту, ассиріянинъ — ассиріянина, эламитъ — эламита, кассить—кассита, сутеецъ—сутейца, кутеецъ—кутейца, лулубеянинъ—лулубеянина; одна страна—другую, одинъ домъ—другого, одинъ человѣкъ—другого, братъ не пощадитъ брата, всѣ будутъ убивать другъ друга». Дѣйствительно, сколько было перечислено въ этомъ отрывкѣ изъ народной пѣсни народовъ, столько ихъ и столкнулось тогда въ узкомъ пространствѣ отъ горъ Загроса до Ливанскаго хребта.

Первая лавина, обрушившаяся на Вавилонію, была изъ племени хеттовъ. Народъ неизвѣстнаго доселѣ племени, пришедшій съ малоазіатскаго нагорья, занялъ онъ Сирію, покорилъ Палестину, успѣшно боролся съ египетскими фараонами, владѣвшими Палестиной. Не могъ устоять подъ напоромъ его воинственныхъ ордъ и Вавилонъ. «Сыны Вавилона, они были птицами, а ты, Диббарра, былъ ловцомъ птицъ!» Диббарра былъ богомъ войны и разрушенія, приносилъ съ собою чуму и пожары; на кого обрушивался Диббарра, тому не приходилось уже ждать добра. Во дни всеобщаго разгрома некому и некогда было записывать печальную лѣтопись несчастій, обрушившихся на Вавилонъ. Только въ народной былинѣ о гнѣвѣ Диббарры сохранилась

память объ этихъ ужасныхъ дняхъ. Диббарра «проливалъ кровь, какъ воду дождевого потока на площади города». Не только люди, но и боги пришли въ ужасъ. «Великій господь, Мардукъ, узналъ это и вскричалъ: горе!.. разумъ исчезъ у него», когда разгромленъ былъ его «вѣчный городъ». Наперекоръ Шамашу, разрушилъ Диббарра стѣны его храма и опустошилъ его дворъ; Эрехъ, жилище Ану и Иштаръ, былъ преданъ огню, и сѣлъ тамъ жестокій намѣстникъ, который дѣлалъ злое людямъ Эреха и нарушалъ ихъ обычаи. Слова пѣсни правдивы — сто лѣтъ спустя послѣ хеттскаго погрома, вавилонскій царь Агумъ II торжественно возвратилъ статуи Мардука и его супруги Сарпанитумъ изъ дальней страны Хани, т.-е. страны хеттовъ, и вновь поставилъ ихъ въ Э-сагила, украсивъ ихъ золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными камнями. Но и этотъ царь, вспомнившій о великихъ богахъ и сумѣвшій вернуть ихъ на родину, былъ тоже чужеземецъ. Онъ называетъ себя царемъ Кашшу (т.-е. касситовъ) и Аккада, царемъ страны Вавилона и другихъ странъ. Касситы пришли съ горъ Загроса; они, кажется, были сродни мидянамъ и персамъ, были, какъ и хетты, не семиты, но арійцы. Съ собою привели они коней, и съ тѣхъ поръ это рѣдкое въ Вавилоніи животное стало тамъ столь же распространеннымъ, какъ быкъ или оселъ. Отъ касситовъ получили лошадь и хетты, а отъ хеттовъ — жители Палестины. Хеттскія колесницы, запряженныя конями, какъ ураганъ, налетали на неповоротливыя дружины палестинскихъ народовъ и безъ труда опрокидывали ихъ. Одновременно съ касситами, съ сѣвера напирали на Вавилонію ассиріяне, съ запада эламиты. Съ эламитами труднѣе всего было

справляться касситскимъ царямъ, и Вавилонъ былъ даже взятъ однажды эламскимъ царемъ. Онъ увезъ оттуда множество драгоцѣнныхъ предметовъ, и, между прочимъ, стэлу, на которой были записаны законы Хаммураби. Эта стэла была поставлена эламскимъ царемъ въ его столицѣ Сузѣ, и тамъ нашли ее ученые.

Для Вавилона этотъ эламскій погромъ былъ еще однимъ лишнимъ несчастіемъ; мы же должны быть отчасти благодарны ему, ибо, не будь его, у насъ не было бы записи законовъ Хаммураби и многихъ другихъ памятниковъ вавилонской культуры. Въ это тревожное время, когда шла война всѣхъ противъ всѣхъ, когда исчезла всякая безопасность, культурный ростъ долженъ былъ остановиться, и даже долженъ былъ наступить упадокъ культуры. Около тысячи лѣтъ вавилонская культура застыла на одномъ мѣстѣ; исчезъ интересъ къ постройкамъ и къ художественнымъ произведеніямъ, новаго ничего не создавалось, а старое постепенно гибло и разрушалось. Только благодаря разнымъ случайностямъ, уцѣлѣло много памятниковъ старины, подобно стэлѣ Хаммураби; но сколько ихъ въ это время погибло, невозможно себѣ и представить. Тщательно оберегались и сохранялись лишь религіозные обряды и тексты молитвъ и заклинаній. Помощь боговъ казалась особенно необходимой и желанной въ это время всеобщихъ смутъ и разоренія.

Можно было бы даже ожидать, что вавилонская культура совсѣмъ погибнетъ или смѣшается съ культурой народовъ, напавшихъ на Вавилонію. Хетты были очень талантливымъ и сильнымъ народомъ; въ занятыхъ ими областяхъ они настроили повсюду свои замки, въ которыхъ поселились ихъ воины, всегда

готовые къ бою и къ отпору врага. Стѣны ихъ замковъ и храмовъ были украшены рельефными изображеніями, вырѣзанными на камнѣ; рисунки ихъ были сдѣланы грубо, но очень выразительно. Въ особенности удачно изображали они хеттскихъ воиновъ въ высокомъ шлемѣ, съ огромнымъ копьемъ въ одной рукѣ, съ лукомъ — въ другой и съ мечомъ за поясомъ. Замки ихъ, съ высокими стѣнами и башнями, были неприступными крѣпостями; даже такому сильному царю, какъ египетскій фараонъ Рамсесъ II Міамунъ, не подъ силу оказалось справиться съ ними. Хетты оказали большое вліяніе на всѣхъ покоренныхъ ими народовъ; хеттскія колесницы и крѣпостное искусство распространились по всей Сиріи и Палестинѣ.

Но на вавилонскую культуру хетты не оказали большого вліянія. Ихъ владычество надъ Вавилономъ было непродолжительно; къ тому же сравнительно съ вавилонянами хетты были очень отсталымъ народомъ. Еще менѣе могли соперничать съ вавилонянами касситы. Это былъ совсѣмъ полудикій горный народецъ, который, спустившись въ долину Тигра и Евфрата, и подчинивъ себѣ силою ея обитателей, очень скоро подчинился самъ вліянію культуры покоренныхъ. Большіе города, великолѣпные храмы, золоченыя статуи боговъ, торжественное богослуженіе — все это должно было поразить простыхъ жителей горъ; еще болѣе чудесными, чѣмъ города и зданія, должны были имъ показаться водяныя сооруженія, благодаря которымъ волны разлива Тигра и Евфрата ничего не разрушали на своемъ пути, но служили человѣку, питали людей и боговъ. И скоро завоеватели, чуждые по племени и по языку вавилонянамъ, стали молиться богамъ страны Тигра и Евфрата

и писать на ихъ языкѣ. Первые цари изъ династіи касситовъ писали свои надписи и документы даже не на

Хеттскій воинъ.

вавилонскомъ, а на сумерійскомъ языкѣ, который давно уже былъ оставленъ царями Вавилона и упо-

треблялся только въ богослуженіи; послѣдующіе цари пользуются вавилонскимъ, семитскимъ нарѣчіемъ. Царь Агумъ, возвратившій изъ хеттскаго плѣна Мардука и Сарпанитумъ, ожидалъ за это для себя всякихъ милостей: долгихъ дней, расширенія могущества, благословенныхъ дождей. У Ану и Анату онъ просилъ благословенія въ небесахъ, у Бэла и Бэлиты — благословенія въ нѣдрахъ земли, у Эа и Дамкины — въ водныхъ глубинахъ; къ Шамашу, царю неба и земли, обращался онъ съ мольбою на долгіе дни утвердить основанія его трона. Такая преданность касситскихъ царей религіи и обычаямъ завоеванной ими страны помогла имъ пріобрѣсти любовь ихъ новыхъ подданныхъ. Въ пѣснѣ о гнѣвѣ Диббарры касситскіе цари изображаются мстителями за поруганіе Мардука и Иштаръ. «Придетъ нѣкто изъ Аккада и всѣхъ ихъ одолѣетъ!» предсказываетъ Диббарра, послѣ того, какъ насытилось его сердце смертью и разрушеніемъ; подъ этимъ избавителемъ изъ Аккада разумѣлись касситскіе цари, покорившіе сначала Аккадъ и оттуда уже завоевавшіе Вавилонъ. Такъ, культура вавилонская не погибла, но остановилась, нѣсколько ослабѣла, но не пришла въ окончательный упадокъ.

Безпрерывныя войны и походы измѣнили весь характеръ вавилонской жизни. Опять возвысились мѣстные богатые и сильные князья, которые должны были ранѣе безпрекословно подчиняться распоряженіямъ вавилонскаго царя. Среди нихъ теперь было много касситскихъ воиновъ, которымъ цари роздали земли въ завоеванной странѣ. Привыкши слушаться царя только во время похода, воины, получивъ имѣнія, вели себя въ нихъ, какъ самостоятельные государи; такъ же на-

чали вести себя и уцѣлѣвшіе землевладѣльцы вавилонскаго происхожденія. Они чувствовали свою силу. Царь не могъ обойтись безъ нихъ; казна царская опустѣла, наемниковъ содержать было не на что, а между тѣмъ, постоянныя нападенія ассиріянъ съ сѣвера и горныхъ племенъ съ запада требовали немедленнаго отпора. Такой отпоръ могли дать только мѣстные владыки. Имъ некогда было ждать, пока соберется вавилонскій царь со своимъ войскомъ; они сами должны были заботиться о своей безопасности и отражать врага своими средствами. Поэтому цари охотно давали мѣстнымъ вельможамъ всякія льготы. Землю они жаловали воинамъ, «на вѣчныя времена»; нерѣдко давали также грамоту, которою освобождали владѣльца пожалованной земли отъ податей и предоставляли ему право верховнаго суда въ его владѣніи.

Между новыми и старыми землевладѣльцами была вражда: «возставалъ домъ на домъ, убивалъ братъ брата». Лишенные своихъ земель въ пользу завоевателей, старые землевладѣльцы неохотно мирились со своимъ разореніемъ; за нихъ вставали ихъ родственники, и кипѣла постоянная внутренняя борьба, сопровождавшаяся кровавыми насиліями и опустошеніями. Поэтому межевые камни, кудурру, пріобрѣли въ эту эпоху особое значеніе. Въ старину ихъ ставили только въ случаѣ крайней необходимости, потому что права на владѣніе были обыкновенно безспорны, одинъ и тотъ же родъ владѣлъ землею изъ поколѣнія въ поколѣніе; когда же, во времена царей Ура, земля стала предметомъ продажи, то такая продажа совершалась строго по формѣ, и право новаго владѣльца было такъ же безспорно, какъ и стараго. Теперь было не то. Теперь появилось мно-

жество новыхъ владѣльцевъ, получившихъ земли, благодаря завоеванію, и оправдывавшихъ свои права только тѣмъ, что ихъ землею пожаловалъ царь. Недружелюбно смотрѣли на такого новаго сосѣда старинные землевладѣльцы, и при каждомъ удобномъ случаѣ готовы были либо начать судебное дѣло о нарушеніи границъ, либо просто напасть на чужеземца. Поэтому, стали очень тщательно заботиться о постановкѣ межевыхъ камней. Мало того, на камняхъ этихъ стали дѣлать длинныя надписи, въ которыхъ излагалась исторія пріобрѣтенія земли, указывались ея границы, и призывалось проклятіе всѣхъ боговъ на того, кто скажетъ: «это поле не подарено», или: «печать къ акту не приложена», кто отниметъ это поле, измѣнитъ его границы или уничтожитъ межевой камень. Призывалось на голову такого человѣка проклятіе Ану, Бэла и Эа, Мардука, Набу, Раммана, Сина, Шамаша, Иштаръ, Нергаля и другихъ боговъ и еще разъ повторялось: «всѣ боги, сколько ихъ названо на этомъ камнѣ, да проклянутъ его нерушимою клятвою». Грозныя изображенія всѣхъ упомянутыхъ въ надписи боговъ вырѣзались тутъ же на камнѣ, рядомъ съ изображеніемъ змѣи, вырѣзавшимся по старому обычаю (см. рис. на стр. 188). Множество такихъ кудурру дошло до насъ изъ этой тревожной эпохи.

Войны и разореніе мало благопріятствовали городамъ и торговлѣ. Города должны были защищаться сами, какъ могли; первымъ касситскимъ царямъ было до нихъ мало дѣла. Многіе города воспользовались смутой и выхлопотали себѣ у царей такія же жалованныя грамоты, какія давно уже получили Вавилонъ, Ниппуръ и Сиппаръ. Грамоты обыкновенно были такого

содержанія: «освобождается отъ повинностей и службъ такой-то городъ; никто, ни судья, ни намѣстникъ, никакой будущій сановникъ или надсмотрщикъ царя не войдетъ въ этотъ городъ, не установитъ въ немъ своего управленія, не закроетъ его каналовъ...» Такія жалованныя грамоты города также записывали на кудурру и ставили ихъ на границахъ города или округа, бывшаго подъ управленіемъ города. Это была нелишняя мѣра предосторожности: во всякое время на городъ могъ напасть сосѣдній владыка, отнять у него землю, или потребовать, чтобы городъ призналъ надъ собою его власть. Невольно вздыхали горожане и вспоминали съ горестью то счастливое время, когда были цари изъ династіи Хаммураби, отцы своихъ подданныхъ, соблюдавшіе миръ и строго каравшіе всякое нарушеніе порядка и безопасности. Не то теперь, когда сидитъ у воротъ городскихъ Диббарра и только и смотритъ, чтобы пролить кровь мужей и женъ — въ крови ему раздолье, ею онъ только и живетъ.

Но торговля не прекратилась и во время этихъ смутъ. Вавилонскіе караваны по прежнему отправлялись и на югъ, и на западъ, чрезъ пустыню, ходили въ Сирію, въ Палестину, доходили до Египта. Дорога караванная была небезопасна; часто нападали на вавилонскихъ купцовъ хеттскіе князья, грабившіе ихъ и отнимавшіе товары. Купцы обращались за помощью къ царямъ, но вмѣшательство царей мало помогало дѣлу. Хеттскіе цари были, правда, одно время даже въ союзѣ съ вавилонскими царями, но своихъ князей они такъ же мало могли держать въ подчиненіи, какъ и вавилонскіе своихъ. Торговыя сношенія все-таки продолжались и, въ концѣ концовъ, ими заинтересовались и касситскіе цари. Изъ

Египта привозили золото и драгоцѣнные камни; фараонъ Аменготепъ III былъ въ союзѣ съ царемъ вавилонскимъ Кадашманъ-Харбе, присылалъ своему союзнику подарки золотомъ и драгоцѣнными камнями. Подарки эти такъ пришлись по вкусу суровому вавилонскому владыкѣ, что онъ, наивно воображая будто въ Египтѣ столько же золота, сколько и песку, засыпалъ Аменготепа просьбами прислать ему побольше золота и серебра; сватался онъ за дочь египетскаго фараона, но тотъ нашелъ, что какой-то далекій царь, постоянно отбивающійся отъ разныхъ враговъ, слишкомъ плохая партія для его дочери и отказалъ Кадашманъ-Харбе. Несмотря на эти непріятности, Кадашманъ-Харбе понялъ, какія огромныя выгоды можетъ принести ему развитіе торговли, и затѣялъ большія сооруженія въ пустынѣ между Вавилоніей и Сиріей. Это была самая трудная часть дороги; за нею шла уже населенная страна, гдѣ купцы могли найти всегда пріютъ и хлѣбъ, по пустынѣ же приходилось итти болѣе 600 верстъ раскаленными песками. Царь затѣялъ устроить станціи въ Сирійской пустынѣ; въ опредѣленныхъ пунктахъ, на равномъ разстояніи одинъ отъ другого, были вырыты колодцы, посажены пальмы, орошавшіяся водой изъ этихъ колодцевъ, были выстроены дома, и въ нихъ поселены воины и работники, которые должны были охранять и поддерживать въ порядкѣ эти искусственные оазисы. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, долго ли просуществовали эти сооруженія Кадашмана-Харбе. Другой царь изъ касситской династіи «возстановилъ правду», т.-е., должно быть, возстановилъ дѣйствіе законовъ Хаммураби, которые не соблюдались въ смутную эпоху.

Такъ, хотя и на половину заглушенная, но продолжала теплиться въ Вавилоніи прежняя жизнь. Но пока въ Вавилоніи происходили эти смуты, постепенно усиливался на сѣверѣ ея давнишній врагъ—одноплеменная, но враждебная Ассирія. Уже за 1300—1200 лѣтъ до Р. Х. Ассирія была настолько сильна, что ея боялись не только вавилонскіе цари, но также хеттскіе цари и египетскіе фараоны. Вавилонскій царь Кадашманъ-Буріашъ, египетскій фараонъ и хеттскій царь Хаттушиль заключили союзъ противъ Ассиріи. Хаттушиль подстрекалъ Кадашмана-Буріаша: «разбей врага, выступи противъ страны, сильнѣй которой ты въ три и въ четыре раза». Кадашманъ-Буріашъ пошелъ на Ассирію, но оказалось наоборотъ: ассирійскій царь Салманассаръ I наголову разбилъ Кадашмана-Буріаша. Намъ предстоитъ теперь познакомиться подробнѣе съ Ассиріей, ея народомъ и исторіей, такъ какъ послѣ побѣды Салманассара I судьбы Ассиріи постепенно тѣсно сплетаются съ судьбами Вавилоніи, и культуры обѣихъ странъ сливаются въ одну ассиро-вавилонскую культуру.

XVIII.

Ассуръ и его страна.

Среди таблетокъ, хранившихся въ библіотекѣ царя Ассурбанипала, была найдена одна таблетка очень любопытнаго содержанія. Когда прочли ея текстъ, къ сожалѣнію, довольно плохо сохранившійся въ началѣ и въ концѣ, то оказалось, что эта таблетка заключала въ

себѣ пророчество о будущей гибели вавилонскаго царства и о переходѣ Вавилона подъ власть Ассиріи. Неизвѣстный намъ пророкъ описывалъ этотъ грядущій разгромъ Вавилона въ видѣ тяжкаго и разрушительнаго бѣдствія. Когда начнется завоеваніе Вавилона, то государю его придется пережить тяжелыя невзгоды, и не будетъ въ сердцѣ его радости; во все его царствованіе, не переставая, будутъ тянуться войны, и будетъ въ бояхъ литься кровь; одинъ будетъ пожирать другого, люди будутъ призывать дѣтей своихъ, мужъ оставитъ жену, и жена оставитъ мужа, и запретъ дверь дома мать передъ дочерью. Власть надъ Вавилономъ перейдетъ тогда къ Субарту и Ассиріи, царь Вавилона отдастъ князю Ассиріи всѣ сокровища своего дворца и всѣ свои владѣнія. Судя по отрывочнымъ фразамъ, сохранившимся въ началѣ и въ концѣ этого пророчества, пророкъ думалъ, что предсказываемыя имъ бѣдствія заслужены Вавилономъ—это божій судъ надъ нимъ за его пороки и грѣхи. Мы не знаемъ, что происходило внутри Вавилона въ послѣднее столѣтіе его существованія передъ завоеваніемъ его ассирійскими царями; вѣроятно, вавилонскій пророкъ, подобно его израильскимъ и іудейскимъ собратьямъ *), стоялъ за простой народъ, крестьянъ, которые въ Вавилоніи съ теченіемъ времени попали въ гораздо болѣе худшее положеніе, чѣмъ было во времена сумерійскихъ патэси. Тогда среди крестьянъ было много свободныхъ людей, вступавшихъ съ патэси въ уговоръ о взаимныхъ услугахъ; теперь давно уже всѣ крестьяне были прикрѣплены къ землѣ, всѣ были связаны под-

---

*) Прочитайте о нихъ въ нашей книжкѣ «Древній Израиль».

невольной работой на свѣтскихъ землевладѣльцевъ и жрецовъ. Развитіе торговли и промышленности, приносившее огромныя выгоды землевладѣльцамъ и горожанамъ, крестьянамъ приносило невзгоды и лишенія. И когда на сѣверѣ усилилась Ассирія и стала грозить самостоятельности Вавилона, друзья народа радовались близкому суду надъ притѣснителями слабыхъ. Ассиріяне, молодой народъ, состоявшій изъ свободныхъ воиновъ-охотниковъ, казались избавителями отъ тяжелаго ига, наложеннаго на народъ высшими классами. И въ пророчествѣ звучитъ злорадство по поводу предстоящаго униженія вавилонскаго царя передъ ассирійскимъ княземъ. Пророчество исполнилось, хотя и не цѣликомъ. Около 1300 года вся Вавилонія была покорена ассиріянами, но это покореніе было недолговременно, и не принесло никакого облегченія простому народу. Но съ тѣхъ поръ болѣе 500 лѣтъ Вавилонъ долженъ былъ постоянно бороться съ ассирійскими царями и не разъ временно подпадалъ подъ ихъ власть, пока въ 729 году не совершилось окончательное соединеніе Ассиріи и Вавилона въ одну державу. Въ теченіе ста лѣтъ не было въ Вавилонѣ своихъ царей, а правили намѣстники ассирійскаго царя.

Мы должны теперь познакомиться поближе съ новыми господами Вавилона. Они называли себя «сынами Ассура», по имени своего бога-покровителя; по имени этого бога называлось и ихъ самое древнее поселеніе, городъ Ассуръ. Они не помнили, когда пришли ихъ предки въ долину Тигра и Евфрата. По всей вѣроятности, они пришли сюда еще съ первымъ потокомъ семитскаго переселенія, вмѣстѣ съ тѣми семитскими племенами, которыя основали Кишъ, Аккадъ и другіе

семитскіе города Сеннаара. Ихъ обличье очень походило на обличье южныхъ семитовъ: они не любили мѣнять его, и оно сохранялось изъ вѣка въ вѣкъ все однимъ и тѣмъ же. Вотъ передъ нами голова ассиріянина. Большой, низко спускающійся надъ верхней губой носъ, густыя брови надъ черными большими глазами, длинное овальное лицо, обрамленное завитою въ кольца бородою, тщательно закрученными усами и густыми гофренными волосами. Такъ завивались и гофрились ассирійскіе цари и вельможи; но если разгладить завитые и негофренные волосы, снять съ головы золотую повязку, то передъ нами остается неизмѣнный характерный типъ ассиріянина, какъ двѣ капли воды похожій на тѣхъ семитовъ, изображенія которыхъ мы уже видѣли на старинныхъ сумерійскихъ рисункахъ (ср., напр., рис. на стр. 119 и 122). Ассиріяне отличались отъ аморреевъ болѣе строгимъ и болѣе сосредсточеннымъ видомъ: аморреи—живые, подвижные степняки-купцы, ассиріяне — сосредоточенные, закаленные въ опасностяхъ горцы.

Ихъ суровый характеръ сложился подъ вліяніемъ природы ихъ страны и той жизни, какую пришлось имъ тамъ вести. Мы уже говорили въ главѣ IV, что природа сѣверной Месопотаміи отличается отъ природы Сеннаара. Сѣверная граница Сеннаара проходитъ тамъ, гдѣ кончается аллювіальная равнина, образованная морскими наносами. Далѣе къ сѣверу идетъ уже степная равнина, сдавленная между пустыней на западѣ и горами на востокѣ. Почва этой степи далеко не такая плодородная, какъ почва Сеннаара, состоящая наполовину изъ перегноя морскихъ животныхъ и растеній; разливы рѣкъ здѣсь также не столь широки, какъ на

югѣ. Для земледѣльческаго хозяйства въ сѣверной Месопотаміи нѣтъ, слѣдовательно, такихъ же благо-

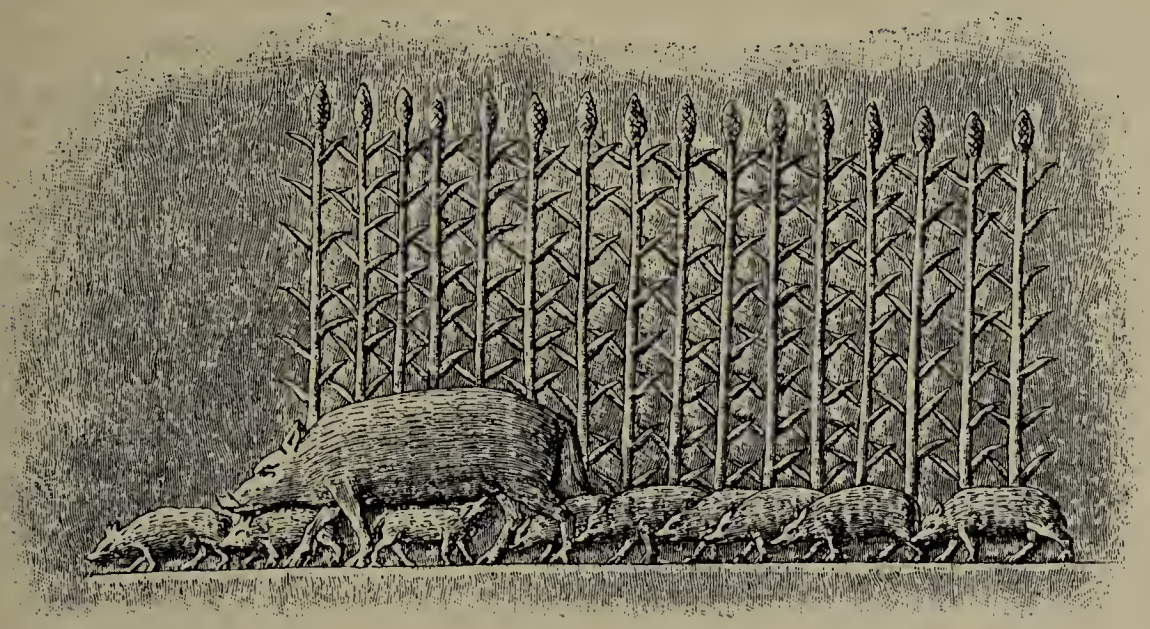
Голова ассиріянина.

пріятныхъ условій, какъ на югѣ. Но зато природа способствуетъ тамъ такимъ промысламъ, которые никогда

не могли достигнуть большого развитія въ Сеннаарѣ. Шелковистыя травы степей чрезвычайно благопріятны для разведенія скота; огромныя стада его всегда паслись вокругъ храмовъ и усадебъ богатыхъ людей. Ассиріяне были хорошіе скотоводы, и когда ассирійскіе цари стали совершать большіе завоевательные походы, не было для ассирійскаго войска лучшей добычи, какъ стада побѣжденнаго народа. Одинъ изъ первыхъ царей-завоевателей, Тиглатъ-Пилесеръ I, ходилъ на сѣверъ, въ страну Наири (такъ называлась тогда страна, составляющая теперь турецкую и русскую Арменію, отъ озеръ Урміи и Вана до главнаго Кавказскаго хребта), угналъ оттуда всѣ стада, какія могъ захватить, и наложилъ на страну дань скотомъ. Въ противоположность сумерамъ, рѣдко изображавшимъ животныхъ на стѣнныхъ картинахъ и рельефахъ, ассирійскіе художники любили изображать животныхъ и достигли въ этомъ отношеніи большого искусства (см. ассир. рельефъ на стр. 103). Когда пойдетъ рѣчь о живописи, украшавшей стѣны дворцовъ ассирійскихъ царей, мы будемъ имѣть случай познакомиться съ искусствомъ ассирійскихъ художниковъ.

Но скотоводство не было самымъ первымъ и главнымъ промысломъ ассиріянъ. Когда ассиріяне пришли въ долину Двурѣчья, они прошли въ восточную часть долины и поселились между Тигромъ и горами; Тигръ—ассирійская рѣка, какъ Евфратъ—вавилонская рѣка. Въ долинѣ Тигра во многихъ отношеніяхъ имъ было лучше, чѣмъ въ западной части долины Двурѣчья. Лучше были здѣсь пастбища,—чѣмъ ближе къ пустынѣ, тѣмъ степь становилась скуднѣе, тѣмъ скорѣе засыхала лѣтомъ трава, тѣмъ больше отвоевывали у нея мѣсто пески. Ближе къ горамъ губительное вѣяніе пустыни чувство-

валось меньше; сочнѣе была трава, больше было влаги. Но, кромѣ того, въ предгоріяхъ и въ самыхъ горахъ были густыя заросли кустарника, привольныя мѣста для дикихъ звѣрей. Дикіе кабаны, олени и серны водились въ изобиліи въ этихъ заросляхъ; но тамъ же гнѣздились и львы, дерзкіе хищники, нападавшіе на стада и иногда производившіе среди нихъ цѣлыя опустошенія. Пасту-



Вепри въ заросляхъ тростника.

ху-ассиріянину, поэтому, приходилось непремѣнно быть также и охотникомъ. Онъ былъ въ вѣчной борьбѣ со львами; въ этой борьбѣ развивались и передавались изъ поколѣнія въ поколѣніе неустрашимость, ловкость и презрѣніе къ опасности. Вавилонскій герой Гильгамешъ пріобрѣлъ особую популярность среди ассиріянъ именно благодаря тому, что онъ былъ лихимъ охотникомъ, и въ числѣ его подвиговъ было сраженіе со львомъ. Его изображали ассирійскіе художники не иначе, какъ съ убитымъ львомъ въ рукахъ (см. рис. на стр. 278). Охота

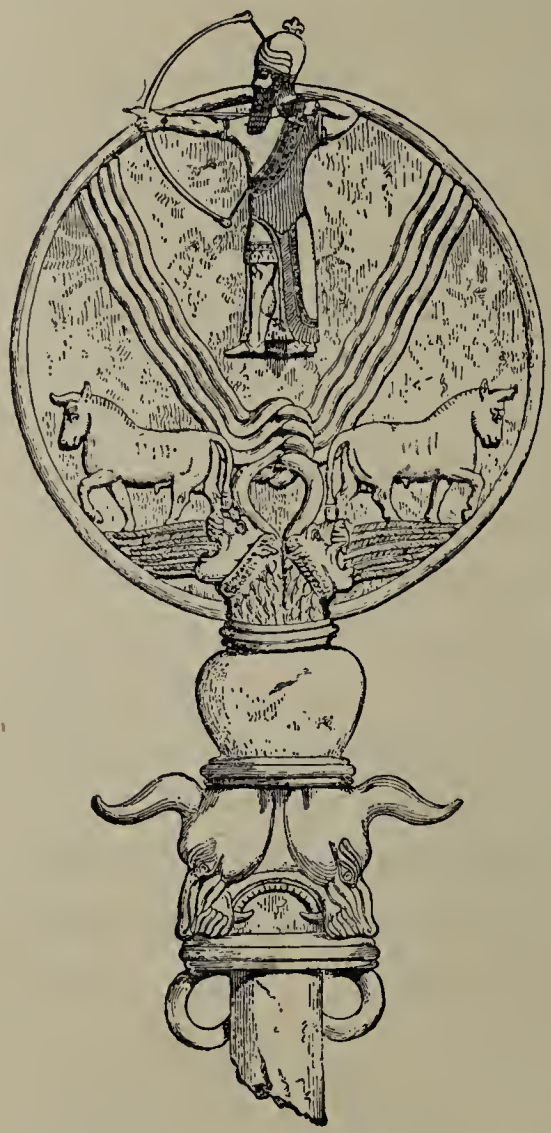
за львами была необходимостью, борьбою на жизнь и смерть. Но она пріучала и къ другимъ видамъ охоты. Убить дикаго вепря, изловить дикаго быка, наловить рыбы въ рѣкѣ было самымъ привычнымъ дѣломъ для ассиріянина. Блуждая безъ устали по горамъ въ погонѣ за дичью, ассиріянинъ становился съ юныхъ лѣтъ ловкимъ стрѣлкомъ, неутомимымъ ходокомъ, ловкимъ и находчивымъ во всѣхъ встрѣчавшихся ему затрудненіяхъ. Такъ постепенно выработались въ ассиріянинѣ тѣ качества, которыя впослѣдствіи превратили ассиріянъ въ непобѣдимыхъ и неподражаемыхъ солдатъ. Пророкъ Исаія совершенно правильно описалъ ассиріянъ. «Ягве призвалъ народъ съ края земли; поспѣшно и быстро онъ двигается, нѣтъ среди него ни усталыхъ, ни спотыкающихся, никто среди него не спитъ, не развязывается поясъ на бедрахъ его, и не рвется ремень на сандаліяхъ его; стрѣлы его наточены, и всѣ луки его натянуты, копыта коней его, какъ кремень, колеса колесницъ его, какъ вихрь, ревъ его, какъ ревъ львицы, рычатъ они, какъ молодые львы, хватаютъ добычу и уносятъ ее, и никто не спасетъ отъ нихъ».

Въ этомъ отношеніи ассиріяне очень отличались отъ жителей Сеннаара, мирныхъ земледѣльцевъ и садоводовъ. Было въ странѣ ассиріянъ еще одно преимущество передъ Сеннааромъ. Горы, прилегающія къ Сеннаару, были заняты враждебными эламитами и другими горными племенами, съ которыми сумерамъ и вавилонянамъ приходилось вести постоянную борьбу. Поэтому, для того, чтобы имѣть камень, металлы и другія горныя ископаемыя, жителямъ Сеннаара, какъ намъ уже извѣстно, приходилось предпринимать иной разъ далекіе и опасные походы. Ассиріяне сами владѣли горами, и

въ ихъ распоряженіи были богатыя залежи самаго разнообразнаго камня и различныхъ металловъ и минераловъ. Въ горахъ, прилегавшихъ къ Ассуру, были богатыя ломки песчанника, мрамора, базальта и алебастра; тутъ же были нефтяные источники и источники асфальтовой смолы, замѣнявшей для жителей Месопотаміи цементъ, а также большія залежи сѣры. Въ сосѣдней цѣпи горъ, ближе къ теперешнему Курдистану, въ тѣ времена совершенно дикой и безлюдной, ассиріяне могли добывать золото, серебро, желѣзо и свинецъ, а въ цѣпяхъ горъ, соединяющихъ Ассуръ съ Малой Азіей, были мѣсторожденія мѣди, олова и сурьмы. Всѣми этими богатствами ассиріяне могли пользоваться свободно или безъ большихъ затрудненій; богатства эти были настолько обильны, что Эламскія горы не могли итти съ ассирійскими горами ни въ какое сравненіе. Сами ассиріяне не могли использовать ихъ для своихъ нуждъ цѣликомъ; оставались огромные излишки, которые въ сыромъ видѣ можно было легко сбыть на югъ, въ Вавилонію. Скотоводы и охотники, ассиріяне рано стали также купцами. Въ одной рукѣ они несли мечъ, а въ другой—вѣсы и гири. Когда они сблизились съ вавилонянами, то богъ Набу, богъ путешественниковъ и купцовъ, сталъ скоро самымъ любимымъ ихъ богомъ, братомъ ихъ великаго Ассура.

Ассиріяне были первоначально небольшимъ племенемъ. Въ то время какъ у семитовъ и сумеровъ Сеннаара былъ цѣлый рядъ мѣстныхъ боговъ-покровителей, каждый изъ которыхъ «царствовалъ» надъ своими людьми, у ассиріянъ былъ только одинъ племенной богъ, по имени котораго они назывались. Такая же разница была и въ числѣ центровъ. Южный Сеннааръ былъ раздробленъ

на нѣсколько мелкихъ областей, со своимъ центромъ въ каждой области; въ Ассиріи былъ издавна только одинъ центръ, Ассуръ, гдѣ и жили ассирійскіе цари. Немногочисленное племя было, однако, сильно своею сплоченностью. Оно было единымъ и цѣльнымъ; служило одному богу и повиновалось одному царю. Впослѣдствіи, когда ассирійскій мечъ покорилъ себѣ множество странъ, всѣ побѣжденные обязаны были признавать культъ Ассура. Сами же ассиріяне усвоили себѣ культъ лишь немногихъ вавилонскихъ боговъ. Кромѣ Набу, они признали еще Бэла-Мардука, Иштаръ, Ану, Эа и Нуску. Только этимъ богамъ вошло въ обычай настоящее поклоненіе; прочіе боги поминались также въ молитвахъ и гимнахъ, но имена ихъ были мертвыми звуками.



Знамя Ассура.

Ассуръ былъ племеннымъ богомъ. Не въ примѣръ богамъ сумерійскихъ и семитскихъ городовъ Сеннара, онъ долго не считался связаннымъ ни съ какимъ явленіемъ природы. Правда въ позднѣйшихъ гимнахъ часто называется онъ богомъ солнца, но это дѣлалось изъ подражанія гимнамъ Мардуку. Ассуръ изображался чаще всего въ

видѣ охотника съ лукомъ и вмѣстѣ съ быками. Быкъ вообще былъ любимымъ животнымъ ассиріянъ; геніевъ-хранителей ассиріяне часто изображали также въ видѣ быковъ. Какъ мы знаемъ, въ видѣ быка изобра-

Иштаръ-воительница.

жали своего бога также сыны Израиля и вавилоняне, такъ какъ, быть можетъ, быкъ былъ когда-то обще-семитскимъ тотемомъ. Ассуръ сначала считался богомъ-покровителемъ охоты; но съ теченіемъ времени, когда начались постоянныя войны, Ассуръ сталъ преимущественно богомъ войны. Въ гимнахъ Ассуру съ тѣхъ поръ восхваляется его богатырская сила; всѣ свои побѣды ассирійскіе цари приписывали ему. Въ своихъ

надписяхъ они не говорятъ: «я побѣдилъ», но говорятъ «Ассуръ побѣдилъ». Супругою Ассура была провозглашена въ эпоху завоеваній богиня Иштаръ. На сѣверѣ Сеннаара ее почитали въ качествѣ богини войны и еще во времена Хаммураби изображали ее иногда въ видѣ торжествующей свирѣпой побѣдительницы. На одномъ камнѣ въ горахъ была сдѣлана рельефная картина, изображающая Иштаръ, ведущую къ царю плѣнныхъ; одною ногой она попираетъ побѣжденнаго воина. Въ гимнахъ Иштаръ, составленныхъ въ Ассиріи, богиня называется: «воительница Иштаръ, могучая среди богинь, судія неба и земли». Иштаръ сравнивается съ шакаломъ, выходящимъ на охоту за ягнятами, со львомъ, рыскающимъ въ поляхъ. Этотъ образъ богини совсѣмъ непохожъ на ея любвеобильный образъ, сложившійся на югѣ; а въ отличіе отъ южной богини Иштаръ воительницу Иштаръ называли ассирійской Иштаръ.

Войны, безпрерывныя войны начинаютъ ассиріяне съ XIV вѣка. Шесть вѣковъ тянулись эти войны, съ небольшими перерывами. За это время знамя бога Ассура, сопровождавшее повсюду ассирійскія арміи, побывало въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ тогдашняго культурнаго міра. Его видѣли и преклонились передъ нимъ и вавилоняне, и эламиты, и обитатели Кавказа и южныхъ береговъ Чернаго моря; оно прошло по всему южному побережью Средиземнаго моря, чрезъ Сирію, Финикію, Палестину, вплоть до Нильской долины. Казалось, что Ассуръ—ненасытный богъ, вѣчно жаждущій крови и побѣдъ; не можетъ онъ долго оставаться на мѣстѣ, вѣчно хочетъ двигаться, воевать и торжествовать побѣды. Чѣмъ же объясняются эти безпрерывные

походы? Неужели только одною жестокостью и кровожадностью ассирійскихъ владыкъ, какъ думали древніе израильтяне, и какъ думаютъ до сихъ поръ многіе люди, знакомые съ исторіей ассиріянъ въ ея обычномъ освѣщеніи? Неужели ассирійскіе воины безпрекословно ходили въ походы, лили свою кровь и полагали свою жизнь только за то, чтобы доставить своимъ царямъ удовольствіе выколоть собственноручно глаза побѣжденнымъ царямъ или обшить стѣну кожей, содранной съ плѣнныхъ враговъ? Конечно, ни одна армія въ мірѣ, какъ бы послушна она ни была, не станетъ проливать кровь свою ради такихъ безсмысленныхъ и ненужныхъ жестокостей. Были причины, заставившія ассиріянъ вести эти безпрерывныя войны и расправляться самымъ жестокимъ образомъ съ нѣкоторыми изъ побѣжденныхъ народовъ.

О первой побудительной причинѣ говорятъ намъ сами ассирійскіе цари, въ своихъ надписяхъ о первыхъ походахъ. Въ завоеванныхъ странахъ ассиріяне основываютъ свои колоніи, поселяютъ часть своего войска. Этотъ обычный пріемъ первыхъ ассирійскихъ завоевателей ясно говоритъ намъ, что́ заставило ассиріянъ двинуться въ первые походы. Охота и скотоводство перестали уже къ XIV вѣку удовлетворять потрєбности ассирійскаго народа. Ассиріяне могли бы, подобно своимъ южнымъ сосѣдямъ, устроить сѣть водяныхъ сооруженій и перейти къ земледѣльческой культурѣ, распахать и засѣять возможно большее число полей Но всегда кажется проще остаться при старомъ образѣ жизни, а лишнее населеніе выселить. Если бы въ Ассиріи, какъ въ Сеннаарѣ или Египтѣ, почва сама по себѣ была бы плодороднѣе, то переходъ къ чисто земледѣльческому

хозяйству былъ бы не труденъ; но почва Ассиріи нуждалась и въ орошеніи, и въ удобреніи, а потому тамъ переходъ къ земледѣльческому хозяйству былъ много труднѣе, чѣмъ въ Египтѣ или Сеннаарѣ. Между тѣмъ жизнь охотниковъ-скотоводовъ воспитала въ ассиріянахъ свойства характера, мало подходящія къ кропотливой и неустанной работѣ земледѣльца. Рыть каналы, распахивать землю, засѣвать ее, собирать жатву—за все это ассиріянинъ принимался неохотно; легче и скорѣе ему казалось достать готовое, чѣмъ приготовлять свое. А готовое было подъ руками. Южная Месопотамія была, какъ цвѣтущій садъ, вся воздѣлана и давала огромные урожаи, въ то время какъ въ Ассиріи было еще немного засѣянныхъ полей и садовъ. Завоевать Вавилонію казалось нетруднымъ и прибыльнымъ дѣломъ. Какъ разъ въ началѣ XIV вѣка произошло событіе, которое заставило ассиріянъ обратить свое вниманіе на югъ. Между Ассиріей и Вавилоніей образовалось царство хеттскаго племени митанни, врѣзавшись между ними, точно клиномъ. Хеттскіе митанни грозили независимости Ассиріи, и ассиріянамъ пришлось съ ними воевать. Ихъ царство было побѣждено и разрушено; пришлось попутно столкнуться и съ великой хеттской державой. Побѣды окрылили стремленія ассиріянъ, и около 1300 года они лавиной обрушились на Вавилонію. Отъ сѣвера до юга прошли черезъ Вавилонію ассирійскіе полки и подчинили ее. Но подчиненіе было временное и непрочное. Въ густо населенной странѣ нельзя было устроить большихъ колоній; а со своей родины ассирійскіе цари не могли поддерживать подчиненіе богатой и привыкшей къ независимости Вавилоніи. У нихъ оказались другія хлопоты и заботы, обратившія ихъ вниманіе на сѣверъ.

Къ сѣверу отъ Ассиріи, въ горныхъ областяхъ, гдѣ начинаются Тигръ и Евфратъ, находилась, какъ я уже говорилъ, страна, называвшаяся ассиріянами Наири. Обитатели этой страны, которые, повидимому, были сродни хеттамъ, постоянно безпокоили ассиріянъ. Страна Наири вся перегорожена горами; въ долинахъ она очень плодородна, уже въ тѣ далекія времена была покрыта виноградниками, дававшими вино, славившееся во всей Месопотаміи. Но узкія долины Наири пересѣкаются горными цѣпями, поднимающимися отвѣсными базальтовыми скалами, совершенно голыми и безплодными. Скалы и горы были чрезвычайно удобны для устройства на нихъ неприступныхъ замковъ; въ каждой долинѣ былъ такой замокъ, каждая долина была занята мелкимъ княземъ, жившимъ здѣсь со своимъ племенемъ, въ родѣ мелкихъ грузинскихъ или черкесскихъ князей нашего Кавказа. Князей было очень много; иногда они соединялись для общаго военнаго похода въ общій союзъ, главнымъ образомъ, противъ ассирійскихъ царей; одинъ союзъ состоялъ изъ 23 князей, другой изъ 60. Князья Наири и ихъ подданные находились въ гораздо болѣе худшемъ положеніи, чѣмъ ассиріяне. Стѣсненные горами, они постоянно стремились къ завоеваніямъ; постоянно уходили изъ ихъ страны отряды лишней молодежи искать себѣ счастья на чужбинѣ. Всѣ стремленія, всѣ помыслы князей Наири были обращены на югъ. Къ сѣверу отъ нихъ были тѣ же горы, поднимавшіяся все выше и выше, и, наконецъ, громоздившіяся непреодолимой стѣной Кавказскаго хребта; въ долинахъ нашего Закавказья сидѣли все такіе же князья, каждую долину пришлось бы брать отдѣльно, не щадя жертвъ. А на югъ горы постепенно расходились и спускались, а за ними открыва-

лась благодатная долина Двурѣчья. И подобно хеттамъ, нѣсколько вѣковъ тому назадъ спустившимся съ тѣхъ же горъ въ Аравійско-Месопотамскую равнину, князья Наири также стали пытаться проникнуть въ южную равнину. Первая страна, находившаяся на ихъ пути, была Ассирія. И въ то время, когда ассирійское войско побѣдоносно шло черезъ Вавилонію, князья Наири медленно спускались внизъ по теченію Тигра и Евфрата, чтобы завладѣть Ассиріей. Первые крупные ассирійскіе цари принуждены были повернуться съ юга на сѣверъ и итти отражать сѣверныхъ враговъ. Первое нашествіе было отражено, и настала лѣтъ на 200 передышка; но въ теченіе ея не прекращались мелкіе набѣги сѣверянъ, а около 1100 года борьба возобновилась съ особою силою.

Такъ, съ двухъ концовъ, съ сѣвера и съ юга, завязывались военныя предпріятія. Не было увѣренности въ мирномъ теченіи жизни, а безъ такой увѣренности не могъ быть успѣшенъ трудъ земледѣльца. Ассиріянинъ всегда долженъ былъ готовиться къ тому, чтобы перемѣнить свою соху на мечъ, свои охотничьи тенета—на тугой лукъ. При такихъ обстоятельствахъ постепенно ассирійскій народъ становится военнымъ народомъ; каждый ассиріянинъ съ малолѣтства пріучался владѣть оружіемъ и всегда былъ готовъ по первому призыву царя стать въ ряды войска. Будущее счастіе Ассиріи стало зависѣть отъ ея военныхъ успѣховъ. Послѣ первыхъ шаговъ Ассиріи на военномъ поприщѣ, около 1100 года началось быстрое усиленіе Ассиріи. За 200—300 лѣтъ затишья между первымъ покореніемъ Вавилона и первыми далекими побѣдоносными походами Тиглатъ-Пилесера I ассиріяне дѣятельно готовились къ предстоящей борьбѣ. За это время культура Ассиріи быстро

развилась, и походы Тиглатъ-Пилесера происходили уже не прежнимъ порядкомъ полуразбойничьяго-полувоеннаго набѣга, но были организованными, систематическими военными предпріятіями. Все то, что нужно было для этого, ассиріяне заимствовали у вавилонянъ, съ которыми послѣ перваго завоеванія сохранились у нихъ самыя близкія сношенія.

XIX.

Войны ассиріянъ.

Около 1117 года до Р. Х. началась царствованіемъ Тиглатъ-Пилесера I первая великая эпоха ассирійскихъ походовъ и завоеваній. Тиглатъ-Пилесеръ и всѣ его преемники соблюдали обычай оставлять надписи на мѣстахъ своихъ побѣдъ. Ихъ вырѣзывали на камнѣ, на какой-либо горѣ близъ взятаго города или укрѣпленія; выбирали такую скалу, къ которой трудно было добраться, чтобы никто не могъ испортить надпись и изгладить память о славныхъ побѣдахъ, въ ней описанныхъ. Персидскіе цари впослѣдствіи подражали этому обычаю; мы имѣемъ понятіе объ одной изъ ихъ надписей, Бегистунской, и помнимъ, какъ высоко и недоступно она была расположена. Изъ надписей ассирійскихъ царей и изъ рельефныхъ рисунковъ, которые на нихъ вырѣзывались, мы узнаемъ о томъ, какія трудности встрѣчались ассирійскимъ царямъ на походахъ, и какъ они ихъ преодолѣвали.

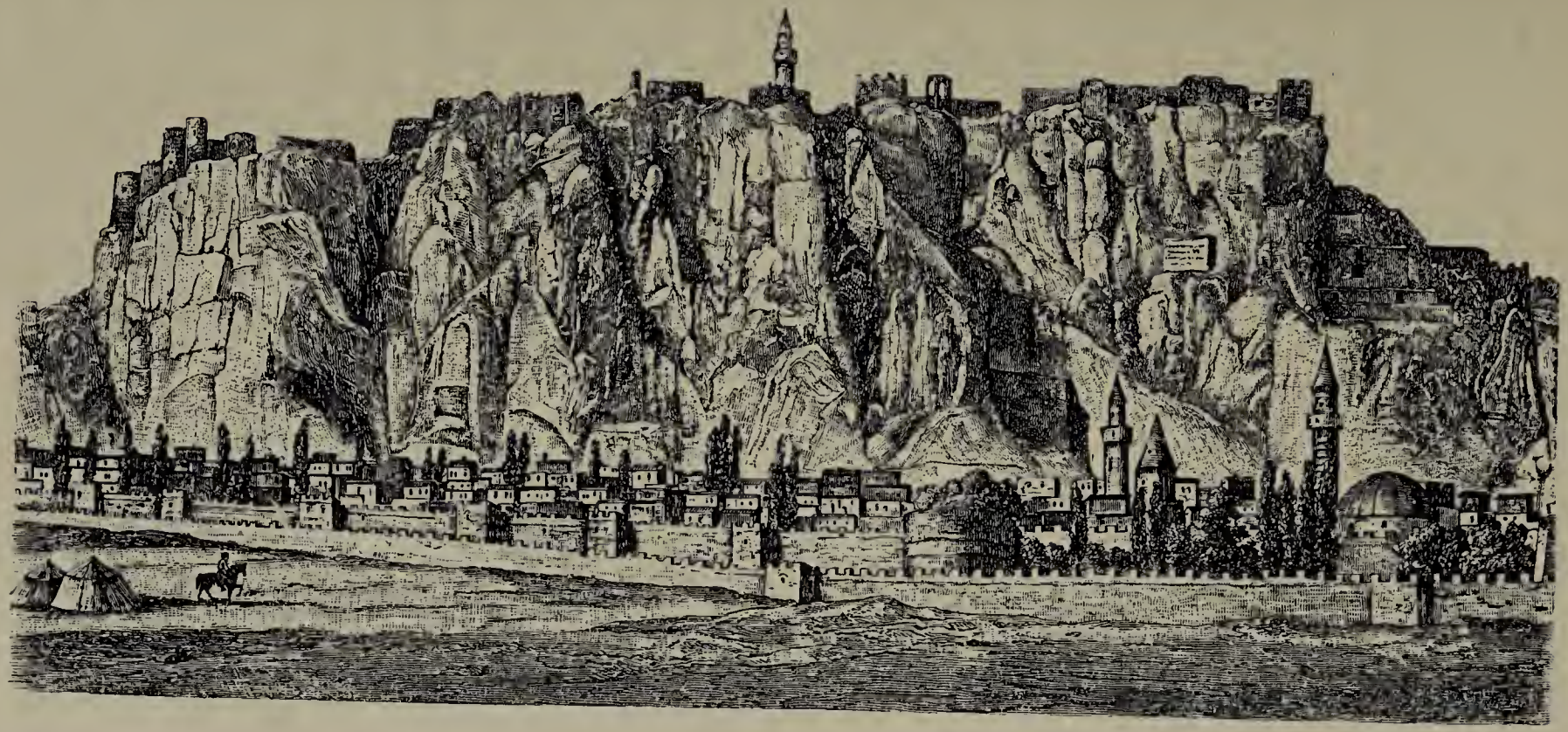
Тиглатъ-Пилесеръ I совершилъ восемь или девять походовъ; самымъ труднымъ изъ нихъ былъ четвертый по-

ходъ въ страну Наири. «Въ тѣ дни»—говорилъ объ этомъ походѣ Тиглатъ-Пилесеръ въ своей надписи: «послалъ меня богъ Ассуръ въ далекія царства на берегахъ верхняго (западнаго, т.-е. Чернаго) моря, которыя не знали доселѣ ига. И вышелъ я въ походъ. По труднымъ дорогамъ, крутымъ проходамъ, въ которые не проникалъ дотолѣ ни одинъ царь, по непроложеннымъ путямъ, по невѣдомымъ подъемамъ пришлось мнѣ итти. Черезъ горы (перечисляется 14 горныхъ хребтовъ) перешелъ я, по хорошимъ дорогамъ ѣхалъ на боевой колесницѣ, по плохимъ прокладывалъ путь себѣ ударами топора... Мосты для прохода войска моего я прекрасно поставилъ»... Трудные перевалы черезъ горы особенно охотно любили изображать на рельефахъ ассирійскіе художники. Въ лѣсистой и горной мѣстности за каждымъ деревомъ могла быть засада; осторожно, по одиночкѣ пробирались солдаты, опираясь на копье, цѣпляясь за выступы скалъ одною рукою, а другою рукою придерживая тяжелый круглый щитъ, необходимую принадлежность вооруженія всякаго ассирійскаго воина. Время отъ времени приходилось присаживаться и отдыхать, поправляя сандаліи, легко развязывавшіяся и разбивавшіяся на тяжеломъ горномъ пути. Много выдержки, ловкости и сообразительности требовалось во время такихъ переходовъ отъ солдатъ; только врожденная ловкость горнаго охотника, какимъ былъ ассирійскій солдатъ, помогала ему преодолѣвать всѣ опасности и трудности горнаго похода. Но послѣ того, какъ горный путь былъ пройденъ, и войско ассирійское достигло страны Наири, начались новыя, еще болѣе тяжелыя трудности. «Двадцать три царя страны Наири собрали свои колесницы и войска» — разсказываетъ дальше

Тиглатъ-Пилесеръ,—«и выступили сражаться со мною... Сокрушительной силой моего оружія одолѣлъ я ихъ... 120 колесницъ ихъ взялъ я въ бою, 60 царей странъ Наири преслѣдовалъ я до береговъ верхняго моря моимъ боевымъ мечомъ. Ихъ укрѣпленные города завоевалъ я, ихъ стада безчисленныхъ коней, муловъ и телятъ и все безчисленное достояніе ихъ пастбищъ взялъ я»... Въ открытомъ полѣ сраженіе рѣшалось численностью, лучшимъ вооруженіемъ и большею отвагою; но не такъ легко было завоевать укрѣпленные города. Укрѣпленія въ странѣ Наири были почти неприступны; ихъ нельзя было и сравнивать съ ассирійскими или вавилонскими крѣпостями, расположенными на невысокихъ искусственныхъ холмахъ. Цари Наири устраивали ихъ на недоступныхъ вершинахъ и скалахъ, куда, кажется, взобраться можно было только на крыльяхъ. На такой недоступной вершинѣ былъ, напримѣръ, расположенъ одинъ изъ главныхъ городовъ Наири, Біайна, у озера Ванъ. Теперь на мѣстѣ древняго Біайна стоитъ армянскій городъ Ванъ. Онъ расположенъ у подошвы почти отвѣсной скалы, изрытой утесами и узкими расщелинами. Съ правой стороны отъ теперешней мечети, вырублена въ скалахъ узкая крутая тропинка, по которой только и можно взобраться на вершину скалы, гдѣ еще уцѣлѣли остатки старинной крѣпости. Труденъ подъемъ по этой тропинкѣ, а подъ ударами сверху со стороны защитниковъ крѣпости почти невозможенъ. Однако, ассиріянамъ удалось взять этотъ кажущійся неприступнымъ замокъ, о чемъ гласитъ надпись, высѣченная на скалѣ, направо отъ тропинки. Столь же неприступно были расположены другіе города страны Наири. Не меньшія трудности приходилось прео-

долѣвать ассирійскимъ царямъ и ихъ арміямъ при взятіи городовъ въ Сиріи, Палестинѣ и Финикіи. Это также горныя страны, и укрѣпленные города строились тамъ, какъ и въ странѣ Наири, на высокихъ, недоступныхъ скалахъ. Легче было брать крѣпости, расположенныя на невысокихъ искусственныхъ холмахъ; но и тамъ не такъ-то просто было преодолѣвать препятствія, которыя представляли изъ себя толстыя стѣны, иной разъ не менѣе сажени толщиной. Между тѣмъ, если мы перечитаемъ всѣ побѣдныя надписи ассирійскихъ царей, мы увидимъ, что не было, кажется, ни одной крѣпости, которая устояла бы передъ ассиріянами, какъ бы сильна она ни была.

Кромѣ этихъ безчисленныхъ и славныхъ побѣдъ на сушѣ, ассирійскіе цари могли похвалиться также успѣшными морскими походами. Царь Ассаргаддонъ ходилъ войною на островъ Кипръ; въ своей надписи онъ хвалится, что «переплылъ море, какъ рыба». Царь Санхерибъ (Сеннахеримъ) совершилъ большой морской походъ на югъ, въ Персидскій заливъ, въ южныя страны Аравіи, для чего ему понадобился огромный флотъ, сооруженный для него финикіянами. Отправляясь въ походъ, царь ассирійскій не могъ оставить свою страну беззащитной. Ассирія всегда могла подвергнуться нападенію со стороны степныхъ кочевниковъ-семитовъ, и со стороны горцевъ. Поэтому, приходилось принимать мѣры на случай нападенія врага въ отсутствіе царя и войска. Строились сильныя крѣпости, въ которыхъ ставились гарнизоны и устраивались большіе склады хлѣба и другихъ жизненныхъ припасовъ. Царь Тиглатъ-Пилесеръ I, начавшій завоевательные походы, положилъ начало и этимъ крѣпостямъ и хлѣбнымъ магазинамъ.



Городъ и скала Ванъ (современный видъ).

Мы видимъ отсюда, что военное дѣло у ассиріянъ было организовано прекрасно; ассиріяне умѣли производить очень сложныя и трудныя военныя сооруженія и осадныя работы. Какимъ образомъ могли научиться они все это дѣлать? Какъ грубые охотники и скотоводы могли стать хорошими инженерами и строителями? Вѣдь у нихъ во времена Тиглатъ-Пилесера I былъ всего только одинъ городъ, Ассуръ; другой городъ, Калахъ, основанный лѣтъ за 300—250 до Тиглатъ-Пилесера, едва влачилъ жалкое существованіе. Если выносливость, находчивость и ловкость могли дать воспитаніе и привычки, то научныя знанія нельзя было получить, гоняясь за львами, пася стада или распахивая пашню.

Наука и инженерное дѣло были у ассиріянъ не свои а заимствованныя. Учителемъ ихъ былъ тотъ самый Вавилонъ, который они временно подчинили своей власти. Къ Вавилону и его культурѣ ассиріяне относились съ величайшимъ почтеніемъ и не позволяли себѣ тамъ тѣхъ жестокостей, какими запятнали себя въ другихъ странахъ; только одинъ изъ позднѣйшихъ ассирійскихъ царей позволилъ себѣ разгромить Вавилонъ за попытку отложиться отъ власти ассирійскаго царя. Преклоненіе ассиріянъ передъ вавилонской культурой началось у нихъ со времени ихъ перваго знакомства съ нею. Это было еще во времена Хаммураби, когда, какъ мы помнимъ, вавилонскіе отряды стояли въ Ассиріи поддерживая тамъ власть вавилонскаго царя. Съ тѣхъ поръ начались постоянныя сношенія ассиріянъ съ вавилонянами; вавилоняне получали изъ Ассиріи металлы и минералы, которыя перерабатывались въ мастерскихъ Вавилона и Борсиппы въ различныя издѣлія а въ Ассирію отправляли хлѣбъ и финики. Когда окол

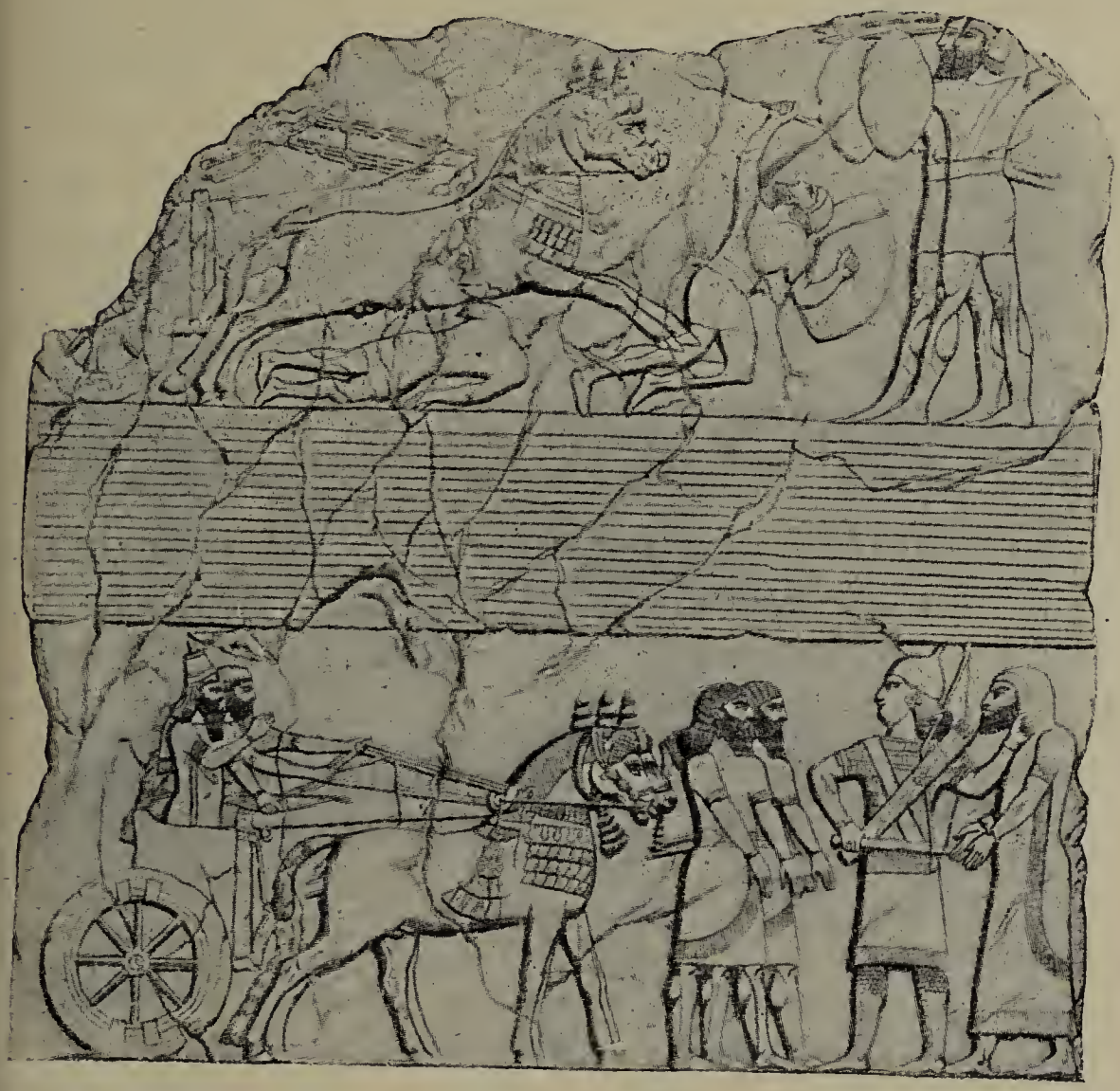
1300 года Вавилонія впервые была завоевана ассиріянами, ассиріяне еще больше подверглись вліянію вавилонской культуры. Ихъ цари, побывавъ въ Ниппурѣ и познакомившись съ ученостью жрецовъ Энлиля, стали называть святилище своего бога Ассура названіемъ Экура; въ гимнахъ Ассуръ провозглашался сыномъ Энлиля-Бэла, которому божественный родитель отдалъ власть надъ всей вселенной. Мы уже знаемъ, что съ того же времени супругою Ассура была объявлена богиня Иштаръ; кромѣ того, вавилонскій богъ грозы и бури, Ададъ-Рамманъ, сталъ также однимъ изъ самыхъ любимыхъ ассирійскихъ божествъ.

Преклоненіе ассиріянъ передъ вавилонской культурой замѣтнѣе всего въ религіи. Но это только на первый взглядъ; въ слѣдующей главѣ мы увидимъ, что рѣшительно во всѣхъ отрасляхъ культуры ассиріяне были только вѣрными учениками Вавилона. Въ значительной степени то же самое мы видимъ и въ военномъ дѣлѣ. Правда, у вавилонянъ военное дѣло не стояло особенно высоко. Ни сумерійскіе, ни семитскіе государи не совершали далекихъ походовъ, не предпринимали долгихъ и трудныхъ осадъ крѣпостей; поэтому, для военнаго дѣла усовершенствованій они сдѣлали немного. Но зато они были вообще хорошими инженерами. Мы уже знаемъ, что еще болѣе, чѣмъ за 3000 лѣтъ до Р. Х., тогда, когда еще не было и въ поминѣ ассиріянъ, въ Сеннаарѣ уже были очень сложныя инженерныя сооруженія. Были каналы и плотины; были водопроводы, и притомъ не только надземные, но и подземные; сумеры умѣли дѣлать подземные ходы и галлереи, умѣли проводить ихъ на далекомъ разстояніи. Тогда же были у нихъ уже и огромныя постройки. Изъ нихъ, какъ мы знаемъ, вы-

давались зиккураты, огромныя ступенчатыя башни-храмы; строить ихъ было нелегко, нелегко было соблюдать пропорцію частей, чтобы башня не обрушилась отъ собственной тяжести. Для всѣхъ такихъ работъ нужно было производить точные разсчеты, дѣлать чертежи; на очень старинныхъ глиняныхъ таблеткахъ сохранились математическіе чертежи и вычисленія. Инженерное и строительное дѣло процвѣтало въ Сеннаарѣ, и ему научились у вавилонянъ ассиріяне. Заслуга ассиріянъ состояла только въ томъ, что познанія вавилонянъ въ инженерномъ дѣлѣ, примѣнявшіяся ими для мирныхъ цѣлей, ассиріяне приспособили и примѣнили для военнаго дѣла. Мы, къ сожалѣнію, не знаемъ, какіе были инженеры въ ассирійскихъ войскахъ, вавилонскіе ли инженеры, приглашенные на ассирійскую службу, или ассирійскіе инженеры, получившіе образованіе въ Вавилонѣ; ассирійскіе цари въ своихъ побѣдныхъ надписяхъ всѣ успѣхи приписываютъ себѣ и не любятъ называть тѣхъ сотрудниковъ, труды и знанія которыхъ давали имъ побѣды. По всей вѣроятности, у Тиглатъ-Пилесера I и его ближайшихъ преемниковъ были на службѣ вавилонскіе инженеры. Позднѣе, при послѣднихъ ассирійскихъ царяхъ, могли быть и ассирійскіе инженеры, хотя утверждать этого навѣрное нельзя. Санхерибъ, одинъ изъ послѣднихъ ассирійскихъ царей, когда ему понадобился морской флотъ, не нашелъ въ Ассиріи годныхъ для этого корабельщиковъ и заставилъ финикіянъ построить себѣ флотъ. Постройка кораблей, однако, гораздо болѣе простое дѣло, чѣмъ устройство подкопа подъ крѣпость или сооруженіе осадной машины.

Познакомимся теперь поближе съ военнымъ искусствомъ ассиріянъ. Ассирійское войско состояло изъ

всѣхъ ассиріянъ, способныхъ носить оружіе; всѣ ассиріяне были прирожденные свободные воины. Но службу каждый несъ сообразно со своимъ достаткомъ. Царь, его



Ассирійскія колесницы.

свита и богатые землевладѣльцы выѣзжали въ походъ и сражались на колесницахъ. Но ассирійскія колесницы были совсѣмъ непохожи на старинныя неуклюжія повозки сумерійскихъ владыкъ, запряженныя ослами. Ассирійская колесница запрягалась парой коней; третій

конь привязывался сбоку и былъ запаснымъ. Легкая высокая колесница ассиріянъ была только на двухъ колесахъ, а не на четырехъ, какъ старинныя колесницы на ослахъ. Такая колесница вошла во всеобщее употребленіе въ Вавилоніи, въ Палестинѣ и въ Египтѣ съ тѣхъ поръ, какъ появились въ этихъ странахъ лошади. Повидимому, первые завели себѣ такія колесницы хетты, отъ нихъ новыя колесницы перешли къ вавилонянамъ, отъ вавилонянъ къ ассиріянамъ. Въ походахъ черезъ горныя мѣстности тяжелыя колесницы были неудобны; поэтому, кромѣ воиновъ на колесницахъ, часть ассирійской конницы стала выѣзжать просто на коняхъ. Воины, сражавшіеся на колесницахъ и на коняхъ, вооружались

Ассирійская конница.

копьемъ и лукомъ со стрѣлами и въ бою употребляли, судя по обстоятельствамъ, то копье, то лукъ. Но главная масса ассирійскаго войска состояла изъ пѣхотинцевъ. Пѣхотинцы, тоже судя по достатку, вооружались либо копьемъ и мечомъ, либо лукомъ со стрѣлами. Воины съ копьемъ и мечомъ считались тяжело-

Ассирійское войско на походѣ въ горной странѣ.

вооруженными; имъ нелегко было тащить съ собою огромное копье съ массивнымъ желѣзнымъ наконечникомъ и тяжелый мечъ, привязывавшійся съ боку. Оружіе это стоило гораздо дороже простого лука со стрѣлами; вооруженный лукомъ воинъ шелъ налегкѣ, съ колчаномъ за спиною, и въ горахъ, гдѣ тяжеловооруженные воины взбирались на подъемы, опираясь на копье, легковооруженные воины вырѣзывали себѣ дубинки. На нѣкоторыхъ барельефахъ, изображающихъ походы

въ горныхъ мѣстностяхъ, легковооруженные воины изображены съ такими дубинками, суковатыми и кривыми, вырѣзанными наскоро тутъ же въ лѣсу, покрывающемъ горы. Необходимую принадлежность всякаго воина, и коннаго и пѣхотинца, составляли кираса и щитъ, дѣлавшійся обыкновенно круглымъ. Кираса надѣвалась на тѣло; она дѣлалась изъ тонкихъ металлическихъ пластинокъ. Щиты предохраняли отъ стрѣлъ и отъ ударовъ копьемъ; въ бою воинъ закрывалъ имъ лицо и грудь. Богатые воины, выѣзжавшіе на колесницахъ и на коняхъ, дѣлали себѣ мѣдные дорогіе щиты, расписанные узорами и рисунками; воины-пѣхотинцы дѣлали щиты попроще, иногда деревянные, иногда просто изъ обруча, на который натягивалась кожа. Такой щитъ плохо предохранялъ отъ удара копьемъ, но могъ защитить отъ раны стрѣлою. Щитъ устраивался такимъ образомъ, что на задней сторонѣ дѣлалось въ немъ приспособленіе для руки, державшей щитъ—или ручка, или скобка, въ которую просовывалась кисть руки. Щитъ находился въ лѣвой рукѣ, и ловко маневрировать имъ давалось не всякому; отъ умѣнія дѣйствовать щитомъ иной разъ зависѣла жизнь воина. Мѣдный шлемъ на головѣ, предохранявшій голову отъ ударовъ, завершалъ снаряженіе ассирійскаго воина.

Раздѣленная на отряды подъ начальствомъ десятниковъ, пятидесятниковъ, сотниковъ, полковниковъ (rab-kisir) и генераловъ (rab-schake) и подъ предводительствомъ самого царя (лишь въ рѣдкихъ случаяхъ замѣнялъ царя его помощникъ, т у р т а н ъ) выступала ассирійская армія въ походъ. Для преодолѣнія трудностей похода, она запасалась разными инструментами и, между про-

чимъ, прочными мѣхами изъ кожи. Эти мѣхи пускались въ дѣло при переправахъ черезъ озеро или рѣку. Ассирійская армія двигалась быстро; цари не любили давать врагамъ время для подготовки къ борьбѣ, и потому старались итти прямо, дѣлая обходы лишь въ случаѣ крайней необходимости. Поэтому, когда на дорогѣ попадалось озеро или рѣка, старались переправиться черезъ нихъ какъ можно скорѣе. Вмѣсто того, чтобы обходить озеро по берегу, переплывали его, если оно не было слишкомъ широко. Тутъ и пускали въ ходъ мѣхи. Они надувались воздухомъ, плотно закупоривались, воины подвязывали ихъ себѣ подъ животъ и переплывали на нихъ быстро и легко на противоположный берегъ. Встрѣтивъ на дорогѣ рѣку, искали поблизости брода; если брода не находилось, то либо переплывали рѣку такимъ же способомъ, какъ и озеро, либо, если рѣка была не очень широкая, строили черезъ нее мостъ. Походные мосты, которыми такъ хвалится въ своей надписи Тиглатъ-Пилесеръ I, строились быстро и очень остроумно. Въ дѣло пускали тѣ же мѣхи. Ихъ связывали другъ съ другомъ въ два или три ряда и перебрасывали черезъ рѣку, сверху наскоро дѣлали настилъ изъ того матеріала, какой былъ подъ рукой, довольствуясь иной разъ просто хворостомъ, и по такому зыбкому мосту переходили черезъ рѣку. Послѣ переправы мостъ снимался, и войско двигалось дальше.

Но самыя трудныя операціи и работы приходилось производить при осадѣ городовъ. Есть два самыхъ простыхъ способа брать укрѣпленныя мѣста: или штурмовать ихъ, брать приступомъ, или облагать со всѣхъ сторонъ плотнымъ кольцомъ и ждать, пока городъ не сдастся отъ голода. Первый способъ очень рискованъ. Нападаю-

щіе должны взбираться на стѣны города по лѣстницамъ, все время подвергаясь ударамъ защитниковъ сверху и не имѣя возможности отвѣчать имъ, такъ какъ руки нападающихъ заняты прилаживаніемъ лѣстницъ и всхожденіемъ по нимъ. Штурмъ крѣпости всегда влечетъ за собою массу жертвъ, и если у защитниковъ крѣпости достаточно силъ и средствъ, они всегда могутъ отбить штурмъ, причинивъ огромный уронъ непріятелю. Поэтому, полководцы, и въ старину и теперь, рѣшаются на штурмъ только тогда, когда навѣрное знаютъ, что осажденные малочисленны, или не имѣютъ большихъ запасовъ снарядовъ. Осаду крѣпости почти никогда не начинаютъ со штурма, но приступаютъ къ штурму только послѣ того, какъ осажденные уже ослаблены болѣе или менѣе продолжительной осадой, если только крѣпость не сдастся скоро сама вслѣдствіе голода. Но это бываетъ довольно рѣдко; осада кончается скоро только тогда, когда осаждающимъ удается лишить осажденныхъ воды, испортивъ водопроводъ или отведя теченіе рѣки, изъ которой осажденные получаютъ воду. Но очень рѣдко бываетъ, чтобы въ городѣ не было другихъ источниковъ воды, кромѣ испорченныхъ, напр., колодцевъ, родниковъ и др. Осада обычно затягивается надолго, и можетъ случиться, что на выручку осажденнаго города придетъ въ это время помощь. Тогда осаду приходится поневолѣ снимать и уходить, или выдерживать сраженіе между двухъ огней: отбиваться и отъ подмоги и отъ осажденныхъ, которые обыкновенно въ этихъ случаяхъ дѣлаютъ вылазку изъ крѣпости. Поэтому, все искусство осаднаго дѣла заключается въ томъ, чтобы облегчить и ускорить штурмъ крѣпости. Съ тѣхъ поръ, какъ были изобрѣтены порохъ и огнестрѣльное оружіе,

это стало довольно просто. Стѣны крѣпости разрушаются въ какомъ-нибудь удобномъ для нападенія мѣстѣ издали, выстрѣлами изъ пушекъ, или взрываются посредствомъ подкопа; въ пробитую брешь устремляются нападающіе, стараясь ворваться внутрь крѣпости. Осажденные могутъ затруднять эти операціи, стараясь также выстрѣлами изъ пушекъ обезвредить батареи нападающихъ, уменьшить ихъ число; впереди стѣнъ дѣлаютъ рвы и валы, загораживаютъ ихъ колючей проволокой. Но обыкновенно это мало помогаетъ. Крѣпости стараго типа, со стѣнами и башнями, не могутъ устоять долго подъ дѣйствіемъ современнаго артиллерійскаго огня, и потому теперь такихъ крѣпостей уже не строятъ. Современныя крѣпости состоятъ изъ ряда отдѣльныхъ укрѣпленій, сдѣланныхъ изъ земли и камня, огражденныхъ волчьими ямами и проволочными загражденіями и взрывчатыми минами, заложенными въ землѣ передъ укрѣпленіями. Пушечные снаряды зарываются въ землю, не причиняя особаго вреда такимъ укрѣпленіямъ, а проволочныя и минныя загражденія чрезвычайно затрудняютъ штурмъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, пространство, занимаемое современными крѣпостями, настолько обширно, что для сплошного обложенія его нужна очень большая армія.

Въ древности не было огнестрѣльнаго оружія, и потому крѣпости, построенныя на высокихъ крутыхъ холмахъ и обнесенныя высокими стѣнами, были почти неприступными. Взять такую крѣпость безъ большихъ жертвъ можно было или только посредствомъ долговременной осады, или при помощи измѣны кого-либо со стороны осажденныхъ. Но послѣднее бывало рѣдко, и потому приходилось прибѣгать къ разнаго рода труднымъ работамъ, чтобы ускорить и облегчить штурмъ. Ассиріяне,

пользуясь инженерными познаніями вавилонянъ, изобрѣли цѣлый рядъ снарядовъ, машинъ и способовъ вести правильную осаду крѣпости и примѣняли ихъ въ различныхъ случаяхъ. Отъ нихъ это осадное искусство было перенято персами, а отъ персовъ его заимствовали греки, завоевавшіе въ IV вѣкѣ персидское царство; отъ грековъ оно перешло къ римлянамъ, которые еще болѣе усовершенствовали осадное дѣло. Познакомимся поближе съ осаднымъ дѣломъ ассиріянъ; оно хорошо извѣстно намъ изъ рельефныхъ изображеній во дворцахъ ассирійскихъ царей.

Главное препятствіе къ проникновенію внутрь старинной крѣпости представляли ея высокія стѣны; штурмъ крѣпости, если стѣны ея были въ цѣлости, былъ самымъ рискованнымъ дѣломъ. Вся задача осаждающихъ и заключалась въ томъ, чтобы какъ-нибудь повредить стѣны, устроить въ нихъ брешь или проломъ, сдѣлать черезъ нихъ такой ходъ, по которому не приходилось бы взбираться кверху. Самый простой по замыслу, но самый трудный по исполненію способъ поврежденія стѣнъ и проникновенія въ осажденный городъ заключался въ томъ, чтобы устроить подъ стѣны подкопъ, подземный ходъ. Такой подкопъ начинали рыть возможно ближе къ крѣпости, чтобы меньше было земляной работы. Выбирали мѣсто, защищенное какимъ-нибудь естественнымъ прикрытіемъ, небольшимъ холмомъ, или скалою; если прикрытія не было, то подъ стрѣлами осажденныхъ ставили заранѣе заготовленные деревянные щиты и навѣсы и начинали работу. Работа была трудная и долгая, и требовала точнаго разсчета. По прямой линіи подкопъ вести было нельзя: осажденные легко могли разсчитать, къ какому

пункту стѣны онъ подойдетъ, и могли заранѣе укрѣпить этотъ пунктъ. Поэтому, углубившись въ землю, подкопъ поворачивали въ сторону и старались подвести его подъ стѣну въ такомъ мѣстѣ, гдѣ осажденные менѣе всего могли ожидать. Подкопъ могъ быть успѣшнымъ средствомъ, однако, лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда условія были для этого благопріятны: когда крѣпость стояла не на каменной горѣ, а на мягкой насыпи, и когда почва вокругъ крѣпости также была мягкая, легко поддавалась ударамъ лопаты или кирки. Подведя подкопъ подъ стѣну, рыли ходъ кверху и ударами лома разрушали фундаментъ стѣны; стѣна осѣдала и обрушивалась, тогда въ образовавшуюся брешь шли штурмомъ осаждающіе.

Подкопъ рѣдко удавался, такъ какъ это слишкомъ сложное сооруженіе, требующее слишкомъ много времени. Смѣлой вылазкой изъ города осажденные всегда могли помѣшать работамъ, перебить саперовъ и засыпать начатый подземный ходъ. Поэтому, чаще пускали въ ходъ стѣнобитныя машины, такъ называемые тараны. Ихъ изготовляли вдалекѣ отъ города, въ центрѣ лагеря, въ которомъ располагались осаждающіе; тамъ, въ безопасности отъ выстрѣловъ осажденныхъ, солдаты подъ руководствомъ инженеровъ строили стѣнобитныя машины. Машины эти не всегда дѣлались одинаково. Первоначально таранъ представлялъ изъ себя просто массивное, толстое бревно, одинъ конецъ котораго оковывался мѣдью или желѣзомъ. Отрядъ смѣльчаковъ, человѣкъ двадцать, подбирался тайкомъ, преимущественно ночью, съ этимъ бревномъ къ стѣнамъ крѣпости, уставлялъ подъ стѣной заранѣе приготовленныя козлы, подвѣшивалъ бревно на кана-

тахъ и, раскачивая его, производилъ одинъ за другимъ мѣрные удары въ стѣну. Но такое устройство тарана скоро было оставлено, потому что переноска и установка его, и притомъ безъ всякаго прикрытія, требовала слишкомъ много времени и очень часто не приносила никакого успѣха. Осажденные и ночью зорко сторожили непріятеля, и рѣдко удавалось безъ большихъ жертвъ установить таранъ и начать имъ дѣйствовать: со стѣнъ на работавшихъ сыпали землю, лили кипятокъ и смолу, бросали зажженные факелы, чтобы поджечь стѣнобитное сооруженіе. Поэтому, инженеры придумали нѣсколько усовершенствованій тарана. Сначала ограничились только тѣмъ, что поставили таранъ на колеса. Его придвигали къ стѣнѣ, толкая сзади; передвиженіе тарана на колесахъ дало возможность ускорить его установку у стѣнъ осажденнаго города и увеличить тяжесть самаго бревна. Потомъ придумали еще новое усовершенствованіе. Стали обтягивать стойку, къ которой подвѣшивалось бревно тарана, свѣжей, еще сырой кожей, ободранной съ только что убитаго животнаго; кожа замѣняла щитъ и предохраняла сооруженіе отъ огня. А сзади тарана устраивали деревянную башню, закрывавшую отъ выстрѣловъ непріятеля воиновъ, которые толкали таранъ къ стѣнамъ крѣпости. Когда таранъ, устроенный такимъ образомъ, устанавливался у стѣнъ, воины, пододвинувшіе его къ крѣпости, дѣлились на два отряда. Одни раскачивали бревно и его ударами старались пробить брешь въ стѣнѣ; другіе взбирались на вышку башни и обстрѣливали оттуда защитниковъ крѣпости, стараясь помѣшать имъ разрушить или обезвредить таранъ. Такое устройство тарана стало самымъ употребительнымъ въ ассирійской

арміи, и отъ ассиріянъ распространилось по всему тогдашнему Востоку. Зная это устройство, осажденные заранѣе, пока въ ассирійскомъ лагерѣ готовился таранъ, приготовляли нѣкоторыя приспособленія, при помощи которыхъ его можно было бы обезвредить. Заготовлялись тяжелыя желѣзныя цѣпи съ крюками; когда таранъ начиналъ дѣйствовать, осажденные спускали нѣсколько такихъ цѣпей и крюками старались зацѣпить снизу бревно тарана. Какъ только это удавалось, цѣпи сейчасъ же натягивались и закрѣплялись внутри крѣпости. «Посаженный на цѣпь» таранъ былъ уже безвреденъ для крѣпости: натянутыя цѣпи высоко поднимали кверху конецъ бревна и удерживали его въ неподвижномъ положеніи. Освободить бревно отъ цѣпей не было почти никакой возможности; сверху все время летѣлъ градъ стрѣлъ и камней, и эта непрерывная стрѣльба не давала возможности освободить бревно. На случай такой неудачи всегда заготовлялось запасное бревно. Канаты, поддерживавшіе попавшее на цѣпь бревно, обрѣзались, бревно отдавалось осажденнымъ, а на мѣсто его, подъ прикрытіемъ стѣнъ башни и кожаныхъ щитовъ, подвѣшивалось новое, которое и возобновляло разрушительную работу. Обыкновенно ассиріяне не ограничивались установкой только одного тарана. Судя по величинѣ крѣпости, устанавливались сразу пять или шесть таранов, своего рода осадная батарея, которая одновременно начинала разрушать стѣну въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Когда начиналась такая ожесточенная канонада, и все вниманіе осажденныхъ направлялось на тѣ пункты крѣпости, гдѣ дѣйствовали тараны, саперы подъ шумокъ прокрадывались въ удобныхъ мѣстахъ къ самымъ стѣнамъ крѣпости и начинали дѣлать подкопъ. Если грунтъ

былъ рыхлый, то очень часто имъ удавалось прорыть ходъ подъ стѣну раньше, чѣмъ тараны успѣвали сдѣлать свое разрушительное дѣло. Такимъ образомъ, если у осажденныхъ не было достаточно силъ и средствъ, чтобы обезвредить тараны и оставить достаточную охрану во всѣхъ пунктахъ крѣпости, участь ея рѣшалась этой атакой. Какъ только образовывалась брешь въ стѣнѣ, или саперамъ удавалось подъ шумокъ сдѣлать подкопъ, начинался бѣшеный штурмъ крѣпости. Одни отряды устремлялись въ проломъ или въ подкопъ и старались пробиться къ воротамъ, чтобы открыть ихъ; осажденные должны были оставлять стѣны, чтобы справиться съ ворвавшимися въ крѣпость непріятелями, а въ это время остальные тараны съ удвоенной силой додѣлывали свое дѣло, и въ новые проломы врывались, какъ буря, непріятели. На улицахъ крѣпости происходила отвратительная бойня; ожесточившіеся и утомившіеся за время осады солдаты не знали пощады.

Отсюда видно, что осада иногда затягивалась надолго, и осаждавшей арміи въ это время приходилось быть готовой ко всякимъ случайностямъ. Какъ я уже говорилъ, осажденные могли получить помощь со стороны какого-нибудь союзника, который со своимъ войскомъ могъ явиться подъ стѣны крѣпости и напасть на осаждающихъ. Ассиріяне принимали въ разсчетъ такія случайности, и потому лагерь ихъ подъ осажденнымъ городомъ всегда укрѣплялся. Когда было основаніе ожидать, что осада протянется слишкомъ долго, то укрѣпленіе лагеря производили особенно тщательно. Какъ всегда, форму лагерю придавали овальную, но широкую, почти круглую. Вмѣсто простого вала, вокругъ лагеря строили по валу еще кирпичную стѣну съ башнями на равномъ

разстояніи одна отъ другой; окруженный валомъ и стѣной, лагерь представлялъ изъ себя довольно сильную крѣпость, и армія, стоявшая въ немъ, могла не опасаться внезапнаго нападенія и необходимости принимать сраженіе въ неудобное время и въ неудобномъ расположеніи.

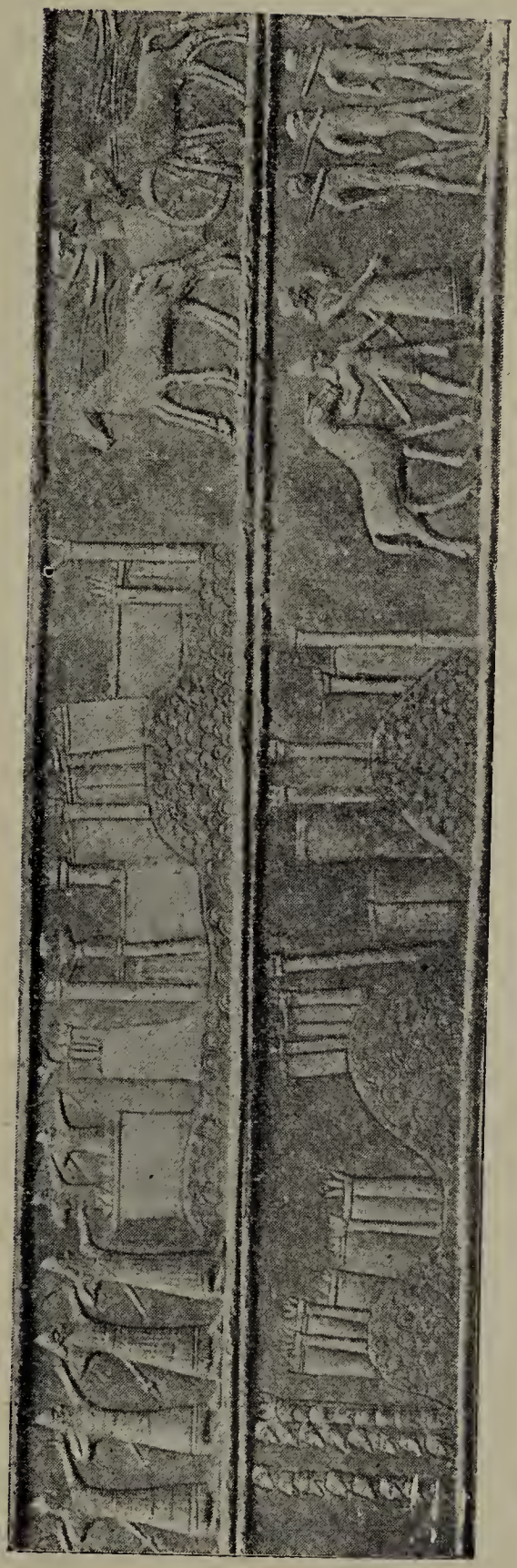
Ассирійскій укрѣпленный лагерь.

Внутри лагерныхъ стѣнъ располагалась ассирійская армія. Въ центрѣ строили легкій домъ для царя; домъ служилъ только для отдыха и занятій дѣлами, бо́льшую же часть времени царь проводилъ внѣ стѣнъ своего походнаго дома. На площадкѣ передъ домомъ принималъ онъ пословъ и другихъ лицъ, которые обращались къ нему за разрѣшеніемъ разныхъ дѣлъ. Рядомъ съ царской

ставкой была божья ставка. Подъ особымъ навѣсомъ ставилась колесница со штандартами, изображавшими бога Ассура и богиню Иштаръ; эти божества всегда сопровождали ассирійскую армію. Передъ колесницей ставились жертвенники, на которыхъ жрецы приносили ежедневно положенныя жертвы. Для туртана и другихъ начальниковъ войска строились въ назначенныхъ мѣстахъ лагеря такіе же дома, какъ и для царя, только меньшихъ размѣровъ; вокругъ дома начальника располагались палатки воиновъ его отряда. Въ такихъ же палаткахъ размѣщалась царская челядь, его повара, конюхи, кузнецы и другіе мастера. Въ лагерѣ господствовала самая строгая дисциплина. Весь день проходилъ по командѣ, по часамъ; никто не сидѣлъ безъ дѣла. Такой лагерь хорошо защищалъ отъ неожиданныхъ нападеній непріятеля; но онъ не могъ защитить отъ другого страшнаго врага, повальныхъ болѣзней. Въ лагерѣ по необходимости приходилось тѣсниться; и если появлялась какая-нибудь заразная болѣзнь, то при жаркомъ климатѣ и грязи, всегда въ изобиліи накоплявшейся за стѣнами лагеря, болѣзнь распространялась съ ужасающей быстротою и косила ассирійскую армію. Лучшаго союзника не могли желать себѣ осажденные; такая бѣда, обрушивавшаяся во время осады на ассиріянъ, спасала осажденныхъ отъ неминуемой гибели. Такъ спасся Іерусалимъ отъ нашествія Санхериба: въ войскѣ Санхериба открылась чума, спасшая тогдашняго іерусалимскаго царя Хискію отъ неминуемаго плѣна, а можетъ быть, и гибели.

Когда кончалось побѣдой ассиріянъ сраженіе, или когда брали ассиріяне городъ, тогда начиналось отвратительное торжество побѣдителей. Люди, только что передъ

этимъ показывавшіе свой умъ, свое искусство, свою заботливость другъ о другѣ, становились звѣрями, всѣ, начиная съ царя. «Города ихъ взялъ я, разрушилъ, уничтожилъ и сжегъ огнемъ; плѣнныхъ живыми взялъ я; на колы посадилъ я ихъ передъ ихъ городами», хвалится въ своей надписи Ассурназирпалъ. Онъ же въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что съ предводителей побѣжденныхъ велѣлъ содрать кожу и обтянуть ею стѣну, живыми замуровывалъ въ стѣну плѣнниковъ. Такимъ же жестокимъ образомъ поступали и другіе цари. А воины, разсѣявшись послѣ битвы по полю, добивали раненыхъ и оставшихся въ живыхъ. Настигнувъ несчастнаго, воинъ отсѣкалъ ему голову; отсѣченныя головы воины приносили къ командиру, онъ считалъ ихъ и за каждую



Осада ассиріянами города и расправа съ побѣжденными.

голову выдавалъ награду. Непріятелю, побѣжденному въ сраженіи, было поэтому болѣе тяжко послѣ сраженія, чѣмъ во время сраженія. Въ бою можно было защищаться и дорого продать свою жизнь; послѣ боя уцѣлѣвшіе солдаты были беззащитны, ничѣмъ не могли защититься отъ разсвирѣпѣвшихъ побѣдителей. Головы предводителей и царей царь оставлялъ у себя, въ качествѣ трофеевъ; онѣ бальзамировались и отправлялись въ столицу, гдѣ фигурировали на торжественномъ праздникѣ въ честь одержанной побѣды.

Кончалась одна война, кончались празднества; и вотъ, послѣ небольшой передышки, царь начиналъ новую войну, пользуясь первымъ предлогомъ. Опять съ такою же методической правильностью, съ такимъ же искусствомъ совершался походъ, опять такія же звѣрства сопровождали побѣду, и опять за побѣдой слѣдовали торжества, а въ память побѣды ставились колонны и вырѣзывались на недосягаемыхъ скалахъ надписи. Такой круговоротъ начался черезъ 200 съ небольшимъ лѣтъ послѣ походовъ Тиглатъ-Пилесера I въ страну Наири, когда ассиріянамъ приходилось еще отстаивать свою независимость и безопасность отъ сѣверныхъ сосѣдей. Въ 882 году въ Ассиріи воцарился Ассурназирпалъ, первый типичный царь-завоеватель. Онъ повторилъ походъ своего дальняго предшественника въ страну Наири, воевалъ съ хеттами, касситами, Эламомъ, ходилъ походомъ въ Сирію и въ Финикію, вмѣшивался въ вавилонскія дѣла и дѣлалъ туда небольшія экспедиціи. Послѣ Ассурназирпала всѣ цари, вплоть до послѣдняго ассирійскаго царя Ассурбанипала, въ теченіе болѣе двухсотъ лѣтъ, проводятъ все время въ походахъ. Штандартъ Ассура заставилъ преклониться предъ собою Мар-

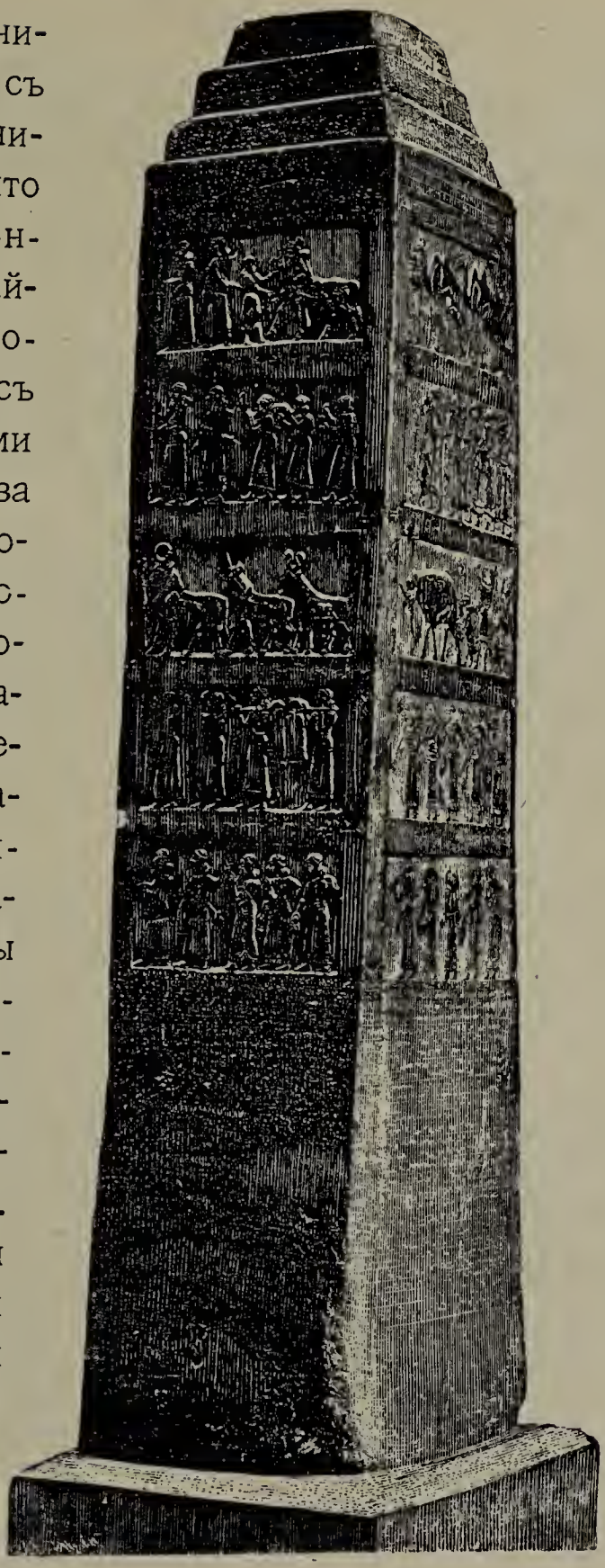
дука и Бэла; онъ дошелъ до старинныхъ египетскихъ Ѳивъ, побывалъ на островѣ Кипрѣ, на южныхъ берегахъ Персидскаго залива. Каждый царь заново повторяетъ походы своего предшественника, вновь посѣщаетъ тѣ же страны, но въ то же время старается двинуться и дальше. Мы не найдемъ другой подобной эпохи въ исторіи человѣчества. Эпоха римскихъ завоеваній продолжалась всего около шестидесяти лѣтъ, и притомъ римляне только завоевывали новыя владѣнія, но не повторяли безконечно военныхъ экспедицій въ однѣ и тѣ же страны; наполеоновскія войны продолжались всего около двадцати лѣтъ. Это было нѣчто безпримѣрное въ исторіи; но суть дѣла была очень проста, проще, чѣмъ въ какихъ-либо другихъ войнахъ.

Мы уже говорили, что ассирійское войско состояло изъ всѣхъ свободныхъ ассиріянъ, это было настоящее народное ополченіе, непохожее на княжескія дружины старинныхъ патэси и вавилонскихъ царей. Когда ассиріянамъ стало тѣсно, они нашли себѣ средство къ жизни въ военныхъ набѣгахъ. Сложившаяся къ этому времени военная организація была прекрасно для этой цѣли приспособлена. Ассирійское войско выходило на войну, какъ левъ на добычу; война для него была той же охотой, только не на звѣрей, а на людей. Войну, какъ и охоту, ассиріяне вели самымъ правильнымъ образомъ, не упускали ни одной мелочи, которая могла бы способствовать побѣдѣ, пускали въ ходъ всѣ знанія, какія только могли получить отъ вавилонянъ. Но зато, достигнувъ цѣли, они превращали побѣду въ грабежъ и въ опустошеніе. Взятый городъ прежде всего разграблялся, а потомъ сжигался; жители, способные носить оружіе, безпощадно истреблялись.

Ассиріянамъ не нужны были рабы, потому что у себя дома они были лишь временными гостями: когда выходила добыча, они вновь поднимались въ погоню за ней. На свободѣ оставлять побѣжденныхъ воиновъ тоже не годилось, потому что это было бы готовое ядро для возстанія. Добыча гналась и везлась въ Ассирію; въ каждомъ городѣ, въ каждой странѣ ассиріяне брали все самое лучшее, самое драгоцѣнное, а оставшееся въ живыхъ населеніе облагали такою же данью. Преемникъ Ассурназирпала, Салманассаръ II, поставилъ въ Калахѣ огромный обелискъ изъ чернаго діорита; художникъ, сдѣлавшій его, не только вырѣзалъ на немъ надпись о побѣдахъ Салманассара, но изобразилъ также всѣ предметы добычи и дани, захваченные Салманассаромъ. Въ пяти рядахъ рельефныхъ изображеній проходятъ тутъ передъ нами всѣ народы, покоренные Салманассаромъ, несущіе и ведущіе побѣдителю самую разнообразную дань. Ведутъ слоновъ, верблюдовъ, быковъ, обезьянъ, львовъ и какихъ-то совсѣмъ фантастическихъ животныхъ; несутъ дань въ корзинахъ, на лодкахъ, на плечахъ. Въ надписи перечисляются предметы дани, которые везутъ и несутъ побѣжденные. Тутъ слитки золота серебро, свинецъ, желѣзо, разныя металлическія издѣлія, ленъ, льняныя матеріи, кожи, слоновая кость, драгоцѣнное дерево. Всю эту дань принимаетъ царь въ сопровожденіи двухъ тѣлохранителей, держащихъ надъ нимъ зонтикъ; надъ головой царя изображенъ солнечный дискъ и крылатый дискъ Ассура. Если мы прочитаемъ надписи другихъ царей Ассиріи, то увидимъ, что и другіе цари собирали добычу и дань самыми разнообразными товарами.

Дань платилась не только готовыми предметами, но также и спеціальными заказами. Когда ассирійскіе

цари, завоевавъ Финикію, познакомились съ морскимъ дѣломъ финикіянъ, они увидали, что ассирійскіе и вавилонскіе корабли чрезвычайно неуклюжи и неповоротливы въ сравненіи съ легкими финикійскими кораблями, которые, за ихъ легкость и быстроту, получили даже прозваніе «морскихъ коней». Санхерибъ, задѣявъ морскую экспедицію въ Персидскій заливъ, наложилъ на финикіянъ повинность такого рода: они должны были построить двѣ верфи, одну на Тигрѣ, другую на Евфратѣ, и выстроить на этихъ верфяхъ флотъ для царя. Выстроенные корабли пускались по рѣкамъ и каналамъ въ Персидскій заливъ. Такой способъ постройки и спуска кораблей не долженъ казаться намъ страннымъ. Въ древности всѣ суда



Обелискъ Салманассара.

были весельныя; но судно на веслахъ не можетъ достигать слишкомъ большихъ размѣровъ. Поэтому эти маленькія морскія суда вполнѣ свободно могли плыть и по рѣкамъ. До насъ дошло изображеніе флота Санхериба, плывущаго по морю. Корабли изображены одинъ надъ другимъ — ассиро-вавилонскіе художники не знали перспективы, и рисовали предметы, находящіеся сзади другихъ, надъ тѣми предметами, которые находились впереди ихъ. Легкіе корабли различной величины, но всѣ одинаковаго устройства. Корабль состоитъ изъ трехъ ярусовъ: въ верхнемъ, на палубѣ сидятъ воины и командиръ корабля, въ двухъ нижнихъ—гребцы; головы перваго ряда видны изъ просвѣта между палубой и бортами корабля, а нижній рядъ гребцовъ не виденъ за бортами, видны только весла, которыми гребцы работаютъ. Руля нѣтъ; вмѣсто руля на носу у каждаго корабля по два весла, которыми управляетъ особый кормщикъ. На нѣкоторыхъ корабляхъ побольше устроены мачты, которыя могутъ служить для устройства навѣса отъ лучей солнца, а также и для постановки парусовъ. Но парусами пользовались тогда рѣдко, только при исключительно благопріятной погодѣ и при попутномъ вѣтрѣ. Корабли плывутъ по морю, въ которомъ плаваютъ разныя морскія животныя: множество рыбъ, тритоны, черепахи, крабы и морскія звѣзды.

Владѣльцемъ всей добычи, захваченной на войнѣ, считался царь; но онъ дѣлился ею со всѣми воинами. Каждый воинъ получалъ часть добычи, сообразно со своими заслугами въ сраженіяхъ; количество заслугъ и опредѣлялось по числу головъ, отрѣзанныхъ воиномъ у убитыхъ имъ непріятелей. Такой жестокій

Флотъ Санхериба.

грабежъ не могъ, конечно, примирить побѣжденныхъ съ побѣдителями. При первомъ удобномъ случаѣ побѣжденные возставали, и ассирійскимъ царямъ приходилось итти усмирять ихъ. Собственно, сами по себѣ эти усмирительные походы не были непріятны ассиріянамъ: походъ кончался новымъ грабежомъ добычи, новымъ пиромъ побѣды. Но частыя возстанія побѣжденныхъ все-таки могли наскучить и ассиріянамъ. Ассиріяне были немногочисленны; побѣжденнымъ они не довѣряли и лишь на нѣкоторыхъ изъ нихъ возлагали обязанность помогать царю военными отрядами. Если бы вспыхнули одновременно возстанія въ различныхъ частяхъ ассирійской державы, то ассирійское войско не могло бы съ ними справиться, и владычеству Ассиріи пришелъ бы конецъ. Поэтому, ассирійскіе цари старались предупреждать возстанія побѣжденныхъ очень оригинальнымъ способомъ. Побѣдивъ какое-нибудь царство, они выселяли все оставшееся въ живыхъ населеніе въ какую-нибудь провинцію своего царства, только что опустошенную предшествующимъ походомъ, или въ Ассирію, въ ея города и мѣстечки. Такими переселеніями ассирійскіе цари достигали сразу двухъ цѣлей. Во-первыхъ, они перетасовывали населеніе, отрывали его отъ родной почвы; въ новомъ мѣстѣ поселенія побѣжденнымъ было слишкомъ много заботъ о томъ, чтобы устроиться и приноровиться къ новымъ условіямъ, и потому имъ было не до заговоровъ и возстаній. Во-вторыхъ, ассиріяне не лишали себя сами плодовъ своихъ побѣдъ. Опустошенная и обезлюдѣвшая страна была бездоходной, съ нея нечего было ждать дани. Заселивъ же ее вновь, царь могъ разсчитывать получать съ нея правильную дань, имѣть съ нея постоянный доходъ.

Такъ поступили ассиріяне и съ сынами Израиля послѣ разгрома царства Ефрема Салманассаромъ: всѣхъ князей и богатыхъ людей Салманассаръ переселилъ въ Калахъ и въ страну Наири, а на ихъ мѣсто поселилъ переселенцевъ изъ Месопотаміи.

Все управленіе ассирійскаго царства было приспособлено къ той же цѣли. Самъ царь управлялъ Ассиріей; сосѣднія съ Ассиріей покоренныя страны управлялись царскими намѣстниками, главная обязанность которыхъ заключалась въ томъ, чтобы собирать дань и слѣдить за настроеніемъ жителей. Прочія завоеванныя области оставлялись въ управленіи мѣстныхъ царей и князей, но съ условіемъ исправно платить дань. Между столицей ассирійскаго царства и покоренными областями была установлена правильная почта, перевозившая указы царя мѣстнымъ правителямъ и ихъ донесенія царю. Для составленія царскихъ приказовъ и распоряженій при царѣ всегда была большая канцелярія, сопровождавшая царя и на войнѣ. Писцы въ ней были двухъ разрядовъ. Одни завѣдывали корреспонденціей на ассиро-вавилонскомъ языкѣ: на этомъ языкѣ царь велъ свою переписку съ намѣстниками Вавилона, Элама и Наири. Со всѣми остальными правителями царь велъ переписку на арамейскомъ языкѣ, языкѣ жителей Сиріи. Этотъ языкъ былъ тогда очень распространенъ: на немъ писали и говорили въ Сиріи и Финикіи, въ Хауранѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Сеннаара, гдѣ образовались арамейскія колоніи. Ассирійскіе цари сами способствовали распространенію этого языка, переселяя жителей Сиріи и Финикіи въ различныя мѣстности своей державы. Корреспонденціей на арамейскомъ языкѣ завѣдывалъ другой разрядъ писцовъ. Тутъ же, въ канцеляріи, раз-

слѣдовывались жалобы на провинціальныхъ намѣстниковъ. Цари были безпощадны во время войны; но въ мирное время они старались избѣгать излишнихъ притѣсненій жителей, боясь возстаній. Если жалобы на притѣсненія намѣстниковъ были справедливы, то царь иногда смѣнялъ намѣстниковъ. Въ царской канцеляріи составлялись также грамоты, въ которыхъ давались земли и льготы царскимъ служилымъ людямъ. Всѣ акты въ канцеляріи составлялись по вавилонскимъ образцамъ, по старинной формѣ, выработанной вѣками. Писцы писали вавилонскимъ письмомъ на глиняныхъ таблеткахъ.

Почта между Ассиріей и областями ѣздила по прекрасно устроеннымъ дорогамъ. Ассирійскіе цари заботились о поддержаніи въ порядкѣ дорогъ еще больше, чѣмъ вавилонскіе. Хорошія дороги были необходимы для быстрыхъ и безостановочныхъ передвиженій войска. Дороги въ Ассиріи устраивали каменныя, выложенныя каменными плитами; на караванныхъ дорогахъ устраивали мосты черезъ рѣчки и строили станціи. Напримѣръ, на дорогѣ, которая шла изъ Ассиріи въ Малую Азію, было 111 станцій. Дорогами этими пользовались и купцы, такъ что въ этомъ отношеніи управленіе Ассиріянъ было выгодно для торговли. Но сами ассиріяне и ихъ цари думали больше всего объ успѣхѣ своихъ военныхъ экспедицій и въ мирное время все готовили для ихъ успѣха. Небольшой народецъ сталъ, такимъ образомъ, паразитомъ, сосавшимъ кровь почти изъ всѣхъ народовъ тогдашняго культурнаго міра.

XX.

Калахъ.

Познакомившись съ военнымъ бытомъ ассирiянъ, посмотримъ, какъ жили ассирiяне и ихъ цари у себя дома. Съ тѣхъ поръ, какъ начались завоевательные походы, и потокъ богатствъ голился въ Ассирiю, старый городъ Ассуръ показался ассирiйскимъ владыкамъ бѣднымъ и тѣснымъ. Ассурназирпалъ, царь-устроитель, первый побывавшiй въ Финикiи и подчинившiй себѣ Тиръ, Сидонъ и Библъ, рѣшилъ перенести свою резиденцiю въ новое мѣсто, болѣе удобное по своему положенiю. Онъ обратилъ вниманiе на старинное мѣстечко Калахъ, образовавшееся на Тигрѣ при впаденiи въ него Большого Заба, широкой и полноводной рѣки. Одинъ изъ старинныхъ ассирiйскихъ царей построилъ здѣсь себѣ дворецъ; но дворецъ этотъ не поддерживался и ко времени Ассурназирпала почти совсѣмъ разрушился. Ассурназирпалъ предпринялъ въ Калахѣ обширныя работы. Остатки старыхъ сооруженiй были снесены, на ихъ мѣстѣ была разравнена площадь, которая застроилась великолѣпными зданiями. Выросъ царскiй дворецъ, храмы богамъ и высокiй зиккуратъ, безъ котораго не обходилась ни одна царская резиденцiя, ибо ассирiйскiе цари изъ всѣхъ гаданiй больше всего цѣнили гаданiя по небеснымъ свѣтиламъ и не начинали ни одного похода, ни одного предпрiятiя, не спросивъ совѣта у боговъ, живущихъ на небесныхъ свѣтилахъ. Вавилонскiе астрологи занимали первое мѣсто въ сонмѣ всякаго рода гадателей и жрецовъ, окружавшихъ царя и помогавшихъ ему совѣщаться съ богами.

Постройки производились съ соблюденіемъ всѣхъ старинныхъ церемоній. Прежде всего производились гаданія для того, чтобы опредѣлить удобный для начала постройки день. Производились разнообразныя гаданія; отвѣтъ небесныхъ боговъ считался рѣшительнымъ. Тогда въ указанный богами день назначалась торжественная закладка. Она начиналась религіозной церемоніей. Въ торжественной процессіи воины несли на щитахъ статуи всѣхъ высокочтимыхъ боговъ: Ассура, Иштаръ, Ниниба, Набу и Ададъ-Раммана. Жрецы и остальные воины сопровождали процессію съ пѣніемъ гимновъ и музыкой. Затѣмъ начиналось торжественное жертвоприношеніе богамъ. Богослуженіе было особенно торжественное; поэтому его совершалъ самъ царь, верховный жрецъ; расфранченные, завитые и раздушенные жрецы только помогали царю, передавая ему предметы для жертвоприношенія.

Ассирійскій жрецъ.

Статуи боговъ размѣщали въ особыхъ ковчегахъ-тайникахъ, чтобы скрыть ихъ отъ нескромнаго глаза: боги не любятъ, когда смертные слишкомъ долго и слиш-

комъ пристально смотрятъ на нихъ. Затѣмъ, по очереди, происходило передъ каждымъ богомъ жертвоприношеніе. Передъ тайникомъ ставились три жертвенника. Первый жертвенникъ—въ видѣ стола, богато украшеннаго золоченой рѣзьбой. На этотъ жертвенникъ ставились сосуды съ хлѣбными жертвоприношеніями и съ плодами—жертва богу изъ плодовъ той земли, которую онъ далъ служителю своему, царю Ассиріи. Второй жертвенникъ—высокій свѣтильникъ, на которомъ ярко пылаетъ священный огонь. На этомъ огнѣ сжигаютъ богу ѳиміамъ, жиръ и мясо жертвенныхъ животныхъ. Огонь на такомъ

Жертвоприношеніе Ассурназирпала.

жертвенникѣ горитъ неугасимо: это священный огонь бога Нуску, стариннаго бога всякой чистоты, истребителя всякихъ бѣсовъ и навожденій. Третій жертвенникъ—въ видѣ чаши. На этомъ жертвенникѣ приносятся божеству жертвы возліяніемъ священной воды, масла и вина. Священная вода всегда стоитъ во всякомъ храмѣ въ огромной мѣдной чашѣ; жрецы объясняютъ, что это та самая вода жизни, въ которой омывалъ свое тѣло Гильгамешъ. Ее пьютъ боги, и она даетъ имъ вѣчную юность и безсмертіе. Чаша для священной воды ставилась на двѣнадцати ножкахъ, изображавшихъ керубовъ, крылатыхъ быковъ; эти двѣнадцать быковъ означали двѣнадцать созвѣздій, чрезъ которыя въ тече-

ніе года проходитъ солнце, и на которыхъ покоится небесный океанъ, вмѣстилище этой священной воды. Священную воду употребляли для омовеній статуй боговъ, и для возліяній имъ. Ни одно торжественное жертвоприношеніе не могло обойтись безъ такой воды.

Передъ жертвенниками становится въ молитвенной позѣ самъ царь Ассурназирпалъ. Въ одну руку онъ беретъ свѣтильникъ, зажигаетъ его отъ священнаго огня, въ другую беретъ чашу для возліяній и поднимаетъ эту руку молитвенно къ небу. Громко и внятно произноситъ онъ молитву, старинную обычную формулу, какая всегда произносится въ такихъ случаяхъ. «О Ассуръ, мой господинъ, могучій царь боговъ, всевѣдущій вершитель судебъ! Будь со мною, пока я буду созидать этотъ домъ, укрѣпи меня, Ассурназирпала, царя, который построилъ тебѣ вѣчные храмы, продли царство мое на долгіе дни!» Потомъ царь беретъ священной воды изъ чаши, которую подноситъ ему стоящій сзади него жрецъ, и совершаетъ возліяніе божеству, произнося положенную молитву; въ отвѣтъ царю хоръ жрецовъ и музыканты исполняютъ громкій торжественный гимнъ Ассуру, повторяющійся также послѣ каждаго послѣдующаго жертвоприношенія.

Безкровныя жертвы принесены; теперь очередь за кровавыми жертвами. Группа жрецовъ ведетъ къ жертвеннику быка; онъ упирается, не хочетъ подставлять свою шею подъ сѣкиру. Но сопротивленіе напрасно. Сильныя руки схватываютъ его, ловкимъ ударомъ разсѣкаютъ ему горло, а его отчаянный ревъ заглушается звуками трубъ и тимпановъ. Опытные жрецы быстро разнимаютъ тушу, вынимаютъ трепетное еще сердце и печень и разсматриваютъ ихъ. А царь беретъ изъ рукъ жрецовъ куски мяса и жира, полагающіеся богу, и

сожигаетъ ихъ на жертвенномъ огнѣ, съ произнесеніемъ положенной молитвы. Одного быка мало, ихъ закалываютъ нѣсколько; за быками идетъ вереница овецъ, потомъ нѣсколько козлятъ, которые жалобно пищатъ въ рукахъ жрецовъ, подающихъ ихъ царю. Льется кровь, смрадный чадъ отъ сжигаемаго жира и мяса наполняетъ воздухъ угаромъ, гремитъ музыка тимпановъ и пѣніе священныхъ гимновъ.

Жертвоприношеніе кончено, начинается закладка. Главная церемонія закладки заключается въ томъ, что въ углахъ будущаго зданія и подъ его воротами въ фундаментъ торжественно опускаютъ нѣкоторые предметы. По примѣру старинныхъ царей и патэси, ассирійскій царь принималъ мѣры къ тому, чтобы будущее сооруженіе стояло крѣпко. Какъ мы помнимъ, въ старину для этого закладывали въ фундаментъ и подъ пороги небольшія женскія фигурки изъ мѣди, представлявшія замѣну первобытныхъ человѣческихъ жертвъ при закладкѣ. Ассирійскіе цари не знаютъ пощады на войнѣ, но въ мирное время стараются показать себя образованными и культурными людьми и поэтому даже не могутъ допустить хотя бы отдаленнаго намека на человѣческую жертву. Въ углы фундамента и подъ пороги они кладутъ, поэтому, фигурки совсѣмъ другого рода. Одни изъ этихъ фигурокъ—отвратительнаго вида, похожія на тѣ фигурки бѣсовъ, съ которыми мы уже знакомы (см. рис. на стр. 147 и 153). Назначеніе этихъ фигурокъ—отгонять своимъ страшнымъ видомъ бѣсовъ отъ будущаго зданія, загородить дорогу всѣмъ безчисленнымъ Лабарту, Экимму, Лилиту, Шеду и прочимъ бѣсамъ всякихъ болѣзней и напастей, въ которыхъ ассиріяне вѣрили такъ же твердо, какъ и старинные

обитатели Сеннаара. Кромѣ такихъ фигурокъ бѣсовъ, въ фундаментъ закладывались глиняные цилиндры и небольшіе камни разной формы, на которыхъ были написаны волшебныя заклинанія противъ тѣхъ же злыхъ духовъ. Всѣ эти предосторожности принимались въ виду того, что злые духи ночью выползаютъ изъ-подъ земли, могутъ волшебствомъ проходить черезъ толщу стѣнъ, могутъ проточить стѣны, какъ черви. Когда же выстроится домъ, тогда позаботятся и о томъ, чтобы предохранить его отъ бѣсовъ снаружи—выставятъ у дверей и на углахъ стѣнъ такія же отвратительныя фигурки и напишутъ на стѣнахъ заклинанія. Заклинанія, которыми охранялись дома отъ вторженія злыхъ духовъ—старинныя сумерійскія заклинанія. Очень часто ихъ примѣняли даже не въ ассирійскомъ переводѣ, а въ сумерійскомъ оригиналѣ; сумерійскія слова были непонятны, но тѣмъ болѣе казались они таинственными и волшебными.

Мѣры, предохраняющія отъ злыхъ духовъ, приняты. Но ассирійскіе цари не довольствовались только такими мѣрами. Мало не допустить къ будущему сооруженію злыхъ духовъ; надо еще постараться, чтобы въ немъ поселились и постоянно помогали его обитателямъ добрые духи. Мы уже знаемъ, что вѣра въ такихъ духовъ-покровителей существовала изстари; въ особенности она проявлялась въ обычаѣ изображать на межевыхъ камняхъ змѣй и другихъ боговъ съ цѣлью привлечь ихъ поселиться въ межевыхъ камняхъ. Но была также изстари вѣра въ домашнихъ духовъ-покровителей; во многихъ гимнахъ богамъ Ану, Бэлу и Эа, и въ заклинаніяхъ часто призываются такіе духи-покровители дома и семьи. Въ старину изображеній ихъ, повидимому, не дѣлали; но ассирійскіе цари не ограничивались только призы-

омъ ихъ въ гимнахъ и заклинаніяхъ, но также стали зготовлять небольшія глиняныя фигурки такихъ добыхъ домашнихъ геніевъ. Такія фигурки и закладывались въ фундаментъ тѣнъ и подъ полъ всѣхъ важнѣйшихъ омѣщеній дворца или храма, въ осоенности подъ полъ спаленъ и кладоыхъ. Домашніе духи-покровители изобажались въ совершенно иномъ видѣ, ѣмъ великіе боги; въ ихъ изображеіяхъ сразу можно было признать добаго духа-предка, дѣдушки-домового, акъ говорятъ у насъ. Небольшія глияныя фигурки такихъ «домовыхъ», сего около 5—6 вершковъ вышины, зображали добродушныхъ, ласково смоящихъ дѣдовъ, съ длинною волнистою родою, въ высокой шапочкѣ; только одобіе роговъ на передней сторонѣ апочки изобличало въ этихъ фигурхъ не людей, а божественныхъ духовъ. молитвою были заложены во всѣ нааченныя мѣста такія фигурки домохъ; впослѣдствіи, по окончаніи соуженія, внутри его и у воротъ бутъ поставлены фигуры другихъ геніь-покровителей, которые будутъ охрать сооруженіе снаружи. Затѣмъ остапась послѣдняя церемонія закладки. Въ фундаментъ ли заложены каменныя плиты, на которыхъ была злана надпись о времени закладки, и называлось я царя, сооружавшаго зданіе.

Ассирійскій домашній Богъ.

Когда такимъ образомъ была произведена закладка, началось сооруженіе. Матеріалъ для построекъ у ассиріянъ имѣлся гораздо болѣе прочный, чѣмъ у вавилонянъ или сумеровъ. Отъ Тигра совсѣмъ недалеко до Загроса, къ которому ведутъ такіе хорошіе пути, как рѣки, впадающія въ Тигръ съ лѣвой стороны; западны склоны Загроса принадлежатъ ассиріянамъ, такъ чт никто не можетъ воспрепятствовать ассирійскимъ царям взять оттуда камня столько, сколько нужно на постройку И если бы ассирійскіе цари воспользовались камнем изъ Загроса, ихъ постройки простояли бы вѣка, и м до сихъ поръ могли бы видѣть ихъ грандіозные остатки подобно тому, какъ уцѣлѣли такіе остатки въ Египт или въ различныхъ мѣстахъ Греціи. Но ассирійскіе цар употребляли камень для построекъ лишь въ очень не большомъ количествѣ. Главная причина этого заключалась въ томъ, что ассирійскіе цари не могли располагат такимъ огромнымъ количествомъ рабочихъ рукъ, какі требовались для ломки камня и для перевозки каменных глыбъ большими партіями изъ Загроса на мѣсто по стройки. Египетскіе фараоны сѣдой древности, построившіе колоссальныя пирамиды, имѣли въ своемъ распоряженіи огромное число крѣпостныхъ, своихъ собственныхъ и крѣпостныхъ своихъ князей, которыхъ они могл согнать на постройку. Въ Ассиріи и Вавилоніи крѣпостныхъ въ концѣ II тысячелѣтія до Р. Х. было очень не много; къ тому же царь, безпощадно грабившій побѣжденныхъ на войнѣ, дома, въ мирное время долженъ был за все платить, какъ всякій другой, и не имѣлъ никаког права требовать, чтобы его подданные предоставляли ем по первому приказу своихъ рабочихъ. Правда, ассирійскій царь могъ бы поступить такъ, какъ поступали поз

нѣйшіе египетскіе фараоны, которые обращали въ рабство всѣхъ военноплѣнныхъ, въ особенности жителей Нубіи и негрскихъ царствъ южнѣе Нубіи. Ассирійскіе цари такъ не поступали. Ни они сами, ни ихъ вельможи не вели такого постояннаго хозяйства, для котораго требовалось бы большое количество рабовъ. Имъ важна была военная добыча, а съ людьми они возиться не любили. Переводить побѣжденныхъ въ качествѣ рабовъ въ Ассирію—это значило создавать у себя дома осиное гнѣздо и навѣки распрощаться съ новыми походами и побѣдами, ибо если бы ассиріяне ушли въ походъ, то рабы моментально возстали бы и уничтожили бы все оставшееся дома ассирійское населеніе. Раздѣлять же свою армію пополамъ, на армію для похода и на гарнизоны для внутренней службы, ассирійскіе цари не рѣшались въ виду малочисленности своего народа. Поэтому, ассирійскій царь никогда не заводилъ себѣ много рабовъ, и не имѣлъ возможности производить такія колоссальныя каменныя работы, какія производили египетскіе фараоны. Камень употреблялся только для фундамента, для внутренней облицовки стѣнъ и для изготовленія статуй боговъ, геніевъ и героевъ, которыя должны были охранять и украшать сооруженія.

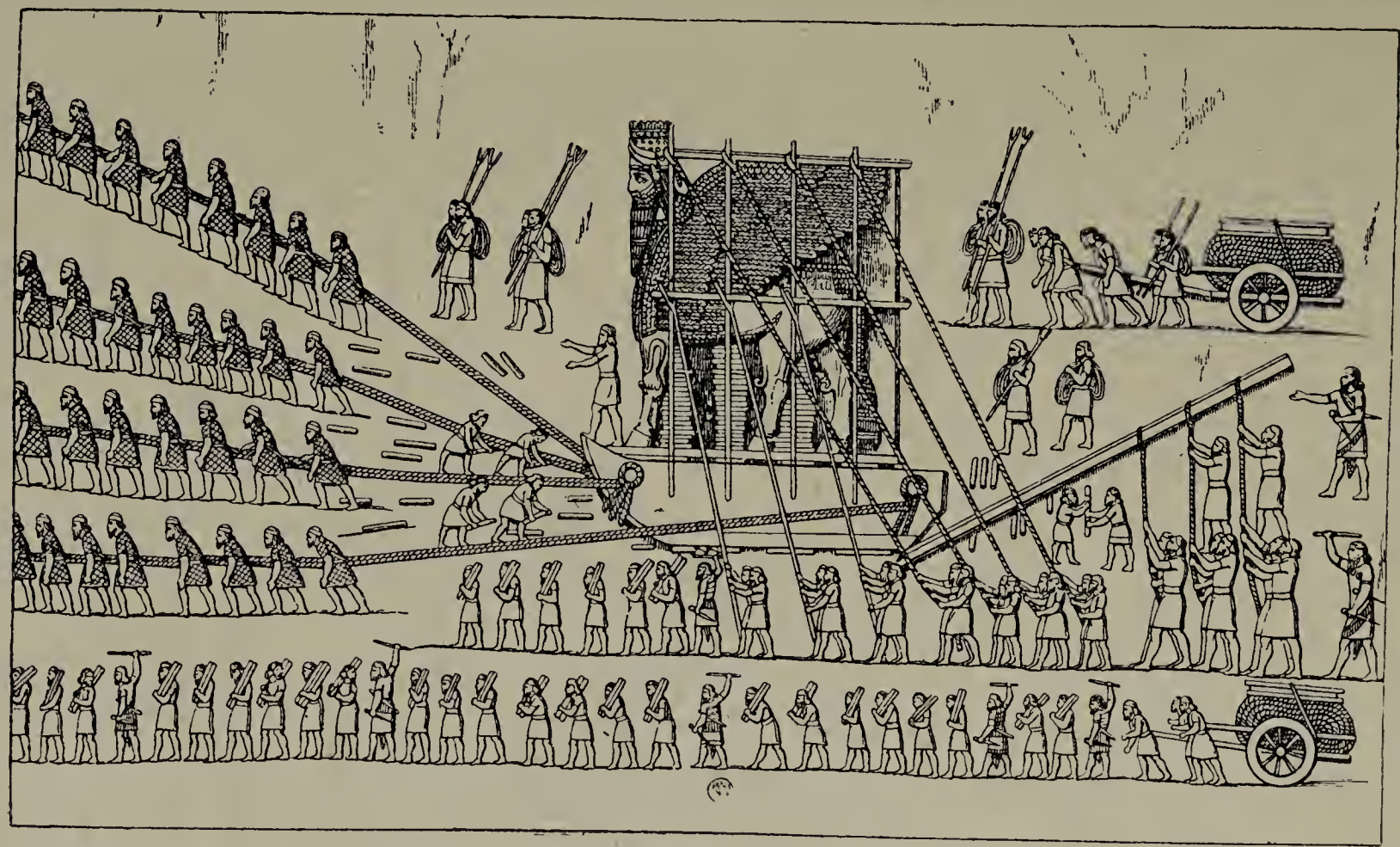
Такимъ образомъ, стѣны дворцовъ и храмовъ, по исконному обычаю сумеровъ и вавилонянъ, возводились изъ кирпича. Не имѣя большого количества рабочихъ, цари при изготовленіи огромныхъ запасовъ кирпича старались упростить самую выдѣлку кирпича. Для быстроты и простоты работы изготовляли кирпичъ изъ глины пополамъ съ рубленой соломой и высушивали его на солнцѣ; обожженный кирпичъ, безъ примѣси соломы, приготовлялся въ очень небольшомъ количествѣ и шелъ

только для облицовки. Кирпичъ изготовлялся только въ одно опредѣленное время года. Лучшимъ матеріаломъ для него служилъ илъ, который оставлялъ послѣ своихъ разливовъ Тигръ. Илъ этотъ состоитъ изъ глинистой массы, приносимой Тигромъ съ горъ; глина перемѣшана съ мелкими камнями и пескомъ. На солнцѣ она быстро высыхаетъ и твердѣетъ, превращаясь въ сплошную, твердую, какъ камень, массу; поэтому за приготовленіе кирпича принимались сейчасъ же, какъ только спадали воды Тигра, спѣшили не дать глинѣ затвердѣть. Тигръ, какъ мы уже знаемъ, начинаетъ входить въ берега въ концѣ нашего мая; тутъ-то и начиналась быстрая заготовка кирпичей. Ассирійскій годъ начинался весной, одновременно съ началомъ разлива Тигра; время приготовленія кирпичей приходилось на третій мѣсяцъ года, Сиванъ. Богъ-покровитель этого мѣсяца, Сиванъ, считался, поэтому, покровителемъ всѣхъ построекъ и сооруженій, а мѣсяцъ назывался иначе «мѣсяцемъ выдѣлки кирпича». Изготовленіе кирпича начиналось жертвоприношеніями богу Сивану. Самое изготовленіе состояло въ томъ, что еще полужидкую глину собирали лопатами въ особые чаны, гдѣ она очищалась отъ камней, а затѣмъ размѣшивалась съ рубленой соломой. Изъ приготовленной массы дѣлали по шаблонамъ кирпичи различной формы и величины, квадратные, продолговатые, большіе и маленькіе; на каждый обожженный кирпичъ накладывалась печать съ именемъ царя, для постройки котораго онъ былъ изготовленъ. Спѣшить съ изготовленіемъ кирпича приходилось еще и потому, что только весенніе мѣсяцы были наиболѣе благопріятны для просушки кирпичей. Лѣтнее солнце палитъ слишкомъ горячо; на его лучахъ просушка пошла бы слишкомъ

быстро, а при очень быстромъ высыханіи кирпичи очень легко трескаются и разваливаются на мелкіе куски.

Ассурназирпалъ также поскупился на камень и всѣ свои постройки въ Калахѣ соорудилъ изъ кирпича. Онъ распорядился привезти съ горъ лишь столько камня, чтобы хватило на украшеніе его дворца рельефными картинами и статуями. Въ развалинахъ дворца Ассурназирпала, а также и его преемниковъ, было найдено нѣсколько такихъ статуй и рельефныхъ картинъ, сдѣланныхъ на камнѣ. Прежде всего обращаютъ на себя вниманіе огромныя фигуры крылатыхъ быковъ и львовъ съ головой человѣка. Статуи этихъ чудовищъ было огромныхъ размѣровъ; достаточно сказать, что одна голова статуи выше человѣческаго роста. Чудовища должны были изображать геніевъ-хранителей воротъ, и статуи ихъ стояли при главныхъ входахъ дворцовъ. Нелегко было создать такую статую. Статуя дѣлалась изъ цѣлаго камня; чтобы сдѣлать ее, приходилось посылать въ горы не только каменоломовъ, но также и рѣзчиковъ. Въ горахъ они выбирали подходящую скалу, выламывали ее и тутъ же на мѣстѣ придавали ей грубую форму будущей статуи. Такъ дѣлали для того, чтобы облегчить вѣсъ каменной громады, которую нужно было перевозить: всѣ лишніе куски камня, которые отбивались отъ глыбы между ногъ будущей статуи и подъ ея головой, составляли иной разъ около трети вѣса всей каменной глыбы. Затѣмъ было немало трудовъ по ея перевозкѣ. Чтобы составить себѣ понятіе, какую тяжесть приходилось поднимать, достаточно вспомнить, что Лейарду для перевозки къ Тигру, на разстояніи 2-хъ—3-хъ верстъ, одного изъ крылатыхъ быковъ, найденныхъ имъ въ Ним-

рудѣ, понадобилось около 200 человѣкъ, которые впряглись рядами въ телѣжку, нагруженную крылатымъ чудовищемъ. Такъ же на рукахъ приходилось спускать съ горъ каменную глыбу и во времена Ассурназирпала, такъ какъ у тогдашнихъ инженеровъ не было даже простыхъ домкратовъ. Но искусство вавилонскихъ инженеровъ справлялось съ этой задачей. Для каменной глыбы приготовляли телѣжку не на колесахъ, а на полозьяхъ, въ родѣ саней, потому что деревянныя колеса не выдержали бы вѣса глыбы при далекой перевозкѣ и, кромѣ того, слишкомъ глубоко врѣзывались бы въ землю. Сани дѣлали такимъ образомъ: брали два толстыхъ бревна, скрѣпляли ихъ поперекъ нѣсколькими толстыми перекладинами, переднюю часть закругляли въ родѣ носа корабля. Затѣмъ ставили на эти сани статую и обвязывали ее веревками; къ санямъ спереди и сзади также привязывали толстые канаты. Въ такомъ видѣ статуя была готова къ перевозкѣ. Перевозка производилась такимъ образомъ: подъ полозья подкладывались круглыя бревнышки; одна часть рабочихъ подкладывала эти бревнышки, другая бралась за веревки и тянула по бревнышкамъ сани. Сани передвигались медленно впередъ; одни рабочіе собирали и передавали впередъ бревнышки, освобождавшіяся изъ-подъ статуи, а другіе все время подкладывали спереди бревнышки, чтобы сани не могли упасть передомъ на землю. Третья партія рабочихъ поддерживала статую въ равновѣсіи, держа ее за привязанныя въ ней веревки и подпирая ее длинными шестами. Шествіе сопровождалось вооруженными солдатами и надсмотрщиками; сзади на особыхъ повозкахъ везли запасные канаты, такъ какъ нерѣдко бывало, что канаты не выдерживали тяжести груза и лопались.



Перевозка крылатаго быка.

Такимъ способомъ, осторожно и медленно, процессія достигала Заба, ближайшаго къ горамъ притока Тигра; тамъ сани ставили на заранѣе заготовленные плоты и спускали сначала по Забу, потомъ по Тигру до мѣста постройки. Тутъ немало трудовъ приходилось тратить на то, чтобы поднять глыбу на возвышенную террасу, на которой возводилась постройка. Статуя устанавливалась на мѣстѣ, и тогда ее, какъ мухи, облѣпляли рѣзчики, которые подъ руководствомъ опытнаго художника отдѣлывали ее окончательно, превращая наполовину безформенную глыбу въ стройную фигуру крылатаго быка или крылатаго льва.

Чудовищныя по своимъ размѣрамъ статуи эти поражаютъ тщательностью и изяществомъ отдѣлки. Тонко вырѣзаны линіи шейки, перьевъ, изъ которыхъ составлены крылья, завитки бороды и усовъ, кольца хвоста. Но особенно оригинально сдѣланы ноги. Ассиріяне вообще обладали огромной мускульной силой; здѣсь же нужно было изобразить существо божественное, обладающее особенно могучей силой. Поэтому художникъ вырѣзывалъ рельефъ мускуловъ на ногахъ особенно тщательно: мускулы точно сдѣланы изъ желѣза, напряглись и выпукло выдаются впередъ. Потомъ у статуй дѣлались не четыре лапы, а пять. Это дѣлалось не для того, чтобы показать особую чудовищность генія, но для того, чтобы зритель, съ какой бы стороны ни смотрѣлъ, видѣлъ непремѣнно четыре ноги. Если смотрѣть сбоку, крылатое чудовище идетъ; если смотрѣть спереди,—оно стоитъ, а переднія лапы его стройно стоятъ рядомъ. Такимъ способомъ всегда поступали художники, высѣкавшіе статуи для дворцовъ ассирійскихъ владыкъ. Не только чудовищныя фигуры геніевъ, но также и обыкновенныя

фигуры львовъ, найденныхъ въ одномъ изъ ассирійскихъ дворцовъ, сдѣланы съ пятью лапами.

Крылатые быки были геніями-стражами воротъ. Чудовищныхъ размѣровъ, но съ добродушнымъ выраженіемъ лицъ они по своему спокойному и ласковому виду напоминали лица фигурокъ домовыхъ, замуровывавшихся въ стѣны и подполье дворцовыхъ помѣщеній. Но внутри дворцовыхъ помѣщеній, на виду, ставились другіе геніи-покровители, также охранявшіе жителей дворца отъ всякихъ напастей и навожденій. Во дворцѣ Ассурназирпала была найдена статуя такого генія - покровителя, высѣченная также изъ камня. Это тоже чудовище, хотя и не такихъ большихъ размѣровъ, какъ крылатые быки. Крылатая фигура имѣетъ тѣло человѣка, а голову — орла или ястреба; въ одной рукѣ у ней корзиночка, а въ другой рукѣ — плодъ, который чудовище какъ бы протягиваетъ царю. Какой это плодъ, видно изъ рельефнаго рисунка, изображеннаго на корзиночкѣ. Тамъ изображено древо жизни, около котораго стоятъ два такіе же генія, собирающіе плоды съ него въ корзиночки (см. рис. на стр. 282). Значитъ, крылатый духъ съ головою ястреба долженъ былъ изображать хранителя жизни царя. Съ древа

Геній древа жизни.

жизни могутъ вкушать плоды только боги; но ассирійскіе цари считали себя сынами боговъ, подобными имъ, и вѣрили, что они такъ же достойны плодовъ древа жизни, какъ и боги. Геній древа жизни, стоявшій въ царскомъ дворцѣ, какъ бы пріобщалъ царя плодомъ древа жизни, отгоняя тѣмъ отъ него всякую болѣзнь и охраняя его отъ смерти.

Пока одни рѣзчики работаютъ надъ отдѣлкой фигуръ крылатыхъ быковъ и львовъ и геніевъ древа жизни, другіе отполировываютъ каменныя плиты, которыми будутъ украшены стѣны дворца, и вырѣзываютъ на нихъ рельефныя картины. Картины, вырѣзываемыя художниками, изображаютъ сцены, наиболѣе пріятныя для царскаго взора. Больше всего сценъ, изображающихъ разные эпизоды изъ военной жизни, уже знакомые намъ изъ рисунковъ предшествующей главы. Прогуливаясь по заламъ своего дворца, Ассурназирпалъ вспоминаетъ по картинамъ всѣ главнѣйшіе эпизоды своей боевой жизни. Вотъ осада одной крѣпости. Къ ней придвинули таранъ, конецъ котораго окованъ мѣдью и обдѣланъ въ видѣ головы дикаго вепря; подъ разрушительными ударами тарана, въ стѣнѣ крѣпости образовалась огромная брешь. Вотъ другая сцена осады, когда тяжело пришлось ассиріянамъ: осажденные ловкими маневрами сумѣли зацѣпить таранъ крюками и обезвредить его, такъ что не сразу удалось взять крѣпость. Вотъ сцены конца сраженія: враги бѣгутъ, пытаются переплыть рѣку на надутыхъ мѣхахъ, но все напрасно, мѣткія стрѣлы ассиріянъ поражаютъ ихъ одного за другимъ. Послѣ сценъ сраженій пріятно посмотрѣть на картины, изображающія торжество побѣдителей. Вотъ ассирійскіе солдаты, вырубающіе послѣ побѣды драгоцѣнную паль-

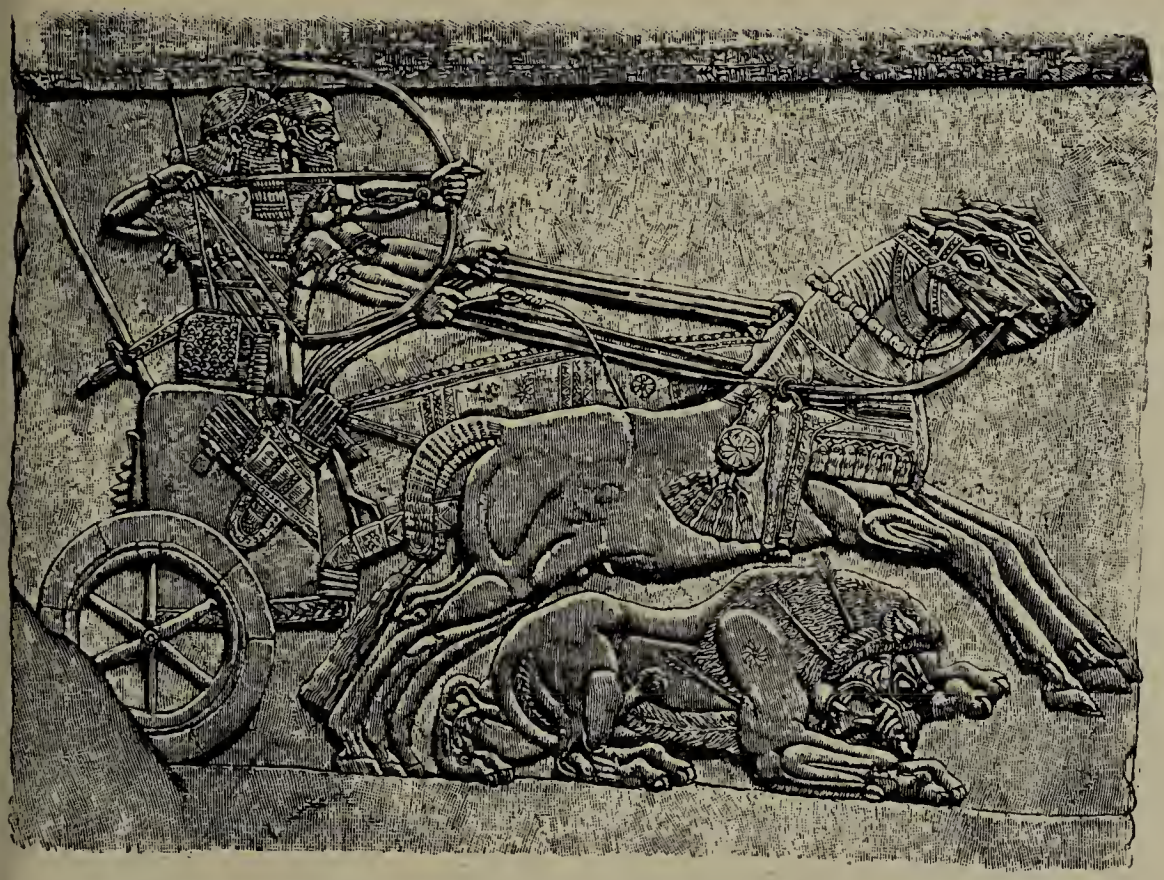
мовую рощу, а рядомъ—другая рельефная картина изображаетъ побѣжденныхъ, несущихъ дань побѣдителю. Какихъ только предметовъ нѣтъ здѣсь: есть, кажется, все, начиная съ простой муки и зерна, и кончая обезьянами.

Отдыхая послѣ войны у себя во дворцѣ, царь любитъ тѣшиться охотой. Теперь она для него и его свиты уже забава, но къ ней онъ относится съ такою же любовью и горячностью, какъ и старинные ассирійскіе цари, для которыхъ охота была жизненной необходимостью. Поэтому, художники, украшающіе рельефными картинами дворецъ ассирійскаго царя, должны были изображать охотничьи сцены такъ же тщательно и красиво, какъ и военныя. И надо отдать имъ справедливость: сцены охоты, и въ особенности фигуры животныхъ, удавались имъ неподражаемо. Художники, работавшіе лѣтъ 500 спустя послѣ Ассурназирпала для послѣднихъ царей Ассиріи, могутъ служить образцомъ даже для современныхъ художниковъ; но и художники Ассурназирпала показали себя большими мастерами.

Самою любимою царскою охотой была охота на львовъ. Царь Ассурназирпалъ отправлялся на эту охоту на колесницѣ, какъ на войну: только на быстрыхъ коняхъ можно было настигать этихъ неуловимыхъ хищниковъ. Царь бралъ съ собою копье, укрѣплявшееся сзади колесницы въ особой стойкѣ, на поясъ затыкалъ два кинжала, привѣшивалъ мечъ; но всѣ эти орудія были на случай рукопашной схватки со львомъ. До такого опаснаго момента царь не любилъ доводить дѣло; главное оружіе его, съ которымъ онъ отправлялся на львиную охоту, былъ лукъ. Царь, какъ и всѣ ассиріяне, былъ прекрасный стрѣлокъ, и

убивалъ льва издали, не подпуская его близко. Вмѣстѣ съ оруженосцемъ, правившимъ колесницей, царь становился на колесницу, и пара быстрыхъ коней (третья лошадь бралась въ качествѣ запасной) мчала его къ мѣсту охоты; вмѣстѣ съ нимъ отправляется на колесницахъ его свита и цѣлая свора огромныхъ собакъ-волкодавовъ. Передъ охотой заранѣе наводятся справки, не появился ли гдѣ-нибудь левъ, опустошающій стада поселянъ; мѣсто охоты, такимъ образомъ, заранѣе намѣчено, къ нему и направляется экспедиція. По прибытіи на мѣсто, спускаютъ собакъ, которыя выслѣживаютъ логовище льва и выгоняютъ его оттуда навстрѣчу охотникамъ, осыпающимъ льва градомъ стрѣлъ. Рѣдко удается убить льва первымъ же залпомъ; но охотники стараются первыми стрѣлами обезсилить животное настолько, чтобы можно было потомъ безъ опасности для жизни добить его ударомъ копья или дротика. Бываетъ иной разъ, что первый ударъ оказывается неудачнымъ. Легко раненое животное, разсвирѣпѣвъ, бросается на охотниковъ, и происходитъ единоборство между львомъ и людьми. Честь единоборства всегда предоставляется царю; но свита окружаетъ его и внимательно слѣдитъ за всѣми движеніями звѣря, чтобы въ опасную минуту прійти на помощь царю. Немало такихъ опасныхъ минутъ пришлось пережить на охотѣ за львами Ассурназирпалу. Всѣ эти моменты ясно вспоминаются ему, когда онъ смотритъ на картину, изображающую сцену изъ одной его охоты. Самъ онъ мчится на колесницѣ, натянувъ лукъ и цѣлясь въ звѣря, идущаго ему навстрѣчу; лошади, испуганныя ревомъ раздраженныхъ звѣрей, пригнули уши и безпокойно смотрятъ впередъ; а около колесницы уже лежитъ одинъ пораженный насмерть левъ. Изъ

шеи торчатъ у него двѣ стрѣлы, третья вонзилась въ бокъ подъ самую лопатку; животное яростно рычитъ, разрывая слабѣющей лапой землю, но пелена смерти уже застилаетъ ему глаза.



Охота Ассурназирпала на львовъ.

Охота на львовъ была самой любимой царской охотой; впослѣдствіи, когда львы были уже истреблены въ Ассиріи и ушли далеко въ горы, цари приказывали ловить львовъ въ горахъ и въ клѣткахъ привозить ихъ къ царскому дворцу. Ихъ выпускали и устраивали на нихъ охоту. Но кромѣ охоты на львовъ, царь охотится на дикихъ вепрей, гнѣздящихся въ зарослях тростника, и на дикихъ быковъ. Это также трудная охота, хотя и не такая опасная, какъ на льва. Сцены изъ этой охоты

изображены также на стѣнахъ дворца. Всѣ охотничьи сцены заключаются картиной, изображающей жертвоприношеніе царя богамъ послѣ счастливой охоты. Если охота была на быка, то убитый быкъ приносился въ жертву.

Вокругъ царскаго дворца и храмовъ, которые были обнесены высокою стѣною съ башнями и мѣдными воротами, расположились дома жителей Калаха. Превращеніе Калаха изъ ничтожнаго мѣстечка въ царскую резиденцію привлекло сюда множество народа. Цѣлая большая слобода заселилась царскими людьми, состоявшими у царя на службѣ, воинами, чиновниками и мастерами всякаго рода. Но въ Калахѣ стало селиться также немало торговыхъ людей, отчасти изъ Ассиріи, но больше всего изъ Вавилона и Сиріи. Огромные транспорты военной добычи, состоявшей изъ всевозможныхъ вещей и продуктовъ, не складывались ассиріянами въ сундуки: ассиріяне старались какъ можно скорѣе продать все, что только возможно было превратить въ деньги. На улицахъ Калаха всегда шелъ оживленный торгъ. Пріѣзжіе и мѣстные купцы запасались товарами, самыми разнообразными, скупая ассирійскую военную добычу, и сбывали свои товары, по большей части предметы необходимости, жизненные припасы, матеріи, предметы для домашняго обихода. Владѣльцы ткацкихъ мастерскихъ въ Борсиппѣ и Вавилонѣ были одними изъ самыхъ частыхъ посѣтителей Калаха. Воины составляли себѣ продажей добычи цѣлыя состоянія, которыя обращались тутъ же въ дѣло: у судей и нотаріусовъ постоянно толкались посѣтители, совершавшіе куплю-продажу земель, домовъ, садовъ, занимавшіе и дававшіе въ долгъ деньги, закладывавшіе и принимавшіе въ залогъ имуще-

ство. Нѣкоторые, напротивъ, старались положить деньги на храненіе въ безопасное мѣсто и получать съ нихъ спокойно проценты. Для этого приходилось отправляться въ Вавилонъ или въ Ниппуръ и класть тамъ деньги либо въ большіе банкирскіе дома, либо въ храмы, жрецы которыхъ охотно занимались ростовщичествомъ. Среди съѣзжавшихся въ Калахъ купцовъ, можно было встрѣтить людей самыхъ разнообразныхъ національностей; немало было здѣсь и купцовъ изъ плѣнныхъ народовъ, переселенныхъ послѣ ассирійскаго разгрома на берега Тигра.

Преемники Ассурназирпала продолжали украшать и обстраивать Калахъ. Особенно позаботился о немъ Санхерибъ, выстроившій себѣ новый роскошный дворецъ. Но отъ этой суетливой и роскошной столицы первыхъ великихъ царей Ассиріи не осталось теперь почти ничего, кромѣ груды безформенныхъ развалинъ, да статуй, находимыхъ между развалинами. Можно опредѣлить, сколько дворцовъ было въ Калахѣ, и гдѣ они стояли, какіе цари ихъ построили, но нельзя возстановить съ точностью ихъ наружный видъ и расположеніе. Мы можемъ познакомиться ближе съ устройствомъ ассирійскихъ дворцовъ, если отправимся въ другую, новую ассирійскую столицу, Ниневію, съ ея загороднымъ дворцомъ Дуръ-Шарукиномъ.

XXI.

Дуръ-Шарукинъ и Ниневія.

Около полутораста лѣтъ Калахъ былъ столицей ассирійскихъ царей; потомъ звѣзда его закатилась. Въ исходѣ

VIII вѣка до Р. Х. ассирійскій престолъ занялъ царь Саргонъ, носившій имя древняго царя Аккада. Первые шестнадцать лѣтъ его царствованія прошли въ непрерывныхъ войнахъ; кажется, ни одинъ изъ царей ассирійскихъ не воевалъ такъ много, и никогда такъ высоко не поднималось могущество Ассиріи. Правда, бо̀льшая половина походовъ Саргона была направлена противъ возстаній разныхъ покоренныхъ народовъ и странъ. Возставала страна Наири, возставалъ Вавилонъ, возставалъ Асдодъ; нелегко было привести къ покорности всѣ эти страны. Много дѣла было также съ мидянами, горнымъ арійскимъ племенемъ, которое стало въ это время особенно усиленно напирать на Месопотамію и сто лѣтъ спустя уничтожило владычество Ассиріи. Саргонъ умѣлъ смирить и мидянъ, и сосѣднія съ ними горныя племена, не пропускавшія ни одного удачнаго случая сбросить ассирійское иго; но кромѣ того, ему удалось еще болѣе расширить предѣлы ассирійской державы. Онъ завоевалъ царство Ефрема (израильское царство), завоевалъ островъ Кипръ, завоевалъ самые дальніе острова въ Персидскомъ заливѣ; между его державой и царствомъ египетскихъ фараоновъ осталось только небольшое іудейское царство. На сѣверѣ царство Саргона простиралось до Кавказскихъ горъ, на востокѣ—врѣзывалось глубоко въ горы Загроса, на югѣ—граничило съ безбрежнымъ океаномъ. Послѣ шестнадцати лѣтъ войны хотѣлъ Саргонъ отдохнуть, но не поселился въ Калахѣ. Себя онъ считалъ несравненнымъ, а въ Калахѣ каждый уголъ напоминалъ ему о его предшественникахъ. Онъ рѣшилъ построить себѣ новую резиденцію и выбралъ мѣсто для нея недалеко отъ стариннаго ассирійскаго города Ниневіи.

Въ своей надписи такъ описываетъ Саргонъ исторію построенія новой резиденціи. «Триста пятьдесятъ царей до меня владѣли страной Ассура и прославляли могущество Бэла; но никто изъ нихъ не изслѣдовалъ этого мѣста и не думалъ о томъ, чтобы сдѣлать его обитаемымъ, не пытался вырыть тамъ каналъ. Я принялъ такое рѣшеніе... Я думалъ день и ночь о томъ, чтобы сдѣлать обитаемымъ это мѣсто, чтобы освятить его храмы, жертвенники великимъ богамъ и дворецъ, гдѣ обитаетъ мое величество... Я повелѣлъ приступить къ основанію его... Днемъ и ночью работалъ я для счастья и удовлетворенія моего сердца»... Царь молился богамъ и принесъ имъ жертвы; боги услыхали его мольбу и одобрили его намѣреніе. Тогда началась постройка. Царь самъ указалъ расположеніе будущаго дворца, длину и вышину его стѣнъ, дворовъ и другихъ помѣщеній, указывалъ образцы, которымъ должны были слѣдовать художники, размѣщалъ статуи божествъ и геніевъ, входилъ во всѣ мелочи. Согнанные на постройку военноплѣнные усердно работали подъ ударами палокъ и бичей надсмотрщиковъ, и, наконецъ, дворецъ былъ готовъ. «Я поселился во дворцѣ моемъ вмѣстѣ съ великимъ господиномъ Бэломъ, владыкою странъ, съ богами и богинями, которые обитаютъ въ странѣ Ассура, съ сонмами ихъ служителей, съ начальниками областей, съ намѣстниками, съ мудрецами, съ учеными, съ вельможами... и тамъ я совершалъ судъ... Я повелѣлъ сложить тамъ золото, серебро, вазы изъ золота и серебра, драгоцѣнные камни, камни различныхъ цвѣтовъ, желѣзо, льняныя и шерстяныя матеріи, матеріи голубыя и пурпурныя, жемчугъ, сандалъ, черное дерево; я повелѣлъ поставить тамъ коней изъ страны Мусри (арабскихъ коней), ословъ, муловъ, верблюдовъ и

быковъ. Я вселилъ радость въ сердце боговъ всѣми этими богатствами. Да благословитъ Ассуръ, отецъ боговъ, эти чертоги, даруя симъ изображеніямъ вѣчный блескъ; пусть бодрствуетъ онъ надъ нами долгіе, долгіе дни»...

Дуръ-Шарукинъ, «крѣпость Саргона», как называлась новая резиденція царя, не простояла так долго, какъ желалъ царь, ибо близокъ уже былъ день гибели ассирійской державы. Но его не постигло такое жестокое разрушеніе, какое испытали Ниневія и Калахъ; поэтому, когда были раскопаны его развалины, можно было довольно точно возстановить его планъ, а на основаніи надписей и сохранившихся украшеній и статуй можно было возстановить внѣшній видъ дворца и его частей и назначеніе различныхъ помѣщеній (рис. на стр. 376—377).

Какъ всегда, углы дворца глядятъ на четыре стороны свѣта, а самъ дворецъ построенъ на террасѣ, насыпанной искусственнымъ образомъ и обложенной кирпичами. Главный входъ во дворецъ находился съ юга-восточной стороны. Прямо къ нему, на возвышенную террасу, на которой былъ построенъ дворецъ, вела двойная лѣстница; ступени ея были изъ каменныхъ плитъ. Подъѣзжать къ главному входу дворца можно было лишь кружнымъ путемъ: отъ восточнаго угла былъ устроенъ подъемъ на террасу, вымощенный камнемъ; онъ поднимался на стѣну, примыкавшую къ дворцу подъ прямымъ угломъ, и выходилъ со стѣны на дорогу, идущую вокругъ почти всего дворца. Это—мостовая, вымощенная широкими каменными плитами. Почти прямо напротив окончанія главной дороги, за угломъ стѣны, виднѣются боковыя ворота; такихъ боковыхъ воротъ есть еще нѣсколько въ разныхъ пункахъ стѣны.

Главныя ворота Дуръ-Шарукина производятъ величественное впечатлѣніе. Они состоятъ изъ трехъ входовъ, центральнаго и двухъ боковыхъ. Центральный входъ открывается въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ, когда чрезъ него выходитъ или входитъ царь во всемъ

Главныя ворота Дуръ-Шарукина (реконструкція).

своемъ великолѣпіи, со всею своею свитой; боковые всегда открыты для многочисленныхъ посѣтителей, приходящихъ по разнымъ дѣламъ во дворецъ. Царскій входъ изукрашенъ самымъ изысканнымъ образомъ. На посѣтителя смотрятъ серьезно и строго шесть фигуръ огромныхъ крылатыхъ быковъ съ человѣческими головами, подобныхъ тѣмъ, какіе стояли въ царскихъ дворцахъ Калаха. Эти геніи-стражи воротъ расположены

такимъ образомъ: по два быка стоятъ другъ противъ друга по бокамъ входа у стѣны, обративъ лица свои ко входящему во дворецъ, а остальные два, головою выше первыхъ, стоятъ въ сводчатомъ проходѣ, по его сторонамъ, и также смотрятъ впередъ. Эта чудовищная стража должна охранять дворецъ и его обитателей отъ всякой напасти. Между парами переднихъ геніевъ стоятъ двѣ гигантскихъ фигуры Гильгамеша, съ убитымъ львомъ въ рукахъ (см. рис. на стр. 278). Гильгамешъ изображенъ въ видѣ знатнаго ассиріянина: борода, усы, волосы и даже брови завиты, роскошное платье расшито. Силу Гильгамеша художникъ изобразилъ очень оригинальнымъ образомъ: онъ не ограничился тѣмъ, что самымъ рельефнымъ образомъ обрисовалъ мускулы ногъ и рукъ, но также всей фигурѣ придалъ сверхчеловѣческіе размѣры. Вышина статуи Гильгамеша болѣе двухъ саженъ; въ правой рукѣ Гильгамешъ держитъ короткій кривой мечъ, а въ лѣвой, за одну переднюю лапу—убитаго льва; левъ этотъ настолько малъ въ сравненіи съ фигурой самого Гильгамеша, что кажется совсѣмъ маленькимъ львенкомъ. Богъ и герой, конечно, не могъ быть ростомъ и силою подобенъ человѣку — художникъ и показалъ нагляднымъ образомъ, размѣрами и положеніемъ фигуры убитаго льва, сверхчеловѣческій ростъ и сверхчеловѣческую силу Гильгамеша. Герой стариннаго эпоса недаромъ занялъ почетное мѣсто между геніями-стражами воротъ. Онъ былъ первый и самый сильный охотникъ за львами, и ассирійскіе цари считали его покровителемъ львиной охоты, ихъ любимаго развлеченія, и своимъ покровителемъ. О той же страсти къ охотѣ на львовъ говорятъ и великолѣпныя эмалевыя изображенія львовъ на капителяхъ башенъ, поднимающихся надъ входомъ.

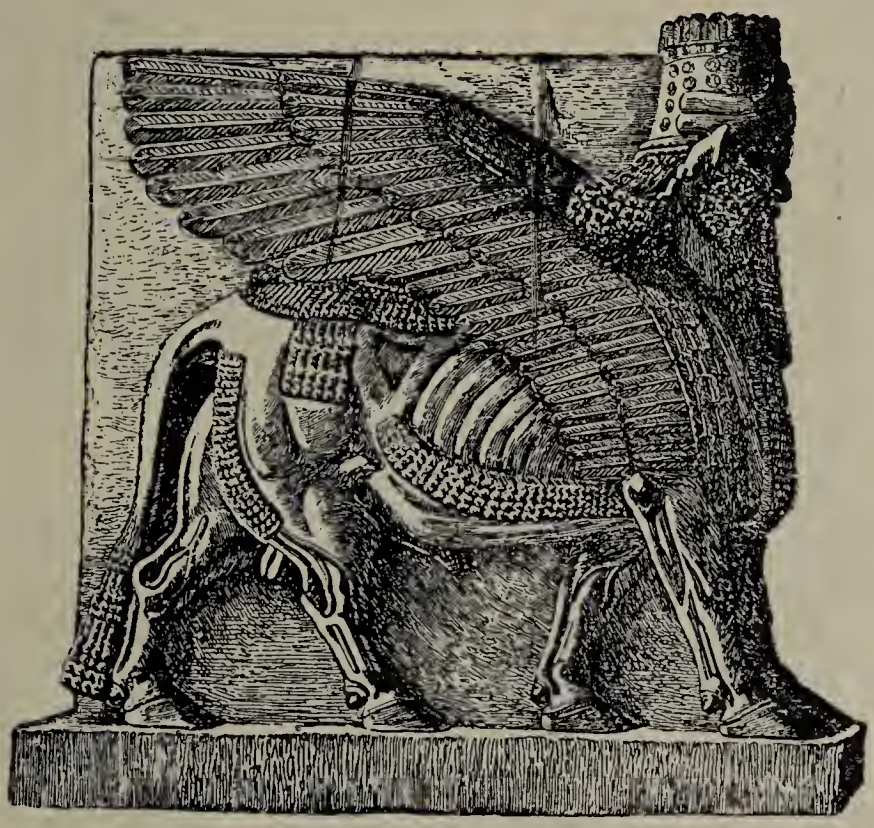
А между башенъ, надъ аркой входа, находится эмалевая картина, изображающая самого царя Саргона, торжествующаго побѣду. Боковые входы также охраняются крылатыми быками, но меньшихъ размѣровъ.

Главный входъ ведетъ насъ въ самый большой изъ тридцати дворовъ дворца. Уже это число дворовъ даетъ понятіе о величинѣ дворца. Дворцовыя помѣщенія и храмы занимали площадь около 10 десятинъ; все это огромное пространство было застроено разнообразными апартаментами, раздѣлявшимися другъ отъ друга дворами. Какъ и въ старину, во дворцѣ Гудеа или другого стариннаго князя или патэси, вся жизнь дворца сосредоточивалась на его дворахъ; и хотя Саргонъ хотѣлъ превзойти построеніемъ Дуръ-Шарукина всѣхъ своихъ предшественниковъ, однако планъ его дворца похожъ на планъ дворца Гудеа и отличается отъ него больше размѣрами, чѣмъ расположеніемъ помѣщеній. Первый дворъ, самый большой, занимающій площадь около десятины, открытъ для всѣхъ приходящихъ во дворецъ. Это—центръ всей хозяйственной жизни дворца. Направо отъ этого двора, въ восточномъ углу дворца, расположены всѣ хозяйственныя помѣщенія. Тутъ кухни и кладовыя, конюшни и стойла для лошадей, верблюдовъ, ословъ и быковъ; тутъ большіе сараи, въ которыхъ стоятъ многочисленныя колесницы царя, его женъ, царевичей и свиты. Тутъ же находятся помѣщенія для многочисленной челяди, прислуживающей царю и остальнымъ обитателямъ дворца. На большомъ дворѣ всегда людно и шумно. Постоянно являются сюда придворные поставщики и привозятъ съ собою всевозможные запасы для дворца; черезъ дворъ водятъ лошадей и ословъ, бѣгаютъ постоянно служители и служанки, суетливо и поспѣшно

исполняющіе различныя порученія и приказанія своихъ господъ, живущихъ въ остальныхъ помѣщеніяхъ дворца. Понятно поэтому, что большой дворъ отдѣланъ очень просто, сравнительно съ величественнымъ входомъ въ него. Полъ вымощенъ простыми каменными плитами, какъ мостовая, на бѣлыхъ гладкихъ стѣнахъ нѣтъ никакихъ украшеній, и ихъ оживляетъ только множество дверей, ведущихъ съ большого двора во внутреннія помѣщенія.

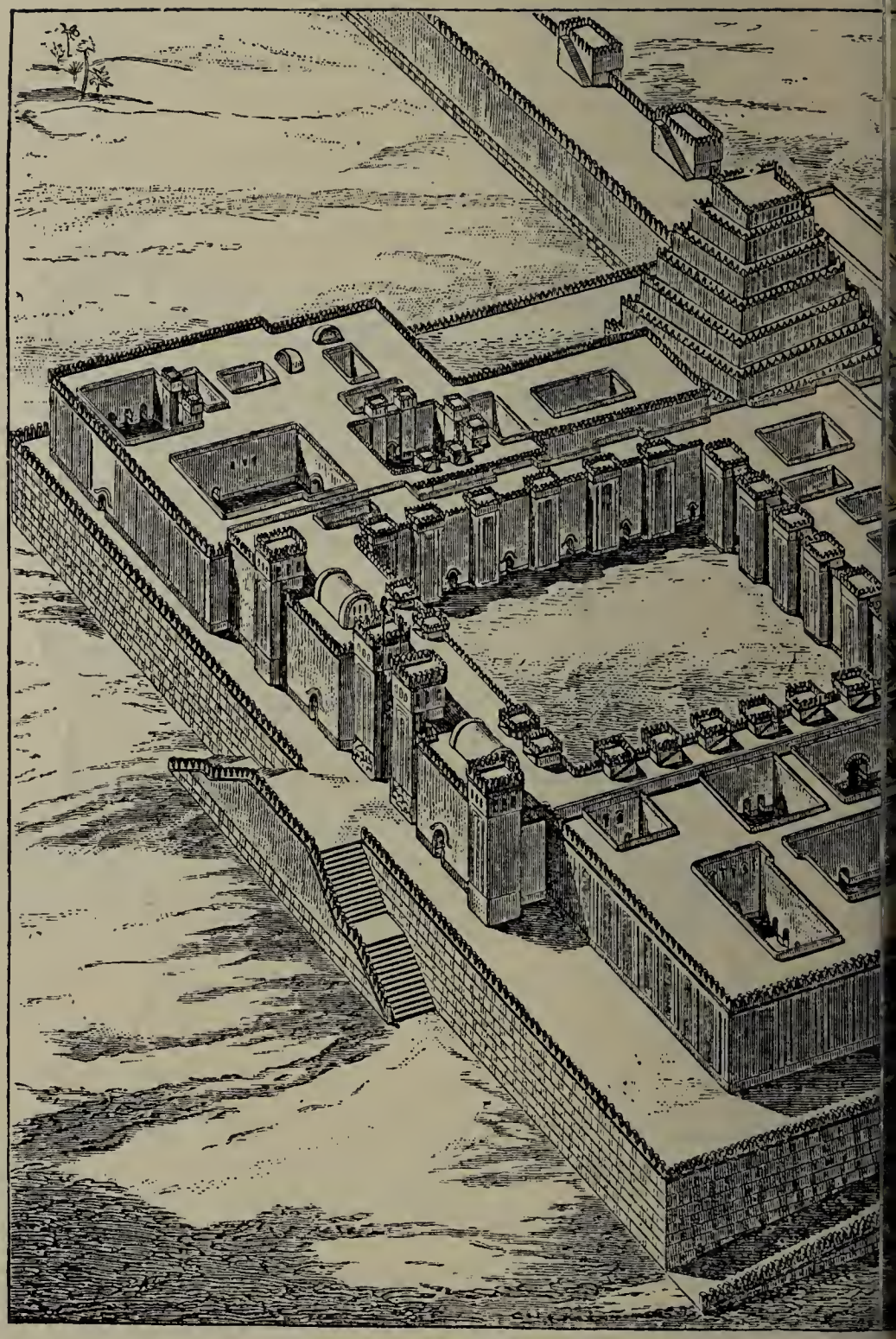
Прямо противъ главнаго входа, въ противоположной стѣнѣ дворца сдѣланъ широкій проходъ въ парадныя помѣщенія дворца; онъ также охраняется крылатыми быками. Изъ прохода отдѣляются коридоръ и двери въ царскія комнаты: въ его спальню, рабочій кабинетъ и другія комнаты. Если итти этимъ проходомъ, никуда не сворачивая, то мы попадемъ въ парадный дворъ, представляющій изъ себя главную парадную залу дворца. Въ этой залѣ происходятъ торжественные пріемы пословъ и сановниковъ, великолѣпные пиры и празднества. Зала украшена такъ же, какъ и парадныя залы въ Калахскихъ дворцахъ. Стѣны разукрашены барельефами, изображающими сцены изъ походной и охотничьей жизни Саргона. Тутъ все тѣ же знакомыя сцены битвъ, осадныхъ работъ, преслѣдованій непріятеля и торжества побѣдителей; на одной картинѣ представлено, какъ царь собственноручно выкалываетъ глаза плѣннымъ. Картины раскрашены яркими цвѣтами; полъ тоже разноцвѣтный, выложенъ плитами различныхъ цвѣтовъ. Однако, замѣтно, что цѣлый вѣкъ, протекшій отъ временъ Ассурназирпала до временъ Саргона, не прошелъ для художниковъ совсѣмъ даромъ. Въ техникѣ рисунковъ они, правда, ничему новому не научились, и по прежнему не умѣютъ соблюдать перспективу, по преж-

нему рисуютъ предметы, находящіеся другъ за другомъ, выше другъ друга. Но за то они теперь не обезображиваютъ рисунки надписями, какъ дѣлали художники временъ Ассурназирпала. Тѣ поступали по обычаю старины: во времена сумерійскихъ патэси не считали

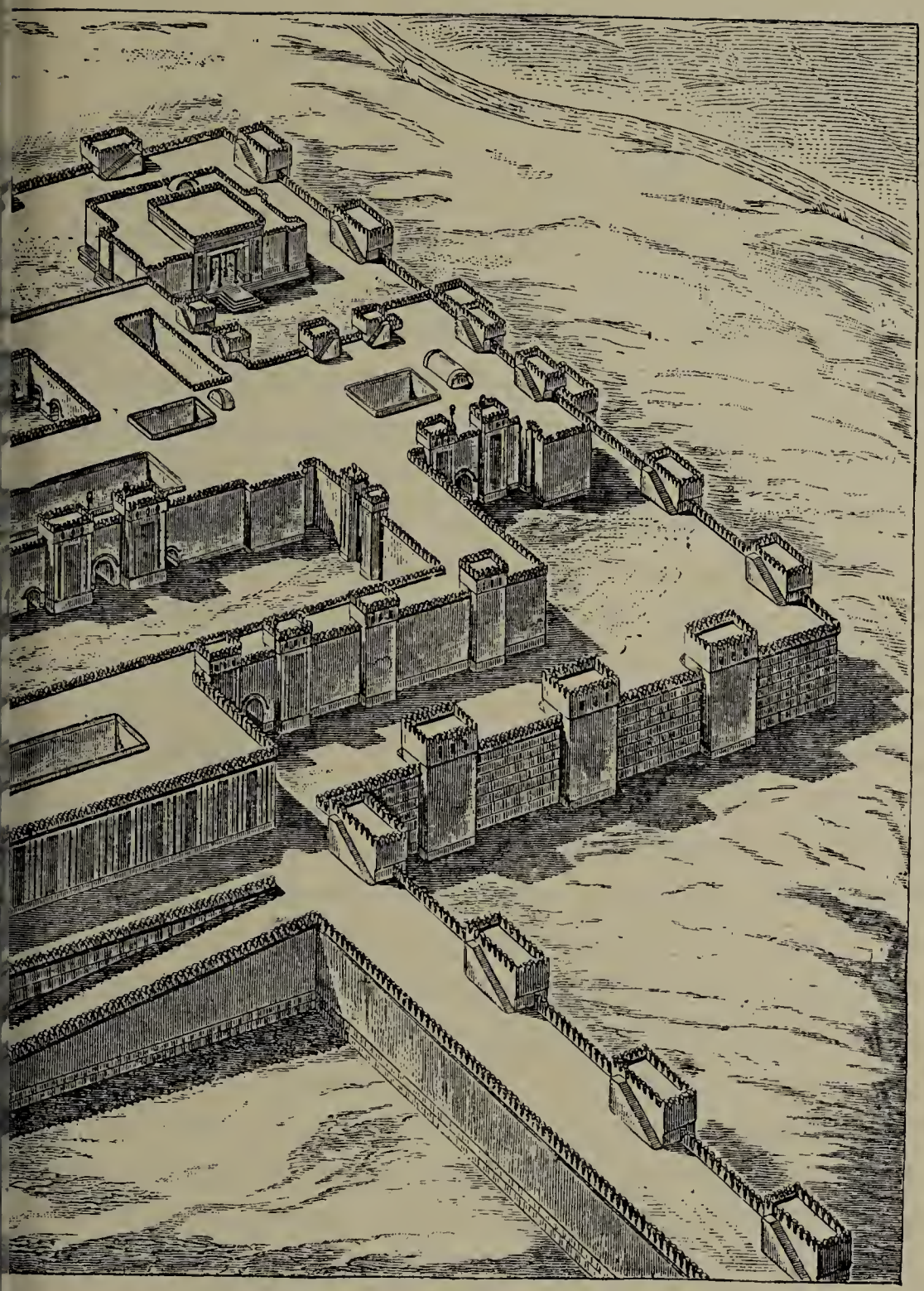


Крылатый быкъ.

возможнымъ дѣлать какое бы то ни было изображеніе, не сопровождая его надписями, хотя бы даже на самомъ неподходящемъ мѣстѣ, какъ, напримѣръ, на статуѣ Гудеа надпись была сдѣлана на складкахъ одежды царя. Художники временъ Ассурназирпала поступали такимъ же образомъ и заполняли всѣ свободныя мѣста на рельефныхъ картинахъ надписями. Художники Саргона не обезобразили рисунковъ надписями, но приду-



Дуръ-Ш



еконструкція).

мали для нихъ новыя, хотя и не совсѣмъ подходящія мѣста. Часть надписей они сдѣлали на плитахъ, которыми выстланъ полъ; другія сдѣлали на оборотной сторонѣ тѣхъ каменныхъ плитъ, на которыхъ вырѣзаны рельефныя картины. Для царя надписи не нужны: онъ самъ былъ участникомъ всѣхъ тѣхъ событій, которыя изображены на картинахъ; если же захотятъ узнать о его подвигахъ его будущіе преемники, то надписи, сдѣланныя на оборотной сторонѣ каменныхъ картинъ, сохранятся для нихъ въ неприкосновенности. Кромѣ картинъ, стѣны украшены рядами орнаментовъ. Картины идутъ по стѣнамъ, начиная съ высоты 4—5 аршинъ отъ пола; снизу и сверху картины окаймляются орнаментомъ, и такіе же бордюры изъ орнамента идутъ между рядами картинъ. Орнаментъ на бордюрахъ самый разнообразный, но очень изящный. Онъ скомбинированъ изъ розетокъ (подобныхъ изображеннымъ на обложкѣ), цвѣтовъ лотоса—по египетской модѣ, и спиральныхъ линій; подобно картинамъ, онъ расписанъ яркими цвѣтами, также по египетскому образцу. Свѣтъ падаетъ въ залу сверху, прямо съ яснаго неба—крыши надъ ней, какъ надъ всякимъ дворомъ, никакой нѣтъ.

Въ этой залѣ является во всемъ великолѣпіи царь, окруженный блестящею свитой. Его парадное одѣяніе такого же покроя, какъ обычная одежда знатныхъ ассиріянъ—длинная, спускающаяся до ногъ хламида, перехваченная на таліи поясомъ. Но по отдѣлкѣ оно отличается отъ обычнаго будничнаго платья. Обычно царская одежда отдѣлывалась только тяжелой золототканной бахромой; парадное платье все расшивалось золотыми и серебряными нитями. Вышивки представляли изъ себя разнообразные узоры, на сюжеты изъ любимыхъ

вѣрованій и преданій. То на узорахъ изображали кайму, составленную сочетаніемъ крылатыхъ быковъ (такихъ, какой изображенъ на обложкѣ) съ листьями и вѣтками; то изображали дерево жизни, охраняемое геніями, въ перемежку съ розетками; то изображали Гильгамеша, сражающагося съ быками или со львами. Эти вышивки производились искусными работницами, научившимися своему мастерству въ Борсиппѣ или въ Вавилонѣ. За поясомъ у царя всегда былъ мечъ и два или три кинжала, на головѣ—высокая шапка. Царь важно выступалъ подъ зонтомъ, который несъ за нимъ евнухъ; другой евнухъ несъ опахало, которымъ отгонялъ отъ царя мошекъ и мухъ. Вслѣдъ за царемъ шла его свита, въ такихъ же богатыхъ костюмахъ, завитая и раздушенная. Свита царя состояла изъ множества евнуховъ и сановниковъ, которые, какъ жадныя мухи, кормились у царскаго стола, служа царю самою приторною лестью и самымъ угодливымъ низкопоклонствомъ. Въ свитѣ у Саргона было нѣсколько сотъ человѣкъ; если бы могли встать изъ гроба Урнина или Эаннатумъ, или даже Хаммураби, они пришли бы въ ужасъ отъ такой стаи бездѣльничающихъ прихлебателей. Нѣкоторыя лица царской свиты занимали опредѣленныя должности, другіе просто числились въ свитѣ. Изъ первыхъ ближе всего къ царю стояли, кромѣ носителя зонтика и носителя опахала, виночерпій и кравчій, также изъ евнуховъ, а потомъ жрецы и ученые. Послѣдніе были все изъ вавилонянъ и самыхъ разнообразныхъ спеціальностей. Тутъ были и заклинатели, повторявшіе безъ всякихъ перемѣнъ старые тексты и образы заклинаній, были гадатели по маслу и вину, по птицамъ и по жертвеннымъ животнымъ, были астрологи и астрономы, для которыхъ у западной

стѣны дворца былъ выстроенъ огромный ступенчатый храмъ. Безъ совѣта всѣхъ этихъ «мудрецовъ» царь не дѣлалъ ни одного шага. Въ обширной библіотекѣ Дуръ-Шарукина сохранились до нашего времени тысячи таблетокъ, на которыхъ были записаны гаданія, произведенныя по порученію ассирійскихъ царей. Цари въ особенности цѣнили гаданія по небеснымъ свѣтиламъ; наука о небесныхъ свѣтилахъ сдѣлала къ этому времени огромные успѣхи, о которыхъ будетъ итти рѣчь въ слѣдующей главѣ.

Кромѣ такихъ чисто придворныхъ чиновъ, въ свитѣ царя всегда находятся его главные министры. Они должны жить тутъ же, во дворцѣ, или около дворца въ городѣ, чтобы являться къ царю по его первому приказанію. Среди нихъ первое мѣсто занимаетъ уже извѣстный намъ туртанъ, такъ сказать, генералиссимусъ ассирійской арміи, замѣняющій царя во главѣ войска. Съ нимъ царь совѣщается о всѣхъ военныхъ дѣлахъ и предпріятіяхъ, онъ, такъ сказать, его военный министръ. За туртаномъ идетъ дворецкій, завѣдующій дворцомъ и его сложнымъ хозяйствомъ. Потомъ идетъ сановникъ, называвшійся rabbilub; его обязанности намъ въ точности неизвѣстны, кажется, онъ былъ начальникомъ евнуховъ. Далѣе идетъ великій визирь, завѣдывавшій царской печатью и канцеляріей; послѣднимъ въ ряду министровъ ассирійскаго царя былъ начальникъ надъ провинціальными намѣстниками. Эти пять министровъ составляли великій совѣтъ царя и пользовались особымъ отличіемъ: въ Ассиріи годъ назывался обыкновенно по имени царя и этихъ сановниковъ по очереди. Первый годъ царствованія каждаго царя назывался именемъ царя, второй — туртана, третій дворецкаго и т. д.; всѣ министры, по

именамъ которыхъ назывался годъ, носили почетное званіе limmu.

Появленіе царя встрѣчается звуками музыки; играютъ музыканты на флейтахъ, арфахъ и тимпанахъ; такими же звуками музыки сопровождается отбытіе царя. Царь можетъ выйти изъ дворца не только тѣмъ ходомъ, чрезъ который мы прошли, но также и другимъ, черезъ большой дворъ на восточной сторонѣ, ворота изъ котораго выходятъ прямо на главную дорогу. Этотъ большой дворъ соединяется особымъ ходомъ со служебными и хозяйственными помѣщеніями дворца, такъ что на него царю могутъ подать колесницу или коней или распрячь колесницу. Обычно царь и пользуется этой прямою дорогой; только въ особо торжественныхъ случаяхъ проходитъ онъ черезъ главный входъ дворца.

Все утро и половина дня проходитъ у царя въ совѣщаніяхъ въ министрами и въ пріемахъ. Освободившись отъ этихъ утомительныхъ занятій, царь можетъ пойти отдохнуть въ свой гаремъ, на женскую половину дворца. Эта половина расположена въ южномъ углу дворца. Въ ней также нѣсколько дворовъ, на которыхъ проводятъ время гаремныя затворницы со своими дѣтьми; между дворами расположены опочивальни царя и его женъ. Главный дворъ гарема—въ центрѣ; изъ него три двери, увѣнчанныя башенками, ведутъ въ различныя помѣщенія гарема. Между этимъ дворомъ и зиккуратомъ и находится опочивальня царя. Она примыкаетъ къ самому зиккурату; средина ея представляетъ изъ себя небольшой открытый дворъ, а въ глубинѣ его устроена сводчатая ниша, въ которой на нѣкоторомъ возвышеніи стоитъ царская постель. Постель сдѣлана изъ драгоцѣннаго чернаго дерева, изукрашеннаго золотою

рѣзьбою; сводъ надъ нею украшенъ орнаментомъ изъ розетокъ, и на стѣнахъ нарисованы изображенія крылатыхъ быковъ и крылатыхъ геніевъ съ орлиной головою, которыя должны охранять царскій сонъ отъ всякаго навожденія. Съ главнымъ дворомъ гарема спальня царя соединяется проходомъ черезъ узкую и

Эмалевыя изображенія на стѣнѣ у царской спальни.

длинную переднюю; стѣна, отдѣляющая эту переднюю отъ опочивальни, и стѣны прохода, ведущаго въ опочивальню, изукрашены особенно тонкой и богатой мозаикой изъ эмалевыхъ кирпичей. Фонъ мозаики — небесно-голубой; вверху и внизу она окаймляется орнаментомъ изъ бѣлыхъ розетокъ. По голубому фону изображены прежде всего три священныхъ животныхъ. Впереди шествуетъ великолѣпный левъ; грива его и волосы на брюхѣ тонко сдѣланы изъ отдѣльныхъ волосковъ; глаза

Изображеніе царя (передъ нимъ—жертвенникъ).

у него голубые, а зубы и когти бѣлые. За нимъ идетъ орелъ, у котораго голубыя перья чередуются съ желтыми. За орломъ идетъ великолѣпный быкъ. Эти три священныхъ животныхъ сопровождаются изображеніемъ священнаго древа жизни; листья его зеленые, а стволъ, вѣтви и плоды желтые; наконецъ, слѣдуетъ желтая лодка съ мачтой, острымъ килемъ и высоко поднятымъ носомъ—очевидно, изображеніе той лодки, на которой Гильгамешъ переправлялся черезъ воды смерти, ища вѣчной жизни. Въ нишѣ, устроенной въ стѣнѣ прохода, красуется огромная статуя самого царя. Царь изображенъ во весь ростъ, со скипетромъ въ рукѣ; надъ нимъ изображены символы великихъ боговъ-покровителей ассирійскихъ царей. Ихъ рядъ начинается отъ головы царя изображеніемъ шлема, символа Ассура — Ассуръ всегда изображался въ такомъ военномъ шлемѣ. Заключается рядъ восьмилучевой звѣздой, символомъ Иштаръ, а между символами Ассура и Иштаръ мы видимъ солнечный дискъ, испускающій лучи—Шамаша, лунный серпъ—Сина, и молнію—Адада-Раммана. На шеѣ у царя цѣпь, къ которой привѣшены три амулета, также символы боговъ, Адада, Шамаша (крестъ) и Иштаръ. А передъ изображеніемъ царя стоитъ жертвенникъ изъ цѣльнаго камня; въ отверстіе, сдѣланное посрединѣ его, царь совершаетъ возліянія великимъ богамъ вечеромъ, передъ отходомъ ко сну, и утромъ, вставъ отъ сна.

У царя Саргона три жены; главной женою его считается та, которая первая родила царю сына. Она носитъ почетный титулъ царицы; этотъ титулъ остается за ней, если царь умретъ раньше ея. Ея жизнь въ гаремѣ непохожа на скучную долю двухъ

другихъ, ея менѣе счастливыхъ товарокъ. Тѣ навсегда заперты въ гаремѣ, не могутъ никуда показываться и ведутъ самый тоскливый, самый бездѣльный образъ жизни. Любимое ихъ занятіе — примѣрять платья, рядиться, прихорашиваться. Въ огромномъ количествѣ изводятъ они румяна, бѣлила, краску для бровей и для глазъ, цѣлыми днями вертятся передъ зеркаломъ. Доля царицы много лучше. Если соизволитъ царь, она можетъ показываться вмѣстѣ съ нимъ на пирахъ, на торжественныхъ пріемахъ, она можетъ видѣть и другія лица, кромѣ надоѣвшихъ евнуховъ и рабынь гарема. У нея, кромѣ нарядовъ и туалета, есть другія заботы. Ей царь даетъ большія имѣнія, которыми она сама управляетъ при помощи своего великаго визиря. Онъ часто приходитъ къ ней съ докладами о дѣлахъ, и она можетъ поговорить съ нимъ о многомъ, можетъ поговорить и о государственныхъ дѣлахъ, политическихъ новостяхъ. Царица иной разъ оказываетъ большое вліяніе на своего супруга; поэтому къ ней обращаются многіе обиженные или недовольные, или ищущіе выгодныхъ должностей съ просьбами о ходатайствѣ передъ царемъ. Она свободно можетъ принимать просителей на своемъ дворѣ и иногда успѣшно исполняетъ ихъ просьбы. У каждой изъ трехъ женъ царя свои особые покои, состоящіе изъ залы или двора, передней и опочивальни. Опочивальни ихъ похожи на опочивальню царя, но украшены проще. Стѣны выложены разноцвѣтными кирпичами, и только у входа въ опочивальни на притолокахъ изображены роскошныя гирлянды изъ пальмовыхъ вѣтвей. Пальма считалась эмблемой плодовитости.

Конечно, царица и ея подруги рѣдко жили въ мирѣ

другъ съ другомъ. Вѣчныя ссоры и интриги, вѣчная напряженность нервовъ, вѣчная забота объ этикетѣ— все это раньше времени старило затворницъ гарема. А когда подрастали ихъ сыновья и уходили изъ гарема, чтобы поселиться въ отдѣльныхъ аппартаментахъ, исчезала для затворницъ послѣдняя улыбка счастья. Материнскія заботы все-таки скрашивали и наполняли пустую жизнь—теперь и онѣ исчезали. И немудрено, что при всей красотѣ и холѣ, при всѣхъ заботахъ о туалетѣ, лица гаремныхъ затворницъ порой поражали своимъ непріятнымъ выраженіемъ. Тупая злоба, хитрость и мстительность такъ и чувствовались въ улыбкѣ или въ выраженіи глазъ гаремной дамы; и бывали, конечно, случаи, когда мстительность и злоба выходили наружу и выливались въ отвратительныхъ преступленіяхъ.

Старшій сынъ Саргона, его первенецъ, былъ уже взрослымъ человѣкомъ, когда построенъ былъ Дуръ-Шарукинъ. Поэтому для него было построено во дворцѣ особое помѣщеніе. Оно находилось у сѣверо-западной стѣны дворца и непосредственно примыкало къ аппартаментамъ самого царя. У наслѣдника престола былъ тамъ свой дворъ, свой штатъ людей; онъ могъ жить совершенно самостоятельной жизнью. Изъ его аппартаментовъ былъ особый ходъ наружу, съ сѣверо-восточной стороны, увѣнчанный двумя башенками, совершенно такими же, какъ и башенки у входа въ царскіе аппартаменты.

Изъ аппартаментовъ царя и изъ аппартаментовъ наслѣдника вели въ западный уголъ дворца особые ходы. Они приводили на обширную площадку, на которой былъ расположенъ храмъ. Къ сожалѣнію, неизвѣстно, какому богу былъ посвященъ этотъ храмъ, и какія

постройки около него находились, такъ какъ западный уголъ дворца хуже всего сохранился. Надо думать, что, вѣроятнѣе всего, это былъ храмъ Ассуру. Зиккуратъ, какъ всегда, былъ посвященъ великой троицѣ, Ану, Бэлу и Эа, и семи богамъ великихъ небесныхъ свѣтилъ; но Ассуру между ними не было мѣста, и естественно, что для главнаго бога - покровителя былъ построенъ особый храмъ. Съ площадки, находившейся у этого храма можно было выйти за предѣлы дворца. Напротивъ зиккурата стѣна поворачивала подъ прямымъ угломъ, являясь какъ бы продолженіемъ такой же стѣны съ противоположной стороны. На стѣнѣ были устроены башни, на которыхъ постоянно дежурили часовые.

Знатная ассирійская дама.

Таковъ былъ Дуръ Шарукинъ. Саргонъ не хотѣлъ ограничиться только дворцомъ, но хотѣлъ, чтобы вокругъ дворца былъ устроенъ настоящій городъ, чтобы Дуръ-Шарукинъ сталъ столицей, замѣнилъ собою Калахъ. Для этой цѣли Саргонъ откупилъ кругомъ Дуръ-Шарукина огромное количество земли и составилъ планъ будущаго города. Планъ былъ задуманъ широко. Вся территорія буду-

щаго города была обнесена стѣною, при чемъ длина стѣны равнялась 6½ верстамъ, а толщина — около 10 саж. Стѣна начиналась отъ дворца, отъ его сѣверо-восточной и юго-западной стѣнъ, при чемъ сѣверная часть дворца выходила въ поле, а южная вдвигалась въ территорію будущаго города. Въ ближайшихъ кварталахъ къ дворцу были отведены мѣста для домовъ царскихъ сановниковъ, а вся остальная площадь города должна была застроиться купеческими домами и промышленными заведеніями. Когда царь Саргонъ переѣхалъ сюда изъ Ниневіи, то вслѣдъ за его дворомъ потянулись сюда изъ сосѣдней Ниневіи торговцы и ремесленники, и Ниневіи грозила опасность запустѣнія. Но судьба сжалилась надъ стариннымъ городомъ: не прошло и года послѣ построенія Дуръ-Шарукина, какъ Саргонъ неожиданно былъ убитъ солдатомъ, и его преемникъ, Санхерибъ, оставилъ за Дуръ-Шарукиномъ значеніе только загороднаго дворца, мѣстомъ же постояннаго жительства избралъ Ниневію. Поэтому, Дуръ-Шарукинъ опять запустѣлъ и сталъ оживляться только во время пріѣзда туда царскаго двора.

Ниневія, которая стала съ этого времени столицей ассирійскихъ царей, была стариннымъ городомъ и давно уже пріобрѣла большое торговое и промышленное значеніе. Санхерибъ, сдѣлавъ ее своею столицей, заново отстроилъ въ ней царскіе дворцы и храмы. Какъ и Ассурназирпалъ въ Калахѣ, Санхерибъ распорядился разрушить до основанія прежній ниневійскій дворецъ и построить на обломкахъ его новый: «въ одинъ счастливый мѣсяцъ и въ одинъ прекрасный день построилъ я, по желанію своего сердца, дворецъ изъ алебастра и сирійскаго кедра... я возобновилъ и закончилъ этотъ дворецъ отъ

самаго основанія до верхушки». Слѣдующею заботою царя было приведеніе въ порядокъ каналовъ и перестройка цѣлыхъ кварталовъ города. Старыя узкія улицы были расширены; набережныя Тигра были обложены камнями, и городъ сталъ такимъ же блестящимъ, «какъ само солнце».

До самаго паденія ассирійской державы Ниневія была столицей Ассиріи. Санхерибъ украсилъ дворецъ по образцу Дуръ-Шарукина, съ такимъ же великолѣпіемъ; изъ рельефныхъ картинъ, украсившихъ стѣны ниневійскаго дворца, выдавалась картина, изображавшая перевозку крылатаго быка съ горъ въ Ниневію (см. рис. на стр. 359), и картина, изображавшая флотъ Санхериба (см. рис. на стр. 343). Но въ особенности много заботъ положилъ на украшеніе дворца послѣдній великій царь ассирійскій, Ассурбанипалъ. Залы дворца были украшены сценами изъ мирной, домашней жизни Ассурбанипала. Особенно замѣчательна была рельефная картина, изображавшая самого Ассурбанипала и его супругу, сидящими въ виноградной бесѣдкѣ и пьющими изъ чаши сладкое вино. Другою достопримѣчательностью ниневійскаго дворца была библіотека Ассурбанипала. Ассурбанипалъ собралъ въ оригиналахъ, копіяхъ и переводахъ всѣ произведенія вавилонской и сумерійской письменности, какія только могъ достать, и благодаря его любви къ старинѣ мы располагаемъ драгоцѣнными документами, на основаніи которыхъ можно было возстановить всѣ вѣрованія, науку и право вавилонянъ и сумеровъ. Въ библіотекѣ своей царь Ассурбанипалъ хранилъ также лѣтописи ассирійскихъ царей и списки limmu и собиралъ туда, по мѣрѣ накопленія, таблетки съ различными записями и документами своего царство-

ванія. Какъ и его предшественники, онъ въ особенности интересовался наукой о гаданіяхъ и предзнаменованіяхъ; при дворцѣ въ Ниневіи также былъ выстроенъ зиккуратъ.

Время Саргона и его преемниковъ было самымъ блестящимъ въ исторіи ассирійскихъ завоеваній. Іудейскій царь долженъ былъ признать себя вассаломъ ассирійскаго царя; при Ассаргадонѣ и Ассурбанипалѣ ассирійскія войска проникали въ Египетъ и грабили его. Египетскій фараонъ на нѣкоторое время сталъ данникомъ ассирійскаго царя. И Ниневія въ это время стала необычайно оживленнымъ городомъ. Огромныя количества военной добычи и дани, стекавшіяся въ Ниневію, привлекали туда множество купцовъ. «Ниневія, какъ прудъ, полна воды, и купцовъ въ ней больше, чѣмъ звѣздъ на небѣ»—говорилъ про Ниневію іудейскій пророкъ Наумъ. Ниневійскіе купцы занимались торговлей преимущественно съ странами къ сѣверу отъ Ассиріи. Ихъ обычная дорога шла по Тигру, вверхъ по его теченію. Прямо по Тигру проникали они въ Ванское царство, а горными проходами на востокъ отъ Тигра проникали въ Мидію, гдѣ совсѣмъ еще почти не было своихъ купцовъ, и прибытіе ассирійскаго купца съ товарами было всегда большимъ событіемъ. Среди ниневійскихъ купцовъ наполовину были не-ассиріяне. Ассиріяне предпочитали мечъ вѣсовой гирѣ и военную добычу купленному товару. Но они не препятствовали пріѣзжать въ Ниневію и торговать тамъ купцамъ изъ Вавилоніи, Сиріи, Финикіи, и даже Египта. Только на войнѣ они не признавали никакого другого права, кромѣ права сильнаго; въ мирѣ же царь первый показывалъ примѣръ уваженія къ закону, наравнѣ съ простыми подданными заключалъ

условія и договоры, за все платилъ настоящую цѣну. Въ Ниневіи всегда было много чужеземныхъ купцовъ, пріѣзжавшихъ въ столицу Ассиріи по торговымъ дѣламъ. Поэтому, въ Ниневіи, около главной базарной площади было много гостиницъ и постоялыхъ дворовъ, которые всегда были полны разнохарактерной толпой пріѣзжихъ, въ различныхъ костюмахъ, говорившихъ на различныхъ языкахъ. Впрочемъ, чаще всего среди нихъ звучала арамейская рѣчь, языкъ Дамаска и Сиріи. Арамеевъ было много въ Ниневіи и въ другихъ городахъ Месопотаміи: одни были переселены ассирійскими царями, другіе — сами пріѣзжали и поселялись на берегахъ Тигра и Евфрата.

Но звѣзда Ассиріи и Ниневіи быстро клонилась къ упадку. Въ VII вѣкѣ снова заволновались народныя волны, снова начался потокъ переселеній, всегда оказывавшійся роковымъ для Двурѣчья. Потоки переселеній надвигались съ юго-запада и съ сѣверо-востока. На юго-западѣ изъ Аравійскихъ оазисовъ давно уже проникали въ Сеннааръ халдеи, народъ семитскаго племени. Съ ними приходилось вести постоянную борьбу изъ-за Вавилоніи. Съ сѣверо-востока уже самой Ассиріи грозили мидяне. Приближался тотъ грозный часъ, когда, по словамъ пророка Наума, Ниневія будетъ разграблена, опустошена, и разорена, когда пожретъ ее огонь, посѣчетъ мечъ, князья, военоначальники и весь народъ ея разсѣется и разлетится, какъ рой мошекъ.

XXII.

Вавилонъ подъ властью Ассиріи.

Побѣда Салманассара I надъ вавилонскимъ царемъ Кадашманъ-Буріашемъ, о которой я говорилъ въ XVII главѣ, еще не отдала Вавилонію окончательно въ руки Ассиріи. За побѣдами Салманассара I послѣдовалъ длинный промежутокъ времени, въ теченіе котораго Ассирія не имѣла силъ или возможности удержать въ повиновеніи Вавилонію и другія покоренныя было области. До половины VIII вѣка Вавилонъ не былъ подчиненъ Ассиріи, но въ половинѣ VIII вѣка произошли событія, которыя заставили вавилонянъ самихъ просить защиты у ассирійскихъ царей.

Мирное теченіе вавилонской жизни было нарушено вторженіями халдеевъ. Ихъ поселенія были по западному берегу Персидскаго залива; ихъ страна такъ и звалась «приморской страной». Изъ приморья халдеи постоянно проникали въ Вавилонію и селились тамъ. Они приходили небольшими племенами, подъ начальствомъ родовыхъ князей и старѣйшинъ; силою они захватывали себѣ земли въ Вавилоніи и поселялись тамъ. Ихъ вторженія были очень похожи на вторженія израильскихъ племенъ въ Ханаанъ; халдеи проникали небольшими группами и селились рядомъ со стариннымъ населеніемъ. Отъ этихъ пришельцевъ трудно было обороняться миролюбивымъ вавилонянамъ. На первыхъ порахъ они сопротивлялись имъ; но потомъ стали предпочитать кончать съ ними дѣло по возможности миролюбиво. Такъ образовалось въ Вавилоніи нѣсколько небольшихъ халдейскихъ княжествъ. Самыя

сильныя изъ нихъ образовались на югѣ Сеннаара, ближе къ Персидскому заливу. Тамошніе города къ этому времени уже пришли въ упадокъ. Вслѣдствіе постоянныхъ морскихъ наносовъ, море постепенно отступало отъ нихъ, и они изъ приморскихъ городовъ стали внутренними. Пользуясь ихъ упадкомъ, халдеи образовали тутъ свои княжества, въ «странѣ болотъ», какъ звали теперь презрительно приморскую мѣстность вавилоняне и ассиріяне. Главное халдейское княжество называлось Битъ-Якинъ.

Сѣверные города, Вавилонъ, Борсиппа и Кута, были богаты деньгами и товарами, но не было у нихъ воинской силы. А безъ этого сопротивляться халдейскимъ князьямъ для нихъ было трудно. Собственные вавилонскіе цари были слабы; среди нихъ постоянно происходили семейныя ссоры и несогласія, и, пользуясь ими, халдейскіе князья нѣсколько разъ захватывали Вавилонъ. Подчиненіе халдейскимъ князьямъ было крайне невыгодно Вавилону и его сосѣдямъ. Халдейскіе князья были совсѣмъ полудикіе люди, еще не разставшіеся съ привычками разбойничьей кочевой жизни. Ихъ нападенія сопровождались разореніями и пожарами; они не цѣнили ни искусства, ни промышленности, не желали соблюдать вольностей и правъ, которыми издавна пользовались вавилоняне, борсиппцы и кутеяне. Но защиты отъ халдеевъ не было. Вавилоняне оказались между двухъ огней: на сѣверѣ усилилась и опять грозила имъ Ассирія, съ юга каждую минуту могли ихъ разорить и окончательно подчинить халдеи.

Изъ двухъ золъ приходилось выбирать меньшее. Ассиріяне были ближе къ вавилонянамъ, чѣмъ халдеи; еще во времена Хаммураби завязались между ними сно-

шенія, не прерывавшіяся съ тѣхъ поръ. Между Вавилономъ и Ниневіей постоянно ходили торговые караваны, привозившіе изъ ассирійскихъ горъ металлы и минералы, въ которыхъ такъ нуждалась всегда Вавилонія, а въ обмѣнъ отвозившіе въ Ниневію тонкія произведенія промышленныхъ мастерскихъ Вавилона и Борсиппы, а также финики, благовонія, хлѣбъ и масло. Ассирійскіе цари приглашали къ себѣ вавилонскихъ ученыхъ и жрецовъ, молились тѣмъ же богамъ, какимъ молились въ Вавилонѣ. Поэтому, когда вавилоняне убѣдились, что безъ чужой помощи имъ не удастся сохранить свое благополучіе, они предпочли подчиниться ассирійскимъ царямъ. Къ этому склоняло ихъ также еще одно соображеніе. Какъ разъ въ то время, когда халдеи въ особенности дерзко и усиленно стали тѣснить сѣверную Вавилонію, Ассурназирпалъ своими походами сразу расширилъ до неузнаваемости предѣлы своей державы. Всюду, гдѣ подчинялись ассирійскому царю, былъ свободный доступъ ассирійскому купцу, всюду за него была поддержка ассирійскаго меча. Если бы вавилоняне добровольно признали надъ собою власть ассирійскаго царя, то и они стали бы въ такое же привиллегированное положеніе. Рѣшеніе было выбрать нетрудно, и событія не заставили себя ждать.

Первый ассирійскій царь, котораго вавилоняне сами пригласили вмѣшаться въ свои дѣла, былъ покоритель Самаріи Салманассаръ. Въ Вавилонѣ въ это время было два претендента на престолъ, братья Мардукъ-шумъ-иддинъ и Мардукъ-белъ-узати. Сначала они было подѣлили между собой Вавилонію, первый взялъ сѣверъ съ Вавилономъ, второй—югъ. Но Мардукъ-белъ-узати на югѣ вступилъ въ соглашеніе съ халдеями и вмѣстѣ съ ними

двинулся на Вавилонъ, взялъ его и выгналъ брата. Тогда вавилоняне обратились за помощью къ Салманассару. Тотъ съ готовностью двинулся въ Вавилонію, выгналъ Мардука-белъ-узати, который бѣжалъ въ горы, затѣмъ прошелъ въ Халдею, разрушая замки халдейскихъ князей, и наложилъ на нихъ дань. В вилонъ, Борсиппа и Кута встрѣтили С лманассара, какъ избавителя. Салманассаръ возстановилъ въ этихъ городахъ жертвенники, оскверненные халдеями, и принесъ богамъ торжественныя жертвы. Мардукъ-шумъ-иддинъ правилъ послѣ этого мирно, во всемъ подчиняясь ассирійскому царю.

То же самое повторялось при всѣхъ послѣдующихъ царяхъ. Какъ только Вавилону грозила опасность отъ халдеевъ, сейчасъ же на помощь являлись ассирійскіе цари. Вавилонскіе купцы привыкли видѣть въ нихъ своихъ защитниковъ, и когда Тиглатъ-Пилесеръ пересталъ держать на вавилонскомъ тронѣ ненужныхъ уже царей, а провозгласилъ себя самого «царемъ Вавилона, Сумера и Аккада», то онъ не встрѣтилъ никакого сопротивленія. Вступивъ въ Вавилонъ, онъ принесъ торжественныя жертвы Мардуку и Набу и подтвердилъ всѣ старинныя вольности гражданъ Вавилона, Борсиппы, Куты, Сиппара и Ниппура. Въ Вавилонѣ сталъ теперь управлять намѣстникъ ассирійскаго царя; постъ вавилонскаго намѣстника считался особенно почетнымъ, и чаще всего его занималъ старшій царскій сынъ.

Взамѣнъ огромныхъ доходовъ, которые сталъ получать теперь ассирійскій царь со своихъ вавилонскихъ подданныхъ, онъ долженъ былъ защищать вавилонянъ отъ враговъ. Можно сказать, что ассирійскій царь сталъ своего рода наемнымъ защитни-

комъ вавилонскихъ купцовъ и жрецовъ-капиталистовъ; охраняемые ассирійскимъ мечемъ, они могли спать спокойно и широко раскидывать свои коммерческія операціи. А враги были очень безпокойные. Халдеи стали теперь еще назойливѣе. Съ тѣхъ поръ, какъ ассирійскій царь сдѣлался стражемъ Вавилона, они стали постоянно заключать союзъ съ эламитами. Болота и горы соединились вмѣстѣ и шли на Вавилонъ. И каждому ассирійскому царю приходилось ходить и на халдеевъ и на эламитовъ.

Особенно много хлопотъ причинилъ союзъ халдеевъ и эламитовъ Саргону. Когда Саргонъ вступилъ на престолъ, его, какъ узурпатора, не хотѣли признавать въ нѣкоторыхъ мѣстахъ имперіи, и пока Саргонъ справлялся съ возстаніями на сѣверѣ и въ Сиріи, Мардукъ-палъ-иддинъ, царь нижней Халдеи, въ союзѣ съ эламитами занялъ Вавилонъ и провозгласилъ себя вавилонскимъ царемъ. Начались тяжкіе дни для вавилонянъ. Мардукъ-палъ-иддинъ чувствовалъ, что у него нѣтъ опоры ни среди купцовъ, ни среди жрецовъ; поэтому онъ подозрѣвалъ постоянно и тѣхъ и другихъ въ измѣнѣ и предательствѣ. Онъ отдалъ на разграбленіе эламитамъ и халдеямъ богатые храмы; именитыхъ купцовъ и жрецовъ безъ всякаго суда онъ предавалъ казни или держалъ въ тюрьмахъ, у землевладѣльцевъ отнималъ земли и отдавалъ ихъ своимъ воинамъ и пришедшимъ съ нимъ арабскимъ племенамъ. Разореніе было полное. Храмы, служившіе хранилищами для капиталовъ, были разграблены; многіе купцы и промышленники разорились, пошли по міру. Десять лѣтъ продолжалось хозяйничанье Мардукъ-палъ-иддина въ Вавилонѣ, пока Саргонъ не нашелъ, наконецъ, возможности освободить

вавилонянъ отъ халдейскаго ига. Мардукъ-палъ-иддинъ бѣжалъ изъ Вавилона на югъ безъ боя, а Саргонъ торжественно вступилъ въ Вавилонъ. Городъ открылъ ему свои ворота, и Саргонъ такъ описываетъ въ своей надписи это событіе: «люди Вавилона и Борсиппы, люди, которые имѣютъ входъ во дворецъ, ученые, изучившіе книги, и... начальники страны принесли въ мое присутствіе священные ковчеги Бэла, Сарпанитумъ, Набу и Ташметъ... Жители Вавилона призвали меня, и я заставилъ трепетать (отъ радости) нѣдра города Бэла-Мардука, судіи боговъ. Я тотчасъ же вступилъ въ городъ, я закололъ торжественно жертвы великимъ богамъ». Потомъ Саргонъ приступилъ къ возстановленію порядка и закона, нарушенныхъ Мардукъ-палъ-иддиномъ. «Сыновъ Сиппара, Ниппура, Вавилона и Борсиппы, которые безъ вины были заключены въ оковы, я выпустилъ на свѣтъ; земли, которыя взяли себѣ (халдеи) во владѣніе, я возвратилъ (прежнимъ владѣльцамъ)... Ихъ (т.-е. жителей перечисленныхъ городовъ) прежнія права, которыя во время смуты въ странѣ были уничтожены, я возстановилъ». Изъ Вавилона Саргонъ прошелъ въ южную Вавилонію, разбилъ тамъ Мардукъ-палъ-иддина, а потомъ и эламскаго царя, и подчинилъ себѣ весь югъ, дотолѣ не подчинявшійся власти ассирійскаго царя. И тамъ Саргонъ возстановилъ храмы и жертвенники и возстановилъ прежнія права городовъ Ура, Эреха, Эриду, Ларсы, Ширпурлы. Не довольствуясь этимъ, Саргонъ хотѣлъ итти дальше на югъ, наказать союзныя съ Мардукъ-палъ-иддиномъ арабскія племена, но они сами поспѣшили изъявить покорность Саргону. Намѣстникомъ въ Вавилонѣ онъ поставилъ своего сына Санхериба.

Но при Санхерибѣ отношенія Ассиріи къ Вавилону перемѣнились. Санхерибъ сдѣлалъ два похода въ Вавилонію; первый походъ былъ въ самомъ началѣ царствованія, когда на югѣ вновь появился Мардукъ-палъ-иддинъ, думавшій воспользоваться смертью Саргона, чтобы вернуть себѣ прежнюю власть въ Вавилоніи. Первый походъ Санхериба былъ, какъ двѣ капли воды, похожъ на походъ Саргона. Какъ Саргонъ, онъ быстро справился съ халдейскимъ царемъ и возстановилъ опять на югѣ всѣ права и вольности, вновь нарушенныя Мардукъ-палъ-иддиномъ. Но особеннаго почтенія къ Вавилону онъ не чувствовалъ. Вѣроятно, онъ былъ подъ вліяніемъ ниневійскихъ купцовъ, которые, конечно, не особенно были довольны заботами Саргона о Вавилонѣ и ростомъ вавилонской торговли и промышленности подъ властью Саргона. Насильственная смерть Саргона показываетъ, что у него были сильные враги; и чтобы примириться съ этими врагами, Санхерибъ переѣхалъ изъ Дуръ-Шарукина въ Ниневію, украшалъ ее и заботился о ея благоустройствѣ. Послѣ перваго похода, защитивъ отъ халдеевъ южные незначительные города, къ Вавилону Санхерибъ отнесссся съ презрѣніемъ. Намѣстникомъ Вавилона, вмѣсто царскаго сына, какъ было раньше, Санхерибъ назначилъ Белибни, «послѣдняго пса въ моемъ дворцѣ», какъ самъ Санхерибъ презрительно о немъ выразился. Мы не знаемъ, какъ управлялъ Белибни; но судя по тому, что вавилоняне возненавидѣли его и вступили въ тайные переговоры съ халдеями, чтобы избавиться отъ ассирійскаго ига, должно быть, Белибни постоянно нарушалъ ихъ права и вольности и нещадно грабилъ ихъ. Намѣстники ассирійскаго царя и ихъ воины не получали жа-

лованья; ихъ должны были содержать на свой счетъ жители тѣхъ областей, которыми они управляли. Вѣроятно, Белибни, не стѣсняясь, бралъ съ богатыхъ вавилонянъ, сколько могъ, а жалобы вавилонянъ царю не имѣли успѣха. И вотъ, воспользовавшись тѣмъ временемъ, когда Санхерибъ ушелъ въ далекій походъ въ Сирію и въ Палестину, Мардукъ-палъ-иддинъ заключилъ вновь союзъ съ Эламомъ и занялъ Вавилонію; Белибни, по требованію вавилонянъ, не противился этому. Санхерибъ немедленно оставилъ Іудею, гдѣ въ это время онъ находился, явился въ Вавилонію и черезъ десять лѣтъ упорной войны справился съ халдеями и съ Эламомъ; во время этой войны Санхерибу пришлось даже пуститься въ морскую экспедицію на южные берега Персидскаго залива, куда скрылся отъ него Мардукъ-палъ-иддинъ. Флотъ для этой экспедиціи, какъ я уже говорилъ, былъ построенъ для него финикіянами, согнанными на эту работу въ Ниневію и Борсиппу. «Пройдя сушу и море», Санхерибъ торжествовалъ побѣду. Мятежный Вавилонъ былъ тяжко наказанъ: Санхерибъ отдалъ его на разграбленіе своимъ солдатамъ. Такого ужаснаго разоренія Вавилонъ не видалъ со временъ эламскаго погрома. Храмы и дворцы были разрушены, жертвенники уничтожены, каналы засыпаны, казна храмовъ была расхищена.

Но этотъ погромъ не прошелъ Санхерибу даромъ. Съ Вавилономъ были въ сношеніяхъ купцы и промышленники всего тогдашняго міра; разореніе Вавилона грозило и имъ разореніемъ. Торговыя дѣла пошатнулись; почувствовали это прежде всего въ той же Ниневіи, которая вела самыя оживленныя торговыя сношенія съ Вавилономъ. Противъ Санхериба поднялось сильное не-

довольство, и въ концѣ концовъ онъ погибъ такъ же, какъ и его отецъ, отъ руки заговорщиковъ. Шесть мѣсяцевъ послѣ смерти Санхериба продолжались смуты изъ-за престолонаслѣдія. Военная партія, ниневійская партія, вавилонская партія интриговали другъ противъ друга, стараясь возвести на ассирійскій престолъ угоднаго имъ человѣка. Наконецъ, царемъ сдѣлался сынъ Санхериба, Ассаргадонъ. Это была новая побѣда вавилонской партіи. Ассаргадонъ въ послѣдніе годы жизни Санхериба былъ вавилонскимъ намѣстникомъ; Санхерибъ назначилъ его туда, чтобы хоть отчасти смягчить впечатлѣніе отъ своего погрома. Ассаргадонъ сблизился съ вавилонскими жрецами и купцами и даже женился на вавилонянкѣ; когда онъ сдѣлался ассирійскимъ царемъ, то онъ принялъ титулъ «намѣстника Бэла», а въ Вавилонъ назначилъ намѣстникомъ своего сына отъ вавилонской супруги, Шамашъ-шумъ-укина. Ниневія опять была обижена. Царь окружилъ себя вавилонянами, думалъ даже перенести столицу въ Вавилонъ; началъ вновь отстраивать вавилонскіе храмы и дворцы; но безпрерывные походы помѣшали ему это сдѣлать. Ему удалось, наконецъ, дойти до Египта. Онъ взялъ знаменитыя Ѳивы, отправилъ оттуда 55 статуй египетскихъ фараоновъ въ Ниневію. Въ Египтѣ были поставлены ассирійскіе намѣстники съ ассирійскими войсками; вслѣдъ за ассирійскими солдатами потянулись туда и купцы изъ Ниневіи и Вавилона. Пока Ассаргадонъ ходилъ въ эти далекіе походы, въ Ассиріи были противъ него постоянные заговоры, на которые онъ отвѣчалъ казнями и заточеніями. Сынъ Ассаргадона, Ассурбанипалъ, страстный поклонникъ вавилонской науки и искусства, все-таки уже не рѣшался

такъ пренебрегать Ассиріей и Ниневіей, какъ Ассаргадонъ. Онъ жилъ все время въ Ниневіи, заботился о ней; но въ Вавилонѣ оставилъ Шамашъ-шумъ-укина, который пытался было совсѣмъ отдѣлиться отъ Ассиріи и сдѣлаться самостоятельнымъ царемъ. Онъ заключилъ союзъ съ Эламомъ; но эламское войско, вслѣдствіе измѣны одного изъ эламскихъ князей, было разбито. Шамашъ-шумъ-укинъ заперся тогда въ Вавилонѣ. Городъ терпѣлъ долго осаду; но, въ концѣ концовъ, голодъ дошелъ до того, что пришлось ѣсть человѣческое мясо. Тогда Вавилонъ сдался. Ассурбанипалъ расправился съ побѣжденными съ невѣроятной жестокостью. Шамашъ-шумъ-укинъ былъ сожженъ заживо, а также нѣкоторые его ближайшіе совѣтники. А изъ прочихъ, говоритъ Ассурбанипалъ «ни одинъ не ускользнулъ, ни одинъ не былъ пощаженъ, всѣ попали въ мои руки. Ихъ колесницы, ихъ упряжь, ихъ жены, сокровища ихъ дворцовъ,—все было предоставлено мнѣ. Мужамъ, составлявшимъ вѣроломные заговоры противъ меня и Ассура, моего господина, я вырвалъ языки и затѣмъ казнилъ ихъ... Остальныхъ бросилъ я въ ровъ, разрѣзалъ ихъ на куски, отдалъ на съѣденіе псамъ, дикимъ звѣрямъ, хищнымъ птицамъ, тварямъ небеснымъ и тварямъ воднымъ»... Остальнымъ жителямъ Вавилона, Куты и Сиппара царь даровалъ прощеніе и жизнь, но на тяжкихъ условіяхъ. Всѣ прежнія права и вольности ихъ были уничтожены; царь далъ имъ «законы Ассура и Белиты, боговъ страны Ассура», и обложилъ ихъ данью и поземельными налогами, такими же, какъ и въ другихъ подвластныхъ царю провинціяхъ. Такъ снова торжествовала Ниневія надъ Вавилономъ.

Но дни Ниневіи были уже сочтены. Мидяне, до тѣхъ

поръ мало безпокоившіе ассиріянъ, незадолго до смерти Ассурбанипала заволновались. Ихъ потревожило нашествіе скиѳовъ, кочевого народа, который шумными ордами двигался въ это время изъ Азіи въ Европу. Натискомъ скиѳовъ мидяне были сдвинуты со своихъ мѣстъ; имъ некуда было итти, какъ только въ Месопотамію. Они грозили залить ее всю своими волнами; Ассирія не могла имъ сопротивляться. Вавилонъ опять оказался между двухъ огней: между халдеями и мидянами. Пришлось выбрать халдеевъ. Со времени тяжкихъ пораженій, которыя терпѣлъ Мардукъ-палъ-иддинъ отъ ассирійскихъ царей, халдейскіе князья многому научились. Они поняли, что если они хотятъ прочно владѣть Вавилономъ, то должны во всемъ вступать въ соглашеніе съ вавилонскими жрецами и купцами: безъ поддержки этихъ настоящихъ господъ Вавилона, имъ никогда не удастся властвовать въ Вавилонѣ.

Халдейскій князь Набопаласcаръ былъ чрезвычайно умный и ловкій человѣкъ. Онъ заключилъ союзъ съ мидянами, подѣлилъ съ ними Месопотамію. Имъ онъ предоставилъ Ассирію, но съ тѣмъ, чтобы они не препятствовали ему завладѣть Вавилоніей. И въ 607 году, почти одновременно, мидяне заняли и сожгли Ниневію, которая ниоткуда не получила помощи въ этотъ критическій для нея моментъ, а халдеи подъ начальствомъ Набопаласcара завоевали Вавилонію. Вавилонъ сталъ столицею халдейскихъ царей. Но Набопаласcаръ поступилъ уже не такъ, какъ Мардукъ-палъ-иддинъ во времена Саргона, разрушавшій и грабившій храмы. Онъ, напротивъ, отстроилъ заново храмы, Э-теменанки, ступенчатый зиккуратъ, и храмъ Э-единнѣ, супругѣ Шамаша въ Сиппарѣ. Въ день освященія Э-теменанки

онъ обратился къ Мардуку съ такою молитвой: «Мардукъ, господь мой, воззри съ радостью на мое благочестивое дѣло... Какъ зданіе Э-теменанки имѣетъ твердое основаніе, такъ утверди основаніе трона моего на долгіе времена. О, Э-теменанки, благослови царя, который возобновилъ тебя! Когда Мардукъ съ ликованіемъ снизойдетъ въ нѣдра твои, то возвѣсти, о домъ, милость предъ Мардукомъ, господомъ моимъ!» И то же самое завѣщалъ онъ своимъ преемникамъ: «Кто бы ни былъ царемъ послѣ меня, сынъ мой или внукъ мой, имя котораго призоветъ Мардукъ къ владычеству надъ страной, не возлагай надежды твоей на силу и крѣпость. О святилищахъ Нэбо и Мардука имѣй попеченіе, дабы покорили они тебѣ враговъ твоихъ. Мардукъ, господь, видитъ насквозь уста, проникаетъ взоромъ въ сердце. Кто вѣренъ Бэлу (Мардуку), основаніе того нерушимо, кто вѣренъ сыну Бэла (т.-е. Нэбо), тотъ будетъ (владычествовать) вѣчно. Когда храмъ сей придетъ въ ветхость, и ты исправишь его разрушеніе, разсмотри эту грамоту мою и положи рядомъ съ нею свою. По повелѣнію Мардука, великаго господа, повелѣнія котораго неизмѣнны, пусть нареченіе имени твоего (т.-е. наслѣдниковъ Набопалассара) не прекратится во вѣкъ». Это завѣщаніе было положено въ фундаментъ храма Ниниба въ Вавилонѣ; и преемники Набопалассара свято соблюдали его. Они украшали храмы и дарили жрецовъ; а Навуходоносоръ, сынъ Набопалассара, самый сильный изъ халдейскихъ царей Вавилона, твердо помнилъ, что, кромѣ капиталистовъ-жрецовъ, въ Вавилонѣ много капиталистовъ-купцовъ. Послѣ паденія Ассиріи всѣ ея владѣнія въ Сиріи и въ Палестинѣ хотѣли захватить египетскіе фараоны, быстро оправившіеся отъ погрома

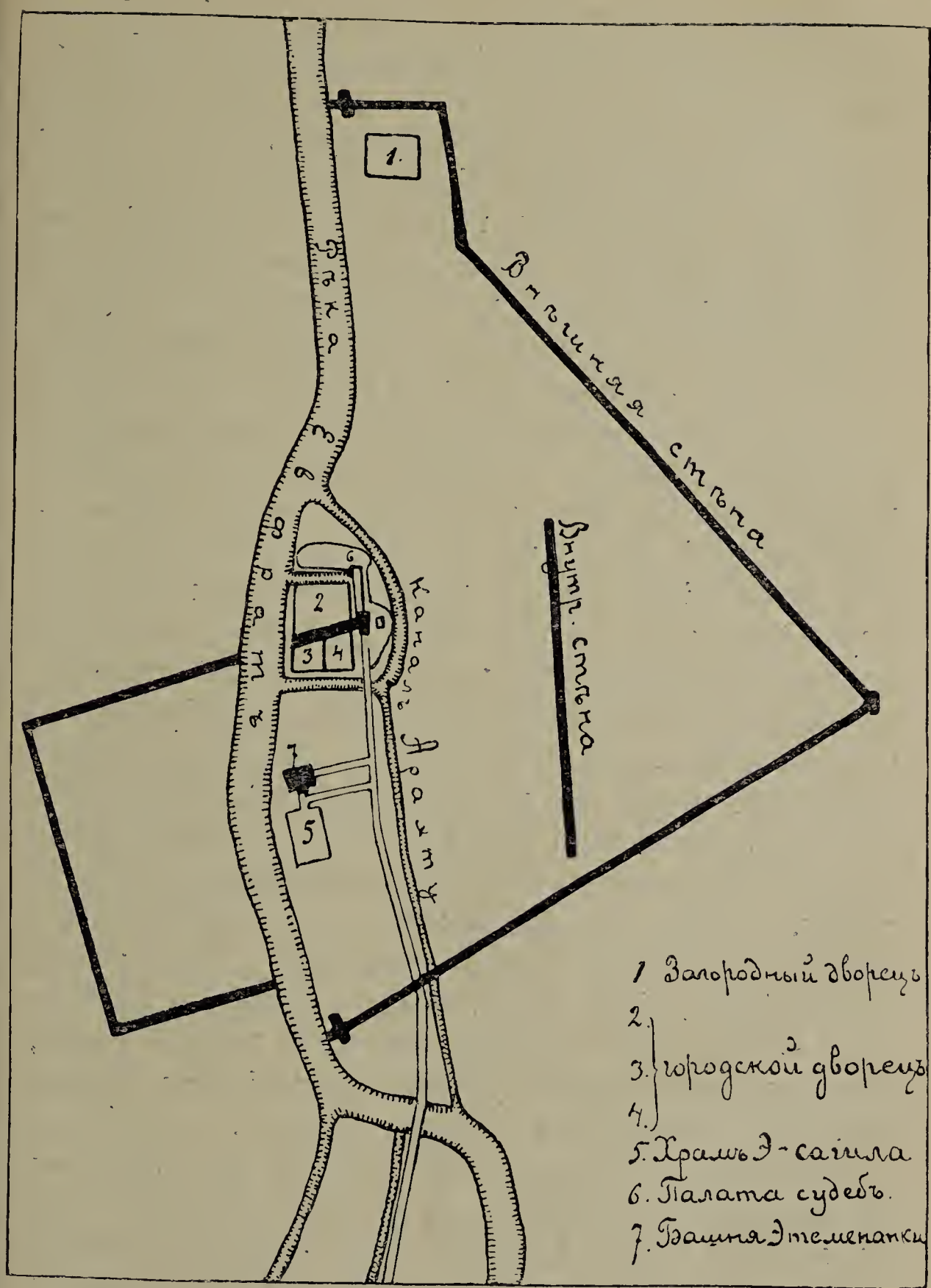
Ассаргадона. Навуходоносоръ началъ войну противъ Египта, разбилъ египетскаго фараона и подчинилъ Вавилону всю Палестину, Финикію и Сирію. Только сѣверъ и Малую Азію Вавилонъ принужденъ былъ предоставить мидянамъ.

Время Навуходоносора было послѣдней, лебединой пѣснью вавилонской культуры. Пройдемся по Вавилону послѣдній разъ, посмотримъ, что успѣли сдѣлать вавилоняне въ послѣдніе вѣка, протекшіе со времени владычества касситовъ, бросимъ взглядъ на его послѣднюю судьбу.

XXIII.

Послѣднее слово Вавилона.

Набопаласcаръ и Навуходоносоръ положили немало заботъ на украшеніе и приведеніе въ порядокъ Вавилона послѣ тѣхъ разгромовъ, какимъ городъ подвергался при Санхерибѣ и Ассурбанипалѣ. Были возстановлены стѣны, очищены и укрѣплены каналы, заново отстроены дворцы и храмы. Городъ разросся и необычайно украсился; пріѣзжавшіе со всѣхъ сторонъ въ Вавилонъ купцы и путешественники дивились его красотѣ и великолѣпію. Греческій путешественникъ Геродотъ, посѣтившій Вавилонъ за 500 лѣтъ до Р. Х., сто лѣтъ спустя послѣ Навуходоносора, когда городъ уже нѣсколько утратилъ свою красу, все-таки былъ пораженъ его великолѣпіемъ и называетъ Вавилонъ «чудомъ свѣта». Попробуемъ, насколько возможно, возстановить видъ и жизнь этого чудеснаго города.



Предположительный планъ Вавилона.

Подъѣзжая къ городу съ сѣвера по рѣкѣ Евфрату, мы прежде всего будемъ поражены огромными стѣнами, окружающими городъ снаружи. Эти стѣны толщиною не уступали стѣнамъ Дуръ-Шарукина, такъ что на стѣнахъ были выстроены цѣлыя казармы для солдатъ гарнизона, охранявшаго городъ. Но въ отличіе отъ стѣнъ Дуръ-Шарукина онѣ окружали пространство почти втрое большее, чѣмъ то, которое предполагалъ Саргонъ отвести подъ свой новый городъ. Эти огромныя стѣны, съ цѣлымъ рядомъ башенъ (Геродотъ насчитывалъ 250 башенъ), были сооружены Набопаласаромъ и Навуходоносоромъ заново. До нихъ здѣсь не было стѣнъ; пригородныя слободы, заселенныя ремесленниками и застроенныя большими мануфактурами, стояли безъ всякаго прикрытія и были всегда открыты для непріятеля. Ассирійскіе цари не позволяли укрѣплять Вавилонъ; теперь, когда Вавилонъ сталъ опять столицей огромнаго царства, такое укрѣпленіе было необходимо, тѣмъ болѣе, что вавилонскіе цари не особенно довѣряли своимъ союзникамъ-мидянамъ, и не безъ основанія. Въ стѣнахъ были устроены мѣдныя ворота (по счету Геродота восемь); такими же мѣдными воротами запирались наглухо улицы, выходившія на набережную Евфрата. Ворота носили названія по именамъ различныхъ боговъ: были ворота Адада, Бэла, Гиша, Ниниба, Шамаша, Замамы; одни ворота, около царскаго дворца на главной улицѣ, были особенно роскошно убраны рельефными изображеніями и назывались воротами Иштаръ.

Миновавъ наружную стѣну города, мы вступаемъ въ его предѣлы. Первое зданіе, бросающееся въ глаза на лѣвомъ берегу Евфрата—это роскошный царскій дворецъ, расположившійся въ углу стѣны, на самомъ

берегу Евфрата. Онъ невеликъ по размѣрамъ, но чрезвычайно красивъ. Весь онъ утопаетъ въ зелени: вся набережная передъ нимъ и весь дворъ его засажены деревьями и кустами на искусственныхъ насыпяхъ и въ большихъ глиняныхъ вазахъ. Деревья самыхъ разнообразныхъ породъ—тутъ и пальмы, и смоковницы, и мирты, и алоэ. Эти «висячіе сады» Навуходоносоръ устроилъ для своей супруги, мидянки, которая скучала въ безлѣсной Вавилоніи по густымъ лѣсамъ своей родины. И дворецъ также построенъ Навуходоносоромъ. Какъ мы увидимъ, прежній дворецъ, отстроенный, правда, съ необычайнымъ великолѣпіемъ, казался мрачнымъ и неуютнымъ замкомъ; Навуходоносоръ не любилъ его и потому выстроилъ себѣ дворецъ на окраинѣ города, откуда быстро и легко можно было выбраться и на охоту, и въ путешествіе. Набережная передъ дворцомъ была выложена обожженными кирпичами; отъ дворца къ рѣкѣ спускалась каменная лѣстница, а у ея подножія была устроена пристань, около которой всегда качалась въ волнахъ Евфрата роскошная царская гондола, готовая во всякое время принять царя и царицу.

Многочисленныя грузовыя и пассажирскія суда, снующія взадъ и впередъ по Евфрату, почтительно обходятъ на далекомъ разстояніи царскую пристань и плывутъ дальше внутрь города. За царскимъ дворцомъ по обоимъ берегамъ Евфрата начинается уже торговая и промышленная часть города. Жизнь преимущественно сосредоточивается на лѣвомъ берегу; на правомъ берегу много пустырей и огородовъ, дома бѣднѣе, улицы грязнѣе и безлюднѣе. На лѣвой набережной часто встрѣчаются пристани, у которыхъ стоятъ грузовыя суда; дюжіе рабы снуютъ съ кораблей на

пристань съ тюками на спинахъ, одни корабли разгружаются, другіе нагружаются. Выгружаются здѣсь суда все больше съ необработанными товарами. Эта часть Вавилона — самая молодая; въ ней сосредоточились всѣ крупныя промышленныя заведенія.

Во времена Хаммураби еще не было такихъ заведеній. Тогда были небольшія ремесленныя мастерскія, въ которыхъ работалъ самъ хозяинъ и нѣсколько рабочихъ. Всѣ мастера другъ друга знали, составляли союзы, устанавливали порядокъ работы и размѣры платы. Все было строго опредѣлено, и царь Хаммураби записалъ всѣ эти правила въ своихъ законахъ. Теперь стало совсѣмъ не то. Съ тѣхъ поръ, какъ вслѣдъ за ассирійскимъ войскомъ по всему свѣту распространились торговыя дѣла ассирійскихъ и вавилонскихъ купцовъ, на вавилонскія издѣлія появился огромный спросъ. Красивыя расшитыя ткани, сдѣланныя изъ льняной пряжи, многимъ богатымъ людямъ, многимъ царямъ и вельможамъ въ далекой Лидіи и Греціи, нравятся гораздо больше, чѣмъ простой, нерасшитый, хотя и драгоцѣнный, египетскій виссонъ. Греки и лидійцы любятъ яркіе цвѣта и красивые узоры; вышивки на вавилонскихъ матеріяхъ имъ чрезвычайно нравятся, и на своихъ грубыхъ матеріяхъ они пробуютъ дѣлать такіе же узоры. Но не только драгоцѣнныя расшитыя ткани идутъ теперь изъ Вавилона за границу. Въ Вавилонѣ и Борсиппѣ умѣютъ готовить не только льняныя, но и шерстяныя ткани. Въ особенности хорошо выходятъ у вавилонскихъ ткачей ковры. Прочные и красивые, они не имѣютъ себѣ равныхъ, и ихъ также охотно покупаютъ за границей. Огромныя массы льна и шерсти выгружаютъ ежедневно въ Вавилонѣ, а взамѣнъ на опоражнивающіяся

суда грузятъ круглые тюки съ льняными и шерстяными матеріями и коврами; грузы эти отправляются по большей части на сѣверъ.

Для производства такой массы матерій уже были недостаточны старыя ремесленныя мастерскія. Богатые купцы стали устраивать тогда новыя большія промышленныя заведенія. Строили обширныя помѣщенія, ставили тамъ по нѣскольку десятковъ, а то и двѣ-три сотни ткацкихъ станковъ, покупали рабовъ и сажали ихъ работать за этими станками. Рабовъ можно было купить всегда, и по недорогой цѣнѣ: войны шли постоянно, и хотя ассиріяне предпочитали избивать побѣжденныхъ, чѣмъ брать ихъ въ плѣнъ, все-таки послѣ каждой побѣды ассирійскаго царя устраивалась большая продажа рабовъ. Старые ремесленники-ткачи не могли соперничать съ новыми богатыми промышленниками; одни разорились, другіе влачили жалкое существованіе, доставая работу по мелочамъ у тѣхъ же богатыхъ промышленниковъ, когда у тѣхъ случался недостатокъ въ рабочихъ рукахъ при большомъ спросѣ на ихъ товаръ. Разорившіеся принуждены были искать себѣ какую-нибудь другую работу.

Немного лучше жилось ремесленникамъ, приготовлявшимъ другого рода издѣлія, на которыя также былъ большой спросъ во всѣхъ странахъ тогдашняго міра. Очень славились вавилонскія издѣлія изъ слоновой кости, привозившейся въ Вавилонъ изъ Индіи. Изъ нея вавилонскіе рѣзчики приготовляли чрезвычайно изящные предметы. Много изготовлялось изъ слоновой кости гребней. Гребни дѣлались, какъ и у насъ, съ зубцами съ обѣихъ сторонъ; на одной сторонѣ зубцы были частые, на другой—рѣдкіе. На гребняхъ непре-

мѣнно вырѣзались рисунки. Самымъ любимымъ рисункомъ было изображеніе льва, идущаго какъ бы на добычу, съ загнутымъ кверху хвостомъ и раскрытой пастью. Изображеніе такого льва украшало главную улицу Вавилона, такъ называемую «улицу процессій»; такой же левъ былъ изображенъ и на эмалевой живописи царской спальни въ Дуръ-Шарукинѣ. Кромѣ льва, изображался быкъ, а также геніи-хранители, крылатые львы съ человѣческими головами. Гребни были чрезвычайно ходкимъ товаромъ. Вездѣ тогда была ассирійская мода: старательно расчесывать волосы, завивать ихъ кольцами и прядями, завивать также бороду и усы. Безъ хорошаго гребня никакъ нельзя было соорудить такую необыкновенную прическу, какая обычно красовалась на головѣ у царя или царскаго сановника. Дамы, конечно, не отставали отъ мужчинъ и также дѣлали себѣ самыя необыкновенныя прически. Изъ слоновой кости выдѣлывались также печати (цилиндры) и амулеты, въ особенности изображеніе божковъ и богинь. Для изготовленія всѣхъ такихъ издѣлій требовалось большое умѣнье, талантъ и большой художественный вкусъ. Научиться ткать матеріи нетрудно, не такъ трудно и расшить ихъ узорами; но вырѣзать изящную вещь изъ слоновой кости—не простое дѣло. И потому, хорошіе рѣзчики изъ слоновой кости имѣли всегда заказы. Бѣда была только въ томъ, что плату получали они небольшую. Какой-нибудь купецъ, купившій большую партію слоновой кости и заплатившій за нее очень дорого, раздавалъ ее рѣзчикамъ и назначалъ за работу невысокую плату, не желая удорожать и безъ того дорогого продукта. Но все-таки рѣзчикамъ по слоновой кости жилось сносно.

Такъ же сносно жилось ремесленникамъ, изготовлявшимъ различные предметы изъ драгоцѣнныхъ металловъ, въ особенности серебряныхъ дѣлъ мастерамъ.

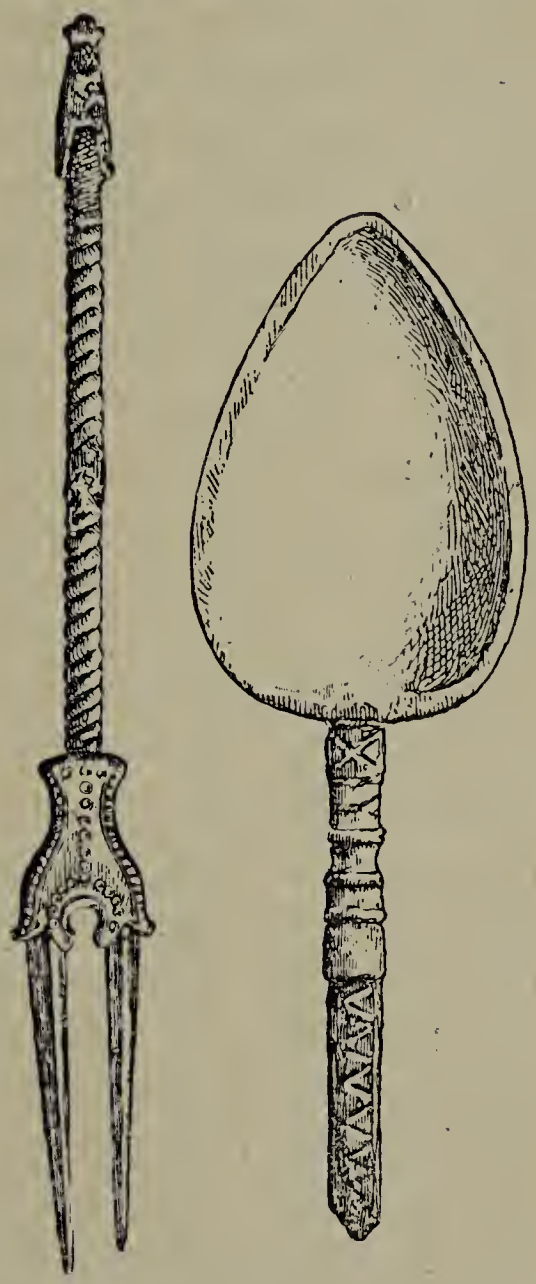
Гребни изъ слоновой кости.

Серьги и запястья, ожерелья и браслеты, изготовлявшіяся ими, были предметами роскоши и также требовали для изготовленія большого вкуса и умѣнья. Вмѣстѣ съ тѣмъ это были настолько дорогія вещи, что ремесленникъ, изготовлявшій ихъ, могъ существовать само-

стоятельно и безбѣдно. Вавилонскія украшенія изъ золота и серебра также славились во всемъ тогдашнемъ мірѣ; только за 400 лѣтъ до Р. Х. стали соперничать съ ними еще болѣе изящныя издѣлія аѳинскихъ мастерскихъ, привозившіяся изъ Греціи. Серебряныхъ дѣлъ мастера изготовляли не только украшенія. Они изготовляли еще рѣдкостныя тогда вещи, употреблявшіяся только во дворцахъ или въ домахъ очень богатыхъ людей. Это—ложки и вилки, столь обычныя теперь въ нашемъ домашнемъ обиходѣ, но рѣдкія во всемъ древнемъ мірѣ. Тогда ѣли попросту, руками, а пили изъ чашъ; но ассирійскіе цари первые завели моду не пачкать рукъ и употреблять ложки и вилки. Вилки обыкновенно употреблялись двузубыя, изъ цѣльнаго куска металла; ложки имѣли овальную форму. Слѣдуя примѣру ассирійскаго царя, ложки и вилки стали употреблять и при другихъ дворахъ, даже въ далекомъ Египтѣ. Образцы ложки и вилки, представленные здѣсь на рисункѣ, были найдены въ развалинахъ Дуръ-Шарукина; теперь они находятся въ парижскомъ музеѣ Лувръ. Кто знаетъ, можетъ быть, ихъ держали руки самого великаго царя Саргона.

Огромныя залежи всякихъ металловъ, какія были въ Ассиріи и въ прилегающихъ къ ней горахъ, также перерабатывались въ издѣлія преимущественно въ Вавилонѣ и въ сосѣднихъ съ нимъ городахъ. Въ большихъ кузницахъ ковалось тамъ всевозможное оружіе: мечи и копья, щиты и шлемы. Мечи и копья изготовлялись изъ особаго сорта стали, извѣстной впослѣдствіи подъ названіемъ дамасской стали: секретъ ея изготовленія отъ вавилонянъ перешелъ къ персамъ, а отъ персовъ—къ арабамъ. Въ средніе вѣка, когда во всей

Европѣ не умѣли изготовлять стали, стальныя издѣлія вырабатывались въ Дамаскѣ тѣмъ же самымъ способомъ, какимъ изготовляли ихъ вавилонскіе мастера; дамасская сталь славилась тогда во всей Европѣ, и всякій рыцарь мечталъ о пріобрѣтеніи дамасскаго меча или кинжала. И гордые побѣдители турнировъ не подозрѣвали, что секретъ ихъ побѣдъ былъ изобрѣтенъ на берегахъ Евфрата тысячи за двѣ лѣтъ до ихъ существованія. Шлемы и щиты изготовлялись изъ мѣди и бронзы. Въ кузницахъ кипѣла работа съ утра до ночи. Тутъ уже съ ремесленниками опять могли успѣшно соперничать рабы, и старымъ кузнецамъ годъ-отъ-году жилось все хуже.



Вилка и ложка.

Также почти исключительно въ большихъ промышленныхъ мастерскихъ производились разныя парфюмерныя издѣлія, духи, помада, благовонныя мази. Эти предметы изготовлялись изъ благовонныхъ веществъ, привозившихся изъ Аравіи и Индіи. Спросъ на нихъ былъ очень большой, такъ какъ всякій мало-мальски состоятельный завилонянинъ или ассиріянинъ употреблялъ ихъ въ

большомъ количествѣ; слѣдуя вавилонской модѣ, употребляли ихъ щеголи и франтихи и всѣхъ другихъ восточныхъ странъ. Производство ихъ не требовало особаго умѣнья отъ изготовителей. Нужны были только опытные руководители, знавшіе испытанные рецепты для составленія всѣхъ такихъ веществъ; по ихъ указаніямъ проворные рабы въ большихъ глиняныхъ чанахъ разводили, размѣшивали, мѣсили различныя специи, варили ихъ, а потомъ разливали по небольшимъ глинянымъ баночкамъ и кувшинчикамъ.

Внѣшній видъ большой промышленной мастерской рѣзко отличался своими размѣрами и архитектурой отъ обыкновеннаго жилого дома. Это были длинныя обширныя зданія, съ большими дворами, окруженными подвалами и магазинами; для рабовъ отводились особыя каморки, въ которыхъ рабы могли спать и отдыхать въ праздничные дни; особый дворъ служилъ общей столовой. Обычные же дома обывателей были небольшіе и очень причудливой формы. Они или складывались изъ необожженнаго тростника, или строились такимъ образомъ: дѣлался остовъ изъ пальмовыхъ столбовъ на углахъ, переплетенныхъ тростникомъ, этотъ остовъ обмазывался глиной, которая, засыхая, образовывала съ тростникомъ довольно плотную массу. Крыша въ домахъ выводилась въ видѣ свода или купола, и сзади на крышѣ устраивалась башенка, на вершинѣ которой, на площадкѣ, пріятно было посидѣть на вечерней прохладѣ. Въ этихъ низкихъ сводчатыхъ домикахъ только спали и отдыхали; вся жизнь проходила на внутреннемъ дворѣ, вокругъ котораго располагались обширныя хозяйственныя помѣщенія. Царскіе сановники и главные жрецы строили себѣ дома большихъ размѣровъ

и подражали въ ихъ архитектурѣ царскимъ дворцамъ.

Слѣдуя дальше по Евфрату, мы скоро видимъ вторую стѣну города, внутреннюю, которая въ старину, въ эпоху Хаммураби была наружной стѣной. Направленіе ея на лѣвомъ берегу Евфрата точно не удалось возстановить; по всей вѣроятности, она подходила къ Евфрату немного выше того мѣста, гдѣ отъ Евфрата отдѣляется каналъ А р а х т у. Стѣна не такая толстая, какъ наружная, но все же очень массивная; она укрѣплена башнями, какъ и наружная стѣна. Послѣ разгрома Вавилона Санхерибомъ она была разрушена; теперь она была возстановлена заново. Каналъ Арахту также былъ очень стариннымъ каналомъ; онъ былъ вырытъ еще до Хаммураби, когда Вавилонъ былъ еще небольшимъ замкомъ вавилонскаго патэси. Вѣроятно, тогда вся территорія Вавилона не простиралась далѣе треугольника, образованнаго Евфратомъ, Арахту и небольшимъ каналомъ, соединяющимъ Арахту съ Евфратомъ; этотъ каналъ былъ въ старину непосредственнымъ продолженіемъ Арахту, прямого же длиннаго продолженія Арахту, соединявшагося во времена Навуходоносора съ Евфратомъ на югѣ, за предѣлами внѣшней городской стѣны, тогда, по всей вѣроятности, не было. Каналы были вырыты отчасти съ цѣлью осушенія мѣстности, отчасти съ цѣлями защиты; они были въ старину довольно глубокими, но очень узкими. Но когда выросла подъ стѣнами Вавилона большая торгово-промышленная слобода, окруженная впослѣдствіи внутренней городской стѣною, Арахту получилъ очень большое значеніе. Царскій дворецъ и храмы, расположенные прямо на берегу Евфрата, загораживали городъ отъ

Евфрата, отъ этой важнѣйшей торговой дороги; между тѣмъ для торговыхъ и промышленныхъ людей было важно имѣть непосредственное сообщеніе съ Евфратомъ. Тогда каналъ Арахту былъ расширенъ и еще болѣе углубленъ, и было вырыто продолженіе его, соединившее его на югѣ съ Евфратомъ. Обновленный Арахту служилъ сразу двумъ цѣлямъ. Во-первыхъ, онъ замѣнялъ Евфратъ для торговой части города; во-вторыхъ, онъ былъ соединенъ съ сѣтью маленькихъ каналовъ, въ которые собиралась вся лишняя влага изъ города. Каналъ Арахту былъ подвергнутъ при Навуходоносорѣ самому тщательному ремонту. Онъ былъ старательно вычищенъ, и откосы его были выложены обожженными кирпичами. По нему свободно двигаются самыя большія грузовыя суда, идущія и съ сѣвера, и съ юга; на югѣ, противъ того мѣста, гдѣ онъ вливается въ Евфратъ, отъ Евфрата отдѣляются два другихъ судоходныхъ канала, одинъ въ богатую промышленную Борсиппу (западный) и другой въ городъ Пикуду (правый). Тутъ же пересѣкаетъ Евфратъ большая сухопутная дорога, «царская дорога», соединявшая Вавилонъ съ южными и юго-восточными областями. Какъ и Евфратъ выше внутренней городской стѣны, Арахту всегда кипитъ жизнью; на его лѣвомъ берегу множество пристаней, на которыхъ идетъ суетливая погрузка и выгрузка купеческихъ судовъ.

Если мы выйдемъ на берегъ Арахту и углубимся въ торговую часть Вавилона, то передъ нами развернется своеобразная и пестрая картина. На улицахъ людно и шумно; лавки и столы торгующихъ расположились прямо подъ открытымъ небомъ, точно всѣ улицы превратились въ одинъ сплошной базаръ. Въ закрытыхъ

мѣщеніяхъ только держатъ товары, продаютъ же къ на открытомъ мѣстѣ. Рядомъ со столами и прилавками купцовъ расположились столы закусочныхъ пивныхъ и винныхъ погребковъ. Необычайно пестрая ѣсь людей всевозможныхъ національностей проходитъ передъ нами. Тутъ и ассиріяне, и дамасскіе купцы,

Вѣсовая гиря.

смуглые арабы, и эламиты, и мрачные сыны Іуды, мидяне, и персы. Вся эта толпа гудитъ, жужжитъ, но пчелиный улей, слышится самая разнообразная чь, самые разнообразные вопросы. Но какъ изъ ѣхъ разнообразныхъ языковъ есть одинъ, который ышится чаще всего, арамейскій языкъ, такъ и среди ѣхъ вопросовъ, волнующихъ вавилонскую толпу, ь одинъ, который царитъ надъ всѣми остальными.

Мина, секель, талантъ—вотъ что слышимъ мы на каждомъ шагу. Деньги, деньги, и деньги! Нужды нѣтъ, что деньги интересующія вавилонскаго купца и его чужеземныхъ собратьевъ, не похожи на наши: это не монеты, а кольца или продолговатые слитки опредѣленнаго вѣса, которыя получатель не пересчитываетъ, какъ у насъ, а перевѣшиваетъ на вѣсахъ, кладя на вѣсы бронзовыя гири въ видѣ лежащихъ львовъ. Дѣло не въ формѣ, а въ сущности: золотыя и серебряныя кольца столь же соблазнительны, столь же сильны, какъ и золотыя и серебряные кружки, называемыя монетами. Власть денегъ царитъ въ Вавилонѣ. Недаромъ авторъ книги Даніила называетъ мину въ числѣ тѣхъ роковыхъ словъ, которыя невидимая рука начертала на стѣнѣ дворца вавилонскаго царя, возвѣщая, что царство Вавилонское «взвѣшено, сосчитано и продано персамъ» точно какое-нибудь имущество *).

Всевозможныя сдѣлки заключаются тутъ же, на улицѣ: всѣ улицы—сплошная биржа. Продажа домовъ и имѣній, продажа товаровъ оптомъ, за наличныя и въ кредитъ, выдача долговыхъ обязательствъ, залоги всякаго рода имущества, наемъ помѣщеній, наемъ рабовъ,—все совершается тутъ на улицѣ. Договорившись, стороны идутъ сейчасъ же къ судьѣ и формально

---

*) Секель вѣсилъ около 4 золотниковъ и стоилъ на наши деньги: серебряный—около 1 руб., золотой—около 20 руб. Мина была различнаго вѣса. Серебряная мина вѣсила 60 секелей и стоила около 50 руб., золотая вѣсила 50 секелей и стоила около 1000 руб. Соотвѣтственно этому, и талантъ также былъ различнаго вѣса: серебряный вѣсилъ 60 серебр. минъ и стоилъ около 3000 руб., а золотой вѣсилъ 60 золотыхъ минъ и стоилъ болѣе 50.000 руб.

закрѣпляютъ сдѣлку. Она пишется на глиняной таблеткѣ, договаривающіяся стороны и свидѣтели прикладываютъ къ ней печати, таблетка запечатывается въ глиняный футляръ и бережно хранится на случай судебнаго дѣла. Изъ чисто денежныхъ операцій чаще всего происходятъ кредитныя операціи. Покупка и продажа часто происходитъ въ кредитъ, или на покупку покупатель занимаетъ деньги. Множество векселей дошло до насъ изъ этой эпохи. Вотъ образецъ векселя: «двадцать пять секелей серебра, принадлежащихъ Белъ-абъ-ерибу, сыну Набу-назира, получить съ Мукинга, сына Набу-абъ-иддина, въ городѣ Борсиппѣ. Онъ уплотитъ въ мѣсяцѣ Ташритѣ. Кута, 11-го Абу, десятый годъ Навуходоносора, царя Вавилона». Процентъ не обозначенъ; когда процентъ не обозначался, это значило, что берутся обычныхъ 20%. А вотъ другой вексель, съ опредѣленіемъ процентовъ и обезпеченіемъ долга: «1 мину серебра, принадлежащую Даинъ-Мардуку, сыну Апла, получить съ Кудуру, сына Экиша-Аплу. Въ годъ нарастаетъ на 1 мину 8 секелей серебра къ его ущербу (т.-е. 13½%); все его имущество въ городѣ и земля, сколько ея есть,—залогъ Даинъ-Мардука. Свидѣтели такіе-то. Вавилонъ, 4 Адара, 6 годъ Навуходоносора, царя Вавилона». Если должникъ не отдавалъ въ назначенный срокъ занятыхъ денегъ, то обыкновенно онъ платилъ пеню: долгъ его возрасталъ на одну треть. При продажѣ въ кредитъ также выдавались расписки, въ которыхъ обозначалось количество товара, и что деньги за нихъ не заплачены. Кромѣ такихъ обычныхъ долговыхъ обязательствъ, были въ большомъ ходу денежные переводы, въ особенности между купцами различныхъ городовъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга

большими разстояніями. Товаръ можно было послать транспортомъ; но какъ уплатить за него деньги? Ѣздить неудобно и дорого; какъ быть? Вавилоняне придумали очень простой способъ для расплаты въ такихъ случаяхъ, способъ, обычно примѣняющійся и у насъ. Если въ городѣ продавца былъ должникъ покупателя, то покупатель не платилъ денегъ за товаръ, а посылалъ продавцу таблетку съ такой надписью: столько-то денегъ, принадлежащихъ такому-то, получить такому-то, съ такого-то. Мы называемъ такіе переводы чеками. Такіе чеки больше всего въ ходу въ банковской практикѣ. Состоятельные люди обыкновенно не держатъ своихъ капиталовъ дома во избѣжаніе покражи, но кладутъ ихъ въ особыя учрежденія—банки, которые пользуются этими деньгами для своихъ операцій и платятъ за это собственникамъ капиталовъ извѣстный процентъ, но обязаны по первому требованію возвращать ихъ обратно. Тѣмъ болѣе необходимо было поступать такъ въ Вавилоніи, гдѣ дома частныхъ лицъ вообще строились очень легко и не покрывались сплошь крышей. Мы знаемъ, что на сбереженіе клали деньги въ храмы, въ особенности въ храмъ Бэла въ Ниппурѣ, въ храмъ Шамаша въ Сиппарѣ и въ храмъ Мардука въ Вавилонѣ. Жрецы этихъ храмовъ хранили капиталы частныхъ лицъ, и при раскопкахъ часто попадаются чеки на эти храмы; капиталы свои жрецы пускали въ оборотъ, ссужая ихъ или скупая на нихъ доходныя имѣнія.

Но во времена Навуходоносора банкирскимъ дѣломъ занимались уже не только жрецы, но и свѣтскіе люди. Въ 685 году, еще при царѣ Санхерибѣ, въ Вавилонѣ образовалась банкирская фирма Эгиби. Она быстро разбогатѣла; дѣламъ ея не повредили даже разгромы

Вавилона при Санхерибѣ и Ассурбанипалѣ: Эгиби брали на откупъ сборъ царскихъ податей, и потому цари пощадили ихъ. Когда ассирійское владычество пало, и Вавилонъ снова сдѣлался міровою столицей, Эгиби получили еще больше доходовъ и выгодъ. Цари вавилонскіе не только оставили за ними откупа на сборы податей, но также отдали имъ на откупъ собираніе пошлинъ на содержаніе каналовъ и дорогъ. Огромный домъ, въ которомъ помѣщался банкирскій домъ Эгиби, возвышался, какъ великанъ, среди маленькихъ домиковъ, его окружавшихъ. Обширный дворъ дома Эгиби, гдѣ всесильный банкиръ принималъ своихъ кліентовъ, отвѣшивалъ на вѣсахъ поступающія и уплачиваемыя деньги, всегда кишѣлъ самыми разнообразными посѣтителями. Тутъ мы могли бы встрѣтить людей всѣхъ состояній: и царскаго оруженосца, и жреца какого-нибудь храма, и довѣреннаго раба какой-нибудь крупной торговой или промышленной фирмы; кромѣ такихъ посѣтителей, приходившихъ по своимъ коммерческимъ дѣламъ, на дворѣ дома Эгиби можно было бы встрѣтить и бѣдно одѣтыхъ людей, простыхъ крестьянъ и ремесленниковъ, приходившихъ уплатить подати или достать нѣсколько секелей для того, чтобы обернуться въ трудную минуту. Эгиби никому не отказываетъ и не брезгуетъ даже самыми мелкими ссудами: всякія деньги родятъ деньги, и изъ грошевыхъ процентовъ могутъ составиться милліонные капиталы. Никто въ точности не зналъ, когда и откуда появились Эгиби въ Вавилонѣ; но ихъ имя, не похожее на обычныя вавилонскія имена, изобличало въ родоначальникѣ этой фамиліи чужеземца. Эгиби похоже на израильское имя Jahakob (Іаковъ); на основаніи этого нѣкоторые ученые полагаютъ, что родоначальни-

комъ Эгиби былъ одинъ изъ сыновъ Израиля, переселенныхъ Саргономъ на берега Евфрата послѣ завоеванія Самаріи. Но во времена Навуходоносора Эгиби ничѣмъ уже не отличались отъ коренныхъ вавилонянъ. Ихъ фирма разбогатѣла и распространила повсюду свои операціи съ необычайной быстротой: въ теченіе какихъ-нибудь ста лѣтъ она обогнала и затмила собою старыя жреческія ссудныя кассы при храмахъ. Кромѣ фирмы Эгиби, при Навуходоносорѣ уже существовала другая свѣтская банкирская фирма: Мурашу и сыновей въ Ниппурѣ. Но это было еще маленькое дѣло, которое развилось и стало соперничать съ Эгиби только сто лѣтъ спустя.

Оставимъ теперь людную и шумную торговую часть города, вернемся къ Арахту и осмотримъ часть города, находящуюся между Арахту и Евфратомъ. Это—древнѣйшая часть города, настоящій вавилонскій кремль. Онъ окруженъ высокими мрачными стѣнами съ огромными башнями. Это—самыя старинныя стѣны города, и носятъ онѣ священныя названія: южная стѣна называется Имгуръ-Бэлъ (т.-е. Бэлъ былъ милосердъ), а сѣверная—Нимитти-Бэлъ (покой Бэла). Это—небольшія стѣны по своему протяженію, но зато онѣ грозно укрѣплены. Послѣ разгрома города Ассурбанипаломъ стѣны были значительно разрушены; Навуходоносоръ отстроилъ ихъ заново, торжественно освятилъ ихъ и произнесъ при этомъ молитву, оканчивавшуюся такими словами: «пусть врагъ (передъ ними) не устоитъ, пусть непріятель (на нихъ) не возстанетъ». Эти стѣны завершали укрѣпленія Вавилона и дѣлали его почти неприступнымъ, такъ что, когда персы взяли Вавилонъ, то это произошло только потому,

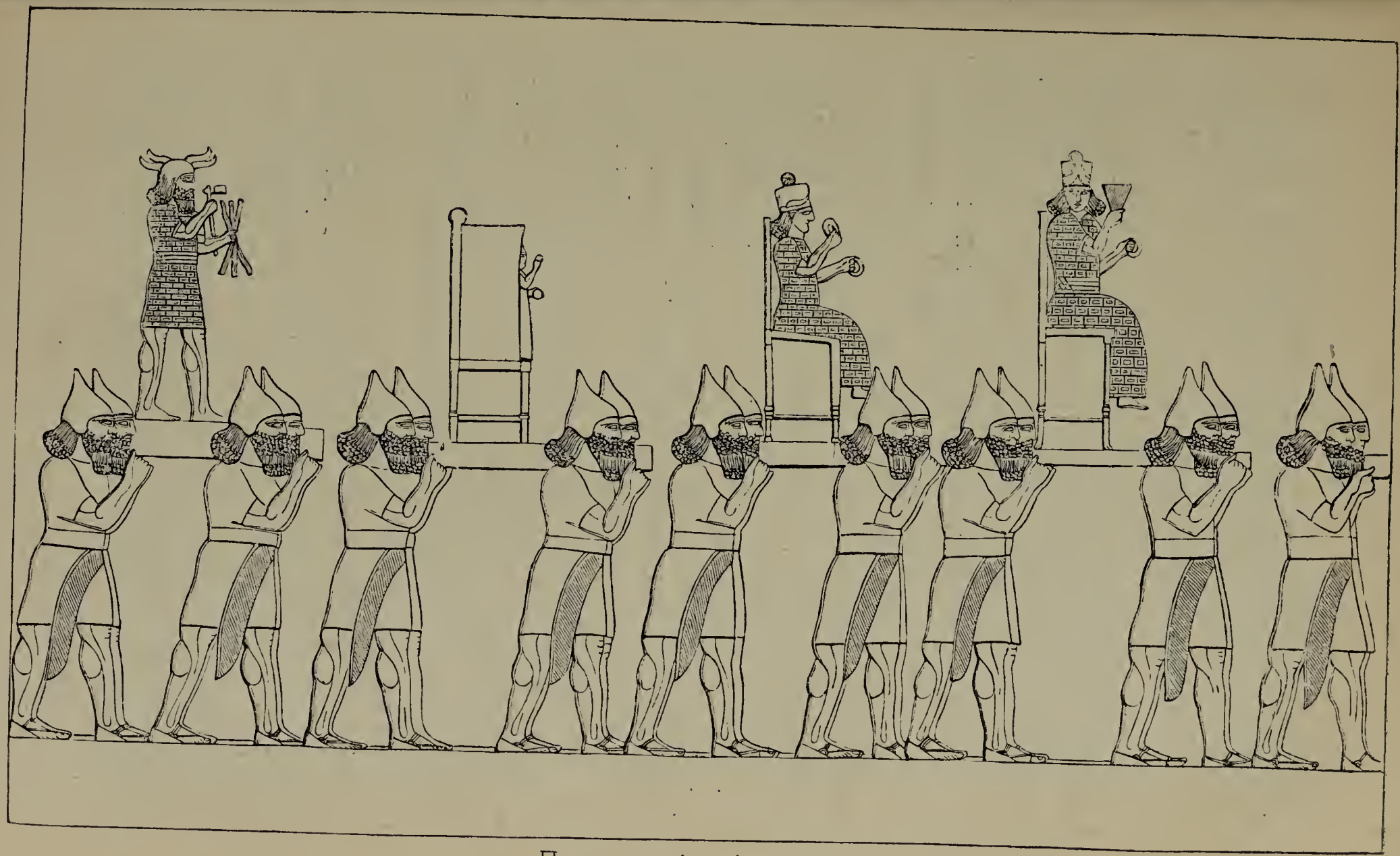
ито въ Вавилонѣ не было войска, которое могло бы его защищать.

За зубцами стѣнъ, окружающихъ вавилонскій кремль, высятся къ небу огромныя зданія. Эти зданія—царскій дворецъ. Онъ состоитъ изъ трехъ палатъ, раздѣленныхъ стѣною; западная его сторона выходитъ прямо на набережную Евфрата. Въ этомъ дворцѣ, точно сдавленномъ его крѣпостными стѣнами, Навуходоносоръ и его семья должны были чувствовать себя какъ въ темницѣ; понятно, что Навуходоносоръ не любилъ этого дворца и выстроилъ себѣ болѣе привѣтливый, украшенный зеленью загородный дворецъ.

Среди покоевъ дворца есть нѣсколько маленькихъ храмовъ; небольшой храмъ, такъ называемый Э-махъ, стоялъ также на небольшой площади между каналомъ Арахту и восточной стѣной дворца. Кромѣ того, за сѣверной стѣной дворца находился еще храмъ, называвшійся «палата судебъ». Но главные храмы Вавилона находились южнѣе царскаго дворца. Ближе къ царскому дворцу стояла ступенчатая башня Этеменанки, а рядомъ съ ней знаменитый храмъ Э-сагила. Эти храмы намъ уже извѣстны; но при Навуходоносорѣ они были отстроены съ необычайной роскошью. Греческій путешественникъ Геродотъ, посѣтившій эти храмы, разсказываетъ, что сидячая статуя Мардука, находившаяся въ тайникѣ храма Э-сагила, была сдѣлана изъ золота, и тронъ, на которомъ сидитъ статуя, былъ также изъ золота; также изъ золота былъ сдѣланъ жертвенникъ для хлѣбовъ и растительныхъ жертвъ, находившійся въ храмѣ передъ тайникомъ, а также два жертвенника для кровавыхъ жертвъ, стоявшіе на дворѣ храма. Геродотъ также описываетъ вышину и убранство

Этеменанки. Онъ говоритъ, что ея вышина равняется на наши мѣры около пятидесяти саженъ; по наружнымъ уступамъ башни шла на верхъ винтовая лѣстница; на четвертомъ ярусѣ были устроены сидѣнья, гдѣ посѣтители могли отдохнуть. Въ верхнемъ ярусѣ находился покой для Бэла; внутри его стояло огромное ложе, богато убранное, а около него золотой жертвенникъ. Жрецы разсказывали Геродоту, что богъ сходитъ сюда отдыхать и спитъ на этомъ ложѣ. Этеменанки и Э-сагила соединялись широкими улицами съ главной вавилонской улицей, называвшейся «улицей процессій». Эта улица называлась такъ, потому что по ней въ праздникъ новаго года устраивалась торжественная процессія боговъ. Статуи всѣхъ боговъ и богинь, жившихъ въ Э-сагила и въ маленькихъ храмахъ, окружавшихъ святилище Мардука, въ торжественной процессіи переносились по этой улицѣ въ палату судебъ. Тамъ боги ожидали прибытія Мардука. На восьмой день новаго года Мардукъ въ торжественной процессіи вмѣстѣ со своей супругой Сарпанитумъ также отправлялся въ палату судебъ. Передъ отправленіемъ приносили символическую жертву: въ чашѣ съ горящими углями сжигали овцу, представлявшую зимнее чудовище Кингу; при этомъ хоръ жрецовъ пѣлъ гимны, въ которыхъ описывалась и прославлялась побѣда Мардука надъ Кингу. Послѣ этого статую Мардука и его супруги ставили на роскошныя золоченыя ладьи и несли по улицѣ процессій въ палату судебъ, куда къ этому времени прибывалъ и самъ царь. Процессія со статуей Мардука двигалась съ пѣніемъ такого гимна:

Возстань, изойди, о Бэлъ, царь ждетъ тебя!
Возстань, изойди, наша Бэлита, царь ждетъ тебя!



Процессія боговъ.

Исходитъ Бэлъ Вавилона, склоняются передъ нимъ страны;
Исходитъ Сарпанитумъ, возжигаютъ благовонныя травы;
Исходитъ Ташметъ, загорается курильница, полная кипарисовъ!
Вокругъ Иштаръ Вавилона звучатъ флейты, громко звучатъ.

Улица процессій, по которой несли Мардука, была украшена подобающимъ образомъ. Она была вымощена огромными каменными плитами, а по сторонамъ ея шли барельефы, изображавшіе священныхъ вавилонскихъ животныхъ: льва, орла, быка, дракона и другихъ; барельефы были сдѣланы такъ же художественно, какъ и эмалевыя изображенія такихъ же животныхъ во дворцѣ Саргона. На порогѣ палаты судебъ встрѣчалъ Мардука самъ царь, и тутъ въ его присутствіи Мардукъ, какъ богъ судебъ, возвѣщалъ судьбы наступающаго года. Мы не знаемъ въ точности, какъ это происходило; по всей вѣроятности, жрецы объявляли именемъ Мардука заранѣе составленныя ими гаданія. На слѣдующій день Мардукъ переходилъ въ «жертвенный домъ», небольшой храмъ, находившійся рядомъ съ палатой судебъ. Тамъ въ теченіе двухъ дней приносили ему нескончаемыя жертвы, а на одиннадцатый день новаго года онъ снова возвращался въ палату судебъ и оттуда въ торжественной процессіи шествовалъ обратно въ Э-сагила.

Гаданія жрецы производили тѣми же самыми старинными способами, какіе примѣняли ихъ сумерійскіе собратья. Наука гаданій осталась неизмѣнной; но не осталась неизмѣнной наука о небесныхъ свѣтилахъ, на основаніи которой производились главныя гаданія. Старинныя таблетки, на которыхъ были записаны первыя наблюденія ниппурскихъ жрецовъ надъ небомъ, бережно

хранятся въ библіотекѣ Э-сагила: онѣ дороги жрецамъ, какъ первая путеводная нить, которая привела ихъ къ новымъ познаніямъ. Теперь жрецы знаютъ не только солнце, луну и пять планетъ, но также многія созвѣздія; въ особенности ихъ интересуютъ и хорошо имъ извѣстны тѣ созвѣздія, по которымъ совершаетъ свой годовой кругъ солнце. Теперь они замѣтили, что даже самыя страшныя небесныя явленія, солнечныя и лунныя затменія, происходятъ не случайно, а правильно черезъ опредѣленные промежутки времени. Они даже пытались предсказывать эти явленія; правда, они не могли предсказать наступленіе ихъ съ полной точностью, но ошибались теперь всего только на три-четыре дня. Напримѣръ, въ одномъ документѣ лунное затменіе назначается на срокъ между 12 и 16 числомъ мѣсяца Абу. Во время затменій жрецы производили теперь подробныя наблюденія и придавали теперь значеніе уже не самому факту затменія, а разнаго рода примѣтамъ, сопровождающимъ его: съ какой стороны начнетъ заходить тѣнь на солнце или луну, какое положеніе занимаютъ различныя планеты по отношенію къ солнцу или лунѣ во время затменія, въ какой изъ предполагаемыхъ дней произойдетъ затменіе, и будетъ ли оно полное или частичное. Жрецы замѣтили также, что движеніе планетъ по небу также совершается правильно, что такія планеты, какъ Марсъ или Юпитеръ, появляются на небѣ черезъ опредѣленные промежутки времени; они пробовали даже замѣтить созвѣздія, по которымъ различныя планеты совершаютъ свой путь. Стараясь замѣтить эти созвѣздія, они увидали, что это тѣ же самыя созвѣздія зодіака, по которымъ совершаютъ свой путь солнце и луна. Въ календарѣ они остались при прежнихъ

разсчетахъ: въ мѣсяцѣ по прежнему считали тридцать дней, такъ что приходилось время-отъ-времени вставлять добавочный мѣсяцъ, а сутки по прежнему раздѣляли на двѣнадцать двойныхъ часовъ.

Всѣ эти новыя астрономическія познанія заставили жрецовъ измѣнить свои представленія о небесномъ мірѣ и о небесныхъ богахъ. Они теперь уже не отождествляли такъ наивно опредѣленныхъ боговъ съ опредѣленными планетами, какъ дѣлали это 2000 лѣтъ тому назадъ. Они теперь уже не говорятъ, что каждый богъ живетъ на своей опредѣленной планетѣ. Правда, боги живутъ на небѣ и у каждаго бога тамъ есть свое жилище. Посреди великаго небеснаго океана тянется кольцомъ великая небесная плотина (schupuk schamê)—это тотъ поясъ созвѣздія Зодіака, по которому движутся семь великихъ небесныхъ свѣтилъ. Тамъ находится настоящая Э-сагила, настоящій Экуръ, настоящій Тигръ и Евфратъ, настоящій Вавилонъ; земля—только блѣдная копія неба, и земные города, храмы и рѣки—только кривыя отраженія небесныхъ. Но планеты—это не сами боги, а лишь толкователи божественной воли. Каждый богъ открываетъ свою волю черезъ ту или другую звѣзду, судя по ея положенію на небѣ. Напримѣръ, если планета Юпитеръ (мы употребляемъ для ясности латинскія названія) стоитъ низко на горизонтѣ, то она принадлежитъ богу Нэбо. Если она черезъ нѣсколько часовъ поднимется высоко, то она станетъ звѣздою Мардука; если она стоитъ въ зенитѣ, то она будетъ звѣздою Нибиру (т.-е. бога небеснаго зенита). Также и другія планеты, судя по ихъ положенію на небѣ, открываютъ волю то одного, то другого бога. Жрецы думали теперь, что по движеніямъ небесныхъ

свѣтилъ можно узнавать волю не только старинныхъ семи небесныхъ боговъ, но также и другихъ боговъ.

Знаки зодіака и планеты (рельефъ римской эпохи).

всѣ боги живутъ на небѣ; на небѣ можно указать пути ну, Бэла и Эа и узнать волю ихъ и другихъ боговъ. сли всѣ боги живутъ на небѣ, то, значитъ, и всѣ тѣ обытія въ жизни боговъ, о которыхъ разсказывали

старинныя священныя сказанія, также должны были происходить на небѣ. Поэтому жрецы, наблюдая сочетанія звѣздъ и планетъ, старались найти въ ихъ движеніяхъ и сочетаніяхъ изображенія этихъ событій. Въ особенности интересовались они сказаніемъ о борьбѣ Мардука съ Тіаматъ. Они говорили, что двѣнадцать чудовищъ, окружающихъ Тіаматъ—это двѣнадцать созвѣздій зодіака, расположенныхъ посреди небесной морской бездны; черезъ ихъ тѣла побѣдоносно шагаетъ Мардукъ-солнце. Они старались также найти на небѣ, объясненіе и всѣхъ другихъ миѳовъ о богахъ. Эти новыя воззрѣнія отразились также и въ литературѣ. Старыя поэмы о сотвореніи міра и о Гильгамешѣ были теперь пересмотрѣны и исправлены такъ, чтобы въ нихъ ясно было, что дѣло происходитъ не на землѣ, а на небѣ. Въ особенности большимъ передѣлкамъ была подвергнута поэма о Гильгамешѣ. Ее раздѣлили на двѣнадцать частей, по числу двѣнадцати созвѣздій зодіака; Гильгамешъ долженъ былъ изображать солнце, и его похожденія были распредѣлены на двѣнадцать частей такъ, чтобы каждая часть соотвѣтствовала опредѣленному созвѣздію зодіака. Напримѣръ, та часть, въ которой описывается сраженіе Гильгамеша съ чудовищнымъ быкомъ, должна была соотвѣтствовать созвѣздію Тельца; та часть, гдѣ описывается любовь Иштаръ къ Гильгамешу, должна была соотвѣтствовать созвѣздію Дѣвы; та часть, гдѣ описывается встрѣча Гильгамеша съ людьми-скорпіонами, соотвѣтствуетъ созвѣздію Скорпіона; та часть, гдѣ Утъ-Напиштимъ разсказываетъ Гильгамешу о потопѣ, соотвѣтствуетъ созвѣздію Водолея *).

*) Наши названія созвѣздій зодіака, а также планетъ—римскія, но римляне заимствовали ихъ, черезъ грековъ, изъ

Среди жрецовъ Э-сагила мы встрѣтимъ немало ихъ учениковъ, изучившихъ подъ ихъ руководствомъ священную науку. Среди этихъ учениковъ мы встрѣтимъ и будущихъ властителей Вавилона—персовъ. Великому городу суждено было скоро снова стать добычей чужеземцевъ. Владычество мидянъ на сѣверѣ Месопотаміи было предвѣстникомъ грядущаго владычества персовъ. Послѣ смерти Навуходоносора недолго продолжалось самостоятельное существованіе Вавилона. Киръ, царь персидскій, завоевывалъ одно за другимъ сѣверныя царства, Лидію, остальную Малую Азію и Ассирію. Въ 539 г. войска Кира вступили въ Вавилонію. Вавилонскимъ царемъ былъ въ это время Набонедъ. Однѣми своими силами онъ не могъ защититься противъ огромной арміи Кира. Одинъ за другимъ Киръ занималъ вавилонскіе города. Были взяты: Описъ, Аккадъ и Сиппаръ; войско Набонеда было разбито на голову военоначальникомъ Кира, Гобріемъ, и Набонедъ долженъ былъ спасаться бѣгствомъ. Лишенный войска, Вавилонъ не могъ защищаться и, не желая безполезнымъ сопротивленіемъ раздражать побѣдителя, открылъ ему ворота. Умный Киръ, однако, понималъ огромное значеніе міроваго города и не только не разрушилъ его, но призналъ его боговъ и сдѣлалъ его своей столицей. Въ манифестѣ, изданномъ по случаю сдачи Вавилона, Киръ такъ описываетъ это событіе: «Когда я мирно вошелъ въ Вавилонъ, и при ликованіяхъ и веселіи во дворцѣ царей занялъ царское жилище, Мардукъ, великій владыка, склонилъ ко мнѣ благородное сердце жителей Вавилона за то, что я ежедневно помышлялъ о его почитаніи. Мои много-

---

Вавилоніи. Изъ Вавилоніи же перешли въ Европу и символическія изображенія созвѣздій зодіака и другихъ.

численныя войска мирно вступили въ Вавилонъ. Во весь Сумеръ и Аккадъ я не допустилъ врага. Забота о внутреннихъ дѣлахъ Вавилона и всѣхъ его святилищахъ тронула меня, и жители Вавилона нашли исполненіе своихъ желаній, и безчестное иго было съ нихъ снято. Я отвратилъ разрушеніе ихъ жилищъ и устранилъ ихъ паденіе. Моимъ благословеннымъ дѣяніямъ возрадовался Мардукъ, великій владыка, и благословилъ меня, Кира, царя, чтущаго его, и Камбиза, моего сына, и все мое войско милостью, когда мы искренно и радостно величали его возвышенное божество».

Такъ съ паденіемъ халдейскаго царства Вавилонъ еще не сказалъ своего послѣдняго слова. Подъ властью персидскихъ царей Вавилону суждено было сказать это слово. Оно началось съ того, что Вавилонъ побѣдилъ своихъ побѣдителей; персы переняли у вавилонянъ ихъ письмо, переняли всѣ ихъ законы, всѣ ихъ юридическія формулы, всѣ ихъ правила о заключеніи всевозможныхъ сдѣлокъ. По вавилонскому образцу стали заключаться условія и контракты всякаго рода и въ Сузѣ и Экбатанѣ и въ Персеполѣ; документы банкирскихъ домовъ Эгиби и Мурашу по прежнему повсюду имѣли ту же цѣнность, а ихъ ловкія сѣти раскинулись еще шире, чѣмъ раньше. Новые великолѣпные дворцы, построенные персидскими царями въ ихъ столицахъ, строились по плану ассирійскихъ и вавилонскихъ дворцовъ и украшались вавилонскими художниками въ томъ же стилѣ, въ какомъ украшались дворцы на берегахъ Тигра и Евфрата. Вмѣстѣ съ поклоненіемъ вавилонскимъ богамъ персидскіе цари прониклись уваженіемъ также и къ священной наукѣ гаданій; въ особенности высоко стали они цѣнить науку гаданій по

небеснымъ свѣтиламъ. Подъ покровительствомъ персидскихъ царей жрецы-звѣздочеты двинули еще дальше астрономическую науку. Въ астрономическихъ таблицахъ персидской эпохи есть уже сложныя математическія вычисленія, и когда на Востокъ явились греки, опередившіе въ другихъ наукахъ вавилонянъ, астрономіи они должны были учиться у вавилонскихъ астрономовъ.

Паденіе Вавилона началось тогда, когда персидскій царь Дарій приказалъ выкопать каналъ, соединившій Красное море со Средиземнымъ. Съ тѣхъ поръ, говоритъ Дарій: «корабли поплыли по каналу изъ Египта въ Персію, какъ и была моя воля». Караванная дорога изъ Персіи въ Египетъ, шедшая черезъ Вавилонъ, заглохла, а вмѣстѣ съ тѣмъ стала падать и вавилонская торговля. Это было приблизительно за 450 лѣтъ до Р. Х. Сынъ Дарія, Ксерксъ, уже только въ началѣ своего царствованія называлъ себя царемъ Вавилона; потомъ онъ называетъ себя только царемъ странъ. Новый и послѣдній ударъ Вавилону былъ нанесенъ завоеваніемъ персидскаго царства греческимъ царемъ Александромъ. Съ тѣхъ поръ вавилонская промышленность быстро чахнетъ: ея издѣліямъ трудно было соперничать съ греческими издѣліями Аѳинъ и Коринѳа, а потомъ Александріи. Великій городъ сталъ пустѣть и разрушаться, но слава его не скоро еще потускнѣла. Даже тогда, когда около Р. Х. Вавилонъ превратился въ маленькую, полуразвалившуюся деревню, слава его продолжала гремѣть по свѣту. Ее разносили «халдеи», вавилонскіе гадатели и астрологи, разошедшіеся изъ Вавилоніи по всему тогдашнему культурному міру. Ее чувствовали и понимали греческіе ученые, знако-

мившіеся въ Александріи съ великими научными заслугами и таинственными сказаніями вавилонянъ. Эта слава наивно, но ярко выразилась въ библейскомъ сказаніи о построеніи вавилонской башни: хотѣли ея строители построить ее вышиною до небесъ и стать равными богамъ. И вмѣстѣ съ этимъ сказаніемъ эта слава распространилась по всему свѣту и докатилась до нашихъ дней. Мы знаемъ ее теперь не только изъ этого наивнаго сказанія, но изъ словъ и дѣлъ самихъ вавилонянъ и понимаемъ весь глубокій смыслъ великаго римскаго изреченія, въ которомъ выразилось все благоговѣніе греко-римской культуры передъ великой восточною учительницей: съ Востока свѣтъ!

КАРТА
Древней Вавилоніи и смежныхъ странъ.

РИСУНКИ.

Стр.

1. Арабская хижина въ Месопотаміи 17
2. Остатки древнѣйшей постройки въ Телло 20
3. Куюнджикъ 26
4. Эль-Касръ 36
5. Развалины храма въ Урѣ 38
6. Курганы въ Нуффарѣ 42
7. Развалины храма Бэла въ Ниппурѣ. 44
8. Таблетка изъ Ширпурлы 47
9. Г. Гротефендъ 51
10. Египетская ваза Ксеркса 55
11. Г. Раулинсонъ 57
12. Бегистунская скала 59
13. Таблетка, объясняющая значеніе сумерійскихъ идеограммъ 61
14. Видъ въ Месопотаміи во время наводненія 67
15. Старинный кирпичъ, формованный отъ руки 81
16. Фигурка съ таблеткой, закладывавшаяся въ фундаментъ 83
17. Древняя ваза изъ Ширпурлы 85
18. Патэси Гудеа 87
19. Неизвѣстный старинный патэси Ширпурлы 89
20. Египетская кладовая 93
21. Колесница, запряженная четырьмя ослами; за ней бѣгутъ слуги 99
22. Волы (ассир. рельефъ) 103
23. Ур-нина и его свита 110
24. Знатная сумерійская женщина 112
25. Львы нападаютъ на лодку 117
26. Встрѣча царя Киша съ патэси Ширпурлы 119

Стр.
27—28. Стэла коршуновъ . . . . . 122—123
29. Старинный патэси приноситъ возліяніе богинѣ 128
30. Гербъ Ширпурлы 129
31. Богиня Эрешкигаль 131
32. Комната для богатаго покойника 137
33. Сумерійскій гробъ 140
34. Внутренность сумерійскаго гроба 141
35. Бѣсъ юго-западнаго вѣтра 147
36—37. Таблетка, изображающая смерть и адскихъ духовъ . . . . . 150—151
38. Амулетъ, изображающій бѣса 153
39. Ниппуръ и храмъ Энлиля 161
40. Старинное изображеніе зиккурата 165
41. Энлиль и Инлиль 167
42. Символическія изображенія небесныхъ и другихъ боговъ 182
43. Изображенія небесныхъ свѣтилъ на межевомъ камнѣ . 188
44. Планъ мірозданія по представленію вавилонянъ . . . 189
45. Форма цилиндра-печати 192
46. Оттискъ печати изъ Ширпурлы 193
47. Вѣсъ (½ мины) эпохи Гудеа 199
48. Маништусу 203
49. Нарамсинъ 205
50. Статуя въ память побѣды Нарамсина надъ лулубеями . 207
51. Глиняная печать со слѣдами узловъ и веревокъ 208
52. Царь Хаммураби 221
53. Камень съ записью законовъ Хаммураби 232
54. Клятва передъ богомъ Шамашемъ въ его храмѣ въ Сиппарѣ. 240
55. Мардукъ въ видѣ царя (у ногъ его Тіаматъ) 251
56. Бой Мардука съ Тіаматъ 255
57. Мардукъ и Тіаматъ (ассир. рельефъ) 262
58. Иштаръ, богиня плодородія 267
59. Сраженіе Гильгамеша со львомъ 273
60. Гильгамешъ съ убитымъ львомъ (ассир. рельефъ) . . . 278
61. Люди-скорпіоны 279
62. Древо жизни, охраняемое геніями 282

Стр.
63. Хеттскій воинъ 293
64. Голова ассиріянина 303
65. Вепри въ заросляхъ тростника 305
66 Знамя Ассура 308
67. Иштаръ-воительница 309
68. Городъ и скала Ванъ 319
69. Ассирійскія колесницы 323
70. Ассирійская конница 324
71. Ассирійское войско въ походѣ въ горной мѣстности . 325
72. Ассирійскій укрѣпленный лагерь 335
73 Осада ассиріянами и расправа съ побѣжденными . . . 337
74. Обелискъ Салманассара 341
75. Флотъ Санхериба 343
76. Ассирійскій жрецъ 348
77 Жертвоприношеніе Ассурназирпала 349
78. Ассирійскій домашній богъ 353
79. Перевозка крылатаго быка 359
80. Геній древа жизни 361
81. Охота Ассурназирпала на львовъ 365
82. Главныя ворота Дуръ-Шарукина 371
83. Крылатый быкъ 375
84. Дуръ-Шарукинъ . . . . . 376—377
85. Эмалевыя изображенія на стѣнѣ у царской спальни . 382
86. Изображеніе царя (передъ нимъ жертвенникъ) 383
87. Знатная ассирійская дама 387
88. Предположительный планъ Вавилона 405
89. Гребни изъ слоновой кости 411
90. Вилка и ложка, найденныя въ развалинахъ Дуръ-Шарукина 413
91. Вѣсовая гиря 417
92. Процессія боговъ 425
93. Знаки зодіака и планеты (рельефъ римской эпохи) . . 429
Карта древней Вавилоніи и смежныхъ странъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
I.	Древній Вавилонъ и современная культура	1
II.	Курганы Месопотаміи	13
III.	Клинообразныя надписи и ихъ прочтеніе	46
IV.	Природа и люди Сеннаара	63
V	Ширпурла	78
VI.	Патэси, его дворъ и хозяйство	96
VII.	Патэси и его царь	114
VIII.	Боги-предки	127
IX.	Духи	143
X.	Святой Ниппуръ	160
XI.	Наука о небесныхъ свѣтилахъ	172
XII.	Объединеніе Сеннаара	191
XIII.	Возвышеніе Вавилона	213
XIV.	Древнее Вавилонское царство	223
XV.	Мардукъ, царь Вавилона	243
XVI.	Тайна жизни и смерти	265
XVII.	Вавилонъ въ сѣтяхъ Диббарры	289
XVIII.	Ассуръ и его страна	299
XIX.	Войны ассиріянъ	315
XX.	Калахъ	347
XXI.	Дуръ-Шаркинъ и Ниневія	367
XXII.	Вавилонъ подъ властью Ассиріи	392
XXIII.	Послѣднее слово Вавилона	404
	Библіографія	I—II

БИБЛІОГРАФІЯ.

Общіе труды, излагающіе политическую исторію и болѣе или менѣе затрогивающіе частные вопросы послѣдующихъ рубрикъ. Hommel, Geschichte Babyloniens und Assyriens, Berlin, 1885. Tiele, Babylonisch-assyrische Geschichte, Gotha, 1886; Winckler, Geschichte Babyloniens und Assyriens, Leipzig, 1892. (Всѣ три работы въ частяхъ, касающихся періода до Хаммураби, значительно устарѣли.) Ed. Meyer, Geschichte des Altertums, II. Aufl., I. Band, II. Hälfte, Stuttgart und Berlin, 1909. Hommel, Grundriss der Geographie und Geschichte des alten Orients, I (очень рискованная книга по выводамъ), King, A History of Babylonia and Assyria, I, A History of Sumer and Akkad, London, 1910; Ed. Meyer, Sumerier und Semiten, Berlin, 1906; Maspero, Histoire ancienne des peuples de l'Orient Classique, 3 vol., Paris, 1895; Тураевъ, Исторія Древняго Востока, 2 части, СПБ., 1911—1912. Випперъ, Древній Востокъ и эгейская культура, Москва, 1913.

Археологія. Общій очеркъ: Hilprecht, Die Ausgrabungen in Assyrien und Babylonien, I. Teil (доведена до раскопокъ Рассама въ 1882 году), Leipzig, 1904; Botta, Monuments de Ninive, 5 vol., Paris, 1849—1851; Layard, Ninive and its remains, 2 vol., London, 1849; популярное изданіе той же книги—London, 1852; Oppert, Expèdition scientifique en Mesopotamie, 2 vol., Paris, 1859 и 1863; de Sarzec et L. Heyzey, Découvertes en Chaldée, Paris, 1884—1906; Hilprecht, Die Ausgrabungen der Universität von Pennsylvania im Bêl-Tempel zu Nippur, Leipzig, 1903; Heuzey, Une villa royale chaldéenne vers l'an 4000 avant notre ère, Paris, 1900; Heuzey et Thureau-Dangin, Restitution materielle de la Stèle des Vautours, Paris, 1909; Weissbach, Das Stadtbild von Babylon, Leipzig, 1904 (изъ серіи Der alte Orient); М. В. Никольскій, Халдейскій вѣсъ эпохи Гудеа («Древности Восточныя», т. I, вып. I, Москва, 1889); М. В. Никольскій, Клинообразныя надписи Закавказья («Матеріалы по археологіи Кавказа», т. V); Лихачевъ, Древнѣйшія буллы и печати Ширпурлы, СПБ., 1907.

Тексты. Messerschmidt, Die Entzifferung der Klilschrift, Leipzig, 1910 (изъ серіи Der A. O.); de-Genouillac, Tablettes sumeriennes archaïques, materiaux pour servir à l'histoire de la société sumérienne, Paris, 1909; Thureau-Dangin, Les inscriptions de Sumer et d'Akkad, Paris, 1905; М. В. Никольскій. Документы хозяйственной отчетности древнѣйшей эпохи Халдеи, СПБ., 1908 («Древности Восточныя», III, 2); King, Letters and inscriptions of Hammurabi, 3 vol., London, 1900; Friedrich, Altbabylonische Urkunde aus Sippara; Knudzon, Die El-Amarna Tafeln, выпусками съ 1907 года; Keilinschriftliche Bibliothek, изд. E. Schrader (юридическіе памятники, царскія надписи, поэмы и религіозные тексты); Dhorme, Choix de textes religieux assyrobabyloniens, Paris, 1907.

Соціальныя отношенія и право: De-Genouillac, op. cit., М. В. Никольскій, op. cit.; Legrain, Le temps des rois d'Ur, recherches sur la societé antique, Paris,

1912 (Biblioth. de l'école des hautes études, fasc. 199); Cuq, Essai sur l'organisation judiciare de la Chaldée, Paris, 1910; Meissner, Aus dem altbabylonischen Recht, Leipzig, 1905 (серія D. A. O.); Kohler-Reiser-Ungnad, Hammurabi's Gesetz, 4 Bände, 1904 — 1910; Winckler, Die Gesetze Hammurabis im Umschrift und Übersetzung, Leipzig, 1904; Müller, Die Gesetze Hammurabis und ihr Verhältnis zur mosaischen Gestetzgebung sowie zu den XII Tafeln, Wien, 1903; Delitzch, Handel und Wandel in Altbabylonien, Stuttgart, 1910.

Религія. Jastrow, Die Religion Babyloniens und Assyriens, 2 Bände, 1905—1913; Winckler, Die babylonische Weltschöpfung, Leipzig, 1906 (серія D. A. O.); Jeremias, Hölle und Paradies bei den Babylonier, Leipzig, 1903 (серія D. A. O.); Frank, Bilder und Symbole babylonisch-assyrischen Götter, Leipzig, 1906; Zimmern, Babylonische Hymnen und Gebete, Leipzig, 1905 (серія D. A. O.); Robertson-Smith, Die Religion der Semiten (авторизованный переводъ), Freiburg, 1899; Jeremias, Monotheistische Strömungen innerhalb der babylonischen Religion, Leipzig, 1904.

Литература. Weber, Die Litteratur der Babylonier und Assyrer, Leipzig, 1907; Schneider, Die Entwiecklung des Gilgameschepos (Leipz. Semit. Stud., V, 1), Leipzig, 1909.

Наука. Jensen, Die Kosmologie der Babylonier, Strassburg, 1890; Epping und Strassmaier, Astronomisches aus Babylon, Freiburg, 1889; Winckler, Himmels-und Weltenbild der Babylonier, Leipzig, 1903 (серія D. A. O., крайне рискована по выводамъ); Bezold, Astronomie, Himmelsschau und Astrallehre bei den Babyloniern, Heidelberg, 1911; Kugler, Sternkunde und Sterndinst in Babel, вышло 2 тома, Münster, 1907 и 1909.

Вавилонское вліяніе. Delitzsch, Babel und Bibel, I Aufl., Berlin, 1903. Крайніе панвавилонисты:

Stucken, Astralmythen der Babilonier, Hebrüer u s. w. Leipzig, 1896—1907.

Winckler, Die Babylonische Geisteskultur, Leipzig, 1907 (изъ серіи Wissenschaft und Bildung, печатается рус. перев.), Winckler, Der alte Orient und die Bibel, Leipzig, 1906; и др. произведенія того же автора; Jensen, Der Gilgameschepos in Weltlitteratur, Strassburg, 1906; Jeremias, Das alte Testament im Lichte bes Alten Orients, II. Aufl., Leipzig, 1906; Jeremias, Babylonisches im Neuen Testament, Leipzig, 1906; Eb. Schrader, Die Keilinschriften und das Alte Testament, III. Aufl. neu bearb. von. Zimmern und Winckler, Berlin, 1903. Умѣренная оцѣнка: Gunkel, Schöpfung und Chaos in Urzeit und Endzeit, Göttingen, 1895; Benzinger, Hebräische Archäologie, II. Auflage, Tübingen, 1905.

Кромѣ указанныхъ отдѣльныхъ работъ, см. по всѣмъ вопросамъ множество чрезвычайно цѣнныхъ статей въ Altorientalische Forschungen Winckler'a, а также въ журналахъ: Beiträge zur Assyriologie und vergliechenden semitischen Sprachwissenschaft, Zeitschrift für Assyriologie, Orientalistische Literaturzeitung, Babyloniaca, Revue d'Assyriologie и др.

Изданія Т-ва „МІРЪ“ въ Москвѣ.

Д. А. Жариновъ и Н. М. Никольскій.

БЫЛОЕ ВОКРУГЪ НАСЪ.

Книга для чтенія по русской исторіи. Со 110 рисунками и 6 картами и планами.

Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе. Предисловіе. Нашимъ читателямъ. Лѣсъ, поле и рѣка. Старинные жители нашего края. Переселенцы съ Днѣпра. Ростовъ и Новгородъ. Княжескій городъ Суздальской Руси. Монастырь Суздальской Руси. Татарское иго. Возвышеніе Москвы. Города сторожевой границы. Царь Иванъ Грозный. Опричнина. Начало смутнаго времени. Продолженіе и конецъ смуты. Соборное Уложеніе и прикрѣпленіе сословій. Начало раскола. Дѣтство Петра Великаго. Великая Сѣверная война и реформы Петра. Преемники Петра. Екатерина II и ея реформы. Войны Екатерины. Дворянская усадьба XVIII в. Крестьянскія волненія и Пугачевскій бунтъ. Наука и просвѣщеніе въ XVIII в. Отечественная война. Военныя поселенія и декабристы. Имп. Николай I. Освобожденіе крестьянъ. Земство и новый судъ. Русско-турецкая война. Москва прежде и теперь.

Изъ предисловія.

«Преподаваніе элементарнаго курса русской исторіи поставлено въ очень трудныя условія въ сравненіи съ преподаваніемъ элементарнаго курса природовѣдѣнія и отчасти географіи. Преподаватели всѣхъ трехъ предметовъ имѣютъ дѣло съ одинаково юнымъ, нѣжнымъ возрастомъ, живымъ и впечатлительнымъ, не привыкшимъ къ абстракціямъ, но жаждущимъ конкретнаго матеріала... И природовѣдѣніе и географія имѣютъ дѣло съ настоящимъ, съ тѣмъ, что есть и живетъ. Напротивъ, преподаватель элементарнаго курса исторіи имѣетъ дѣло съ прошлымъ, и въ этомъ вся невыгода его положенія. Весь иллюстрированный матеріалъ, какой онъ можетъ предложить, не въ силахъ воскресить и оживить прошедшее...

Составители настоящей книги для чтенія стремились уменьшить невыгодныя стороны преподаванія элементарнаго курса исторіи, слѣдуя, если такъ можно выразиться, **экскурсіонно-ретроспективному методу.** Они старались найти осязательные и по возможности характерные остатки старины и, исходя изъ нихъ, дать въ отдѣльныхъ очеркахъ изложеніе всей русской исторіи. Имъ казалось, что уцѣлѣвшіе остатки старины могутъ до извѣстной степени замѣнить въ преподаваніи элементарнаго курса исторіи тѣ живые экземпляры или препараты животныхъ и растеній, какими оперируетъ на своихъ урокахъ преподаватель природовѣдѣнія. При такомъ методѣ преподаватель исторіи получитъ возможность основывать свое преподаваніе не только на научныхъ выводахъ, но и на подлинномъ вещественномъ матеріалѣ, при наличіи котораго и научные выводы перестанутъ быть сухими безжизненными формулами, но будутъ сами собою съ очевидною наглядностью вытекать изъ предложеннаго матеріала...

Рисунки въ книгѣ подобраны съ такимъ расчетомъ, чтобы служить ея главной цѣли: **восходить отъ обломковъ старины къ старинѣ въ цѣломъ...** Особое вниманіе пришлось обратить на составленіе картъ и плановъ.

Изданія Т-ва „МІРЪ“ въ Москвѣ.

Н. Никольскій.

ДРЕВНІЙ ИЗРАИЛЬ.

Популярные очерки по исторіи евреевъ въ научномъ освѣщеніи.
Съ 62 рисунками, географическою картою и планомъ древняго Іерусалима.

Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе. Отъ составителя. I. Почему надо знать исторію Израиля. II. Палестина и ея старинные обитатели. III. Израильтяне въ пустынѣ. IV. Израильтяне завоевываютъ землю Ханаанскую. V. Судьи. VI. Царь Давидъ. VII Древній Іерусалимъ. VIII. Жизнь Израиля послѣ Соломона. IX. Пророки. X. Гибель Іуды. XI. Литература и наука въ древнемъ Израилѣ. XII. На рѣкахъ вавилонскихъ. XIII. Езра и Неемія. XIV. Законъ и жизнь. XV. Маккавеи. XVI. Іудея въ эпоху Іисуса. XVII. Конецъ Сіона.

Изъ отзывовъ печати: «**Талантливый авторъ** этой прекрасной книжки ставитъ своею цѣлью дать широкую популяризацію исторіи Израиля въ научномъ освѣщеніи, свободномъ отъ какихъ бы то ни было конфессіональныхъ тенденцій. Книга представляетъ изъ себя рядъ отдѣльныхъ очерковъ, изложенныхъ на основаніи новѣйшихъ матеріаловъ, добытыхъ новѣйшими открытіями, освѣщенные строго-научной критикой... Всякій, интересующійся Библіей и ея исторіей, найдетъ въ книгѣ Н. Никольскаго **массу совершенно новыхъ фактовъ и идей**, проливающихъ яркій свѣтъ на тотъ самый періодъ всемірной исторіи, котораго научная мысль долгое время едва касалась...» «*Русское Слово*», 23 февр. 1912 г.

«Цѣль и назначеніе настоящей книги очень полезны и значительны... Книжка Никольскаго стремится удовлетворить потребности такъ называемой широкой публики... **Никольскій не только хорошо знакомъ съ существующей критической литературой по этому вопросу, но и самъ умѣетъ критически разобраться въ данныхъ «первоначальнаго источника...** Написана она очень **живымъ и легкимъ языкомъ**». «*Кіевская Почта*», 17 іюля 1911 г.

«Самой цѣнной стороной работы г. Никольскаго является его **стремленіе освободить древнюю исторію Израиля изъ-подъ власти вѣроисповѣдныхъ догмъ...** Въ кругу читателей съ болѣе независимыми взглядами такая исторія должна возбудить живѣйшій интересъ... **Новые выводы, установленные западной наукой, выступаютъ тутъ во всей своей неотразимой силѣ...**» «*Русскія Вѣдомости*», 20 сентября 1911 г.

«Авторъ Древняго Израиля» избралъ для изложенія библейскаго періода еврейской исторіи форму отдѣльныхъ, но внутренне связанныхъ историческихъ этюдовъ. **Въ рядѣ живо и ярко написанныхъ очерковъ** г. Никольскій рисуетъ еврейскую исторію отъ древнѣйшихъ временъ до взятія Іерусалима римлянами, **соединяя увлекательность изложенія съ совершенной научностью содержанія и широту нарисованной картины съ единствомъ и послѣдовательностью плана**, благодаря чему **книга отъ начала до конца читается съ неослабѣвающимъ интересомъ...** Рисунки очень интересны... Издана книга хорошо...» «*Разсвѣтъ*», 17 іюля 1911 г.

Главная контора изданій Т-ва «МІРЪ»: Москва, Знаменка, 9.
Отдѣленія: С. Петербургъ, Невскій, 55. **Кіевъ**, Кузнечная, 14. **Харьковъ**, Валеріановская, 82. **Одесса**, Екатерининская, 35.

Т-ВО СКОРОПЕЧ А. А. ЛЕВЕНСОНЪ МОСКВА

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 082080588